

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
ЗОЛОТОЕ
ЛЕТО

Annotation

Заключительная часть популярной тетралогии Галины Гончаровой. Читатели наконец-то узнают финал истории!

Чаши весов качаются, а равновесие никак не наступает. Где же оно? В Русину пришло теплое, солнечное и золотое лето, а вот мира и покоя на земле нет. И продолжает литься кровь, и продолжают греметь орудия. В гражданской войне жизнь человека дешевле пули. Даже если это жизнь императрицы. Но и в России Анне скучать не приходится. Не оставляют ее в покое ни свекровь, ни враги Бориса Савойского. С чем-то подарок Хеллы может справиться, а что-то и богам неподвластно. И не могут боги отменить свои слова. Пришло лето. Девушкам пора уходить на перерождение. Или есть возможность еще немного задержаться? Этого не знают даже боги. Они могут играть людьми, но предсказать человеческие поступки иногда и им не под силу. Сумеют ли девушки удивить богов и выиграть свою жизнь? Они постараются. Ради детей.

- [Галина Гончарова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
    - [23](#)
    - [24](#)
    - [25](#)
    - [26](#)
    - [27](#)
    - [28](#)
-

Галина Гончарова
Времена года. Золотое лето

Глава 1

Прекрасные сласти давали в саду^[1]

Яна, Русина

– Мама, мамочка...

Гошка повис у женщины на шее, словно камень. И точно так же Яне хотелось сейчас уйти на дно. Куда-нибудь в глубокое темное озеро. Туда, где тихо, спокойно, безопасно... где никто не сможет разлучить ее с сыном! Где не надо будет расцеплять руки и уходить.

Где можно будет остаться навсегда.

Вместе.

Ее мальчик плакал.

И за эти слезы она готова была убивать и умирать... вот второе ей сделать и придется. И хорошо, если ее сын будет подальше отсюда в эту минуту. Ни к чему ему видеть смерть матери.

Не надо...

Это единственное, что могло заставить Яну отпустить мальчика. Только это. И улыбаться. Храбро и спокойно улыбаться, хотя на душе даже не кошки скребли – там целый приют для бездомных зверей прописался. И активно разрывал эту самую душу когтями.

Чего ей стоило не плакать?

Шпильки стоило.

Всего лишь одной намертво сжатой в кулаке шпильки, которая сейчас до крови впилась в ладонь, пробила кожу и причиняла острую боль. Но это было не важно. Лишь бы держаться...

– Солнышко мое родное... я обещаю, что приеду! Ты отправишься с дядей Федей и будешь меня ждать. Учиться будешь, а я постараюсь побыстрее.

– Мамочка, почему нельзя поехать вместе?

– Георгий Петрович, вы прекрасно знаете почему.

Гошка знал.

И знал, когда мама начинает говорить таким тоном, лучше не связываться. Переспорить ее все равно не выйдет. А вот потом можно и что-то свое решить.

– Мама...

И прижаться покрепче. Вдохнуть еще раз этот особенный, родной запах. Каждый ребенок знает свою маму. Каждый любимый ребенок...

Ее голос, глаза, руки, запах, ее улыбку. И все это дарует ему ощущение безопасности.

Мама рядом.

Ничего плохого случиться не может.

Яна последний раз поцеловала сына, подмигнула Мишке и Машке. Помахала рукой Топычу. Они все уже были в вагоне, и только они с Гошкой обнимались на перроне, не в силах оторваться друг от друга.

– Люблю тебя, сынок...

Последний поцелуй во влажные от слез щеки – и решительное движение руки. Как же тяжело осознавать, что она никогда, никогда его больше не увидит.

Какое же это страшное слово – никогда.

Но Гошка будет жить!

Он будет жить, радоваться, учиться, смеяться, потом женится, и у него будут дети. А у нее внуки. Она их и не увидит никогда (опять, опять это жуткое слово), но разве это важно?

А может, еще и удастся договориться с Хеллой? Может, ей новая сова нужна? В Русину? Яна и на веточке посидит, она не гордая! Посмотрит на сына издали или там волчицей побегает... да хоть и ковриком у порога полежит! Лишь бы знать, что с ее мальчиком все хорошо.

Лишь бы беречь его. И в жизни, и после смерти.

Яна стояла на перроне до последнего. Пока паровоз не превратился в точку. Пока даже дым не растаял в синей дали. А потом повернулась к Валежному, который не трогал ее. До последней секунды не трогал, давая пережить и разлуку, и боль утраты...

– Что у нас по плану, тор генерал?

– Ваш приезд, ваше императорское величество.

– Замечательно. Только принесите мне чистый бинт.

– Бинт, ваше императорское величество?

Яна криво усмехнулась – и разжала ладонь, показывая, как впились под кожу острые металлические кончики шпильки. Валежный даже поморщился. Крикнул, чтобы принесли все потребное и привели доктора, но Яна справилась сама. Даже с улыбочкой.

Левая рука болела немилосердно. Шпилька вонзилась глубоко. А стоило ее выдернуть – потекла кровь. Ну и ладно, не смертельное ранение.

Прибежавший медик что-то закудахтал, Яна осмотрела содержимое его чемодана, выдернула склянку с медицинским спиртом и от души плеснула на рану. Ощущение было – как жидким огнем по коже. Еще бы внутрь принять... но это уже – нельзя.

Впрочем, Яна была рада боли. Она очень хорошо отвлекала от душевных терзаний.

Гошка, сын мой родной...

Один раз мать предала тебя.

Один раз поставила свои интересы вперед твоих.

Больше я так не поступлю. Даже если я сломаюсь, это не важно. Важно, что у тебя все будет хорошо. А я... а мне уже и немного осталось. Месяца три, не больше. Лето наступает...

* * *

– Почему?!

Гошка ревел от души и не собирался сдерживаться. Сложно разлучаться с мамой.

И взрослому-то сложно, а уж маленькому, беспомощному и беззащитному, терять единственного родного человека... и не говорите, что это на время! Больно каждый раз! Вне зависимости от времени и возраста!

Федор Михайлович плюнул на все. На титулы, на звания, на то, что Гошка – Воронов, может, единственный наследник династии...

Алексеев?

Да кто там будет слушать какого-то Алексеева? Тьфу на него три раза! Даже если он с главной колокольни страны орать будет, Гошка – все одно Воронов. Сын последней императрицы Русины. А закон... слово Анны – и есть закон.

Купец подхватил мальчишку, прижал к себе покрепче и как мог убедительно заговорил:

– Гоша, сынок, она приедет.

– Правда?

– Она обещала?

Гошка всхлипнул и покачал головой.

– Н-нет... мама сказала, что все для меня сделает. И любить будет.

А когда заберет – не сказала.

Федор Михайлович скрипнул зубами.

Все он знал, все понимал, но тора Яна! Неужели нельзя было соврать малышу?! Ну хоть какие-то сроки назвать? Хоть год! Уж что-то решилось бы за год, нет?

И тут же сам себе ответил.

Нельзя.

Рано или поздно дети вырастают. Понять ложь они могут, и принять могут, и сами лгать будут, но простить своих родителей? Простить за этот обман?

Никогда.

– Это потому, Гоша, что ей сейчас очень трудное и страшное дело предстоит. Страну с колен поднимать – не выдох сделать...

– Знаю. А еще мама сказала, что я – ее уязвимое место. И ради меня она что угодно сделает.

– И это не тайна. А потому побереги себя, малыш. И я тебя поберегу. Если ты рядом с ней останешься, и она о деле думать не сможет, и ты в опасности будешь. Знаешь, сколько людей тебя захотят использовать? Даже представить страшно. А если похитит кто? Обидит? Вот мама тебя и отослала. А по срокам ничего не сказала, потому как и сама точно не знает. Уж очень тяжелое ей дело предстоит. Тут не скажешь – месяц или год уйдет.

Гошка длинно вздохнул и прижался поближе к купцу. Федор Михайлович погладил короткий хохолок на макушке мальчика.

– Все можно исправить, пока мы живы, Георгий. Все можно исправить.

– Правда?

– Правда.

Только вот утешить мальчика могли совсем другие слова.

Что мама придет, заберет его, что все будет хорошо. А их-то Федор Михайлович и не мог произнести. Словно горло петлей сдавило.

– Давай помолимся, Георгий. Чтобы все у нее получилось.

– Д-да... пусть все п-получится...

– Твоя мама все сделает, чтобы вернуться за тобой. Она тебя любит. Просто так уж получается, родись она в обычной семье, было бы и легче и проще. Но кровь диктует и спрашивает. Тора Яна могла бы предать, уйти, сбежать, но тогда бы она не была твоей мамой. Она бы сломалась, и ты первый рано или поздно не простил бы ей этого поступка. Как рано или поздно не простишь себе какой-то слабости. Ты ведь не просто Алексеев, ты ее сын и Воронов. В твоей крови право и власть древней фамилии. А власть – это не только привилегии. Это ответственность.

И снова Гошка не стал возражать.

Любит... мама постоянно говорила, как она его любит. И не просто говорила – доказывала делом. Приехала, спасла его, увезла от войны... собой пожертвовала ради сына. Это не пустые слова, это настоящая любовь.

Мамочка, я тебя тоже люблю. Побереги себя, пожалуйста...

* * *

Тор Изюмский мерил шагами площадь.

Нервничал.

Когда Валежный прислал ему письмо, он и глазам-то своим не поверил. Чудо?

Больше, чем чудо!

Или – подделка? Мистификация?

Это тоже возможно... верить не хотелось, но Валежный был до боли, до крови предан Русине. И если для того, чтобы она жила, нужна фальшивка... он не поленится таковую состряпать.

Или все же?..

Ответа не было.

Николай Николаевич так и не смог замереть на одном месте. Только когда медленно подкатил к перрону паровоз, тянущий шесть

вагонов, он опомнился, встряхнулся — и вытянулся по стойке «смирно».

Грянул марш.

Медленно, очень медленно, словно время вдруг стало киселем, сквозь который продирались липкие жирные мухи, двое солдат соскочили на перрон, приоткрыли дверцу и приставили лесенку.

И взяли на караул^[2].

Первым из вагона молодцевато выскочил тор Валежный. И помещик Николай Изюмский, глядя в его глаза, вдруг успокоился.

А ведь и верно.

Все будет хорошо?

Она выпрыгнула из вагона так легко, словно ничего не весила. Не стала медленно спускаться по лесенке, придерживая пышную юбку, да и юбки никакой не было.

А что было?

А был тот самый брючный костюм. Да-да, тот самый, пошитый еще в Ирольске и проехавший с Яной через всю Русину. Валежный уговаривал ее надеть нечто «более приличествующее статусу», но генерала разгромили подчистую. Может быть, впервые в жизни.

Яна насмешливо подняла бровь и поинтересовалась, как ей в платье воевать, убегать, падать, перекатываться, стрелять... не желает ли тор генерал опробовать сие? Не на себе, так на ком-то из своих людей.

Ах, не придется защищаться?

Тор генерал, мой отец тоже так думал. А я лучше с пистолетом похожу. Так, для душевного спокойствия... кстати, не хотите ли кобуру на пояс к платью повесить? Нет? Стилль не тот?

Валежный понял, что не победит, и проявил мудрость полководца. Пошел в обход.

Яна отказалась от платья?

Ну так сделаем все возможное, чтобы она в остальном не отходила от канона. Найдем куафера, который уложит волосы в сложную прическу, найдем драгоценности, которые соответствуют статусу, не кольца, кольцо может быть лишь одно, но серьги? Возможно, колье?

Да и костюм костюму рознь, закажем попросту мундир для ее императорского величества. А что?

Она же официально является шефом полка, правда, не этого, но... разве теперь важно? Валежный просто приказал пошить мундир на ее величество – и Яна не стала отказываться.

Оговорила для себя пошив еще одного костюма – и только.

Но форма была еще не готова, построить мундир в нынешние непростые времена сложно. Галун, басон, шевроны, выпушка... да много чего! И сукно возьмешь не всякое, и шить надо бы не кривыми руками...

А представляться народу необходимо.

Яна обвела взглядом перрон.

Нет, не было у нее Аниной харизмы. И привычки подчинять себе людей тоже не было. Но сейчас и не надо. С какой надеждой на нее смотрели собравшиеся... у Яны комок в горле застрял. Пришлось судорожно сглатывать и давиться желчью.

Она вдруг поняла, что Валежный был прав.

Не в войске, не когда ехала к границе, а вот именно сейчас поняла. Сердцем ощутила. Прочувствовала до самого нутра.

Когда стояла на перроне, когда люди смотрели на нее, и в глазах у всех читалось одно и то же.

Останови ЭТО. Пожалуйста...

Довольно безумия, хватит гражданской войны, дай нам мир, дай нам хлеб, спокойствие, безопасность... мы не хотим бояться за своих детей!

Да, трава для коней, вода для людей, будущее для детей. Война и революция лишали всего. И самое страшное – последнего. И детей, и будущего.

А осознав происходящее, Яна едва не застонала.

Люди, да вы что?! Я же... я не смогу, не справлюсь, я обычный человек...

Больше всего ей сейчас хотелось нырнуть под вагон – и помчаться куда глаза глядят. И поверьте, ее не догнали бы и на гоночном автомобиле. Но...

Нельзя.

Яна медленно расправила плечи, подняла руку вверх и улыбнулась. Ладонь ее была видна очень хорошо. Перевязанная белым бинтом, с красной капелькой крови в центре. Проступила...

И тишина.

Такая, что шпилька упади – слышно будет. Даже дыхание все затаили.

– Народ мой! Здесь и сейчас я прошу у вас прощения.

Медленно, при всех, на грязном перроне, опустилась на колени императрица Русины.

Опустилась на колени перед теми, кто пострадал по вине ее отца. Может, и не хотел Петер. Но это его глупость, слабость, потакание жене довели до такого. Это он все развалил. И если кто-то скажет, что смерть все искупает...

Ни черта!

Не искупает она ничего! Помереть просто. А ты поди исправь все то, что натворил, и расхлебай, что заварил. Сможешь?

Нет? То-то и оно. А помрешь – и все, ни горя, ни забот, только жалость и слезы. Даже обматерить покойника толком нельзя.

А вот выкопать и на свалку выкинуть – иногда и стоило бы. Гадко воевать с костями? А это не война. Это – справедливость.

– Перед вами виноват мой отец – он это допустил. Перед вами виновата я – я должна была его остановить...

Тор Изюмский смотрел на профиль девушки.

Да, это действительно императрица.

Копия Петера. Это сразу видно тем, кто хоть раз... даже не то что видел императора. Видел его профиль. На монете, бюсте... Яна была копией своего отца. Только в женском варианте.

Тот же высокий лоб, короткий прямой нос, те же глаза, волосы... разве что подбородок, наверное, достался ей от матери. Петер нарочно отращивал бороду, чтобы скрыть слабость характера, вялость губ... а вот Аделина отличалась решительностью. Так что подбородок у Яны был вполне упрямым.

Да, это определенно принцесса Анна. У Николая хранилась вырезка из газеты, и сейчас он мысленно сравнивал... Непривычная прическа. Непривычное выражение лица. Но это – она.

Валежный совершил чудо.

Он нашел законного наследника престола.

Слова медленно слетали с ее губ. Словно камни.

Те самые, что вешают на шею. Вериги? Обеты?

Не важно, все одно – снимать нельзя.

Щелкали магниевые вспышки, лихорадочно строчили в блокнотах репортеры (эту заразу никакой революцией не возьмешь), а Яна внятно произносила давно обдуманные ею слова.

Проклятая ответственность.

Она думала об этом, пока поезд мчал их к границе.

Думала ночами, не имея возможности обсудить это ни с кем иным, думала, лежа рядом с Гошкой и перебирая мягкие волосенки своего сына, думала...

Она обречена.

А вот люди должны жить.

Она обречена. Но ее сына и ее сестру это затронуть не должно.

Она обречена. Но Русина должна выстоять. А чтобы это произошло...

Людям нужно знамя.

Причем – конкретное. И не так, чтобы она померла – и все рухнуло. Нет! Так, чтобы она померла как символ. Как мученица... вот в христианстве это хорошо провернули! Идеологи померли, а идеи вон сколько уже живут! И не придавишь!

Яне требовалось то же самое.

Отречься от трона она не может. Но постепенно продвигать в массы идею, что династия Вороновых оказалась недостойна и прохлопала... крыльями все, до чего дотянулась, – можно. А значит, династию надо менять.

Вот Яне подберут мужа, разумеется, достойного, и она передаст всю власть ему. А чтобы уж до конца...

Хотели вы хунту?

Вот ее и получите! И парламент, сволочи!

Идеальная форма правления? Ой, да не смешите мои тапочки! Это не идеал, а слезы горькие. Но в том-то и дело, что лучшего выхода нет. Империя?

Да, с точки зрения Яны, это была идеальная форма правления. При идеальном монархе. А вот такого и нет. Вот где они водятся?

Чтобы умный, решительный и ставил интересы страны вперед своих? Даже не так... чтобы интересы страны были и его интересами. Нет таких?

Нет...

Беда...

Не могла Яна никому доверять. Валежный? О стране он заботится искренне. И поэтому понимает – не потянет. Выиграть войну он сможет. Выиграть мир – тут нужны другие таланты. Но взять их негде.

Остается лишь одно.

Выйти замуж, а потом торжественно умереть. Красиво так... мученически. Чтобы народ уверился, что принесена искупительная жертва... как-то так.

Именно к этому она сейчас и готовила свое окружение. А случай сложить голову?

На войне?

Долго искать не придется.

Русина, Звенигород

– Что происходит?!

– Глянь! Энто как?

– Ась?! Чаво?!

– Горим, родненькие! Горим, не иначе!

– Молчи, дура!!!

И звук затрешины. И крики, и шум, и гам...

Над столицей, над древним городом Звенигородом, плыл малиновый, хрустальный, безудержный колокольный звон.

Тот самый Царь-колокол...

И не было никого на колокольне, чай, не дураки, все видят: на улице день белый, и колоколья-то заколочена наглухо, и пролет там обрушился лестничный...

О попытках жома Пламенного повоевать с Царь-колоколом и о полном его, Пламенного, поражении в столице знали даже крысы в канализации.

И если колокол звонит...

А он звонил, и кто-то из людей вдруг сообразил...

– Анператор! Люди, да то ж анператор возвращается!

Кто-то закричал, кто-то выстрелил, но было уже поздно. Смутьяна услышали. И лови его теперь, не лови... идеи действительно живут дольше людей.

Вслед звону поплыл, пополз шепоток, волной окутал площадь, и до вечера наверняка весь Звенигород будет в курсе. А там и дальше разойдется...

Возвращается император...

Колокол предвещает.

Он-то врать не будет, чай, не газета! В той сбрехнут – недорого возьмут, а тут-то все настоящее, от предков, древнее камней на мостовой, древнее самой столицы...

Анператор возвращается!

Анна, Россия

Анна не ругалась матом. Но иногда очень хотелось. Казалось бы, ненадолго отлучилась из дома – и что?

Да, из дома.

Особняк Савойского стал для нее тем, чего никогда не было у княжны Анны.

Дворец – был. Даже дворцы.

Роскошь, почитание, преклонение, спальни, гостиные, анфилады комнат и блеск позолоты. Прислуга и фрейлины. Гвардейцы и лакеи. Император и императрица. Великие княжны. А вот дома и не было.

Дом – это ведь не камни и не тряпки, это место, в котором тебе тепло и уютно. Нет, это не баня и не сауна. Это место, куда ты хочешь возвращаться, где живут в безопасности твои родные и любимые, место, в котором тебя примут и со щитом, и на щите, и даже под щитом.

Да хоть как! Только приходи наконец!

Это твои близкие и твой дом.

У Ани теперь все это было. И она была полна решимости защищать свое.

Пусть ей осталось немного! Не важно!

Это не повод отказываться от своих близких! Пусть она может дать им совсем мало времени, но она хотя бы покажет, к чему стоит стремиться!

Сегодня она решила навестить свою старую квартиру. Проверить, как там дела, как соседи...

Дошла. И даже поболтать успела с Ольгой Петровной, вот бы кого вместо служебной собаки! Как она только чувствует, когда кто приходит? И ведь выскакивает!

А потом Кира опять прислала сообщение.

«Анечка, срочно нужна помощь».

И адрес.

Телефон ее не отвечал. А Борису Анна звонить не стала, мало ли что? Да и ехать было недалеко. Буквально два шага. Проще даже добежать, посмотреть, что и как, на месте, и решить, кому звонить. Мало ли во что девочка могла вляпаться?

Репутация, знаете ли, страшная штука, особенно девичья. Беречь требуется.

Вот и указанный дом.

М-да. Раньше так строили. Четыре квартиры, четыре отдельных входа, четыре крылечка с четырех сторон. Предок таунхаусов. Рядом с каждым крыльцом палисадник, три более-менее ухоженных, а вот тот, к которому ее вызвала Кира, вообще травой по пояс зарос.

Анна поежилась.

Попробовала еще раз набрать Кире.

Нет ответа.

И что тут происходит? Куда вляпалась ее подопечная? Казалось бы, у Анны законный выходной, а Кира должна быть в школе. У них там какие-то мероприятия. Но девочка написала про город, а Анна все равно здесь.

Вот и добежала.

Анна, преодолевая дурные предчувствия, поднялась на крыльцо и постучала в дверь.

– Войдите, открыто, – прозвучал насмешливый мужской голос.

Анна спокойно толкнула дверь.

Да, по случаю весны руки у нее были в перчатках. Кожаных, тонких, отпечатков она не оставит.

– Кира?

– Ты проходи, проходи. – Голос был неприязненным. – У нас долгий разговор будет.

Аня только что плечами пожала, мгновенно успокаиваясь. Если это не Кира... ну и не страшно тогда ничего. И что же вам надо, Иван Игоревич? Судьба Лизы, вашей сестры, ничему не научила?

Внутри предок таунхауса выглядел достаточно убого. Крохотная, размером с клетку для канарейки, прихожая, из нее проход в гостиную, из той – в кухню и спальню. Из кухни открывается вход в санузел. Да, тяжело тут жить, наверное.

И ремонта последние лет пятьдесят не было, обои еще Хрущева помнят, вон газетная вырезка на стене, с фотографией Никитки и кукурузы. И там еще кто-то на заднем плане. Видимо, дорогой хозяину человек, иначе не вывесили бы эту газету на стену как реликвию.

Стены грязные, полы замызганные...

– Добрый день, Иван Игоревич. Где Кира? – ледяным тоном поинтересовалась Анна.

– В школе, конечно.

– А сообщение?

Парень кивнул в сторону компьютера.

– Сейчас такие умельцы водятся. И сообщение можно отправить с любого номера.

– Понятно. Итак, я вас слушаю. – Анна даже не перехватывала инициативу. Не издевалась.

Сказано про долгий разговор, вот и не надо терять время.

Молодой человек Аниным терпением и воспитанием не обладал, а потому и начал «в лоб»:

– Сколько тебе Борька платит?

– Простите?

– Сколько Борька тебе платит за то, что ты с ним спишь?

Анна перебрала все варианты ответа. Отрицать? Глупо, они особо в городе и не прятались, только в доме, чтобы дети не видели. Соглашаться? И озвучивать цену? Фу! Утверждать, что она не продается?

Смешно как-то...

Анна растянула губы в улыбке:

– Это бонус.

Такого ответа он не ждал, и даже замешкался на минуту. А потом...

– Бонус, значит! А моя сестра как там оказалась?

– Где именно?

– Ты Борьку науськала от нее отделаться?

Анна качнула головой:

– Нет. Я знала, что она изменяет Борису Викторовичу, но идей ему не подавала.

– Врешь!

– Считайте, как вам удобнее.

Иван считал. И выглядел сейчас очень решительно.

– Раздевайся.

– Зачем?

– Фотосессию устраивать будем. Сейчас ты разденешься, выпьешь таблеточку и продемонстрируешь чудеса камасутры. А потом... отправлю все Борьке.

Анна даже не испугалась.

Сломалось в ней что-то очень важное. Сломалось после четвертой жертвы.

– А с кем я буду эти чудеса демонстрировать?

– Для начала со мной. А потом еще кого-нибудь позовем, тут народ за бутылку что хочешь сделает!

Спокойствие Анны сбивало Ивана с толку.

Вот бы она начала, как приличная женщина, кричать, бороться, драться... тогда было бы проще. Можно было бы схватить ее, скрутить...

Анна даже не двигалась особо. Стояла, смотрела...

Руки спокойны, ноги неподвижны. Словно она ничего не боится. Но почему?

Она здесь одна, Иван это видел! Наблюдал в окно... так что происходит? Она думает, что на нее не поднимут руку? Что он не справится? Что не сладит с одной девчонкой? Или как?! Не понять...

Ответа он так и не дождался, потому что Анна сдвинулась с места. Прошла по комнате, отодвинула его, словно мебель, заглянула в спальню, в которой уже было все приготовлено и даже товары из секс-шопа разложены.

– Никого. А тут?

На кухне и в туалете тоже никого не было.

А значит, руки у нее развязаны. Свидетелей тоже не будет.

– А ну, иди сюда! – рванул ее за руку Иван.

И...

Анна подалась к нему, почти влетая в его объятия. И шепнула на ухо лишь одну фразу:

– Умри, во имя Хеллы.

А больше ничего и не потребовалось.

Иван так и не успел осознать, что произошло. Он оседал на пол, подламываясь в коленях, и лицо было удивленным и растерянным... он ничего не понял.

Ничего...

Анна смотрела спокойно.

Чудовище?

Нет, она себя не считала чем-то ужасным. Она сюда пришла по вызову этого парня. И не сумей она себя защитить... вот у него на столе и шокер лежит, чтобы вывести ее из строя, не убивая. Вдруг она сопротивляться начнет?

Ткнуть шокером да и сунуть таблетку, пока будет в себя приходить.

Вот и таблетки... Название Анне ни о чем не говорило, и притрагиваться к ним она не стала.

Что тут еще есть?

Видеокамера. Небольшая, но профессиональная. Она стоит на треноге, в спальне. Явно приготовлена для записи, но пока...

Нет, пока она не работает.

Темная, матовая, ни одного огонька не горит. Все равно, надо ее забрать с собой.

А что еще?

Сотовый телефон. Память Яны подсказывала, что его надо забрать и выкинуть куда подальше. К примеру, в канализацию. Телефон отдельно, карту отдельно. И телефон хорошо бы еще и сломать.

Компьютер? Так... не надо его брать. Есть вещь, после которой информацию на нем и так не восстановят. Форматирование называется.

Правда, останутся следы в интернете, но это сначала еще надо их поискать додуматься. Чтобы они к ней привели...

Так... «Форматировать?» Да! Тут и ума большого не надо, подала команду, а все остальное система сама сделает.

Деньги?

Анна усмехнулась. Она отсюда больше ничего брать не станет. И хорошо, что сейчас весна, она одета достаточно просто. В куртку всесезонного синего цвета, таких на улице много, и длинную юбку. Капюшон она тоже накинула, еще когда по улице шла. Дождик моросил... такой противный, промозглый...

Опознать ее не должны. Да и...

Анна кивнула своим мыслям, сунула камеру и сотовый в сумку, а потом вышла из квартиры. И дверь открыла настежь.

А на крыльце бросила несколько купюр, которые нашлись у Ивана в карманах.

Вот так!

Теперь аборигены отлично вынесут все сами. И следы затопчут. А то и тело куда денут... Анна вникать в это не собиралась.

С ее точки зрения, она была полностью права.

Она Бориса ни на что не подначивала. Слова ему не сказала. И Лизу никто не заставлял гулять по мужикам. Сама напросилась.

Ивана никто не заставлял ей мстить за то, чего не было. Тоже мне, герой! За поруганную честь сестры... была ли там честь?

Не было. И мстить не за что и некому.

Анна не знала, что Игорь Иванович завинтил гайки детям, понимая, что слишком многое им разрешил. Что Ивану было сделано строгое внушение, что ему ограничили карманные деньги...

Надо парню было найти виноватого. Вот он и нашел... на свою голову.

Что ж. А мы поищем ближайшую канализацию.

Рядом с коллектором никого не было, кроме двух бродячих собак. Анна спокойно разбила подобранным кирпичом и сотовый, и камеру, а потом спихнула все в люк.

Карту от телефона, подумав, кинула в ближайшую лужу и придавила каблуком. Грязная вода ее быстро приведет в негодность.

Хелла, спасибо тебе.

За эту возможность защитить себя – спасибо.

Но, к чести Анны, решить так проблему с Ольгой Сергеевной Цветаевой она даже не подумала. Точнее, подумала – это нормально. Но тут же отвергла как плохую идею.

Мертвеца ничему не научишь. А это все же бабушка Гошки...

Вдруг она еще поумнеет?

– Ma charmante fille... – доносилось с улицы.

Ида застонала и зажала уши подушкой. Спать хотелось до безумия. Ан нет!

Явился, зараза, не запылелся! Анечка, милая, почему ты меня стрелять не научила? Ида медленно, но верно дозревала до мысли об убийстве. И силы, и терпение – у нее все постепенно подходило к концу. А вот зверское желание убить росло.

Тор Армандо Рессаль вел осаду по всем правилам.

Сначала посылал цветы и сладости. Потом, когда их попросту отказались брать даже слуги, перешел к планомерной осаде. Договорился с полицейскими, и те проходили мимо, улыбаясь в усы.

А что?

Любят же! Вот чего тебе, баба, надо? Мужик и так и этак, и по-хорошему и с поклонами, а ты не даешь! Даже надежду!

И поди ты объясни, что Иде этот хороший и замечательный и даром не нужен! Она бы и приплатила, чтобы кто забрал!

А Армандо всюю... юродствовал! Другого слова Ида подобрать не могла!

Выложенные на мостовой сердца из роз!

Серенады!

Концерты под окнами!

Хоть бы кто из соседей на него кобеля спустил! Да хоть в каком смысле! Хоть в прямом, хоть в переносном! Ида б лично аплодировала!

Но – нет!

Улица была тихая и спокойная, Ида сама такую выбирала. И самое обидное, что часть соседей тоже Армандо сочувствовала... вот почему?!

Почему мужчина так воспринимается?

Не объяснишь же, что она не ломается, не набивает себе цену, не... он просто ей не нужен. И эта дурная назойливость...

Пока они с Яной ехали в Ирольск, разговаривали. В том числе и в словесные игры играли. Например – купи слона. Не хочешь? А ты купи слона! Не можешь? А ты все равно купи слона... Ида в тот раз едва Яну не стукнула. Но хоть посмеялись вдоволь.

А тут...

А ты купи слона!

Вот Ида себя так и ощущала! И ей-ей, слона бы она уже купила! Если бы это избавило ее от Рессаля.

От Кости было всего одно письмо, которое она бережно хранила в шкатулке и перечитывала, когда бывало тоскливо.

Вот и сейчас...

Девушка протянула руку к шкатулке, коснулась, но доставать не стала. Она и так все знала наизусть.

Костя писал, что добрался благополучно.

Что любит ее.

Что ждет новой встречи и верит в лучшее. Он постарается прислать человечка, чтобы Ида передала ему письмо, но тут уж как получится.

Ида давно уже составила это письмо. Дайте две минуты – и она напишет... был и подарок. Ида решила послать Косте медальон – и в нем колечко из своих волос.

Да, такое дарили. Обещая любить, заботиться, верить... ждать.

Вернет?

Значит, разрыв.

Пришлет свое?

Можно говорить о помолвке. Правда, благословения спрашивать не у кого, разве что у Полкана...

– Аморе, аморе фау...

– Ау-у-у-у-у! – поддержал певца Полкан.

Ида застонала.

– Радость моя! Ты-то...

Полкан ничего плохого в своем вое не видел. Чего не поддержать компанию? Там, за окном, у певца брачный сезон... У Полкана, правда, нет, но от такого – взвоешь!

Пес уже поправился, прихрамывал немножко, но Иду сопровождал как тень. И пресекал все попытки Армандо заговорить.

Попробуй подойди к девушке, рядом с которой ярится и щерится собака. Не кидается, не брешет – умный.

Но вздыбленная шерсть на затылке, но оскал клыков...

Полкан отлично понимал, по чьей милости он пострадал, и прощать не собирался. Мало тебе, зараза? Ты еще и хозяйке

надоедаешь?

Ну, я тебя...

Сделать с ним что-либо Армандо не решался. Понимал, что после такого с Идой не просто разговаривать не получится... его просто убьют. Чтобы землю не поганил. Но и разговора рядом с Полканом не получалось. Не кинется – он умный. Но и неприятно как-то... а вдруг? Уж очень там клыки выразительные.

– Тора Ида?

Жама Эльза поскреблась в дверь.

Ида застонала, понимая, что поспать точно не удастся, но встала и пошла открывать.

– Да, жама?

– Тора Ида, вы ведь тоже не спите...

– Да кто б под этот кошачий концерт уснул? – огрызнулась девушка, окончательно стирая все классовые границы. Сил не было ни на что.

Жама Эльза покачала головой:

И то...

Хозяйку свою она уважала и даже любила. Это сначала она невесть что думала, а потом все стало ясно. Беженка из Русины? Так оттуда даже тараканы разбегаются! Жить хотят...

Ясно же, что тора, что судьба так сложилась, а так хозяйка – настоящая, природная аристократка, с кости и крови... и порядочная. Уж слугам-то оно завсегда известно.

Слугам, соседям... люди не слепые, все они знают. Им змею за голубя не продашь. Если б Ида водила кого... но – нет. Утром – в лечебницу, вечером – домой, все с собакой, один раз появился мужчина, но приличный, солидный, и опять же! Ухаживал, но ничего у них не было.

Может, поцелуй, но не больше.

А это правильно. Девушка себя до свадьбы блюсти должна. Не тратить на каждого-разного-мимохожего...

Хорошая девушка.

Правильная.

А Рессаль – пакость, сразу видно. Холеная-лощенная, но дрянь. И то, что он тут под окнами прыгает... и что? Не дали ему сразу, вот и

заусило паршивца. Он бы еще ногами о пол поколотил, как в детстве. Хочу-хочу- хочу!!!

Тьфу!

– Тора Ида, коли вы позволите...

– Что угодно. Лишь бы эта пакость замолчала и убралась, – от души высказалась Ида.

Не подобает ее высочеству?

Да дома, в Русине, она бы на него спустила всю псарню... нет! Дома, в Русине, на него хватило бы одной Аделины Шеллес-Альденской. Сожрала бы с костями и не глядя.

Увы, здесь Герцогства. Не Русина.

А потому Ида посмотрела тоскливо, жама Эльза ухмыльнулась – и достала ведро с водой.

Большое, тяжелое.

– Посторонитесь-ка, тора...

– Жама, а можно?

– А разве нет? Это нечистоты нельзя на мостовую, а вода чистая. Ну почти, я в нее чуток мыла плесканула. Так отмоемся лучше... И-их!

Последние слова жама Эльза договаривала, выплескивая ведро.

Размах у дамы был могучий.

Ш-ших!

И Армандо окатило с ног до головы. Чистой ледяной колодезной водичкой. А холодно... как-никак вечер. Поздний.

Мужчина фыркнул, отряхнулся... ага! Мыла жама Эльза все же от души плесканула. Едкого такого...

Глаза не выест, но промыть их надо было срочно, щипало немилосердно.

Пришлось свернуть серенаду и удалиться.

Ида перевела дух, а жама Эльза решительно захлопнула окошко – и задернула шторку.

– Ложитесь спать, тора. И не переживайте, мне не в тягость будет еще раз... мостовую помыть.

С каким же удовольствием Ида подгрести под себя подушку!

Спать, спа-а-а-ать!

Оставить такое без внимания Армандо никак не мог. И на следующий день решил взять реванш.

А именно, в очередной раз подкараулил Иду.

Не один. С букетом в руке и маленькой собачкой дворняжьих кровей на поводке.

– Тора Ида, мое почтение...

Ида оскалилась, не хуже Полкана... сейчас пес кинется...

Армандо пихнул собачку ногой, та заскулила...

Полкан даже на задние лапы осел от неожиданности.

Принюхался.

Ида поняла быстро.

Армандо решил сделать подлость и взял с собой течную сучку.

И...

Отстегнул поводок.

Ах ты ж...

Почувствовав свободу, дворняжка не рванула наутек, а кокетливо поглядела на Полкана. Мол, присоединишься?

Та-акой мужчина...

Полкан колебался. Несколько секунд.

А потом... рык у пса получился такой, что сучка жалобно завизжала, хоть и понимала, что ей ничего не грозит.

Прижалась к ногам Армандо – и описалась.

Тор Рессаль выругался. Пострадали и ботинки и брюки... и как тут вообще очаровывать даму, когда от тебя псиной воняет? И окрестные кобели на запах подтягиваются?

Ида фыркнула. Развернулась и прошла мимо.

Сегодня ей повезло.

Нет, ну как бы отвадить этого мерзавца, чтобы с гарантией?

Русина, Звенигород

– ...!!! И ...!!!

Пламенный разорялся так, что было даже страшновато смотреть.

Будешь тут!

Пришли газеты из Ирольска.

Да...

Ее величество императрица Анна, извольте любить и жаловать.

С мыслью про княжну Пламенный даже как-то смирился. Но – императрица?! Законная?!

И чем тут крыть?!

Снимки делались под строгим руководством Валежного, поэтому отлично было видно и саму Яну. И в фас, и в профиль, и кольцо на ее руке...

Ее величество.

Недаром звонил колокол в Звенигороде. Ой недаром...

Императрица дала интервью. Собственно, она давала его всем желающим, и репортеров было много. Яна рассказывала про свою жизнь во дворце, уверенно опознавала знакомых, рассказала и о своей «смерти». С ее слов выходило так, что пришли освобожденцы и повели всех в комнату. А там поставили к стенке и начали стрелять.

Анна не растерялась.

Ее только царапнуло, она упала и ждала, пока расстреляют патроны. А потом...

Потом достала свое оружие, которое ей подарили и которое она провезла с собой. И перестреляла негодяев.

Легко?

Нет, легко не было.

Она была серьезно ранена, она с трудом уползла из дома... Сожгла?

Да, она его и подожгла. Не могла допустить, чтобы тела родных попали в руки негодяев. Ну и решила... она плохо соображала из-за кровопотери. Ей было плохо!

Она свалилась в лесу, ее нашли крестьяне и выхаживали.

Семейство крестьян благородно предоставил тор Изюмский, но об этом никто не знал. Крестьян-лесовиков тоже сфотографировали, те рассказывали, как нашли этот... ахто... авто... короче, самобеглую телегу они нашли! И тору внутри!

Как было бросить человека?

Болела она долго, бредила, но все ж поправилась. А дальше – как в сказке.

Выздоровела, подумала о судьбе Русины, нашла возможность сообщить Валежному... а кому еще? Он монарха не предавал... хотя бы не напрямую.

И что самое ужасное...

Ее величество открыто признавалась в своей неспособности править. И более того, сообщала, что обязана выйти замуж и править Русиной, по праву наследования, будет ее супруг. Потому что род Вороновых не оправдал надежд.

Он не должен наследовать трон.

Поэтому...

Кто станет супругом императрицы?

И снова – потрясение.

Яна заявила, что это может быть как тор, так и жом.

«...я считаю, что истинное благородство не зависит от крови. Мой отец был императором, но не оправдал возложенных на него надежд. Великий князь Гавриил предал своего племянника. Меня спасли простые люди. Обычные жомы, которые могли бы бросить меня на съедение зверью, но они проявили благородство, достойное трона. Поэтому мужа я выберу, исходя из единственного соображения – блага для Русины...»

И как такое пережить?!

Пламенный метался по комнатам и матерился так, что цветы повяли.

Жама Голубица послушала мужа да и удрала подальше. Надо бы обратно, в Борхум или Лионесс, а то так... Кто сказал, что жом Пламенный овдоветь не может?

Запросто...

Элегантно и не пачкая ручек. Лучше держаться подальше и не показываться. Жама растворилась в пространстве так, что ее бы и с собаками не нашли.

А вот тор Мишель, сынок Гавриила, ее умом не отличался. Вот и полез... на свою голову.

Ворвался, потрясая газетой...

– Жом Пламенный, вы это видели?!

– Видел, – обернулся к нему Пламенный. – Еще как... видел! Стерва!

– Еще какая! Подумаешь, предал ее мой отец! Да что она вообще понимает?! Несет всякую чушь...

– Вот и я так думаю, – подтвердил жом Пламенный. – Чушь полная...

– Я дам опровержение в газеты!

– Обязательно. Дайте...

Будь Мишель чуточку поумнее, он бы обратил внимание на тон Пламенного. Но... слишком сильно его зацепили слова Яны.

Предатель? А он – сын предателя. И отцеубийца, если так-то. Кто за ним пойдет? Никто и никогда. О троне можно не мечтать.

Только вот что он не нужен больше никому... он так и не понял.

И вышел, кипя благородным негодованием и подбирая лучшие слова для опровержения.

Пламенный уселся за стол, успокаиваясь. Налил себе дубовика. И – приказал позвать Урагана.

Тот явился без промедления.

– Мишеля Воронова арестовать и расстрелять, – просто приказал Пламенный.

Ураган качнул головой:

– Арестовать – хоть завтра. Но предлагаю подождать с расстрелом.

– Что?!

Пламенный даже ушам своим не поверил. Ураган? Колеблется?

Рыцарь Освобождения не готов выполнить его приказ?!

Небо на землю рушится, не иначе.

Потом пригляделся и понял, что дело в другом. Не в жалости, не в сомнениях, просто – трезвый расчет. А это ничего, это правильно. Это в сказках рыцари глупые, в жизни-то они куда как поумнее были, иначе не выжить.

– Он может еще пригодиться, – объяснил свой порыв Ураган. – Если поторговаться с тем же Валежным. Или с...

– Самозванкой.

– Или с самозванкой, – согласился Ураган. Хотя был уверен, что Анна – настоящая. – Мало ли как дело сложится, расстрелять всегда успеем?

Пламенный хмыкнул, успокаиваясь, и признал, что верно.

Успеем.

Всех расстрелять! ВСЕХ!!!

А этого сначала посадить, а потом...

Жом Ураган кивнул и отправился исполнять приказ. Арестовывать и препровождать.

Жом Пламенный посидел за столом еще минут двадцать, окончательно успокоился и отправился на поиски супруги.

Жама Голубица нашлась не сразу. У нее тоже были серьезные дела. Что может быть важнее собственной жизни и безопасности?

* * *

– Жом Тигр, вы видели?

Тигр контролировал себя лучше Пламенного... Ну как – лучше?

Просто жама его спальню не видела. Разнесенную в клочья. Целым там остался только портрет... и то при взгляде на него у жома кулаки сжимались.

Замуж собралась, р-радость моя?!

Р-размечталась!

– Видел, жама. Еще и не такое видел.

Голубица кивнула и сразу же перешла к делу. Не до любезностей.

– Жом Тигр, что вы собираетесь в связи с этим делать?

Тигр мило улыбнулся и поцеловал жама руку.

– Жама Голубица, вы знаете, что можете всегда на меня рассчитывать?

– Д-да, жом...

– Начнем с того, что я предоставляю вам охрану. И попрошу никуда без нее не ходить.

Жама Голубица довольно кивнула.

– А еще?

Явно же, продолжение будет. Если это – начало.

– А еще вам надо срочно поправлять здоровье. Думаю, вам очень нужно в Чилиан.

– Чилиан?

– Разумеется! На воды! Или к их знаменитым травникам. Там у нас, правда, нет никакой агентуры... ну почти, но здоровье всегда важнее...

Жама Голубица сообразила и закивала.

– Да, жом. Вы правы. Вы же мне предоставите людей для сопровождения?

– Жама, вы можете на меня рассчитывать, – заверил ее Тигр.

Хвоста крысего Пламенному, а не Яну! Пусть и не надеется овдоветь раньше времени!

К моменту, когда Пламенный начал разыскивать супругу, у нее с Тигром все было договорено. От и до.

И куда она едет, и с кем, и зачем... Да, а заодно жом решил воспользоваться случаем и попросил жаму закупить продовольствие. Кое-какие деньги у него были... ну и еще скоро будут. Вот пусть займется полезным делом.

Жама Голубица соглашалась на все. Да, она поедет лечиться. И сделает личное одолжение милейшему Тигру. Поговорит с купцами. Муж? А мужу о второй части знать необязательно. И людей ей Тигр с собой даст, непременно! Как же без них?

Это и было высказано Пламенному, когда тот, обегав весь Кремль, обнаружил супругу в своих же собственных покоях. В спальне и с перевязанной головой.

Она болеет.

Она себя плохо чувствует.

Она уезжает лечиться в Ламермур и надеется, что дорогой супруг поймет ее правильно. Ей нужен более мягкий климат и морской воздух...

Пламенный не возражал. И даже пообещал дать ей своих людей в сопровождение.

Жама Голубица поблагодарила и согласилась.

Пусть дает! Муж обязан заботиться о своей жене, ведь так? А что поменяется и маршрут, и сопровождающие... ну так дело житейское. Бывает.

Мужу-псу не показывай... холку всю. Так ведь?

Вот она и не покажет!

Хормельская волость

– Упырица!

Х-хэсмь!

Прилетело Гришке не слабо, но парень все равно тыкал пальцем в газету.

– Точно говорю, энто ж она! Упырица! Которая Сеньку съела!

– Энто анператрица, дурень!

– Да нет же! Упырица! Ой, маменька! Энто что ж, Русиной упырица править будет?!

Конюх, поняв, что воспитательные меры в виде подзатыльников не дают нужного результата, задумался. Почесал затылок. И кто знает, что бы придумал, но на конюшню зашла та, кого тут вовсе не ждали.

Любовь самого батьки Счастливого.

Валентина.

– Федя, где у тебя тот паренек, который с Сенечкой был? Поговорить бы мне с ним?

– Дык... вот... это!

Конюх решил не забивать себе голову излишними сложностями и удалился выгребать навоз. А вот Гришка все как на духу выложил доброй тете Вале.

И что была баба!

Да, вон энта, что в газете!

И что она превратилась в упырицу.

И сожрала бедного Семена, вот как есть, а у него-то образок, вот он и уцелел! Вот, святой, с Фарафон-горы, с коим теперь бедный Гришенька не расстанется! Небось без него и уснуть-то не получится. Спас его образ от нежити поганой! А то б и его сожрала, нечисть жуткая...

Валентина слушала, поддакивала, размышляла... и отправилась к Никону.

* * *

– Валька! Ну что ты несешь, дура-баба?!

А что еще должен сказать нормальный мужчина?

Вот он лежит довольный, разнеженный, доказавший любимой женщине, что он мужчина и еще о-го-го, а она тут...

Нет бы кваску подать, или пожрать чего сгоношить... так ее поговорить растащило! Вот что за манера у баб – все удовольствие

портить? То им про любовь языком молоти, то им еще чего...

– Никон, миленький... – Квас Валька таки подала, и рядом присела, и по груди погладила, спускаясь все ниже и ниже, этак... с намеком. – Ты послушай меня всерьез. Ведь и так быть может, разве ж нет? Ты знаешь, что застрелили анператора со всей семьей... а может, и правда, одна из его дочерей из могилы выбралась? Упырицей стала? Бывает ведь такое, коли душу Темной запродать! Ишшо как бывает, бабки говорили...

– Да дуры старые твои бабки!

– А кровь кто заговаривает? Кто твоих бойцов лечит, скажешь, не они?

– Ну...

Тут крыть и правда было особо нечем. Пара дохтуров у Счастливого имелась, но учитывая, сколько они пили... Ей-ей, лечение от бабок действительно выходило более эффективным.

– Вот! Небось потому ее раньше и не показали, что упырица она! И кровь пьет... а как сил набрала достаточно, чтобы на свету находиться, али еще чего...

– От меня ты чего хочешь?

Чего хотела Валентина?

Да за брата расквитаться! А упырица там, императрица – вот уж что ее ни разу не волновало! Она б кому угодно в косы вцепилась.

Но коли уж так...

– Святой водой ее облить надобно! Тогда задымится нечисть да и сгинет! Не переносят они святой воды и святого хлебушка...

– И что?

– Так ежели Валежный... энто...

Никон едва не застонал.

Чего хотела дура-баба?

Да считай, что и пустяк!

Пусть он Валежному, значит, отпишет, что все знает... или вообще пустит Валечку туда поехать... в Зараево... или в Ирольск, куда там анператрица поедет... ну и того ее... святой водой!

За Сенечку!

А то как же?!

Нельзя ж так, чтобы она... того – и безнаказанно?

Нет, никак нельзя...

Атаману оставалось только застонать. И решительно натянуть штаны.

А что?

И возраст уже не тот, чтобы, значит, и вообще... когда такое требуют, тут любое настроение упадет! Даже самое боевое!

Валька поняла, что перегнула, повисла на шее, зашептала ласково, заворковала...

Штаны Никон снял. И в постель вернулся.

Но соглашаться?

На такое?!

Да вы что – ополоумели вконец?! Никогда! Ясно?

И ни за что!

Глава 2

Соблазны и страсти, луну и звезду...

Русина, Ирольск

Совет был небольшим. Всего три человека.

Валежный, Яна, Изюмский.

А больше никого и не приглашали. И совет-то собрался, чтобы коллегиально сделать то, что надо было сделать еще Петеру, не тем будь помянут, дурак.

Выбрать Анне мужа.

Уж каким там император местом думал, теперь и не скажешь... и его ли то место было или его жены-идiotки, но...

В том-то и беда, что выбирать, считай, не из кого.

Тут же как?

Надо, чтобы достаточно молодой – ему еще править, и весь этот ворох разгрести, и вообще... Вот абы кто такой воз не потянет. Валежный честно признавался, что даже не будь он давно и счастливо женат... все равно он – не!

Войну выиграть – это еще полбеды. Но там же и с министрами, и с политикой, и из казны потянут, и народ кормить надо. Одним словом – спасите!

Изюмский тоже был благополучно женат, но даже если бы и не...

В общем и целом итог был печален.

Те, кто поумнее, те править не хотели.

А те, кто поглупее, те не справятся. Вот такой расклад. Как не справится и сама Яна. Что такое государственная машина? Она примерно представляла. И это...

Это даже не из болота тащить бегемота, как писал классик.

Это тащить из того же болота бронепоезд.

Одной. Голыми руками. То есть – нереально. Даже если б она не была приговорена, она все равно бы не справилась. Это понятно. Вот и сидели они втроем, перелистывали дворянские книги, газеты, пытались найти хоть кого-то...

– Прямо ты хоть за Пламенного замуж выходи, – невесело пошутила Яна. – Сволочь он, конечно, но страну удержит.

– Он тоже женат, – с мрачным юмором сообщил Валежный.

– После изобретения револьвера это не проблема, – фыркнула Яна.

Валежный, который уже привык к черному юмору императрицы, даже не подавился. Разве что меланхолично заметил, что осталось уговорить Пламенного. И... по некоторым данным, он немножечко болен. Дурной болезнью. Так что здорового потомства от него не дождешься.

Раньше он хоть немного стеснялся, а сейчас махнул рукой, да и говорил все, как оно есть. Ну какая Яна тора? Понятно, благородная, но все равно – свой парень.

Яна задумчиво покивала.

Да, здесь это несложно, в отсутствие антибиотиков. Те же гонорея, сифилис... заразишься по молодости, наплачешься по всей жизни. Хотя и в ее веке эти болезни радости не приносили. Вылечиться-то можно, но как оно потом на детях скажется?

То-то и оно...

– Может, кому из иностранных принцев предложить? – подал идею Изюмский.

Яна пожала плечами:

– Теоретически... Кому? Борхум?

– Мы с ними воюем, – сообщил Валежный.

Яна махнула рукой:

– За такой кусок? Они мигом о войне забудут, но там же старший женат, а младший слабоумный! И вообще мне только полудурков в родню не хватало. Это ж по наследству передается.

– Ламермур? Там одни бабы...

– Лионесс? Там наследник есть, но с ними связываться? Не будет Русины, – махнула рукой Яна. – Будет подхвосток Лионесса, они как раз недавно колонии потеряли, им бы хоть где погреть руки...

– Герцогства?

Увы, иностранщина отпадала, одна за одной, словно засохшая грязь с ботинка. Они попросту не подходили. Те, кто может жениться, не смогут справиться. Да и народ...

Будем честны, вряд ли они сейчас примут любого иностранца, как мужа императрицы. Свой и только свой.

Но – кто?!

В дверь робко постучали.

– Да! – рявкнул Изюмский, который тоже отлично понимал всю остроту ситуации.

– Тор Ромашкин принять просит.

Дмитрий временно вернул себе титул, так было проще и для Валежного, и для Яны. Яна и высказалась первой, понимая, что она тут императрица.

Вот ведь беда...

Она не знает, что делать, но должна решать.

А Валежный не лезет вперед нее. Всем мужчина хорош, но Русину не потянет. Не сможет. Полком командовать проще. Войну он выиграет. Но мир не выдержит.

– Так приглашайте, тор генерал, приглашайте. Полагаю, не просто так он явился?

– Даже не сомневаюсь.

Валежный предпочел бы сначала выслушать Дмитрия наедине... ну хоть предупредить, но... ладно уж! Все одно... бронепоезд из болота им вместе тянуть! Вот и не стоит разводить секретность на пустом месте.

Да и разговор зашел в тупик. А в таком случае надо попробовать переключиться на что-то другое... не получается взять крепость штурмом в лоб?

Ну и ладно, иди в обход! Пытайся подкоп сделать, взорви ее к лешевой матери... но не повторяй одно и то же.

Может, чем появление Дмитрия и поможет? Все ж не дурак. А что дело сложное...

Чего секретность-то лишнюю разводить? Все равно через месяц об этом вся Русина узнает!

* * *

Яна с интересом рассматривала Дмитрия Ромашкина.

Есть порода мужчин, которые до старости выглядят... не мальчишками, нет. Но за студентов они сходят спокойно. Угловатое телосложение, тонкокостный, даже хрупкий с виду. Но при этом, когда он двигался, словно перетекал с места на место, Яна понимала, что под простой одеждой перекачиваются литые мышцы. Просто высушенные до предела.

Опасный противник.

А то, что он позволил это увидеть...

Яна даже не сомневалась, что в других обстоятельствах Дмитрий был бы до ужаса неловким. Неуклюжим и трогательным.

Немного краски, очки, щенячий наивный взгляд... Дамы должны млесть и гладить милого мальчика по головке. А мальчик может спокойно сломать глядящую руку в трех местах. И не сильно запыхаться при этом. И лицо ему не помеха, чуточку грима – и никаких проблем. Это сейчас видны и острые углы, и морщинки, и выражение у него, как у хорошо травленного волка – мигом зубами рванет. Но если захочет...

Ми-ми-ми будет. И каваяная няша. Яна даже не сомневалась. Этот – справится.

– Тора Яна, – поклонился Дмитрий. И уселся за стол.

Яна этикетом не страдала, а Дмитрий с удовольствием ее поддерживал. Эпатаж был ему и близок и дорог. Вон как у Изюмского глаза хлопают, любо-дорого посмотреть! С его точки зрения, в присутствии императрицы Ромашкин должен или стоять навтыжку или лежать в гробу. А они так мило беседуют. Да и Валежный морщится, субординация ему, как каждому военному, близка и понятна. А Яна по ней потопталась всласть.

– Что вас привело к нам именно сейчас? – продолжила светскую беседу Яна.

– Я уезжаю. В Звенигород.

Яна перевела взгляд на Валежного.

– Тор генерал?

– Мое письмо. И ваше, ваше величество.

– Надеюсь, не запечатано?

Валежный качнул головой, протягивая Мите письма, которые тот и принялся читать.

Пробежал глазами, кивнул.

– Хорошо. Если поймают, сразу не казнят.
– Сначала помучают? – невинно уточнила Яна.
– Потерплю. А там и свобода...
– Вас встретит радостно у входа?
– Вы стихосложением балуетесь, тора Яна?
– Хелла упаси, – честно высказалась Яна. – Так, развлекаюсь в свободное от работы время.
– Да, работа у вас – врагу не пожелаешь, – посочувствовал Дмитрий.
– Лучше бы я была извозчиком, – вздохнула Яна, – но кто ж даст?
– Нет, не дадим. – Митя почувствовал, что разговор начинает затягиваться, и перевел его в деловое русло. – Письмо я, конечно, передам. На словах что сказать жому Тигру?
Яна задумалась.
Сказать?
Не сказать?
А потом все же не удержалась. Взяла Митю за рукав и подвела к окну. Приподнялась на цыпочки, чтобы никто другой не услышал. И тихо-тихо шепнула в ухо:
– Передай, что я его люблю.
Оказывается, словами тоже можно подавиться малым не до смерти. Особенно чужими.
Когда Митю кое-как, в шесть рук, подняли, отряхнули и привели в чувство, он на Яну уже смотрел с немалым уважением.
Понятно, императрица и все такое. Это бывает.
Но так дергать Тигра за усы?
Нет, это корона не гарантирует, с этим только родиться надо.

* * *

Когда Митя ушел, двое мужчин воззрились на Яну. Та только головой покачала:
– Не расскажу.
– Ваше императорское величество, – начал Валежный, но был остановлен самым решительным способом.
Яна попросту зажала ему рот рукой.

– Тор генерал. Есть вещи, которые лучше не афишировать. Но я надеюсь, что жом Тигр это оценит.

Оценит...

Скотство, конечно, с ее стороны, вот так...

Скотство и свинство.

Я тебя люблю. Но замуж выйду за другого. Я тебя люблю. Но умираю. Но люблю...

Сволочь она. Но как было не сказать? Может, хоть один раз ее вспомнят не только ругательством? Как-то так и правда получилось, что этот мужчина стал Яне дорог.

Не была она гулящей девкой, и абы к кому в постель бы не прыгнула. Но и так...

– Тора Яна, после ваших слов жом Тигр не может стать нашим врагом?

Рук-то у Яны было две. Но до Изюмского она бы не дотянулась. Вот и открыл рот не по делу.

И сколько можно испытывать ее терпение?

Яна и высказалась:

– Вашим врагом не станет. А вот моим мужем – запросто. Я ему предложение сделала!

И пока мужчины переваривали эту новость, хлопнула дверь. Да скажет она потом, что пошутила! Скажет!

Никто ведь такое всерьез не примет, понятно... бред! Как есть – бред!

Но пару минут нервотрепки мужчины заслужили.

Георгий, Свободные герцогства

– Топыч, мне на почту нужно.

– Зачем?

– Надо. Мама сказала.

В Герцогствах они были уже почти неделю.

Федор Михайлович занимался своими важными делами, а вот малышня сидела в гостинице, в номере. Топыч приглядывал за ними, возился, играл...

Не Михаил? Конечно нет.

Михаил пил.

Когда он узнал, КТО прошел мимо...

Михаил был свято уверен, что его обаяние... он просто не сообразил сразу, что Яна – императрица. А если б сообразил, наверняка она бы в него влюбилась! Он же просто не ухаживал всерьез! И Гошку признавать отказался... Идиот! А если б согласился, они бы с Яной уже месяц как поженились! Разве перед ним можно устоять?!

Михаил, император всея Русины...

Звучит?

А то нет? Такой шанс прохлопать! Такое упустить!

Как тут с горя не запить?

Федор Михайлович на сына поглядел да и плюнул. Похоже, собирался помощника из внука растить. Маленького Мишку он таскал с собой везде. И на переговоры, и по закупкам, и на склады... не понимает мальчик?

Так объясним!

А то вон, сына упустил! Но там здо-оровье слабое, ма-альчик болеет, ма-альчику нельзя... послушал жену, идиот?

Ну и получи... в копилку!

Нет, с Мишкой Федор Михайлович такого повторять не собирался. С внуком они были неразлучны.

Машку сегодня тоже взяли с собой – ничего особо важного не предстояло. А если так... пусть дите порадует. Машка без брата скучала и плакала, так что Федор Михайлович решил побаловать малышню. Пусть едут оба. Гошка и Топыч остались практически одни.

Так, с небольшой охраной в три человека. Двое за дверью, еще один внизу. Мало ли что...

Проблема была в другом.

Даже если они пойдут на почту, ну кто выпустит мальчишек одних? Обязательно ведь пойдут с ними. И доложат потом.

А мама строго-настрого наказала Гошке, чтобы никому.

И ни за что!

И сам пропадет, и других подведет, и скрывается ему будет негде...

Топыч?

Тут другое, если что, это и для Топыча. У купца все ж свои дела, у них – свои...

Это Яна сыну хорошо в голову вбила. И Гошка все уже продумал.

– Топыч, тебе придется меня прикрыть.

– И как же?

– Скажешь, что у меня голова заболела. А я вылезу через окно.

Тут водосточная труба удачная, я ее пошатал. Меня выдержит.

– А меня?

– Ну... наверное. Но зачем?

Потап фыркнул.

– Гошка, ты как маленький! Если я сейчас скажу, что у тебя голова заболела, мигом пошлют за дохтуром, а потом запрут тебя под присмотром сиделки. Куда там мне! Год не выберемся!

– Верно... – Гошка сообразил, что как-то не обдумал этот вопрос.

– Поэтому мы сейчас попросим обед в номер. А пока якобы обедать будем, тут и удерем. И обратно подниматься по трубе придется, не то уши надерут.

– Хм...

– Пообедать нам спокойно дадут. Хотя бы полчасика. И охрана кушать будет.

Все верно, к мальчикам в номер регулярно кто-то да заглядывал. Без присмотра их не оставляли, купец понимал, что мальчишки что хочешь натворить могут.

Даже Потап, хоть и старший годами, все одно мальчишка. И дури там хватает.

– А потом с обедом как?

– Скажем, что не успели еще. Или сразу спрячем, что принесли, потом поедим.

– Тоже можно, – кивнул Гошка. – Бар в номере есть...

Бар в номере действительно был. Не было детских номеров, вот купец и снял несколько подряд. А в них, конечно, и бар, и все, что может взрослому человеку понадобиться. И тарелки найдутся.

– Ты знаешь, где тут почта?

– Знаю. Приметил прошлый раз, когда ехали.

– И как добежать запомнил?

– А то ж!

Топыч кивнул.

Ради торы Яны он бы на что угодно пошел. Тора его из деревни забрала, считай, новую жизнь подарила... он бы и сам сбегал, но вот

беда! Читал-писал он пока плохо. А ежели на почте обманут?

Вдруг?

Или он сам ошибется?

У них же ни конверта, ни марки, все на почте покупать придется...

Так что бежать им вместе. Гошке писать, ему – охранять и опекать. И по шее огребать, если что, вместе. Так правильно.

* * *

Не подозревая о замыслах мальчишек, купец тем временем поставил перед доктором Ромарио банку с серым порошком.

– Вот, значит.

С доктором он был знаком уж давненько, тот лечил супругу купца. И не его вина, что лечение не помогло. Меншиков помнил Ромарио как крепкого профессионала и фаната целительства.

– Вот?

– Человек, который рассказал мне этот рецепт, уверял, что он хорошо помогает от кровохарканья.

– Неужели?

Скепсис в голосе доктора было легко предугадать. Помощь при кровохаркании? Болезни, которую не излечивает ничего? Которая вот уже не один год является синонимом быстрой и неотвратимой смерти?

Позвольте вам не поверить.

Улыбка купца была даже чуточку снисходительной.

– Жом Ромарио, никто вас не заставляет мне верить на слово. Вы проверьте, проверьте...

– Да? И на ком же?

– Так на больных. Я же знаю, что у вас в больнице целое отделение тех, кто болен легкими.

Это была чистая правда – не поспоришь. Болен, неизлечимо болен... практически – приговор.

– И как это надо применять?

Доктор сильно и не упорствовал. А зачем?

Этим больным уже ничего не повредит. Даже порошок из ослиного кала, если на то пошло! Они все равно обречены!

Федор Михайлович достал листок, на котором аккуратно, округлым четким почерком, записал рекомендации, выданные Яной.

– Вот.

– Вот... понимаете ли...

Ворчал доктор без души. И банку встряхнул – проверить.

– Тут разве что на двоих-троих хватит. И то на детей...

– Так попробуйте на детях, доктор. Что в этом такого? Если получится, так их родители вам еще спасибо скажут...

– А если нет?

Меншиков даже плечами не пожал. Оба они отлично знали, что осталось недоговоренным.

У вас и так не получится. Это – не лечится.

– Я попробую, – сдался доктор. – Где я смогу вас найти?

– Так в гостинице «Талларен».

– Хорошо, – кивнул доктор.

Купец дружески попрощался и подумал, что надо бы еще подсобрать медведку. Не самому, конечно! Этого еще не хватало!

Эта была им набрана еще в Русине. И порошка у него было еще три банки. Будет что выдать доктору. Тора Яна говорила, что это не панацея, что с какого-то момента снадобье может только отсрочить смерть, но не вылечить, но ведь и это уже неплохо!

Это золотое дно, ежели что!

Пусть доктор попробует, посмотрит... а Федор Михайлович пока делом займется. Поговорит со знакомыми. Совершенно необязательно ехать самому в Чилиан, чтобы закупить там зерно! Телефон есть?

Договоримся...

* * *

Проводив посетителя, доктор Ромарио решительно отправился в палату.

Не соврал он купцу. Были у него в пациентах и дети. И на них смотреть было горше всего... такие молодые – и уже. Уже почти нет надежды. А каково их родителям?

Через десять минут он инструктировал медсестру в детской палате. Та смотрела с недоумением, но банку взяла. Доктор – всегда

прав.

И порошок начала давать, смешанный с медом, как попросили.

И следить за состоянием детей.

Как и было написано в рекомендациях, в первые дни у всех троих сильно подскочила температура. Потом спала, но началось обильное отхождение мокроты и сильный кашель. У одного из детей стала сильно болеть грудь.

Доктор наблюдал с громадным интересом.

Поможет?

Нет?

По крайней мере, не навредит. Это-то уже ясно...^[3]

* * *

Вечером в номере Меншиковых довольны были все.

Доволен купец – лекарство начали испытывать.

Довольны Мишка и Машка – целый день с дедом.

Доволен Потап – их не поймали и им не попало. Так, удивились, что ребята слишком долго обедали, но это дело житейское.

Доволен Гошка – на почту они успели и письмо отправили. Недоволен был один жом Михаил, но кто его спрашивал? Сидишь, пьешь? Ну так и пей! И не лезь к людям! Они делом заняты!

Яна, Русина

Кто-то из мужчин высказывался Мите, что обожает подобного рода сюрпризы.

Приходишь ты, а у тебя в кровати красивая обнаженная девушка.

Митя его тогда не понимал. И сейчас не понял. Потому как приходишь ты, а у тебя на кровати красивая, но полностью одетая императрица. И взгляд у нее такой... внимательный.

Задумчивый взгляд.

Так смотрят, когда тебе уже применение нашли. И поди откажись.

– Гулять изволите, тор?

– Собираться в дорогу, ваше...

– Тора Яна, – обрезала женщина.

– Тора Яна, вы что-то еще хотите передать? Эм-м... жому Тигру?
Яна качнула головой:

– Ни ему, ни кому-то другому. Митя, я хотела вас нанять, чтобы вы поработали по специальности.

– Слушаю? – мгновенно напрягся Митя.

Ситуация была нестандартная. Обычно императрицы не нанимают убийц.

Сами – не нанимают.

Но сейчас и ситуация сложная? Война, проблемы... сделаем скидку на сложности жизни? Нет, не на оплату заказа. Но на его оформление, ладно уж.

Яна развела руками:

– К сожалению, достойных сумм у меня нет. Но возможно, вы примете вот это?

На стол легло то самое кольцо. Да-да, Гаврюшино. Яна таки привезла его из Беркута и решила, что оно вполне подойдет. А что?

Денег у нее нет, драгоценности все у Зинаиды, те суммы, которыми она располагает, маловаты, а просить денег у Валежного...

Как-то некрасиво: «Вы мне теракт не оплатите?»

Митя взял колечко в руки, повертел его... Не сказать, чтобы сильно дорогое. Камень хорош, и оправка красивая, видно, что модный ювелир делал. И продать можно дорого. Но стоит ли такими вещами торговать? Они обычно с историей... ему не часть императорских сокровищ подсунули?

– И кто его носил раньше?

– Великий князь Гавриил.

– Хм?

– Он немножко померши.

Митя задумчиво кивнул. Повертел колечко в пальцах. Сапфир подмигнул ему синим глазом. Ладно... если Гаврюша... такие колечки можно и внукам передавать. Как семейную реликвию. Жаль, с Гаврюшей не он поработал. Ну хоть помечтать.

– А что? Возмусь. Кого убирать будем?

– Тор Вэлрайо, – спокойно сказала Яна. – Справитесь?

Митя присвистнул:

– Тора, вы на мелочи не размениваетесь. Пожалуй, я попрошу доплату!

Яна фыркнула:

– Других драгоценностей у меня нет. Могу вот это колечко отдать.

Она насмешливо предъявила Мите черный камень и пронаблюдала, как он аж шарахнулся в сторону.

– Ну – нет!

– Точно?

– Издеваться изволите, тора Яна?

– Изволю. И желаю... вообще, могу расписку выдать. Сколько надо доплатить? – Вот теперь Яна была полностью серьезна.

– Сначала я хочу услышать условия.

– Условия?

– Как его надо убить. Медленно, мучительно, с сопутствующими жертвами, без них...

Яна пожала плечами:

– Желательно без женщин и детей в качестве сопутствующих жертв. В остальном свобода рук. Единственное условие, чтобы все знали, за что его так.

– И за что?

Яна помолчала несколько минут. Память Анны подчинялась все хуже, скоро она вообще перестанет работать. Но пока еще есть время.

– Мой отец хотел уехать. Вэлрайо сначала обнадеживал его, а потом отказал. Есть там такая шестерка, Дрейл...

– Шестерка?

– Не важно. Мелкая фигура, пешка, шушера... вот через него все шло. Все письма... отец умолял забрать хотя бы нас. Но Вэлрайо отказал ему в последний момент.

– За это?

– Да.

Митя задумался:

– Пожалуй, я могу это сделать. И даже без дополнительной оплаты.

– Из спортивного интереса?

– Профессионального.

– Будьте так любезны, тор. – Яна улыбнулась нежной улыбкой голодной акулы.

– Буду, тора Яна, обязательно буду. Сохранить для вас на память парочку газет?

– Газет?

– Не сомневаюсь, это событие получит все передовицы. – Митя уже прикинул, что и как можно сделать, и решил поработать за одно колечко. И колечко с историей, и заказчик с уважением, и добыча...

Вот между нами, диверсантами, лионессцы Митю всегда бесили. Ходят, понимаешь, с таким видом, словно они – пуп земли. А они, может, даже вовсе не пуп, а попа?

И в каждую бочку лезут, и везде ощущают себя правыми, и везде пакостничают, и ничего хорошего миру не принесли...

Да, пожалуй, он поработает за одно колечко. Реализует свои фантазии...

Ах, тор Вэлрайо, что я с вами сделаю...

Яна посмотрела на мечтательное лицо диверсанта, вежливо попрощалась и вышла. И уже за дверью тихо прыснула в рукав.

Это ж надо так любить свою профессию!

Русина, Звенигород

Жом Пламенный расхаживал по комнате.

Злоба ему мозги не туманила, рассуждать он был способен вполне здраво. И рассуждал.

Валезный атакует. У него императрица – это громадный плюс.

В тылу у освобожденных хозяйничают Логинов и Алексеев. Эти тоже своего не упустят – волки. Считаю, их загнали в угол. Но...

Один вариант все же остается.

Если императрица выходит замуж... да хоть бы и за него! Почему нет?

Гулька?

А что – она? Пламенный подумал, что надо бы отдать приказание... кому?

А вот, кстати говоря! «Счастливики» – подойдут. Своим нельзя, слишком уж подло получится... ладно! Получится хорошо, но если б хоть месяцем раньше! Тогда можно было и обвинение какое

сфабриковать, и обвинить жену в расхищении, в предательстве народного доверия, в... да хоть и в государственной измене!

Какому государству?

Государство – это я! А свидетелей измены найдем десяток. Не важно!

А вот сейчас только дурак не поймет. Когда императрица объявила на всю страну, что династия Вороновых нынче недостойна...

Она-де приняла Русину у отца, но нести ее не может. А потому отдаст ношу достойнейшему... и вы хотите сказать, что в таких условиях еще кто-то воевать будет?

Конечно, можно объявить ее самозванкой.

Можно закричать на всю страну, что Валежный нашел куклу, подмену, фальшивку...

И нельзя!

Глупо получится, а глупым жом Пламенный выглядеть не желал.

На фотографиях Анна – копия самой себя. Чего уж там. Похудевшая, с решительным выражением лица, в непривычной одежде, но кольцо то самое.

И колокол звонил.

И... итак, принимаем, что императрица настоящая. Тогда есть два варианта. Первый – драться.

Пламенный понимал, что так тоже можно. Но... поддержат ли его освобожденцы? Или – нет? Положа руку на сердце, Валежный – даже без императрицы был бы в Звенигороде к осени. С большой долей вероятности. Это мир он не выиграет, а войну еще как запросто! И прекрасно Пламенный знает, что тот же Броневой, тот же Ураган, те же... да тот же Тигр – все имеют счета за границей. И знает, кто удерет при малейшей опасности для своей шкуры. И...

Вот – такой же человек и в зеркале отражался. Будет Пламенный класть свою жизнь на алтарь Освобождения? Э-э-э-э... а кто тогда будет освобождать Русину?

Примерно так и рассуждают все его сподвижники. Это было не жалко – тупое, серое, которое слушает сладкие речи на митингах, тянется за кусками и медяками, которое и из пулеметов положить нестрашно... а чего им? Бабы еще нарожают!

А коли ты такой дурак, что лезешь в замятню, поделом тебе и будет!

А себя-то Пламенный любил и ценил...

Но если предложить всем пойти на переговоры с Валежным... а вот тут-то и может прокатить. И предложить выбрать самого достойного императора, из своих... и отстраниться от гонки, он ведь человек женатый...

Конечно, самых умных так не проведешь. Но и они свои головы класть не захотят за понюх табаку.

А народ?

Помилуйте, кого волнует, что думает народ? За него прекрасно подумают! А способы убеждения известны еще со времен древних греков... Как звали того политика, который отрезал хвост своей собаке? И ведь обсуждали все тот хвост, а что бюджет попилили, так и не заметили...

Народ-с!

Со свободным волеизъявлением...

Пламенный хмыкнул хорошей шутке и отправился писать письмо Счастливому. Пусть его...

Подождем пока мир заключать. Есть «счастливчики», есть Броневой, вот если Валежный до столицы дойдет, тогда подумаем. А пока потрепыхаемся. И мир надо на своих условиях, а не на его, это уж точно. Было у Пламенного подозрение, чью голову попросит Валежный. Было. И головы ему было жалко. Привык уже...

Русина, Ирольск

Алоиз Зарайский оглядывал перрон почти хозяйским взглядом. И город тоже...

Императрица была здесь.

А значит...

Выигрыш близко. Надо только к ней прорваться. И оказаться рядом, втереться в доверие... для этого уже все готово.

Алоиз решительно направился к первому же военному патрулю.

— Тор офицер. Разрешите обратиться?

— Слушаю, жом?

Видно было, что вежливый тон дается офицеру нелегко. Но...

Яна предупредила Валежного, что любому нахалу она сама отвернет голову. Лично.

Хватит разделения на торов и жомов, мало огребли? Так жомы с вами еще поделятся. Нет, не кренделями! Понимать надо! И социальные лифты устраивать! Иначе так и будет... верхи не могут, а вот низы хотят! Еще как хотят! Все то, что есть у верхов!

И если им не дать...

Сами возьмут.

Уже взяли, собственно! И попробуй отними!

Ладно, пока еще идет тот момент, когда ситуацию можно переломить, но это только пока. А через пару лет и поздно будет... Вот и строил Валежный своих офицеров.

Никакого зазнайства!

Никакого чванства!

И упаси вас Творец кому-то дать в морду!

Алоиза выслушали со всем вниманием.

— Из Звенигорода?

— Да!

— И готовы поделиться знаниями с тором генералом?

— ДА!!!

— Пройдемте.

Следующие три часа Алоиз провел в комендатуре, где его расспрашивали и вдоль и поперек... впрочем, он и не рассчитывал сразу подобраться к Валежному. Но первые шаги сделать уже можно.

К примеру, между разговором поинтересоваться, в городе ли тор генерал? А то сведения надо доставлять побыстрее...

Уточнить, при нем ли императрица... и точно ли — та самая?

Вот в последнем ни у кого сомнений не было.

Кто-то видел Петера, а Анна была копией отца. Кто-то видел портреты, кто-то и всю семью...

Императрица была настоящая.

Алоиз довольно потирал руки. И сообщил, что ежели тор генерал пожелает его увидеть или поговорить... где можно остановиться? Чтобы торам из комендатуры было удобнее его искать?

Офицеры переглянулись, но гостиницу посоветовали. И неплохую.

Спать Алоиз ложился с чувством выполненного долга.

Я настиг тебя, дорогуша.

И смогу заинтересовать Валежного. А там и тебя...

Бабы – народ несложный! Никуда ты от меня, лапочка, не денешься... моя будешь! И вся Русина – моя! Только моя... и корона и трон...

Аферист спал, и снились ему подвластная Русина, императорская корона и почему-то жом Тигр. Последний явно был против... и плевать на тебя три раза, кошка облезлая! Стану императором – прикажу твою шкуру на коврик пустить!

Анна, Россия

– Девочки, добрый вечер! Скучали без меня?

Ради этого момента Борис готов был уходить каждые пять минут. Чтобы потом возвращаться. Домой возвращаться.

К нежной улыбке Анны и ее светящимся радостью глазам.

К восторженному воплю Гошки, который повисает на шее с разбега.

К объятиям Киры, которая пока еще не решается поступить, как Гошка, но смотрит... и подходит и целует в щеку... почему он, отец, не понимал этого? Почему не видел, насколько его дочери нужен ДОМ?

Не нотации, не побрякушки, а именно это? Тихие семейные вечера, улыбки родных, даже кот соизволяет прийти и потереться об ноги.

– Мур-р-рм.

Все правильно.

Семья.

И улыбки того же Романа, Розы Ильиничны и прочих говорили об этом лучше всяких телевизоров. Хотя ты их с десятков включи.

Семья...

Разве что Анна еще в его комнату не переехала. И чего она упирается? Но до свадьбы неприлично... Ладно. Потерпим!

Борису очень хотелось засыпать и просыпаться рядом с любимой женщиной, но пока получалось только первое. Утром Анна уходила еще до рассвета. Тихо-тихо, он не просыпался.

Как же быстро привыкаешь к хорошему!

К вкуснейшему ужину, кстати говоря, и индейке с брусникой, и запеченному в сливках картофелю, и вкуснейшему десерту... После такого ужина – хоть на тренировку срывайся. А то скоро штаны расставлять придется!

– Кира, ты завтра Анюпустишь? В два часа дня?

– Отпущу. А что случилось?

Отпускала Кира вполне спокойно. У них с Гошкой были уроки. Весна заканчивалась, и в школе лютовали с контрольными. Кто только придумал этот садизм: отпускать школьников на каникулы в десятых числах июня? И так всего три месяца счастья!

И – урезают!

Козлы!

Тем не менее у ребят шли четвертные контрольные, Гошка в школу хоть и не ходил, но подготовительные классы посещал. И с учетом больниц было ему сложно.

С ним занимались и Анна и Кира, но мальчику предстояло слишком многое наверстать.

– Меня приглашают на выставку.

– Выставку?

– Называется «Противопоставление».

Борис выразительно скривился и принялся рассказывать:

Да, есть такое течение – контркультура. Есть...

А теперь догадайтесь, кто всем этим увлекается? Да молодежь! В том числе и губернаторский сынок. Дурак? А куда деваться? Можно быть идиотом, если у тебя папа – губернатор. Можно...

Вот если сантехник, там приходится или умнеть, или подыхать. А губернатор в состоянии обеспечить своему чадушку любые погребушки. Разумеется, за свой счет! Заработает и обеспечит!

Воровать?

Губернатор?!

Как вы могли такое подумать об этих честнейших людях!

Не иначе как подметая по вечерам дворы или разъезжая таксистом, заработал губернатор своему чадушку и на обучение в Англии (медом им там, что ли, намазали?), и на квартиру, и на персональную выставку...

А поскольку ссориться с губернатором не стоит, мужик он вредный, злопамятный и (только тсс!) жутко говнистый, придется

сходить. Повосторгаться десять минут... ладно! Честно выдержать час, высказать свое восхищение и удрать.

Вот лично Борис ничего интересного в таком виде искусства не находил. И «Черный квадрат» не купил бы, даже чтобы дырку на обоях прикрыть. Другой вопрос, что Малевича на должность начальника пиар-отдела он бы взял без экзаменов. И на зарплату не поспешил.

Но здесь и сейчас никто его не спрашивал. Увы.

Надо идти.

Борис в тоске и отчаянии взирал на приглашение, когда ему и вспомнилась Анна. А что?

Поддерживать своего мужчину – первая обязанность женщины. Разве нет? И похвастаться хочется. И вместе они никуда не ходят... как-то так получается!

Вот Лизу Борис то по ресторанам водил, то по кабакам, по танцулькам, а Анне все это поперек сердца, он же видит! Ну хоть куда сходить?

Анна улыбнулась – и согласилась.

– А форма одежды?

– Не вечерняя, но парадная. Все же не абы куда идем... Вот карточка. Аня, солнышко, купи себе что-то дорогое. Знаешь в нашем городе бутик «Львиный зев»?

– Я знаю! – Кира аж подпрыгнула.

– Вот, Аня, завтра с утра купи, пожалуйста, платье?

Аня кивнула.

И проглотила вопрос, почему она так поздно узнает о выставке. Борис ответил на него сам.

– Я бы раньше сказал, но замотался. У Игоря горе, сын умер... ну и дела он забросил. Пьет как лошадь...

Кира фыркнула, показывая, что ей на покойника наплевать! Ей та семейка никогда не нравилась.

– У него еще дочь осталась!

– В Англии.

– Так Англии и надо!

Все рассмеялись, и куда-то растворился неприятный осадок. А и правда... не стоит о грустном! Они живы, они вместе и рядом. Что еще требуется?

Да ничего...

Бутик, расположенный на втором этаже огромного торгового центра, Анну огорчил.

Редкостно.

Дорого?

Да, безусловно. И дорого, и ярко, и броско, но как вот ЭТО на себя надевать?

Последняя коллекция? Новейшие модные тенденции?

Девочки, миленькие, да ведь мода к человеку гвоздями не прибита! Вещь должна быть и к лицу, и к фигуре, и удобной быть, и носиться хорошо, а вот это... модное, которое на один раз – на него ж без слез не взглянешь!

То стразы на всех местах – смотреть страшно! То ли человек, то ли елка новогодняя!

То разрезы... да еще шнуровка такая, что жутко становится. То ли человек, то ли колбаса...

То сам покрой платья... надо ведь и фигуру учитывать! И не надевать, к примеру, вертикальные полоски на худощавую фигуру. Или крупный рисунок... выглядеть будет жутковато. А ткани?

Сетка, бархат, блески...

Аня еще раз посмотрела, покачала головой – и вышла из магазина. Да ни за что!

И никогда!

– Жуть берет?

Аня посмотрела на уборщицу, которая терла пол шваброй. И решительно кивнула.

– Жуть жуткая. Сама сшить я ничего не успею, а платье надо срочно. Но тут же ничего не купишь! Оно все невыносимое!

– Это уж точно! Разве что деньги там оставлять без толку. Знаешь что, а ты вон туда сходи!

– Куда?

Уборщица указала в сторону выхода из торгового центра.

– Вот как из этого пафосного кошмара выйдешь, так и налево. Метров триста пройдешь – и в арку. Там магазинчик. Моя знакомая держит... не захочешь что-то покупать, так и вернешься. Цены там точно раз в десять ниже местных.

Анна поблагодарила и отправилась в арку.

* * *

Магазинчик с простым названием «Платья» порадовал ее по-настоящему.

Стоило выбранное платье в десять раз меньше, чем в бутике, а выглядело в десять раз лучше. И ощущение было...

Анна отлично разбиралась в тканях. Дорогих и дешевых. Вот эти платья были сшиты из дорогой, по ее меркам, ткани. Качественной. Не скатывающейся и не линяющей. Так что она примерила шесть платьев, подумала – и взяла два. Оба были слишком хороши, чтобы с ними расставаться.

Ладно уж...

Побалуем себя.

Зато как засияли глаза Бориса, когда он увидел Аню в платье цвета молочного шоколада. Совсем простой крой, Анна не считала, что ей нужны какие-то дополнительные портновские ухищрения, чтобы подчеркнуть или скрыть нечто. Так что фасон выбрала классический.

Облегающий лиф, пышная юбка, узкая талия. Никаких стразов, никаких украшений. Изюминку платью придавал сам материал.

Платье цвета молочного шоколада – и чехол сверху. Словно морозные узоры на окне. Белые, серебристые...

Под такое и украшений не надо. Это платье само по себе украшение. Разве что маленькие сережки. Может быть, еще колечко с жемчугом, но чего нет, того пока и нет.

– Анечка, какая ты красивая! – от души высказалась Кира.

Анна улыбнулась ей и приобняла девочку. Кира сначала застыла, словно ожидая чего-то плохого, а потом расслабилась, ткнулась мордяхой Анне в плечо.

Ребенок.

Пусть и ростом с лосенка...

– Киреныш, ты ведь намного красивее меня! Ты посмотри, какие у тебя глаза выразительные! И волосы шикарные, мы их как крапивой

начали мыть и маски делать, так они растут, что грива у коня... и фигура...

– Я толстая!

Аня качнула головой.

– Ерунду ты говоришь. Не забывай, что дети формируются по-разному. Кто-то созревает в двенадцать, кто-то в двадцать. Ты созреешь позже, но и постареешь тоже намного позже иных сверстниц. Надо это осознавать и не поддаваться давлению толпы.

Кира вздохнула.

Вот последнее и было самым сложным. Она ткнулась Анне в плечо, прижмурилась.

– Ты ведь научишь меня так же одеваться? И выглядеть?

– Я тебе передам все, что знаю и смогу, – честно пообещала Анна. И услышала в ответ тихое: «Спасибо». Еще не мама. Еще не сестра. Но близость уже есть.

Как жаль, что нет времени... оно сквозь пальцы утекает, его уже почти не осталось...

* * *

Выставка Валаама Високосного Анну поразила.

Несколько секунд она обводила вот это все взглядом. Потом посмотрела на разнаряженных и вполне серьезных людей, на самого творца шедевров, который активно давал интервью, вещая что-то очень пафосное о новом пути в искусстве, на сами творения...

Нетленные, вестимо.

И подумала, что выражение «нетленка», которым пользовались в этом веке, получило новое значение.

Действительно – нетленка. Такое и тысячу лет в земле пролежит – не разложится. Валаам на мелочи вроде кистей и красок, холстов и бумаги не разменивался, он творил – на века!

Вот – гнутая батарея. Изначально грязно-бурая, сейчас она разрисована черной краской, причем то, что там изображено, приличные люди даже на заборах рисовать стесняются.

Вот – крышка от унитаза. Причем пережившая и первую молодость, и даже десятую... и на ней опять фаллический символ в

самом его пошлом исполнении.

Вот картины.

Дом за фаллическим забором, причем забор-то прорисован с любовью, а дом кое-как. Лес из тех же фаллических символов, аквариум с ними же...

«Символы» везде подчеркнуты, даже выпячены. А вот все остальное...

– Мое искусство попирает старое, косное...

Что-то она уловила из речи творца. Хотя... стоит ли называть ЭТО – творцом? Скорее – вытворятелем.

– Боря, а мы здесь надолго?

– Боже упаси! – передернулся Савойский. – От такого навеки импотентом станешь. Еще и энурез замучает. Сейчас я с парой человек пообщаюсь – и уйдем.

Анна была против формулировки, но по сути-то верно? Верно... и тошно.

Ох-х-х!

Это-то здесь зачем?!

Явно использованный памперс, из которого фаллическим символом торчало... ладно, пусть это будет столбик коричневого пластилина.

Анну замутило. Но лицо ее оставалось невозмутимым, улыбка по-прежнему ослепительной...

– Семен Михайлович! – обрадовался Боря какому-то мужчине лет пятидесяти – пятидесяти пяти. – Надолго вы к нам?

– Боря! Ты ли это? Сколько лет, сколько зим... Галочка, ты помнишь Борю?

– Конечно!

Супруга Семена Михайловича завоевала симпатию Анны мгновенно. Да и сам он...

Мужчина не стал, разбогатев, менять одну супругу по пятьдесят на две по двадцать пять. Рядом с ним осталась надежная соратница, проверенный друг. Может, и не такая очаровательная, как в восемнадцать, и складочек на боках явно побольше одной, но карие глаза искрятся улыбкой, темные волосы заколоты в простой узел, и морщинки на лице явно от улыбок. А не от крика или злобы...

– Боречка, а что это за милая девочка с тобой?

– Галина Петровна, это Анечка, моя невеста.

– Анечка! Чудесное имя! И девочка замечательная... Мальчики, вы поговорите пока о делах, а мы тут почирикаем о своем, о женском...

Мальчики послушно удалились и, судя по виду, действительно заговорили о делах. А Галина Петровна чуточку близоруко прищурилась и собиралась уже впиться в Аню с расспросами, как вдруг...

– О!!! Госпожа Смолина!!! Кого я вижу!!! Вы почтили меня своим присутствием?! А это ваша дочка?!

Художник налетел на женщин ураганом. Анна зло сощурилась.

Таких существ она не выносила. Вот... как есть – хлюст и штафирка! Весь какой-то вихлястый, нескладный, с длинными невымытыми волосами, которые некогда были... темными? Нет, не понять. Главное, вшей не подцепить, мылись эти волосы явно больше года назад.

Блуза – жутко-лиловая с громадным желтым бантом.

Штаны – ярко-алые, в обтяжку. И то самое подчеркнуто громадным металлическим гульфиком. Ну ладно, в Средние века так делали! Но тогда шить иначе не умели!

А сейчас – зачем?! Да еще металлический, вон ткань аж натянулась, она просто этот вес выдержать не может...

Ниже сапоги-казаки, с металлическими заклепками. Красотища – невероятная. Ковбой времен освоения Запада за такие бы ухо себе отрезать позволил! Но какого вкуса ждать от необразованного пастуха? А тут что?

– Это Анечка, – представила Анну Галина Петровна. И, кажется, даже улыбнулась.

Аня подняла брови.

Испытание? Ну-ну...

– Анечка... Манечка! Замечательно! Галина Петровна, вы с супругом?

Дальнейшее было несложно просчитать.

Либо художник мешает беседе бизнесменов. Либо сводит с ума Галину Петровну, и она тоже за то спасибо не скажет. В любом случае – плохо.

– Сударь, скажите, пожалуйста, что символизируют ваши произведения?

Как-то так Анна говорила, вроде и негромко, но отойти, отвернуться, проигнорировать ее было совершенно невозможно. Валаам и не смог. Остановился, словно вкопанный.

– Манечка, а вы...

– Анечка, сударь, если вы запомнили. Так что выражает данное ваше творчество? – Рука Анны плавно указала на ближайшую картину. С фалломорфизированным лесом.

– Э-э-э-э-э... это протест! – сообразил художник. Как-то слова склеивались под дружелюбным взглядом карих глаз и совершенно не хотели вылезать из сведенного судорогой горла.

– Протест?

– В наше время женщины стали мужеподобными! И мужчины обязаны объединяться, чтобы защищать себя! Объединяться всегда, везде, подчеркивать свою мужественность... – Художник указал на гультфик торжественным жестом. – Более того, необходимо создавать истинно мужские братства, которые будут всячески искоренять мужественность в женщинах! Женщина обязана знать свое место, и оно в кухне и рядом с детьми! Но сейчас такое засилье хищных пираний, что страшно выходить из дома...

– Да, вы очень рискуете. Сколько времени надо стае пираний, чтобы обглодать корову до скелета? Пара минут? Вы, определенно, меньше размером, – посочувствовала Анна.

Художник как-то приуныл. И тут же снова просиял.

Еще бы! Будь они на Амазонке! А какие пирании в средней полосе России? Неубедительно!

– Вот! Поэтому мое творчество – это протест! Это выражение моего сознания! Это крик и эпатаж...

– А я думала, вы просто рисовать не умеете?

Високосный поперхнулся словами и слюнями. И закашлялся так, что Аня предусмотрительно сделала шаг в сторону. Заплюет еще... фу!

– Вы...

– Почему вы удивляетесь, сударь? Такое творчество я каждый день вижу на заборах. Правда, там оно еще и с надписями... кстати, иногда очень выразительно и красиво получается. Ничуть не хуже, чем у вас.

– Я... да я назван самым ярким представителем контр- культуры двадцать первого века!

Анна едва не расхохоталась.

– Контркультура? Контр – против... а что у нас против культуры?

– Бескультурие, – подсказала Галина Петровна, которая откровенно наслаждалась. Надоел этот Валаам, хуже, чем библейская ослица. Тоже, кстати, Валаамова.

– Бескультурие, дикость, разруха, неприличие, невоспитанность... воистину, есть чем гордиться. Тем, что вы гордо причислили себя к хамам.

Так просто Валаама было не сразить.

– Когда подобные вам самки захватывают власть, мужчины должны стать хамами! Иначе им не выжить!

– Я могу понять ваши взгляды. Но хочу заметить, что вот этот элемент вашего творчества обычно на ребенке меняют хищные и наглые самки, – палец Анны указывал на памперс. – И кстати, вытаскивают их на помойку, а не на выставку.

Это оказалось последней каплей.

Избалованный восхищением и преклонением, Валаам просто не выдержал. Он привык, что никто ему не возражает, что все покорно принимают его слова, что никто не осмеливается сказать даже слова против – он же раскрученный! Он модный!

Он почти бренд!

Он... да у него папа, в конце концов!

И тут вдруг, в его же родном городе, где все схвачено и оплачено, какая-то девка...

Его памперс... Его шедевр – на помойку?!

– Ах ты наглая тупая самка! Тебе просто не дано понять всю величину моего гения!

Валаам верещал так, что на ультразвук начали подтягиваться журналисты. Уже и записывают...

Анна подняла руку:

– Довольно!

Сказано это было в лучших традициях Аделины Шеллес-Альденской. Даже Валаама приморозило. Надолго его бы не хватило, но Анне и не надо было много времени.

– Я не покушаюсь на ваше право быть быдлом. Но считаю, что искусство должно служить людям. Сейчас все больше места занимают китч, крик, эпатаж, но это не потому, что они хороши. Просто человек стремится выделиться. Он прокукарекал, а дальше хоть не рассветай. Он бросил в землю горсть зерна, но пророс ядовитый сорняк. Когда-то великий русский классик Николай Гоголь сказал, что надо отвечать за написанное. Ведь его слова будут читать будущие поколения. Так и художник несет ответственность за созданное им. Ведь сюда может зайти ребенок. Ваши творения выставят в интернете, и их увидят люди. И им будет неприятно и противно. Эпатаж, перформанс, андеграунд... Подполье. То, что не надо выносить на свет. То, что ниже уровня плинтуса, выражаясь языком молодежи. Вы низвели свой талант до уровня подвала.

– Ах ты дрянь!

Возмущенный художник замахнулся на Анну.

Девушка легко отступила в сторону – и дернула мужчину за рукав блузы.

Валаам пошатнулся. Потерял равновесие, запутался в носках казаков – и полетел носом прямо в то самое творчество.

В памперс...

Со всех сторон щелкали камеры.

Валаам с трудом поднялся на ноги, все же подбородком о постамент он приложился неплохо. Коричневый пластилин свисал у него изо рта.

– Тьфу! Кхе!

– Вот видите! Даже вам ваше искусство пришлось не по вкусу, – невинно прокомментировала Анна.

Несколько секунд все молчали.

А потом грохнул такой дикий хохот, что Валаама им попросту смело. Анна победила «всухую».

* * *

– Надеюсь, ты не слишком расстроен моим поведением?

Анна действительно чувствовала себя виноватой. Накинулась на беднягу... он же не виноват, что у него ни ума, ни таланта... вот и

пытается хоть как выделиться!

Боря фыркнул:

– Радость моя, даже если ты его с костями скушать изволишь, я не огорчусь. Главное – не отравись.

– Постараюсь. С губернатором проблем не будет?

Борис еще раз пожал плечами:

– Могут. Но не слишком большие. Ты ведь не била его отпрыска, не колотила, он первый отнесся к тебе пренебрежительно. Ты высказала свое мнение о его искусстве, но он мог ответить словами.

– Не мог. Я его спровоцировала.

– Признаваться необязательно, – погрозил пальцем Борис.

Анна улыбнулась ему.

– Тогда молчу.

– Вот и ладно. С губернатором я все улажу.

В этом Борис не сомневался. Может, его еще и поблагодарят. Анна не понимала, но даже черный пиар – уже пиар. Хороший такой, жирненький...

После этого вечера Валаам прославится на всю область. А то и до Москвы дойдет.

Но любимую женщину надо было успокаивать.

– Я все это терпеть не могу, если честно. Но Семен Михайлович в нашем городе был на один день, проездом, а в Москве мне его помощь понадобится. Кстати, на Галину Петровну ты тоже произвела впечатление. Она мне шепнула, что я дураком буду, если тебя упущу.

– Не упустишь. – Анна обняла своего любимого мужчину за шею. Какие же у него глаза.

Темно-зеленые, прозрачные, ясные...

– Костями лягу. Я так долго тебя искал...

Анна промолчала. И закрыла Борису рот поцелуем.

Чувствовала она себя преремзко. Но и изменить ничего не могла. Только отдать любимому мужчине все свое тепло, всю любовь – без остатка. Пока она еще рядом с ним. Пока жива...

На почту Ида заходила по привычке. Вестей от Кости можно было ждать только с нарочным, Яна пока не написала, поэтому конверт застал ее врасплох. Большой, надежно заклеенный...

И кто тут пишет Зинаиде Петровне Вороновой?

Ида сомневаться не стала, молча сломала сургуч и вытащила письмо. Ровные строчки, буковки округлые, старательные, но Ида не сомневалась – писал ребенок. Несколько ошибок и слизанный след от кляксы только подтверждали ее теорию.

«Тетя Зинаида!

Мама сказала, что вы получите мое письмо и приедите.

Я сейчас в Герцогствах, мама осталась в Русине. Она просила передать привет вам и Полкану и сказать, что любит вас.

Мы живем у купца Меншикова, я и Потап. Потап – это мамин воспитанник и мой друг. Поэтому если нас забирать, то только вместе. Я буду очинь вас ждать. Федор Михайлович хороший, но скоро он поедет в Борхум и Чилиан, а я туда не хочу. Я хочу с вами дождаться маму.

Приезжайте, пожалуйста.

Георгий Алексеев».

Ида сжала листок так, что тот смялся в тонких пальцах.

– Гав? – вежливо спросил Полкан.

Это помогло.

– Полкаша, миленький! У нас есть племянник! Мы не одни! Мы – не одни!

– Гав! – порадовался Полкан.

Стая – это всегда хорошо! Если стая большая, еще лучше. Племянник... это родной. И та женщина, которая его нашла, тоже родная. А если и еще кто...

Много родных – хорошо.

И добычу стаям загонять легче, и отбиваться проще... надо только, чтобы они действительно были родными. Но это собаки понимают. А люди – не всегда.

Ида улыбнулась:

– Полкаша, мы с тобой поедem за Гошкой! Яна сказала, чтобы я его забрала, я его и заберу! И Потапа тоже! И будет нас уже четверо!

Это здорово, правда?

– Гав, – согласился Полкан.

И подумал, что уехать – хорошая идея. А то бегают тут разные... навязчивые! А их даже загрызть нельзя! Куда только этот мир катится?

Несправедливо! Ах как несправедливо, что нельзя призвать к ответу наглеца! И даже покусать не получается...

Да и ладно!

Придумаем мы, что с разными нахалами делать. Главное, что хозяйка счастлива. Полкан встал на задние лапы, поставил передние на плечи Иде и вежливо лизнул ее в нос.

Умыл. От радости...

Глава 3

Восточной отделки являя следы...

Яна, Русина

Всякое бывало у Яны в жизни. Но чтобы так?

Просыпаешься – и чувствуешь себя колбасой. Хорошо так, основательно увязанной по рукам и ногам. Такая суперколбасина!

Открывать глаза она сразу не решилась. Сначала чуточку приподняла ресницы. Есть такое женское умение подглядывать из-под ресниц.

Та-ак...

И что мы имеем?

А имеем мы похитителя. Одну штуку. Сидит, ногти чистит ножиком. Чтоб ты себе, паразит, пальцы по локоть отрезал!

Еще кто есть?

Вроде нет никого. Сама Яна лежит на чем-то вроде кровати, комната небольшая, не сильно протопленная... хорошо еще – в носках спала. В толстых, шерстяных. А то бы точно отмерзла.

Интересно, а пижама на ней осталась? Теплая, фланелевая?

Яна специально ее заказала портному. Холодно ведь! Весна в Русине пора непредсказуемая, проще сразу одеваться, чем потом лечить сопли. Так что, когда Валежный заказывал для нее наряды, Яна приписала к заказу носки, пижамы и пару свитеров. Да, и вязаную шапку с шарфом тоже.

Их похититель не прихватил. А вот в одеяло ее закутал.

Ладно. За это она его мучить не будет. Прибьет быстро. Познакомимся?

Яна решительно открыла глаза:

– Доброй ночи, жом. Или уже утро? По моим ощущениям нечто близкое? Светает?

Жом подскочил на табуретке и, кажется, порезался. Судя по ругательствам.

Хорошо, но мало... надо бы добавить.

Он развернулся, показывая вполне себе симпатичное лицо, что-то сильно напоминающее Яне. Но что?

Вот как лунный луч... и здесь, и не ухватишь... ну что же, что такое сквозит в повадках и жестах симпатичного мужчины? Не понять...

— Ваше императорское величество! Счастлив с вами познакомиться!

Алоиз Зарайский выглядел немного усталым. Еще бы! Сколько сил он приложил для создания этой ситуации!

А правда — сколько? Много. Очень много.

Он же обаятельный! Он поговорил со служанкой императрицы (не личной, но кто-то же должен был за ее одеждой следить), навешал глупой бабе лапши на уши, обаял — и та начала его впускать в дом. Только на кухню, где ее тетка работала, но Алоизу того и надо было. Он и тетку легко обаял, даром что в той все семь пудов живого веса. Зато и языки у обеих баб болтались, не останавливаясь ни на минуту. Как раз он успел все разведать, узнать расположение патрулей, прикинуть, где поставить лошадь, как вытащить тело...

И в том числе — как подсыпать снотворное.

И Яне, и остальным.

Яна, попав в приличные условия, приобрела некоторые сибаритские привычки. К примеру, выпивать на ночь стакан горячего молока с медом.

Фу?

Кому фу, кому очень даже вкусно. Яне нравилось. Она бы и парного молочка выпила с удовольствием. Само это ощущение, когда оно почти живое, настоящее, и пахнет травами и чем-то неуловимо родным, домашним, уютным...

Яне после него очень даже хорошо спалось. И ничего не снилось.

Вот в это молоко Алоиз и капнул снотворного.

И в кастрюлю с горячим взваром, которым согревались патрули. Весна? Почти лето? А ночи все одно холодные. Поди походи по улице да постой... света не взвидишь!

Дойти до покоев Яны тоже было несложно. И вот она, золотая рыбка!

Его удача, его жар-птица, его корона!

Осталось только уговорить. Все остальные были уже согласны.

Алоиз – за, священник – за, только невеста не в курсе дела. Но даже если она будет против, это не столь важно. Все равно их поженят.

Просто лучше, чтобы добровольно... в себе Алоиз не сомневался. Уговорить, убедить, заставить, запугать... что он – с какой-то девчонкой не справится?

И не таких видали, а и тех ломали!

– Ваше величество, я надеюсь, вы меня поймете правильно.

– Неужели? – хрипловато поинтересовалась Яна. – Слушаю?

– Я вас люблю! Казните меня, но я люблю вас уже давно! Безмолвно, без надежды...

– То робостью, то ревностью томим? – не выдержала Яна.

– Э-э-э-э-э... – растерялся Алоиз. Вот такой реакции он не ожидал. Истерики, угроз, возмущения, да чего угодно. Но уж точно не спокойного взгляда. Словно это не императрица попала, а он...

Или – он чего-то не знает?

Яна фыркнула и продолжила стихотворение Пушкина до логического конца. То есть – любимой быть другим...

Алоиз понял, что над ним издеваются, и насупился.

– Ваше величество, вы не понимаете всей серьезности ситуации.

– Правда? – невинно уточнила Яна.

Убить придурка она могла в любой момент! Но кто ее развязывать будет! Она не Гарри Гудини! Это его можно было в Ниагарский водопад спускать, связанного и в бочке, а вот Яна в себе таких талантов не чувствовала. И избавляться от цепей не умела.

От наручников?

Чисто гипотетически она знала, что надо выбить сустав на большом пальце...

Чисто практически – вы на себе это пробовали делать? Больно...

И веревки еще остаются. И одеяло... нет, судьбы египетской мумии Яна себе не хотела. Чтобы ее нашли по весне... следующей. Или нашел кто-то недружелюбный. Проще с этим типом договориться. Пусть развяжет, а уж там...

Ей кажется – или он здесь один?

Вообще, ми-ми-ми... И наверняка считает ее трепетной маргариткой, которая способна только ресничками хлопать. Здесь как-то не принято, чтобы дама – и ногой в ухо... не дорос этот мир до

Лары Крофт. И до прочих супергерлов не дорос. К большому счастью Яны.

Даже Энни Оукли – есть ли здесь?^[4]

Не важно. Главное, что от нее не будут ждать активного сопротивления.

– Я вам делаю предложение. Руки и сердца. Честь по чести.

– Вы хоть кто такой? – устало поинтересовалась Яна.

– Тор Зарайский. Алоиз Зарайский. Так что ваша честь не пострадает. Я из старинного рода вольных дворян, правда, род наш достаточно беден...

– Аферист? – уточнила Яна, наконец сообразив, кого ей напоминает похититель. Да турецкоподданного Остапа Бендера! Морда другая, а вот повадки – один в один.

Профессиональные аферисты в любом мире должны вызывать доверие чуть не с первого взгляда и располагать к себе. Вот и этот старается.

Сгубил его диссонанс.

Сложно доверять человеку, рядом с которым просыпаешься вся увязанная в три слоя. А повадки у него остались, не сообразил перестроиться.

– Я бы попросил! – вспыхнул таким праведным негодованием тор Зарайский, что Яна фыркнула.

Сильнее всего задевает человека именно правда. Яне могли сутки напролет твердить, что она шлюха. Ей было наплевать, ведь это неправда.

Но если бы ей сказали, что она дура...

Хотя и это неверно! Сын у нее замечательный! От дуры такой не родится. И вообще... кто как обзывается, сам так называется.

А вот Зарайского правда зацепила. Больно зацепила, сильно так...

– Значит, аферист, – кивнула Яна. – Вы в экономике разбираетесь?

Судя по лицу – поверхностно. На уровне – как потратить деньги из кармана.

– В политике?

Ну какое ж удивление на моське лица! Можно подумать, она тут бедолаге про кванты и интегралы толкует. И кису Шрёдингера.

– Возможно, у вас военные таланты? Опять нет? Простите, любезнейший, вы мне в качестве мужа не подходите.

– А... не понял?

Такого Зарайский не ожидал.

Криков, слез, растерянности... Минимум – закатить истерику. Максимум... нет, вот умирать не надо. И от ужаса тоже, а то жениться на трупе... м-да. Неаппетитно. Но чтобы его рассматривали как огурец на рынке?

В засолку пойдет, в лежку уже нет. И еще подумать надо, а то бочок подвял. Может, еще поискать?

– Могу вас взять на службу. Проныры всегда нужны, а вы, судя по всему, не дурак.

Зарайский даже оскорбился.

Он – не дурак?!

Он – НЕ дурак!!! Он императрицу по всей Русине догонял, он вычислил, выследил, просто немножко не успел... это и было вывалено на голову Яны. Та послушала-послушала – и кивнула.

– Ну так как? На службу ко мне пойдете, тор?

Алоиз серьезно задумался.

Журавль в небе, оно, конечно, птичка жирная, на прокорм на несколько поколений хватит и еще останется. Но и синичка в руках тоже неплохо. Императрица слово сдержит, это он уже понял. Может, и стоит согласиться?

Потом он вспомнил про Дрейла, про Вэлрайо... Лионесс никуда не денется. Если он будет на службе, так его защищать никто не будет.

А вот если императором!

Тут и Валежный слова поперек не скажет! Закон есть закон!

Да и не было у афериста сил отказаться от добычи! Он ведь догнал! Загнал! И теперь все бросить? Да разве ж такое можно? Просто нереально! Сил не хватит! Или все – или ничего! И шкуру на кон!

– Ваше императорское величество, вы добровольно за меня замуж выйдете? Или мне помочь вам принять положительное решение?

Алоиз выразительно поиграл ножичком. Понятно, резать императрицу никто не собирается. Но вдруг она испугается? Когда баба боится, она на все согласна.

Яна вздохнула про себя.

Ну вот. Опять убивать. А ведь не хочется... Хелла, почему неглупый человек, который может принести большую пользу,

принимает такие неудачные решения?

Или – не убивать?

Попробовать живьем взять?

О ее талантах, судя по всему, мужчина не осведомлен. Надо попробовать его удивить.

– Как вы себе представляете нашу свадьбу?

– Со священником я договорился. Нас ждут в часовне.

– Связанной?

Алоиз прищурился.

– А развяжи вас, так вы или драться начнете, или убежать захотите...

– Захочу, – не стала скрывать Яна. – Вы не дурак, сами понимаете, тор, у меня за вас выходить никакого желания нет.

Честность Алоиз оценил.

– Значит, так... руки я вам развяжу. А вот ноги – не обессудьте. Вздумаете кричать или чего еще – рот заткну. Хотя вас никто и не услышит, но глупости я слушать не хочу. И от жены буду ждать покорности.

Яна не удержалась. Фыркнула.

Аделину Шеллес-Альденскую бы тебе!

Была бы тебе и покорность, и белка, и свисток. И камень на могилку.

Жом Зарайский помрачнел, но свое слово выполнил. Руки ей развязал. А вот ноги стянул петлей так, что передвигаться она могла только мелкими семенящими шажками. Едва-едва.

Зато не убежит.

Теоретически можно распутать ноги, но это время нужно. А когда тебе в ребра упирается лезвие ножа... да еще и шипят на ухо, что та змейка ужик...

– Дернеш-ш-ш-шься – полос-с-с-ну!

Анну, наверное, это напугало бы. Яна даже плечами не пожала, хотя укол и почувствовала. И даже капельку крови, которая стекла по ребру. И разозлилась.

Ах ты козел!

Мою пижаму портить?!

Ну все! Буду казнить и тиранить! Даешь Петра Первого! Руби ему голову по самую бороду!

На пижаму был накинут халат, на него одеяло — дойти не замерзнешь, но и побежать не выйдет, ночи еще холодные. Да и куда бежать?

И зачем?

Яна вышла на улицу и огляделась.

Так...

Она в городе. Это ясно сразу. Они рядом с храмом — такое тоже не перепутаешь, вот он, храм... один из полуброшенных-полузагаженных?

Наверное.

Но обряд, совершенный в таком храме, все равно имеет силу. И священник там ждет.

Яна увидела его и успокоилась.

Не противник. Попик был — просто сказочный. Есть такие батюшки, которые из молодых да рьяных. А заодно бестолковых и бессмысленных. Чего-то хотят, чего-то мечтают, а что толку?

Как говорил один Янин приятель — ни в церковь, ни на бабу.

Потом они взрослеют, умнеют, набираются опыта, но это потом, потом...

Справедливости ради, такие есть в любом месте и в любой профессии. Яне просто повезло, что здесь и сейчас попался именно такой.

Не повезло аферисту. А вот попу — наоборот.

Немного не доходя до алтаря, Яна вдруг охнула, подвернула ногу и едва с размаху на пол не села. Повисла на Зарайском всей тяжестью.

— Нога!

Мужчина даже не заподозрил комедию. В первые три секунды, а потом было непоправимо поздно. Яна извернулась гадюкой и весьма удачно подсекла Алоиза под коленки.

Аферист и булькнуть не успел.

Полетел с высоты своего роста, приложился лбом так, что добавки не потребовалось, и ушел в нирвану. Яна ему даже позавидовала. Лежи себе и лежи. А ей еще тут разбираться.

Впрочем... было бы с кем и о чем!

— Стой на месте, пока не прибила, — мрачно сказала она попику. — Что тебе этот козел обещал?

– Д-денег, – сознался несчастный. И покраснел. – У меня дом сожгли, семья в землянке живет, и голодно...

– А ты умеешь делать только детей, – подвела итог Яна. – Бывает.

Сердиться на дурачка, которого использовали втемную, она не могла. Чего уж там, выжить всем хочется. Да и признался честно... ладно, сегодня дурачку повезло. И обеты не нарушил, и жив остался, и денег заработает.

– Т-тора...

– Тора Яна. Тебе не сказали, кого венчать надо?

– Н-нет...

– Ну и ладно. – Яна распутала узлы на ногах, вытащила веревку и без всякой жалости принялась увязывать афериста. – И не надо тебе. Сколько этот кадр тебе обещал?

– Т-триста...

Яна похлопала по бесчувственной пока тушке, достала бумажник и принялась отсчитывать ассигнации.

– Пятьсот. Но ты отправишь сюда первый же патруль. Сам можешь не возвращаться. К тебе никаких претензий нет, ради семьи еще и не на такое пойдешь... так. Лучше – тысячу.

Денег Зарайского Яне жалко не было.

– Спасибо! Направлю обязательно! Спасибо, тора! Вы мне просто жизнь спасаете, – кланялся поп. – Вот сразу же и... Тора, а вы...

– А я патруль подожду.

А что? На себе, что ли, этого лося тащить? Яна могла бы повторить подвиг средневековой героини, взвалить на спину сокровище и поволочь, но было откровенно лень. И холодно. И грязно.

Алоиз лишился теплой куртки.

– Контрибуция, – мрачно произнесла Яна, добавляя аферисту еще и кляп в рот. Лично свернула из рукава его рубашки. Надо бы носком попользоваться, да сапоги с дурака стягивать лень. Взяли моду – царевен воровать! Вам тут чего – русская народная сказка?

Болван-царевич и серый волк?

Простите – Иван.

Хотя... вот тот сказочный момент, когда на месте царевны оказывался волк, Яне очень нравился. Актуальненько получилось. В духе времени. Ты думаешь, у тебя жена красавица? А ты ее без косметики видел?

Патруль долго ждать не пришлось. Получаса не прошло, как явились, голубчики. Яну, правда, не узнали, но она и не расстраивалась.

Показала на Зарайского и скомандовала: к Валежному.

А когда ребята начали выяснения, предложила отправиться в комендатуру вместе с ними. И там подождать генерала.

Придет, куда не денется. Колечко видите?

Колечко ребята видели. И даже примерно поняли, кто перед ними. Раскланялись и потащили.

Яна довольно кивнула и пошла вслед за патрулем.

Вот так оно... когда ловишь мышку, помни! Тебе может попасться кошка. Или вообще крокодил! Голодный. Так что кто еще тут попал и попался – бо-ольшой вопрос.

Русина, Звенигород

– Он – что?!

Пламенный как раз узнал, что Тигр дал его супруге сопровождение.

Дураком жом Пламенный не был. И отлично у него все складывалось. И неизвестная женщина в жизни Тигра, и... да, портрет Анны он показал нескольким охранникам, и те опознали подругу Тигра из поезда.

И его поведение.

И тайны.

И зерно, которое по его приказу закупал Ураган.

И...

Пламенный уселся за стол и задумался. Seriously.

Судя по всему, жом Тигр готовится... предать? Пожалуй, что так. Тем более вовремя перейти на другую сторону – это не предательство, а предвидение.

Арестовать бы негодяя, но тот умен и хитер. Просто так, голыми руками, его и не возьмешь. Без доказательств для своих... на его стороне Ураган, на его стороне... да половина этих тупых шакалов! Его арест сейчас попросту расколлет Освобождение!

Им бы сплотиться в единый кулак и в неистовом порыве... Так, это он уже заговариваться начал. Оставим красивые фразы для быдла, оно на них клюет, как сом на тухлятину.

И серьезно подумаем.

Супругу не достать – она в безопасности.

С Тигром не разобраться – он за себя постоит. Увы...

Валежный обнаружил императрицу и идет на Звенигород. Логинов уже в тылу, бесчинствует, перерезая коммуникации.

Броневой выехал Валежному навстречу и собирается дать сражение, пока врага еще можно бить по частям. Но как еще сложится? Калинин собирается перевестись с Логиновым и уверен в своей победе. Но так ли в ней уверен жом Пламенный?

Логинов далеко не дурак. Нет...

Тогда – что?

Выход только один. Сделать так, чтобы его, Пламенного, в случае чего отпустили и проводили до границы. С поклонами.

А вот как это сделать?

Да, у жома Пламенного была одна идея. Откровенно гадкая, гнусная и подлая. То есть – в самый раз. А чего ему стесняться? Чего терять?

Вот терять-то есть чего!

И власть.

И деньги... Он из Русины столько выгреб на заграничные счета, что правнукам хватит икорку половником кушать.

И самое ценное. Жизнь...

Помирать жому Пламенному решительно не хотелось. Надо было подстраховаться. Мужчина несколько минут выводил пером по бумаге какие-то замысловатые узоры – мысли он листку доверять не собирался. А потом крикнул охранника и приказал вызвать к себе жома Огненного. Для важной беседы.

Если уж его выгонят... о, он найдет, как хлопнуть дверью!

Русина, Илья Алексеев

– ЧТО?!

Анна!

Он узнал бы ее из тысячи, из миллиона! Да что там! Узнал бы на ощупь и в полной темноте!

Его Анна!

Живая...

Императрица?

Сведения доходили сюда медленнее, но железные дороги постепенно начинали функционировать. Прибыли и газеты из Ирольска. И там-то...

Это была именно его любимая. Его... кто?

Илья запнулся, словно на стену налетел.

А правда – кто? И что он скажет Анне при встрече?

Ты меня прости, любимая. Я тебя все равно люблю, но женился. Сделал другой бабе ребенка. И... не уберег нашего сына.

Вопрос, сколько он после этого проживет, даже не ставился. Секунд пять.

Сына Анна любила до безумия. Сестра Ирина даже ревновала слегка к этой любви, сама она так не могла. Не дано было. Гошку сестра любила как родного, но чтобы так? Безудержно, беспредельно, до последней капли крови – такое не всем дано. То ли благословение, то ли проклятие. Анна так и любила. Тихая и спокойная, когда дело касалось ее лично, Анна преображалась в сущего демона, когда дело касалось сына.

Нужны деньги?

И великая княжна под покровом ночи грабит чужие шкатулки, да и свою тоже.

Нужно вырваться из дворца?

И великая княжна переодевается в платье служанки и удирает через потайную калитку. Или лезет в потайной ход, в котором уж лет сорок ни единой живой души не было.

Нужно...

Илье иногда казалось, что если бы Гошке луна с неба понадобилась, так Анна бы полезла и отодрала.

А уж жизнь положить, хоть свою, хоть чужую... Анна бы не задумалась ни секунды. Если это нужно для сына? Да убивайте, не жалко!

Она жива.

А он – женат.

Скрыть этот факт никак не выйдет, это даже не смешно. И ребенок. У них с Маргошей будет ребенок, может, даже уже есть... и как это воспримет Анна? Скажет, что Илья без нее не скучал, кто бы сомневался.

А это что?!

Императрица собирается выйти замуж...

Илья обхватил голову руками и тихо застонал. Сам, сам все прогадил, сам спустил свою жизнь в нужник, сам... Анна для него потеряна навек. Она человек болезненно честный и прямой.

Никогда Анна не станет изменять мужу. Для нее это попросту немислимо, чудовищно, нереально... она же слово дала! Разве можно его нарушить?

Вот бросить все, уйти, а потом уже, может быть... это другое. Но и так Анна никогда не поступит. Илья ее знал. Ответственность у нее тоже болезненная. Положиться «на авось» для Анны невозможно. Она все проверит, все проконтролирует, продумает, а уж потом будет принимать решение. Но никогда не поставит свои интересы вперед интересов Русины.

Или сына...

Был бы жив Гошка, можно бы... ладно! Хоть близким человеком остаться. Побывать рядом с ней, поговорить иногда, руки коснуться... о большем-то не стоит и мечтать.

Но сына нет.

В тот вечер Илья нажрался так, что не проспался до следующего вечера. И очень жалел, что не сдох.

Больно. Очень больно. И винить за это было некого.

Все сам, все сам...

Оставалось только в сражение. Только в буре он обретет покой. Так что приказ выступить в сторону Хормельской волости Илья принял с восторгом.

Ида, Свободные герцогства

Армандо был уже научен горьким опытом, а потому не стал ломиться в дверь.

Сидел и ждал. В экипаже, напротив знакомого дома. Только никто так и не появился на пороге.

Сидел час, сидел два... потом встревожился. В это время Ида уже выходила со своей мерзкой шавкой... отравить его все-таки, что ли? Не хотелось бы. Но что еще-то делать, если ничего другого не получается? Мало ли? Может, шавка отравленную крысу сожрала и околела?

Надо обдумать этот вопрос.

Но сейчас-то они где?!

Даже если с Идой что-то... шавку все равно должны были вывести! Что происходит?!

Тор Рессаль плюнул на все, вылез из экипажа и пошел стучать в дверь. Дверь долго себя ждать не заставила и распахнулась, едва не попав тору по лбу. На пороге возникла тетка, с которой Армандо уже сталкивался. Этакая Брунгильда, кровь с молоком. Не пройдешь...

Она уперла руки в бока и хмуро поинтересовалась:

– Чего угодно, тор?

– Мне угодно повидать тору Иду.

– А ее нет.

– ЧТО?!

Армандо почувствовал себя как обиженный ребенок. Вот перед тобой в вазочке лежала конфета. Большая, вкусная, ты на нее облизывался, вокруг ходил, и тут кто-то приходит и уносит вкусняшку у тебя из-под носа! Люди добрые, да что ж это делается-то?! Где в мире справедливость?!

Жама Эльза презрительно поджала губы. На нее все эти хлюстячьи ужимки не действовали. Вот еще не хватало хозяйке такого... с-счастья! От слова «счас-с-с»!

– Тора уехала.

– А когда приедет?

– Не сказала.

– Но дом она не продала?

Жама Эльза пожала плечами:

– Она думает.

Что дом не продан, Армандо мог уточнить в две минуты. Но... вдруг он решит, что тора Ида уехала надолго? Есть же шансы!

– Думает... уехать насовсем?

Жама Эльза подняла бровь. А что бы не заработать на этом... паразите?

Армандо понял все правильно, хоть и паразит. И в карман передника Эльзы скользнула золотая монета. Женщина сделала вид, что смягчилась.

– Хозяйка говорила, что очень уж от вас устала. Хотела съездить куда в другое место, развеяться...

– А куда?

Жама Эльза пожала плечами.

Опять же, узнать, куда тора Ида брала билет, было невозможно. Жама Эльза лично его покупала. До именных билетов оставались еще годы и десятилетия, так что с этой стороны за Иду можно не волноваться.

Жама выразительно потерла пальцы. Испачкались, наверное...

Армандо опять все понял. И после еще трех золотых жама Эльза призналась.

– Хозяйка меня посылала на вокзал. Взять билет до Ламермура.

А что до Ламермура она не доедет, сойдя на полпути, ну кто об этом узнает? Получилось чуточку дороже, но безопаснее.

Армандо воодушевился.

Ламермур?

Там-то птичка от него никуда не скроется!

Мысль, что ему могли солгать, даже не пришла в красивую голову. Он же заплатил! Разве ему могут солгать, за его-то деньги?!

Жама Эльза проводила его насмешливым взглядом.

И пожелала, чтобы он не возвращался. И подольше, подольше... пусть найдет себе в Ламермуре какую-нибудь девку и забудет обо всем! Или с семьей будет разбираться. Или...

Да пусть хоть на крышу ратуши залезет и петухом кукарекает! Лишь бы ее хозяйке на дороге больше не попадался! Не нужен ей такой...

Ей нужен защитник и опора, а не эта свистушка в штанах, так-то!

Яна, Русина

Валежный в гневе был страшен.

Он не орал, не топал ногами, не угрожал всех расстрелять и повесить, что останется. Но глаза у него были...

Народу оставалось только разбежаться. Кто успел.

Алоиз Зарайский разбежаться не мог. А хотелось, так хотелось... Но куда там!

Компания была тесная и непринужденная. Генерал Валежный, тор Изюмский, жом Зарайский. И лично ее величество. Валежный попытался было намекнуть, что некоторые сцены не для дамских глаз, услышал пару предложений из «курса экстренного допроса в походно-полевых условиях» и как-то сблел с лица. Потом поинтересовался, кто именно говорил о таком рядом с императрицей.

Услышал сакраментальное «освобожденцы» и успокоился.

Действительно, эти могли и ерша засунуть. Именно туда. Или еще чего похуже! А уж облить керосином и поджечь... да, именно ТАМ облить!

Запросто!

Хотя их оппоненты тоже не стеснялись. Аргументация с обеих сторон шла такая, что святая инквизиция бы за голову схватилась. Или спешно помчалась опыт перенимать. На гражданской войне не бывает беленьких и черненьких, обе стороны одинаково серы. И страшны.

Так что...

Потрошить жома Зарайского было необходимо. Но, может, попробовать сначала не калечить? Пока...

Если не будет запираяться.

Однако проводить беседу в подвале Валежному это не помешало. В специально оборудованной на скорую руку пыточной камере. С жаровней, крестовиной, палачом и прочими приятными на вид артефактами.

Зарайский храбрился изо всех сил. И ругал себя последними словами.

Дурак!

Какой же он дурак!

Неужели обычная женщина смогла бы проехать в такую пору через половину Руси? Да никогда! А он расслабился, понадеялся на себя, дурак! Баба же! На что она может быть способна?! Тьфу!

Вот и получил. Спасибо, не убила. Или – жаль, что не добила? Меньше бы помучился?

Зависело от того, что ему хотят предложить и что желают услышать. Закладывать жом Зарайский собирался всех. Не одному ж пропадать? Это даже и не комильфо как-то...

Первым начал разговор Валежный.

– Ваше императорское величество, может, все же его повесить? Сразу?

– Повесить всегда успеем, – сыграла доброго следователя Яна. И тут же разрушила это впечатление: – Сначала поспрашиваем. Потом попытать будем, чтобы убедиться, что негодяй все рассказал. А потом и повесим.

– Ваше императорское величество, с мертвого пользы мало. А вот живой он может пригодиться, – вступился тор Изюмский. – Вдруг какая польза будет? Докажет жом, что он полезный, так и убивать не будем? Сразу-то?

– Он, кажется, говорил, что тор, – «вспомнила» Яна.

Валежному она пересказала все. И разговор, и обстоятельства похищения. И мужчина взвился.

Хотя с чего бы?

Одно дело – воевать. Другое – охранять. Силовик и телохранитель – это не одна профессия, это очень разные специальности.

Воевать – оно как? На врага, вперед, в атаку...

Телохранитель же должен и заметить опасность для клиента, и прикрыть его, может, даже и своим телом, если понадобится. Это другая выучка, другие навыки. И вообще разделение бы провести по специальностям.

Спецназ там, антитеррористическое отделение, телохранители... а то – что? Жандармы одни зашиваются. И тех грязью закидали и заплевали. Самое обидное – за что? За то, что псы режима? Ну так у них работа такая. Или за то, что каждый пламенный революционер от них по зубам получал? И все равно – работа! Небось как сами во власть пролезли, так тоже себе полицию завели? То-то и оно...

Так что генерал слегка полнотовал, вlepил всем уснувшим по десять нарядов вне очереди на чистке нужников и успокоился. Действительно...

Даже собак учат, что из чужих рук ничего брать нельзя.

А людей учить не надо? Они, типа, умнее? Ну-ну... не при кинологгах будь сказано. Да и не при военных. Если кто имел дело с

новобранцами...

Весь гнев Валежного вылился на бедолагу Алоиза. Что выразилось в лишней дюжине пинков и паре-тройке падений.

– Предлагаю сначала выяснить, кто именно послал сего жома по моему следу, – предложила Яна. – А уж потом...

– И кто же? – Тор Изюмский был сама доброта.

Алоиз поежился.

Принцип «двух следователей» он понимал и не слишком обманывался возможной добротой, но... как-то оно иначе воспринимается, когда под следствием именно ты.

А чего ему скрывать?

– Лионессцы. Есть там такой, тор Дрейл. И тор Вэлрайо.

– Ясненько, – хмыкнула Яна, подумав, что она правильно ориентировала Дмитрия, даже не зная всех обстоятельств. Но... – Подробности?

Подробности Зарайский выложил. И кто, и сколько, и за что именно. И на Яну косился... странно. Правду сказать, не воспринималась Яна как императрица.

Вот в другой обстановке, может быть... а тут?

Сидит девчонка, верхом на стуле, облокотившись на спинку, с простой прической, в брюках и рубашке, хоть и из хорошего полотна, но все же – мужская одежда. Два украшения – серьги в ушах, простые золотые капельки, еще с Зараево остались, еще от той Анны, и кольцо на пальце. Ни тебе драгоценностей, ни шика, ни лоска, ни краски, ни платья, ни фрейлин... собственно, ничего!

Зато револьвер висит на поясе.

И судя по тому, как он висит... его не раз применяли.

Зарайский закончил ответ и не удержался:

– Ваше императорское величество, револьвер у вас – заряжен?

Своего рода провокация. Он еще и успокоился слегка, пока рассказывал, и прощупывать почву начал...

– Вопросы здесь задаем мы, – надавил голосом Валежный.

Яна хмыкнула. Достала из кобуры револьвер, прокрутила его на пальце, не хуже иного ковбоя, убрала обратно.

– Ради вас я стены портить не буду. Могу вам попасть по выбору, куда захотите. Только чтобы пуля в мясе застряла, а то ремонтируй потом подвал.

Звучало это совершенно серьезно. Алоиз сбледнул, сглотнул и решил не задавать глупых вопросов. Потому как нож он у императрицы тоже видел. Ножны четко выделялись под тонкой рубашкой, на руке. И клинок тонкий, острый... отлично вонзится хоть между ребер, хоть в ухо...

Стилет, скорее.

– Вы ехали через Звенигород? – уточнил тор Изюмский.

– Я бывал там.

– Подробности? – оживились мужчины.

На подробности Зарайский тоже не поскупился. Знал он неожиданно многое. Укрепления, пулеметы, отряды...

Просто так столицу будет не взять. Это понимала Яна, это понимал Валежный. И сколько человеческих жизней придется положить? Сколько людей не вернется в свои дома ради символа победы? Кто владеет столицей, тот владеет Русиной. Но...

Какой ценой это оплатит страна?

– Нам бы пятую колонну, – мечтательно протянула Яна.

– Пятую колонну? – не понял Валежный.

Яна вздохнула.

Ну да, в этом мире данное выражение не употребляли. Не родился пока еще генерал франкистов Эмилио Мола. И не сказал свою знаменитую фразу про Мадрид, мол, мы пойдем четверьмя колоннами, а пятая ударит изнутри... Точнее Яна не помнила. Но смысл был этот.

Пришлось объяснять.

– Это сберегло бы нам время и силы, – согласился Валежный. – Пламенный власть не отдаст, вцепился когтями и клыками...

Яна кивнула.

Пропаганда у врага работала на полную мощность. Кого загоняли добровольно, кого добровольно-принудительно. Но войско росло. Цена таких вояк копеечная, но мясом завалить врага всяко сойдет.

А для Яны и эти парни были бесценны!

Каждый, каждый погибший в гражданской войне – это еще минус одни рабочие руки, минус один отец для детей, минус один воин в будущем...

Понятно, когда внешний враг развязывает войну в чужой стране. И радуется, подглядывая в окошко. Ему чего? Противник сам себя

уничтожает, это хорошо. Своими силами, на своей территории, за свои же деньги – красота!

Но Яне-то Русина нужна вся, целиком и без изъянов.

То есть не нужна, но...

Жалко, Хелла всех сожри!

Жалко, понимаете?!

За проклятыми цифрами сухой статистики стоят живые люди. Может, у мужчин как-то получается от этого абстрагироваться, а вот Яна не умела. Не могла...

Жом Зарайский поглядывал с надеждой. И Яна махнула рукой.

– Тор генерал, пока убивать не будем?

– Пока поживет, – согласился Валежный. – Сейчас вас, жом, развяжут. И дадут бумагу и карандаш. Запишите подробно все, что вспомните. Потом мы с вами еще поговорим. Подробнее.

Зарайский помрачнел.

Кажется, где-то он уже наврал. Но не жалеть же афериста?

Вот еще не хватало!

Русина, Хормельская волость

Такого не ожидал никто.

Илья отдал приказ: не жалеть никого. Убивать всех, кто сопротивляется. Разве что детей оставлять в живых. И то – если не стреляют во врага.

Боль и обида требовали выхода.

И запылали села и хутора Хормельской волости. Черным жирным пламенем понеслись в небо костры от горящих домов.

Илья не церемонился.

Что могут противопоставить регулярной армии отряды «счастливчиков»? Ну... могут.

Но не слишком многое. С дисциплиной у них проблема, с вооружением, с конями... Илья не стеснялся в средствах. Да так, что даже выдавшие виды вояки отводили глаза. Кое-что и для них было слишком.

Ладно – захватить село. Но поля-то зачем вытаптывать? Избы поджигать? Демонстративно вешать всех мужчин от пятнадцати до

пятидесяти? Отдавать баб на забаву?

Есть вещи, которые не одобряют даже свои. И чаша терпения даже самых стойких начинает переполняться. Они ведь не палачи, не убийцы. Они военные. А понятие «преступный приказ» есть в любом мире. Рано или поздно кто-то сорвется, и...

Но Илье все было безразлично.

Ему было больно, понимаете, больно! Его Анна! Его любовь!!!

За это предстояло кому-то заплатить. И плевать Илье было на Маргошу, которая ждала от него весточки. На всех плевать. А Яна даже и не думала о нем.

Может, настоящая Анна и написала бы.

Ну хоть повидаться. Хоть про сына сказать. Но Яна автоматически перенесла на Алексеева свое отношение к Цветаеву. Почему-то решила, что ему тоже не нужен ребенок, хоть это и было неправдой. И даже Валежному ни слова не говорила.

А тот и не напоминал – еще не хватало!

Молчать и молчать. А то еще захочет императрица чего-нибудь не того, а Алексеев... да ладно еще, что женат! И познатнее жены огурцами травились, к примеру. Или там с горы падали.

Но ведь и в императоры Алексеев не годится. Решительно. Так что – молчим от греха.

А Илья лютовал и зверствовал. И долго такое положение дел продолжаться не могло.

* * *

– Ой, горюшко! Ой, лишенько!

Валька голосила от души. И немудрено было...

То племянник! А то вся семья, считай! Стариков выкинули, отца и братьев вырубил, над сестрами-невестками надругались. Детей и тех не пожалели. Двоих конем стоптали.

Может, и не специально, да с того ж не легче!

Стоит ли удивляться, что Никон слушал этот вой, слушал донесения и наливался дурной кровью.

По его землям!

Шляется какая-то сволочь!

В своих симпатиях и антипатиях Никон был последователен. С Валежным он даже разговаривать не пожелал, впрочем, Валежный и не настаивал. И больше никого не присылал. Нечего людей губить.

Все сказано, все услышано... между людьми. Теперь заговорят снаряды и пулеметы.

С Пламенным Никон бы тоже не разговаривал – тварь та еще! Чего уж... не любил Никон власть в принципе. Его б воля, собрал бы он всех правителей-политиков-королей-царей да и утопил в одной бочке на глубоком месте. И чиновниками сверху присыпал.

Да, еще можно туда гранатку булькнуть. Парочку даже. Чтоб точно ничего не всплыло. Такая вот простая политическая программа.

Увы, видимо, она опередила свое время, и сильно. Никто из власть имущих на нее добровольно не соглашался, разве что удрать не успевали.

Но орать «По коням!» и мчаться на праведную месть Никон не стал. Вместо этого подозвал к себе одного из подчиненных.

– Давай-ка, направь разведку. Пусть посмотрят, кто там, сколько, какими силами...

И то понятно. Чего людей-то губить? Сначала осмотреться надо...

* * *

Донесение доставили на третий день, и Никон едва слюной от возмущения не подавился.

Полк?!

Всего лишь полк паркетных шаркунов?!

Ну, вы сами, твари, напросились... сколько вас там? Порядка пяти тысяч? А я могу втрое, вчетверо больше собрать... не видеть вам первого снега! И лета вы тоже не увидите...

Собирать людей даже и не пришлось. У Никона оказалось около двенадцати тысяч человек. Илья все за него сделал.

Сжег ты хутор? Куда люди пойдут?

Да к своим, понятное дело, и по дороге вести о тебе разнесут! И тут уж каждый, кто может держать оружие, каждый в строй встанет! И плевать им на твои душевные страдания!

Так что примерно через четыре дня Никон выступил навстречу Илье.

Анна, Россия

Школа закончилась. И Гошка неожиданно для себя получил приличные оценки.

Но!

Мама попросила, да и Кира не была против... почему бы не позаниматься языками? Курсы работают, а языки, английский, немецкий и французский, всегда пригодятся.

Даже Кира согласилась. А поскольку раньше она игнорировала такие курсы, как «отстой» и «нудятину», занимались они вместе. Разве что в разных группах. Тут ведь деление не только по знаниям, но и по возрасту. Понятно же, дети пяти-семи лет и подростки пятнадцати-шестнадцати должны обучаться по-разному.

Анна и сама с удовольствием позанималась бы. Пока она обнаружила, что ламермурский язык имеет много общего с французским, а лионесский с английским, и иногда, вздыхая, проглядывала учебники.

Ей уже не пригодится.

А жаль, она бы с удовольствием их выучила. Когда знаешь больше пяти языков, дальше их учить легче и легче...

Гошка закончил занятия раньше и сидел на подоконнике. Делал домашнее задание по горячим следам, ждал Киру. И уж точно не ожидал какую-то постороннюю тетку, которая шла к нему с подозрительной решимостью.

– Ты – Георгий Воронов?

Гошка прищурился:

– Тетя, а вы кто?

Про незнакомых людей мама ему постоянно рассказывала. И учила, что надо орать громче и бежать быстрее. А если удрать не получится, так хоть кусайся. Человеческий укус – он хуже гадючьего бывает! Но эту тетку кусать не хотелось. Выглядела она так...

Гошка почему-то подумал о «железной леди». О роботе, что ли? Такое кусать, что металлический прут. Зубы обломаешь.

Ольга Сергеевна, а это была именно она, попробовала доброжелательно улыбнуться. Получилось отвратительно.

– Я – твоя бабушка.

– Мамина мама? – уточнил Гошка, который ту маму в глаза не видывал. Да и не хотел. Яна от сына ничего не скрывала, и что думал ребенок о бабе, которая бросила дочь ради любовника...

Это взрослые считают, что дети не поймут. И напрасно. Все они отлично понимают, особенно что такое подлость и предательство.

– Я – мать твоего отца. Сережи Цветаева.

Гошка фыркнул. Честно говоря, он Ольгу Сергеевну даже не узнал. Видел-то один раз, и то на похоронах, и вообще – не вглядывался.

Ну, вопила там какая-то... в черном. И чего? Каждую тетку запоминать? Ему намного интереснее было, когда все это закончится и он пойдет с мамой, дядей Борей и Кирой гулять. Тем более он не собирался признавать никакого отца – сейчас.

– И что? Я ему не был нужен, вот и все.

– Ты знаешь, что он умер?

Гошка фыркнул еще раз:

– Я его в жизни не видел. Чего мне плакать?

Спорить с этим было сложно. Дети... они ведь не понимают таких материй, как выгода и наследство. Они судят иными категориями и часто бывают безжалостнее иных палачей.

– Ты никогда о нем не думал? – пыталась пробить стену отчуждения Ольга Сергеевна.

– Мне некогда было. Я едва не умер.

Гошка уставился в учебник. Ну вот... сейчас эта тетка заведется на полчаса. Отец-дед-прадед, родная кровь – морковь – любовь... В результате он не успеет сделать задание, придется наверстывать вечером. А он хотел, чтобы мама ему прочитала сказки.

Как-то у них так повелось...

Чтобы все вечером собирались в гостиной, чтобы дядя Боря разжигал камин, чтобы Анна устраивалась на диване, а Гошка и Кира подсаживались к ней с двух сторон и выбирали книгу. А Анна им читала.

Глупо? Отстой? И вообще, игры интереснее?

А вы попробуйте.

Игры – они пустые, холодные и безразличные. Ты можешь убить сто тысяч монстров, сохраниться, пойти дальше, можешь построить город на песке, но это – там. Не тут. Игрушке все равно, жив ты или умер, как ты себя чувствуешь, о чем думаешь, чего желаешь... это придуманный виртуальный мир.

А реальный...

Реальный – это когда тепло, тихо и уютно. По-настоящему. И мамин голос, и рука, которая обнимает тебя за плечи, и странички, которые ты переворачиваешь, потому что другой рукой мама обнимает Киру, и дядя Боря, который считает что-то важное или читает какие-то сводки, но – рядом. Вместе.

И утверждает, что ему ничуть не мешают приключения Марьи Моревны или Ивана – крестьянского сына. Даже наоборот. Им всем спокойно и уютно.

И тетя Роза, которая приносит всякие вкусняшки и смотрит такими теплыми глазами...

И Смайлик, который обожает семейные вечера, приходит и устраивается на ногах у дяди Бори. И мурчит. Тоже греется. И греет...

Семья. Настоящая. А не суррогат из чужих людей под одной крышей, игрушек и ток-шоу.

Ольга Сергеевна, заметив, что мальчик ее просто не слушает, попробовала кашлянуть. Потом тряхнула его за плечо.

– Георгий! Послушай меня! Твоя мать лишает тебя блестящего будущего!

А в следующую минуту...

– А ну отойди от моего брата!

Кира выглядела так, что с ней побоялся бы связываться даже медведь-шатун. Борис Савойский, при всей его мягкости с родными и близкими, добрым и безобидным существом не был. И пара трупов как финансовых, так и обычных, за ним числилась.

Кира и это унаследовала от отца. Только еще сама об этом не знала. Не приходилось применять. Но вот сейчас все аж всколыхнулось внутри...

Ее. Брату. Угрожают!

Да кто такое спустит с рук?!

В отличие от Гошки, она помнила эту тетку. И помнила гадкий скандал, который та пыталась устроить. Пусть получилось-то все

хорошо, но благодарить не тянет. Разве что стукнуть чем потяжелее.

Ольга Сергеевна посмотрела на Киру как на особо тупого таракана.

– Не мешай мне. Кыш.

Зря она это сделала. Потому что Кира перешла от слов к действиям.

Если кто сталкивался с газировкой (вредно, но вкусно же! И тянет! И вообще иногда можно!), тот знает. Не надо взбалтывать еще не открытую бутылку.

Кока-колу Кира купила. Но до занятия выпить ее не успела, чтобы не расстраивать Гошку. Тому тоже хотелось, а нельзя. После операции еще какое-то время ему надо будет соблюдать диету.

После?

Тоже некогда. Домой хочется. К папе и к Ане. А там еще вкусняшки в холодильнике, и свекольник... ум-м-м! И квас такой... куда там газировке из химикатов?

– Пш-ш-ш-ш-ш! – сказала кока-кола.

– Б...!!! – эмоционально высказалась обтекающая Ольга Сергеевна.

– Гошка! – рявкнула Кира.

Объяснять было некогда, но мальчишка к ней рванул, словно скаковая лошадь. Спрятался за спину и сразу успокоился. Сестра же!

Кира его в обиду никому не даст!

– ПОЖАР!!! ГОРИМ!!!

Опешили все. Но что еще было кричать Кире?

Охрана? Пока еще дозовешься, да и наверняка охраннику перепало на лапу, чтобы он эту выдру в Центр детского творчества пропустил.

Учителей? Так кто еще отзовется, и когда, и вообще? Это как не надо, их не распахнешь. А как понадобится, так учителей днем с фонарем не разыщешь.

А вот на вопль «Пожар!» народ отлично высыпал. После некоторых событий это больной вопрос. Что горит, где горит – и куда удирать? Сразу же в коридоре стало не протолкнуться.

Ольга Сергеевна безнадежно завязла в потоке детей. А вот Кира и Гошка не растерялись. Кира схватила брата за руку – и рванула к противопожарному выходу, продолжая орать, словно сирена.

Ничего! Переживут! Сами эту пакость впустили, пусть сами и расплачиваются!

* * *

Роман не задерживался никогда. Не задержался он и в этот раз. И даже в лице переменился, узнав о случившемся.

– Так... ребята, срочно к Борису Викторовичу.

– Зачем? – заныла Кира, понимая, что ей сейчас и дадут благодарностей, и добавят. За все хорошее.

– Потому что ситуация может повториться. Хорошо, сейчас эта тетка пыталась поговорить. А если бы мальчика хотели похитить? Это вполне реально. И могло осуществиться даже сейчас. Сегодня уже.

Гошку аж затрясло, и Кира сгребла его в охапку.

– Цыц! Я в следующий раз ее вообще хлоркой оболью! Не бойся!

– Следующего раза быть не должно, – увесисто сказал Роман. – Кира, ты понимаешь, что, если Георгия вывезут за границу, вернуть его будет практически невозможно? Люди годами судятся, чтобы увидеть своих детей. Годами...

Дети вцепились друг в друга еще крепче.

– Русских за границей не слишком-то любят. И поверь, частенько – заслуженно. Есть отношение к местным, и есть к тем, кто «понаехали тут»... не всегда, но частенько^[5].

Кира фыркнула. Зло и ядовито.

– И взаимно. Нам знаешь, что историк сказал? Что Россия – действительно отсталая страна. Вот Англия концлагеря выдумала. Франция – гильотину. Германия впервые применила боевое отравляющее вещество. Есть им чем гордиться, определенно^[6].

Роман качнул головой:

– Кира, это история. И ты меня отвлечь не пытайся. Факт прост. Георгия надо защищать. А что там еще изобретут просвещенные страны – их проблема. Лишь бы нас жизни учить не лезли.

Кира надулась. Фокус не удался.

А вот с математичкой можно было только начать говорить о политике – и все! Урок сорван! С Романом такой номер не прошел. Увы...

– Что эта старая... так, дети, заткните уши!

Дети переглянулись с видом «чего мы там не слышали».

Борис Викторович скрипнул зубами. И набрал номер Якова Александровича. Погоди, зараза! Я тебя колой обливать не буду! Ты не могла не наследить! Сейчас изымем все записи, возьмем показания, что там еще надо... Да тебя к ребенку на километр не подпустят! И надо охрану.

Надо... надо защищать свою семью!

Только вот как это Анне рассказать? И ведь не скроешь, не получится ее защитить.

Вопреки его предположениям, Анна восприняла спокойно.

– Боря, наверное, мне надо с ней поговорить. Еще раз. В присутствии юриста.

– Не думаю, что это поможет.

– Мне надо определиться, – честно сказала Анна. – Я не понимаю, чего она хочет. Увезти Георгия? Получить права на опеку? Что именно?

Савойский пожал плечами. В его представлении, такая дама, как Цветаева, могла хотеть и всего – и сразу. Такой характер. Что может дать Анне этот разговор?

– Я и сама не знаю, – призналась она.

Или знала?

Просто боялась сказать?

Анне было очень страшно. Сделать еще один шаг... и превратиться в чудовище. Но ради сына она станет кем угодно. Ради... да, и ради дочери.

Ее дети, ее муж, ее семья должны быть в безопасности. Даже когда ее не станет.

Глава 4

Свисали в тарелки цветы и плоды

Ида, Свободные герцогства

У Федора Михайловича было замечательное настроение. Бывают такие дни, когда хорошие новости плотненько одна к другой ложатся, что те кирпичики в мостовую, и не подковырнешь.

Приятно...

С утра ему позвонили из лечебницы.

Доктор Ромарио не просил – требовал новую партию чудо-лекарства.

Не на всех детей оно действовало. Но двое из уже обреченных начали... выздоравливать? Ромарио не мог пока в это поверить, но кашель затихал, кровохарканье уменьшилось, у детей, которым оставалось жить считанные месяцы, появился... шанс?

Маленький, но вполне реальный. Если продолжать прием лекарства.

Еще у двоих такого резкого улучшения не наступило, но ведь и ухудшения не было! А это замечательно! Просто замечательно!

Так что – лекарство!

Или – рецептом поделитесь?

Вообще Меншиков склонялся к последней версии. Взять патент, и пусть доктор земляных сверчков разводит. Это ж время нужно, место, опять же, условия для обработки... постоянно этим заниматься?

Фабрику покупать?

Можно и так, конечно. А можно и доктора в долю. И ведь тайну лекарства не убережешь, не получится. Рано или поздно разгадают.

Даже рано.

Поди полови медведку в промышленном количестве! И заметят, и быстро поймут, и научатся...

Патент, доля – и никаких проблем. Успеет он сливочки снять, пока остальные еще не поняли.

И просто хорошо – дети выздоравливают! Страшная это штука – кровавый кашель. Хорошо, что найдено... не то чтоб лекарство, но хоть какое спасение. Приятно!

А еще удалось заключить два выгодных договора на поставку пшенички. И склады арендовать по дешевке.

И с детьми все в порядке, и Мишка делом купеческим интересуется, вникать пытается... разве не радость для деда? И Машенька за ним тянется... С одной стороны, не стоило бы девочку такому учить, а с другой... страшное сейчас время. Все знания в копилку будут.

Все было просто замечательно. А потом скрипнула дверь. В «Талларен» вошла дама с собачкой.

Нет, не карманной собачкой, которых носят вместо дамской сумочки. Или в сумочке. Рядом с девушкой вышагивал здоровущий пес дворянской породы. Холеный, ухоженный, в ошейнике, глядящий по сторонам с полной уверенностью в себе и в мире.

Он хозяйский.

Он нужный.

Он заступится за хозяйку, хозяйка заступится за него, вот все и будет в порядке. Правда-правда.

Не верите? А у нас зубы есть! А еще – лапы и хвост.

Зинаида огляделась по сторонам, но ни спросить не успела, ни даже начать искать кого-то глазами. Сбоку приблизился Гошка, который был внизу, в общем зале. Не сидеть же мальчишке в комнатах весь день?

– Зинаида Петровна?

Иного вопроса Иде и не потребовалось. Да и мальчик... Он был удивительно похож на Анну. И на Илью Алексеева тоже, но нос у него точно был от матери. И улыбка. И нечто неуловимое, движения, умение себя держать...

– Георгий? Георгий Воронов?

– Да!

– А...

– А это мой друг. Потап.

Топыч поглядывал исподлобья и осторожничал. Мало ли какая там тора бывает! Это сначала она хорошая, а потом еще как

повернется! Тора Яна, конечно, за нее поручилась, но мало ли что и кто?

Долго ему размышлять не дали.

Зинаида сгребла обоих мальчишек в охапку и разрыдалась от счастья.

Она не одна!

И Яна... Анечка в порядке! Иначе бы...

Подскочил с места Меншиков, заметались слуги...

Полкан, единственный, кто сохранил спокойствие и достоинство, занял выжидательную позицию, Кусаться он не собирался, но преградил посторонним доступ к хозяйке. И вежливо сказал: «Гав». Негромко так, интеллигентно.

Дайте, торы и жомы, людям пообщаться! Сейчас чувства схлынут, и они смогут все объяснить. А пока – не мешайте. Я вас убедительно прошу.

Получилось так убедительно, что Ида и поплакать успела целых пять минут, и Гошку расцеловать, и Потапа стиснуть так, что бедняга с минуту просто вдохнуть пытался.

Сильная это штука – любовь.

* * *

Когда стихли первые восторги и начались расспросы...

Вот это уже все происходило не в общем зале. В номере уважаемого жома Меншикова. Нечего тут всяким-разным уши греть!

Федор Михайлович думал даже сына не допускать, но, как на грех, Михаил Федорович как раз был в общем зале. Так что мимо него не прошло бы...

Лучше сразу все прояснить, чем потом мучиться.

Первой слово взяла Ида. После трех фраз обязательных раскланиваний и беседы о погоде она уверенно перешла к делу. А и чего тянуть?

– Сестра мне написала и попросила позаботиться о племяннике. Вот я и приехала.

Написал ей Георгий, а Яна просто просила позаботиться о ее сыне, но какая разница? Это уже детали. Смысл все равно не

поменяется.

– За Георгием? А сестра-то родная? Али как?

Федор Михайлович и сам видел, что родная. Или?..

Родная, чего уж там. Просто Анна старшая из княжон, а перед ним сейчас младшая. Вот ее он, кстати, узнал бы сразу. Ни темные волосы не спасли, ни нарочито простая прическа, ни мешковатая одежда. Аделина Шеллес-Альденская, как она есть!

Вот как в газетах печатали!

– Родная, – отрезала Ида, понимая, что врать не стоит. И то... Она по паспорту Зинаида Петровна Воронова. Яна ей специально такой достала.

А чего скрывать?

Петер – обычное имя. А ворон по Русине летает – не переловить. Никому и в голову не пришло ее подозревать. Здесь, в Герцогствах, и подавно до нее никому дела не было.

– Мы... мы польщены... такая честь...

Жом Михаил попробовал встать и проблеять нечто невразумительное. Отец едва не за шкуру усадил его обратно. И правильно, ничего умного сын сейчас не сказал бы.

Ида сразила его наповал.

Яна – та титулом, все же не каждый день с вами императрица путешествует.

А вот Ида...

Красивая, нежная, вся словно фарфоровая куколка... Не видел он, как фарфоровая куколка, с руками по локоть в крови, ассистирует на операции. Или судно выносит из-под лежащего больного.

– Ваше... – начал было купец. Потом осекся.

– Тора Зинаида, – подсказала Ида. – Или тора Ида.

– Тора Ида, я вам детей так доверить не смогу.

Раньше Ида бы разгневалась. Но больница отлично учит и терпению и смирению.

– Почему?

– А что я торе Яне скажу?

– Правду.

– Тора Ида, тора Яна мне хоть и объяснила, что детей надо с вами отпустить, а все одно. Не могу я так, – развел руками Меншиков. – Не

зная, где они, не зная, как живут... родные они мне, уж простите, коли обидел.

Ида махнула рукой.

Не обидел. Наоборот. Хорошо, что так получается. И купец готов защищать мальчишек любой ценой. Не только от нее, от любого защищал бы. Это правильно.

Она еще колебалась, стоит ли приходить или просто так детей увезти, но потом решила не привлекать к себе излишнего внимания. Мало ли с кем Меншиков знаком. Мало ли кто к нему приехал?

И детей он может отпустить к знакомой, почему нет? Детям материнская ласка нужна, женское воспитание, чтобы перегибов не было.

Ида понимала, что может привлечь к себе ненужное внимание, но... это и так может случиться. В любой момент. Она слишком похожа на мать. И ведет себя достаточно своеобразно. Хватит одного человека с хорошей памятью, и ее инкогнито рухнет.

– Все хорошо, жом. Ваши предложения?

– Я могу вас проводить, к примеру. И наведываться, коли позволите. Хоть иногда.

Ида задумалась.

– Вы серьезно намерены жить в Герцогствах?

– Да, тора Ида.

– Тогда нам найдется, что обсудить.

Ида знала, что в ее городке продается несколько неплохих домов. Почему бы жому Меншикову и не прикупить один? Купец на месте сидеть не будет, ему надо лавки открывать, торговлю налаживать, но и за домом кто-то приглядывать должен, и за детьми.

Одних их не оставишь, и на сына рассчитывать сложно.

А так... они решили бы сразу несколько проблем.

Ида может пожить на два дома, к примеру. Пока купец в отъезде – у него, в остальное время у себя. Гошка тоже может жить, где ему понравится, и с друзьями не расстанется. Вон как с мальчиком сдружился. А девчушка и вообще в него вклецилась, не оторвешь.

Зачем огорчать детей? Им и так уже сколько бед выпало в их коротенькой жизни...

Дети были только рады предложению. И жом Михаил рад. Очень. И Ида довольно улыбалась.

Охрану купца она успела оценить. Армандо против этих вояк – щенок сопливый. Разгонят его только так, хоть вправо, хоть влево. А нет?

Может, они с жомом Михаилом взаимоуничтожатся? Вдруг ей повезет?

* * *

К чести Федора Михайловича, переехать он согласился не раздумывая.

Но сначала уточнил, водится ли на тех полях медведка. Очень полезное животное оказалось, за чудо-лекарство готовы были золотом по весу платить! Меншиков был не против. Но вот обнародовать главный компонент...

Страшновато как-то.

Узнают люди, что именно им скормили... может, и заплатят.

А может, и побьют. Больно. Ногами. Уж очень тварюшка неприглядная.

Русина, Хормельская волость

– Что Заручко?

Конечно, Никон не стал ожидать, пока Илья уйдет с его земель. Собрал людей и атаковал. А вперед себя послал отряд податамана Заручко.

Хороший вояка, и конник добрый... Задача была – налететь, потрепать, вывести из равновесия, разведать да и доложить. Сколько там, кого, чего ждать...

Так и получилось.

Заручко налетел, Илья его атаку отбил, но перейти в наступление не решился. Егор Заручко боя не принял, отступил через реку, по имени которой и волость название получила. Хормель...

Не то чтобы Хормель был широкой или глубокой рекой, нет. Но вот что пакостной, то пакостной. Местами глинистой, местами илистой, и коню в ней ногу сломать было – что всаднику с табачку

чихнуть. Мост за собой под- атаман разрушил, и Илья как ни скрипел зубами, а переправляться не решился. Ну его... от греха!

А вот Заручко как раз речку знал.

И где можно переправиться, и как, и когда... и желательно следов не оставить.

Пару переправ он таки осуществил. Его люди, с пулеметами, нанесли Илье... не то чтобы значительные потери, но неприятно же!

Это и докладывали сейчас Никону.

Счастливый слушал и радовался. Пока все шло правильно.

А еще правильнее то, что Илья разозлился. И его полк послушно шел туда, где его и хотел видеть Никон: в ловушку под селом Егорьевка.

Хотя этого села им так и так не миновать было. Все ж транспортный узел.

Один из? Но важный.

Справятся ли? Посмотрим... пока все шло по плану.

* * *

Вечером следующего дня Илья Алексеев с отвращением смотрел на Егорьевку.

И это – село?!

Похабень какая-то, сплошные хатки, и те соломой крыты. Единственное здание под черепичной крышей – вокзал. Объяснять Илье, что солома соломе рознь, а глины тут в окрестностях нет, и черепица золотой получится, коли ее откуда везти, никто не стал. Да и к чему?

Пусть фыркает, его дело.

Илья фыркал, но задачи офицерам ставил. Хотя какая там задача?

– Я атакую вниз по холму. На всякий случай, вдруг у них есть пулеметы или еще что, рота Измestьева должна выйти к железнодорожному полотну и взорвать его. Рота Белкина – то же самое. С другой стороны. Что говорит разведка?

Разведчиков Илья не слишком любил – за независимость и высокое самомнение. Но понимал, что без них никуда.

Разведчики отвечали ему полной взаимностью, особенно их начальник, жом Мельников. Ну да, так получилось, что он своим умом и трудом выбился из простых.

Не тор.

Зато майор.

И Алексеев время от времени поглядывал на него... своеобразно. Вслух ничего не говорил, но ведь разведка же! Сложно ли узнать, что твой генерал тебя считает выскочкой и пролазой, который незаслуженно занимает свое место? И приятно ли?

Учитывая, что разведчики примерно такого же мнения и о генерале были. Вот уж кого бы в жизни генералом не сделали, когда б не война. А так не было у Валежного выбора. Только Илью это не оправдывало.

Шаркун паркетный. Тьфу!

– Никон идет к селу, – отчитался разведчик. – Будет уже завтра, тор генерал. А пока там человек сто... может, сто пятьдесят. Не больше. И те... счастливчики, одно слово. Сброд с бору по сосенке, таких разметать – плевка не стоит.

О том, что Никон уже в селе, он говорить не стал. Ложная информация?

Да, вот так.

Но тут уж виноват сам Илья.

Жом Мельников и так поглядывал на сторону освобожденцев, а после того, что творил генерал в несчастной волости...

Есть пределы всякому терпению. А поскольку подчиненных разведчик подбирал под себя, они и думали примерно одинаково. Можно убивать ради защиты. Но ради забавы?

В каждой чаше есть последняя капля. И если чаша переполняется, тут уж плевать на все. На любые слова и на любые дела.

В глазах Мельникова Алексеев перешел некую грань, за которой нельзя оставаться человеком...

Децимация^[7] была последней каплей. Эти места надолго запомнят Алексеева и надолго его возненавидят. Здесь детей не будут называть Илюшками.

– У них точно нет пулеметов, майор?

– Клянусь, тор генерал! Мы едва успели, но пока... там едва ли сотня человек. Ружья какие-то есть, как бы не прадедовских времен,

это ж самое сердце волости, считай. Чего им тут защищаться? На границе у них патрули, а здесь-то, они считают, безопасно. Таких сел по волости много.

Илья глубокомысленно кивнул. Сомневаться ему и в голову не пришло. К чему?

Мысль, что Никон не дурак, тоже не приходила. Чего ей в пустоте делать? Хотя мог бы и подумать, что если имеется транспортная развязка, то защищать ее будут серьезно.

Не подумал.

– На рассвете – атакуем.

* * *

Говорят, белки чувствуют непогоду.

Скачет рыжуха по веткам? Все будет хорошо. Даже если небо все в тучах, скоро и разветрится, и снега не будет.

Спряталась в домик?

Жди беды. Уж морозов – всяко.

Женя Белкин тоже предчувствовал.

Вот как хотите... свербело!

Мозжило, тянуло, давило, плющило... сколько слов ни подбери, все одно – тяжело на душе. Нехорошо, неправильно.

Подошел денщик, присел рядом.

– Тор полковник, разрешите...

– Без чинов, Пахом, – отмахнулся Женя.

Какие там чины? Всю войну вместе, считай, под одним одеялом... последним куском хлеба делились. Давно уже не хозяин и слуга. Давно уже друзья, крепче некуда. Пахом своего полковника опекает, что та нянька.

Женя никому не позволял и косо взглянуть на хромого вояку. Подумаешь, колено не гнется? Передвигаться быстро не может, только в седле себя хорошо чувствует... и что? Зато не предаст. А это куда как ценнее проворства.

– Соврал Мельников. Что хотите со мной делайте – соврал.

Женя насторожился.

– С чего ты решил?

– Я ведь деревенский, тор. Не забыл еще старых ухваток. Пошел сегодня на речку, рыбки половить, а река-то мутная.

– Илистая...

– Илистая, да не такая. словно ее поверху где взмутили, а вниз облако пошло...

Женя кивнул:

Допустим. Река мутная, но тому могут быть и естественные причины. Не обязательно ее кто-то вброд переходил или еще чего...

– Рыбы, почитай, нет. словно распугали.

– Или сама ушла. Тоже бывает.

– Птиц не видно.

Женя вздохнул:

– Понимаешь, Пахом, сказать это Алексееву я могу. И добавлю, что беда идет. Неладное что-то. Знаешь, что он скажет?

– Знаю. Посмеется.

– То-то и оно. Приказ я получил, выполнять надо.

– Надо, тор. А нельзя ли его как-то иначе выполнить? Чтобы мы уйти успели? Ежели чего? Или не в том месте к насыпи выйти... не моего это ума дело, а все же...

Женя задумался.

Железнодорожное полотно через Хормель прокладывалось с учетом рельефа местности. Холмистой. И речка еще.

Поэтому Егорьевка была построена неподалеку от реки. А вот железнодорожная ветка огибала один холм, второй, некоторое время шла вдоль реки, пересекала реку... вот если там?

Илья отдал приказ перерезать пути, обойдя село слева. В принципе, Белкин так может и поступить. Обойти село, но пойти не к железнодорожным путям, не сразу... просто выйти придется на час раньше или чуточку задержаться с приказом...

Получится?

Должно.

Женя задумчиво кивнул и сам осознал, как ему стало вдруг легче. Теплее, что ли?

– И когда я так промерзнуть успел?

– А вот я сейчас чайку согрею, тор, у меня и заварка припрятана хорошая, еще с ранешних времен... не извольте беспокоиться, и медку ложечка найдется...

Пахом, которому тоже полегчало, захопотал вокруг и тоже подумал, что вечер какой-то сырой.

Промозглый, что ли?

Или это Хелла взгляд бросила? Вот душа и заледенела? Впрочем, на войне не до таких материй.

* * *

Рота Измestьева шла, как приказано.

Им надо было обойти село справа, выйти к железнодорожной ветке и перерезать ее. Так уж оно было расположено. Холм, ветка, которая его огибает как раз справа, потом переправа через реку, еще один холм, на этот раз слева – и в долине, собственно, Егорьевка.

Идти им предстояло достаточно долго – часа два-три, поэтому шли ходко. Им бы надо еще в час Волка выйти, да не получилось.

Разведка донесла, что все спокойно, подвоха никто не ждал... И когда сухо захлопали выстрелы, сначала даже не осознали, что происходит.

Потом уже, через пару минут... да, бросились на землю, отстреливались, но поздно, непоправимо поздно.

«Счастливики» расстреливали противника, словно в тире. Они-то эту местность знали, устроились заранее, засаду подготовили, окопались...

И палили по живым мишеням.

Никон хоть и был за анархию, но не у себя в войске. И если кто решился бы послушаться его приказа... этим людям не посчастливилось бы. Рука у атамана была тяжелая.

Измestьев умер одним из первых.

Он так и не поменял свой блестящий гвардейский мундир на нечто более темное, простое... хотя война! Но ведь и задание было простое! Пройти, взорвать, вернуться...

Подвоха никто не ждал, а получилось...

На черной земле, на зеленой молоденькой травке остались лежать несколько десятков трупов. Остальные попросту попали в плен. И вскоре позавидовали мертвым.

Забегая вперед: Никон гуманностью не отличался. И пули жалел. Поэтому по-простому приказал своим ребятам поупражняться в «рубке лозы».

Вооруженные шашками, против безоружных...

Печальное зрелище. И мучительная смерть.

* * *

Рота Белкина шла ходко, сторожко поглядывая по сторонам. Все равно царапало что-то... неприятно было. Так что Белкин махнул рукой и пустил вперед своих разведчиков. Алексеевские – оно понятно, ходили, разведали. А у него и свои двое в роте есть. И пройдут, и выйдут, и кого хочешь выведут. Очень полезные люди. Один разведал, вернулся, второй пошел вперед...

Белкин и не удивился, когда ему доложили, что впереди «счастливчики». Стоят и словно ждут кого...

Стоят?

Ну... ладно! Лежат!

Хорошо устроились, секреты себе сделали, и так они сидят, чтобы дорогу к железке перекрыть. И ведь прямо по пути...

Обойти?

Белкин и не сомневался.

Обходить, и только обходить.

Или?

Если так подумать, ввязаться в драку они могут. И победить – тоже. «Счастливчики» рассчитывают на одно, получают другое. Одно дело резать беззащитных, другое – воевать всерьез. Могут и дрогнуть, и побежать.

А могут и начать отстреливаться. Рота задержана, и дело не сделано. К Белкину помощь не придет, а к «счастливчикам» – запросто. Нет, так не пойдет. Лучше их обойти стороной, да и к железной дороге. А там уж...

Разберемся – и на обратном пути можно переведаться. А чтобы точно дело сделать – поделить на две части. И шума меньше получится, и кто-то точно дойдет и полотно заминировать...

Белкин понимал, что шансов вернуться назад – мало. Но приказ надо выполнять. Даже если ты погибнешь, будет жить Русина. Честь и верность – не пустые слова.

* * *

Заалела полоска на востоке.
Запели рога.
И всадники потекли вниз по склону, к беззащитному селу.
Они уже предвкушали победу. Они знали – сейчас они доскачут до мирных хижин, сейчас промчатся по улицам, вызывая крики ужаса, сейчас обагрят свои сабли... если найдется кто-то противостоять им.
Сейчас...
Кажется, какие-то «счастливчики» в селе есть. Сотня – или две? Что ж, пусть бегут, кто успеет и сможет. А нет...
Илья скакал впереди.
Ветер бил ему в лицо, уносил дурные мысли. Всю ночь ему толком не удавалось поспать. Почему-то снилась Анна, которая грозила ему пальцем. И звучала, пробивалась сквозь сон, дурацкая детская присказка.
Поменял добро на помойное ведро...
Откуда оно взялось? Как-то раз Гошка услышал ее на улице и повторял целый день. Потом забыл, конечно, а у Ильи и всплыло сейчас...
Поменял добро...
И не будет добра в его жизни. Зато будет азарт боя, схватки... и когда он бросит к ее ногам знамена врага, она поймет...
Она узнает...
Сейчас, вот уже немного... и все будет...
С двух сторон резко ударили пулеметы. Коня под Ильей убило первым же выстрелом, мужчина дернулся, вылетел из седла и полетел головой вперед в колючий куст. По-своему Алексееву даже повезло. Его не затоптали и не убили. Но оценить это везение Ильи не мог. Он крепко приложился кудрявой головушкой о землю и потерял сознание.

* * *

Никон рассудил просто.

Допускать врага в село не стоит, там с ним справиться сложнее будет, да и железная дорога пострадать может. Перебьется.

А вот расстрелять на подходе...

Да со всем нашим удовольствием!

Поставить пулеметчиков в нужные места, чуточку подтолкнуть Алексеева к нужному решению – это ж не Валежный, не Логинов! Собственно – никто! Шаркун паркетный, выполнять чужие приказы он может, а вот свои раздавать...

Разве что за неимением лучшего.

Поэтому Никон сговорился с разведчиками, которых выслал Илья. Четверых пришлось сложить под кустик, остальные согласились, потом Счастливый поставил приманкой небольшой отряд – и расставил пулеметы.

Илья пошел вниз по склону, в этот момент в дело вступили пулеметы и в бок атакующим ударили конники, начисто вырубая ошеломленного противника.

Запах крови и запах взрытой копытами земли, запах дыма и пороха, конского и человеческого пота – все смешалось в прозрачном утреннем воздухе. И крики...

Жутковатая симфония смерти.

Крики боли, стоны, проклятия, ругательства и мольбы людей, крики коней... вы не слышали, как кричит раненая лошадь? Вам повезло...

Грохот орудий и треск пулеметов, свист рассеченного острым железом воздуха...

На войне – не просто страшно.

На войне умирают.

Пехота?

Так и на пехоту нашлось свое средство. Железная ж дорога!

То есть – дрезины. Которые тихо-тихо, без шума, подошли ночью в нужное место, которые подвезли нечто нужное. Особой пехоты у Счастливого не было, но были орудия.

А вот и...

Грохотнула пушка. И еще раз, довершая разгром...

Или...

Не пушка?!

Никон, который с удовольствием наблюдал разгром врага, даже не вступая в бой сам (он что – идиот Алексеев?) обернулся. Грохот донесся не с той стороны, в которую подвезли пушки.

Грохот донесся...

Проклятие!

Алексеева-то Никон разнесет в пух и прах!

Но есть подозрение, что железная дорога тоже потеряна.

* * *

Когда до Белкина донесся шум боя...

Не может такого быть?

Да вот еще как может! Когда сшибаются несколько тысяч людей и с одной, и с другой стороны, слышно очень хорошо. И пушки.

И пулеметы...

А еще – дрожит земля, которую обильно поливают кровью. Кровью людей, которым жить бы да жить. Кровью родных ее детей...

Она дрожит и плачет, она стонет и трепещет от ударов. И это тоже чувствуется...

Белкин знал, что идет бой. И... это не стычка, на которую рассчитывал Алексеев. О нет! Здесь все серьезнее. А голоса пушек и вообще слышны издали.

– Тор, никак наши бьются?

Пахом был рядом. И чему бы тут удивляться?

Белкин вздохнул.

– У нас есть приказ. Выполняем. А пока... Федот, Силантий – давайте-ка назад. Посмотрите, что там за обстановка, да и доложите. Мы вас подождем... в леске.

Разведчики покосились на лесок и дружно кивнули.

Они сходят. А рота пока займется полезным делом. Установит мины, запалы... что бы там ни происходило, приказ командира надо выполнять.

И разведчики совсем не удивились, услышав взрыв.

* * *

Илью нашли после боя.

Прошли бы мимо, а то и добили, но... решили выслужиться.

Ясно же!

Мундир генеральский, весь вызолоченный, оружие дорогое... ладно! Оружие прикарманили. И деньги изъяли в свою пользу, пока тащили.

Привели.

Бросили под копыта коня Никона.

Счастливый смотрел с отвращением. Хотя... и чего было возмущаться? Илья всего лишь опустился до его уровня. До уровня человека, которому никого не жалко, который спокойно режет и расстреливает мирное население... да, этим грешил и Счастливый.

Только не в своей волости.

А вот когда война пришла подобным образом к нему в дом... понятное дело – обидно! Когда он раздает оплеухи – это драка правильная. А вот когда он их получает, уже гораздо хуже.

– Генерал Алексеев, – с издевкой протянул Счастливый. – И что мне с вами делать?

Илья чувствовал себя откровенно плохо. Полет в кусты не прошел для него даром, крепко тошнило, кружилась голова, а сотрясение мозга было невооруженным глазом видно.

Но пресмыкаться перед этой мразью?

Никогда!

Все равно убьют, так хоть душу отвести.

Витиевато и изобретательно Илья послал атамана в пешее эротическое путешествие.

Счастливый выслушал, не поведя бровью. Какая ему разница, что там кричит поверженный враг? Да пусть хоть с березы закукарекает! Решать, что с ним делать, все равно Никону. Кстати, о березах...

Нагнуть две крест-накрест, привязать Алексеева за ноги – и отпустить. А что останется, вороны расклюют.

Атаман спрыгнул с коня.

Вот играть на публику он умел отлично. Никон подцепил Алексеева за воротник мундира, рванул... «Счастливчики» генерала пока не ободрали до конца. Да и смысл?

Свое они еще соберут, а этого можно и так привести, чтобы атаман поверил – ему не пустышку подсунули.

– Ты пришел на мою землю как враг. Ты не жалел никого. Ни старого, ни малого. Ты обрек на гибель от голода моих людей. Ты приговорил к смерти целые семьи...

Алексеев почти не слушал.

А потом открыл рот – и цинично блеванул атаману на сапоги.

Злонамеренно. А вы что ожидали после сотрясения мозга? Даже если его там и немного было, и тот спинной?

– Ах ты!.. – пробрало Никона.

Зараза такая!

Всю малину... обблевал! Испортил картину атаману... не сволочь, а?

Даже насчет берез желание улетучилось.

– Повесить его, – бросил Никон, отворачиваясь.

Илья даже не дернулся, когда его поволокли к березе. Да, видно судьба такая была у этого дерева. Сорвали мундир, рванули с шеи цепочку медальона...

– Отдай! – рявкнул Илья.

Анна.

Гошка.

Может, Анна и простит его, когда узнает, что он ушел вслед за сыном.

Рывок вышел такой, что двоих «счастливиц» разбросало в стороны. Обернулся даже Никон, который брезгливо обтирал сапоги о траву.

– Что там еще?

– Да щас, батька... запляшет! Цацку ему, вишь, жалко! Малахольный...

– Что за цацка?

Как ни крути, чутье у Никона было.

Медальон оказался в его ладони, жалобно пискнула, открываясь, крышечка...

– Оп-па...

Сказал атаман, конечно, не совсем это и в более крепких выражениях, но не стоит придирааться. И кто бы ни сказал, увидев под золотыми крышечками две миниатюры?

Мальчишка лет пяти? Это ладно, это понятно. Сын небось...

А вот второе лицо, которое после выхода газет в империи не узнал бы только слепой или слабоумный...

– Императрица? – прищурился Никон.

– Отдай!.. – рявкнул Илья. – Не твое, ..., дело!!!

Никон задумался.

– Не мое? Вот как? А что у нас тут написано?

Ламермурского атаман не знал. Увы. Но переводчика нашел.

– Люблю навеки. Твоя Анна В.

Илья бессильно обвис в руках «счастливиц». Что он мог сделать? Даже не самоубьешься – не дадут!

– Пока не вешать, – распорядился Никон. – В обоз его, спеленать и стеречь. Чтобы не сбег и не сдох. Надо навести справки.

Интересный ведь медальончик. Чужие лица в таких не таскают, а тут – что?

Любимая?

Любящая, что еще интереснее?

Какие отношения вас, генерал Алексеев, связывают с ее императорским величеством Анной? Это надо выяснить. Всенепременно.

Русина, Звенигород

Трактирщик Василий, которого все давно и прочно знали под прозвищем Хомяк, да так, что он и имя свое позабыл, проснулся от странного чувства.

Что-то в окружающем его мире было не так.

Что-то...

А именно – отсветы огня в окне и подозрительный запах дыма.

– КАРАУЛ!!! ГОРИМ, МИРЯНЕ!!!

Хомяк заорал как истинный хомяк. Очень даже они умеют верещать, и лучше их до этого не доводить. И защищать свое они умеют.

На улицу он выскочил уже почти одетый, так, обуться не успел. И прихвативший несколько ведер – воду носить.

Трактир и правда медленно, но верно занимался пламенем.

КТО?!

Впрочем, на этот вопрос Хомяк ответит потом. А сейчас...

Тушить!

Тащите багры, ведра, воду! Тащите лопаты, будем землей закидывать! Он в числе первых помчался к сараю и раздавал всем инвентарь, отлично понимая, что цена лопаты и трактира – несопоставима. Даже если половину не вернут...

Вы знаете, сколько и чего у него в подвалах запрятано? Да там всему Звенигороду хватит! И на лопаты, и на грабли!

Хомяк метался, спасал трактир, и, казалось бы, все было уже неплохо, как...

Чья-то рука зажала ему рот. А потом по внутренностям разлился страшноватый холод, и мужчина провалился в темноту.

Он даже не успел понять, что умирает.

Митя, а именно он был автором переполоха, пожал плечами, глядя на осевшее грузное тело.

– Прости, Хомяк. Я предателям не доверяю, один раз продал, второй еще дешевле возьмешь. Покойся с миром.

И растворился в темноте. Специально поджег до полуночи, чтобы не так темно было. Специально поджигал не сильно – к трактиру «Боевой хомяк» у него претензий не было.

И ждал подходящего момента.

Один удар. Только один, добавки не требуется. Точно и сильно, под лопатку, чтобы и вскрикнуть не успел. И нож в ране оставить – ладно уж. Пожертвуем для хорошего дела.

А как приятно!

Митя удалялся с поля действия, сунув руки в карманы, и небрежно насвистывая нечто революционное. Свою работу он выполнил.

Теперь надо подумать насчет заказа ее величества.

Хотя чего тут думать? Не выдернул бы его жом Тигр, как морковку с грядки, Митя еще тогда бы разобрался с лионессцами. У него уж и часть подготовительной работы была проделана.

Надо только самую чуточку доработать. Митя бы все посольство поднял на воздух, а ее величество очень просила не о мести, а об... как она это выразилась?

Образцово-показательном террористическом акте.

Чтобы пострадали все. И чтобы точно знали, за что именно пострадали.

А вот это требовало времени. Хотя определенные идеи у Мити уже были. Страшноватые такие... С другой стороны – они и заслужили.

Как пожар гражданской войны разжигать в чужой стране, как императора на смерть обрекать, предавать и подличать, так они первые. А как мученическую смерть принимать за все свои выходки, так простите? Мы в сторонке постоим?

А не получится. И в Борхуме у некоторых, не будем показывать пальцем, не получилось, и у вас, гады, не получится.

Митя прислушался к крикам позади, но шагу не прибавил. Подумаешь, дохлого Хомяка обнаружили! Они живут-то сколько?

Года три?

Вот, этот и так зажился на свете.

А теперь перейдем от хомячков к Тиграм.

* * *

Когда жом Тигр получил свое кольцо в конвертике – он просто глазам не поверил.

И при всех выругался матом, чего вообще-то старался не делать.

А вы бы – не? Приносят вам красивый розовый конвертик, весь надушенный, явно же дама писала, а из него достаешь кольцо – и в него продеты сушеная ромашка и прядь волос. Знакомых таких волос...

Сколько раз он запускал в них пальцы, когда... так! Отвлекаться не будем! Но волосы Яны жом Тигр узнал бы из сотни других прядей. Произвела дама впечатление.

– Кто это принес?

Порученец вытянулся в струнку, и доложил, что это передал молодой человек. И просил сказать, что будет ждать ответа.

Он конверт прощупал, проверил, ничего опасного не обнаружил, ну так, может, и ничего страшного? Остались же в Русине еще торы? И почему одна из них не может назначить мужчине свидание?

Конечно, не сама, такое не подобает. Но вот послать кого-то с поручением – вполне. Уж он навидался в свое время!

– Зови молодого человека, – распорядился жом Тигр. И прибавил уже поощрения ради: – Молодец, хвалю за службу.

– Рад стараться, жом Тигр! – вытянулся в струнку паренек. И умчался.

Как оказалось – за Митей Ромашкиным. Разве что чуточку загримированным, в очках и студенческой тужурке, с приклеенными усиками, чтобы сильно не приглядывались. И дать стервецу больше двадцати лет?

Не получается.

И как ему так удастся?

Хотя чего было и удивляться? Вошел, наглец, как к себе домой, улыбнулся, уселся без разрешения.

– Жом Тигр, мое почтение.

– И тебе того же. С чем пожаловал?

Митя ухмыльнулся еще гаже. Хотя куда бы еще? Разве что зубов поубавить нахалу?

– Как? А поговорить о погоде? А вспомнить старые добрые времена?

– Р-ромашкин!

– Что, даже чаем не напоите?

Тигр так сверкнул глазами, что Митя вспомнил – он не в зоопарке. Здесь решетки нет. А жаль. И перешел к делу.

– Надеюсь, вы узнали волосы?

– Допустим.

– Известная вам особа просила передать письмо и несколько слов.

– Письмо, – протянул руку жом Тигр.

Распечатал, вчитался.

Что сказать?

Условия предлагались императорские. Дураком надо быть, чтобы на такие не согласиться. Валежный идет на столицу, до его прихода можно ничего не делать.

Как – ничего?

Уцелеть, не дать растащить остатки по карманам, может, сформировать несколько частей из верных тебе людей, может, еще что...

Это надо продумать. Раньше жом Тигр не знал, к чему готовиться и чего ждать. То ли бежать, то ли лежать... сейчас у него такого вопроса не возникает.

Он остается.

И есть подозрение, что он войдет в новое правительство. Стоит это некоторого риска? Определенно!

Жом дочитал письмо и поднял глаза на Ромашкина.

– Что еще просила передать знакомая мне особа?

Митя, предсказуемо не удержался. Подошел поближе, наклонился к уху опасного человека, и тихо-тихо шепнул то, что услышал от Яны:

– Она просила передать, что вас любит.

Воистину, любовь – громадная сила. А чем еще можно объяснить то, что жом Тигр шарахнулся, как демон от храма, навернулся со стула и крепко приложился пятой точкой об пол?

Только магией любви.

Митя, правда, предусмотрительно отскочил. Оружие сразу не вытащит, а вот ногой достать может. Жом Тигр кое-как пришел в себя и выверился на Ромашкина так, что у матерого террориста коленки подозрительно задрожали.

– Я тебя за такие шуточки...

– На крови поклясться? – сразу же оборвал версию о шуточках Митя.

А вот теперь Тигр удивился. Искренне.

– Это... это не...

– Не разыгрыш. Что я – самоубийца?

– Но...

Редко кому удастся увидеть настолько растерянного Тигра. Хотя в жизни, хоть в зоопарке.

– Она сама. Валежный не в курсе. Она попросила это передать, я и не стал спорить.

Было заметно, что Тигру хотелось задавать личные вопросы. Но не хотелось позориться. Он что – гимназист сопливый? Так что переборол себя и начал уточнять диспозицию Валежного, потом потащил Митю к карте Русины...

Пришлось пожалеть влюбленного и мимоходом рассказать о Яне. О том, что она умна, очаровательна, ей по-прежнему плевать на все

этикету, а стреляет она вообще великолепно. Ей-ей, не будь она императрицей...

Молчу!

И еще раз – молчу...

Но напарница из нее получилась бы великолепная.

* * *

Проводив Ромашкина, жом Тигр уселся в кресло и уставился в стену невидящим взглядом.

Оказывается, и так бывает?

Любовь? Да выдумки это! Изобретение слабоумных и поэтов... или попросту – слабоумных поэтов. Как говорилось в одной шуточке – любовь, это когда денег нет девушку снять.

И вдруг...

Положим, признания от жома Тигра Яна могла ждать долго. И не дожидаться. Он просто не понял бы, чего от него ждут. Но получив признание, впервые задумался.

Яна сказала, что любит его.

А любит ли он Яну?

Именно Яну, императрицу он знать не знал, а вот женщина, которая прикрывала его, чтобы не убили... которая делила с ним постель и кров, которая...

Которая оставила его. По своей воле.

Впрочем, теперь понятно, что в Звенигород она вернуться не могла. Зачем она сюда ехала – надо будет еще уточнить. Но оставаться рядом с ним... это было бы самоубийством. Тот же жом Мишель мгновенно опознал бы Яну. Тот же Калинин. Тот же... да тут половина города в курсе! И до Пламенного мигом бы дошло. Тут и отстреляться не получилось бы, сидели б сейчас в соседней камере с Вороновым и он, и Яна.

Кстати говоря!

Надо озаботиться его судьбой!

Но это потом, потом. Тигр искренне считал, что предателю, подлецу и отцеубийце самая дорога к стенке. Так что посидит, ничего страшного. А вот Яна... смог бы он ее выдать? Смог бы отказаться?

Тигр не знал. Своя шкура дороже всего, но Яна... его восхитительное чудовище!

Самая удивительная женщина в его жизни. Единственная, которая его удивила.

Но любовь?

Любит ли он Яну?

Тигр не знал ответа на этот вопрос. Соратников он уже предал. Во многом ради нее. Это есть.

Убьет он ради Яны? Да, безусловно. Хоть кого и хоть как.

Умрет он ради Яны? Тут пришлось задумываться дольше. Но ответ все равно получился положительным. Если встанет такой вопрос, его или ее жизнь, он выберет ее. Все равно... без нее жить можно. Но это как всю жизнь кушать еду без соли. Взвоешь волком.

Хм... а если встанет вопрос – Яна или Русина?

Но Яна *и есть* Русина! Здесь и сейчас именно она символ и знамя, право и кровь, слово и вера. Именно она... и отделить ее от Русины не получится.

А значит, и выбирать не надо.

Так это – любовь?

Ответа все равно не было, но жом Тигр постановил считать свои чувства любовью. Может, и не так уж врут поэты?

Кто их знает. Но так и быть – за вранье вешать не будем. Только за шею.

Глава 5

Ребенка и птицу кормили они

Анна, Россия

Как надо себя чувствовать в такой ситуации?

Анна не знала, вот и волноваться не собиралась. Ольга Сергеевна ждала их сегодня в ресторане, в час дня.

Вчера Анна отправила ей последнее письмо Сергея. Копию, конечно. И теперь собиралась поговорить.

Ольга Сергеевна не смирится и не успокоится. Это Анна отчетливо понимала. Но может быть, им удастся достигнуть какого-то соглашения? Не то чтобы Гошке были нужны деньги, тем более цветаевские, но деньги – это образование, это определенная защита, положение в обществе...

Это тоже важно.

И сама Ольга Сергеевна – хорошее приобретение для семьи. Если ее так рассматривать. Чтобы выживать и преуспевать в бизнесе, да еще за границей, надо быть не просто барракудой. Надо быть не иначе, как шестиголовой Сциллой. Вздумай она помогать, ей бы цены не было. Она бы любого врага сожрала и костей не выплюнула. А вместо этого она будет пытаться отобрать Гошку.

И то, что Боря может его усыновить, ничего не поменяет. Анне ли не знать, как можно разорить конкурента? Великой княжне такое вроде бы и ни к чему, но счета ее проверять учили. И воров искать, и разбираться худо-бедно... научили. Анна даже не сомневалась: Ольга Сергеевна будет интриговать против Бори. Замужеством Анна не защитит сына. Она подставит и мужа, и дочь...

Да, дочку...

Пусть Кира и не воспринимает ее как мать, но Аня-то любит ее всерьез. Как родную.

– Анечка, вы уверены, что стоит с ней вообще разговаривать?

Анна развела руками.

– Яков Александрович, а жить под ударом – проще? Сначала похороны, теперь попытка разговора... пока – разговора. А что потом? Похищение?

Юрист скромно промолчал. Но подозревал он то же самое.

Может быть и похищение. Цветаева – дама серьезная. А такие дела в нашей стране... да во многих странах они остаются висяками. Печально, но факт.

– Как хотите, Анечка. Я вас, конечно, подстрахую, и свидетелем побуду, но не думаю, что от разговора будет польза.

Анна вздохнула.

Польза?

Увы, Анна шла или договариваться – или убивать. Третий вариант у нее просто нет. Если бы она осталась в живых... Если бы было время...

Если бы...

Времени не было. И третьего варианта от Хеллы тоже. Анна могла убить, но не могла больше ничего сделать. Смерть – слишком радикальное решение проблемы?

Так ведь нет другого выхода. Просто – нет.

* * *

Госпожа Цветаева ждала их в ресторане. Выглядела она замечательно. Ухоженная, холеная, волосок уложен к волоску, бриллианты в ушах и на пальцах поблескивают ледяным блеском, светло-серый костюм с белейшей блузкой стоит больше, чем годовой бюджет какой-нибудь союзной республики, улыбка...

Вот улыбки и не было. Была гримаса ядовитой гадины.

– Добрый день, Ольга Сергеевна, – поздоровалась Анна, подходя к столику.

– Добрый, – царственно (получилось плохо, но старались хорошо) кивнула дама.

– Добрый, а то как же, – соорил милейшего дедушку Яков Александрович. – Конечно, добрый, если я вас вижу. Госпожа Цветаева, вы уж поговорите с девочкой, а я тут рядом, за столиком посижу. А то случаются... недоразумения.

– Не в нашем случае, – звякнул льдинкой голос дамы.

Яков Александрович не стал спорить. Не в вашем? Ну и ладненько. А он за соседним столиком посидит. Тем более что и ресторан почти пуст. Так, человека четыре обедают, но они не помешают. Это ресторан дорогой, пафосный, из тех, в которых клиентов не заставляют толкаться стульями. Расстояние между столиками не меньше двух метров. Можно спокойно поговорить, и никто тебя не услышит, если не повышать голос.

Анна решила начать первой.

– Вы хотели о чем-то поговорить с моим сыном.

– Я хотела поговорить со своим внуком, – поправила Цветаева.

– Вам не кажется, что стоило бы это согласовать со мной? – Анна взяла меню, пролистала его – и кивнула официанту: – Кофе, пожалуйста.

– Какой именно...

– По-турецки. Будьте так любезны.

– Хорошо. А вы...

– Я пока еще подумаю, – скривила губы Ольга Сергеевна. – Подайте мне сырную тарелку и хорошее белое вино.

Официант принялся перечислять сорта вин и год производства, Ольга Сергеевна со знанием дела отклонила три названия и остановилась на четвертом. Анна молча ждала.

Понятно же, ей пытаются указать на ее место.

Забавно... Анна изучала интерьер ресторана. Лепнину на потолке, пухлощеких амурчиков, которые нацелили луки в посетителей, тяжелые занавеси темно-синего бархата, подхваченные золотым шнуrom, темное дерево мебели, белые сугробы скатертей...

Скромненько, но миленько.

Когда Ольга Сергеевна отдала меню и отпустила официанта, ей пришлось даже побарабанить ногтями по столу, привлекая внимание собеседницы. Анна была вся в своих мыслях.

– Ах да. Я вас слушаю, Ольга Сергеевна.

– Нет, милочка, это я вас слушаю, – процедила Цветаева. – Вы меня позвали для разговора, ну так не стоит тратить мое время.

– Хорошо. Вы видели запись с вашим сыном?

– Это монтаж и подлог.

– Неправда.

– Я заявлю это в суде, а персонал клиники подтвердит, – фыркнула Цветаева.

Пусть попробуют не подтвердить! Сколько она им денег заплатила!

– Вы решительно настроены отобрать у меня сына? – уточнила Анна.

– Это – мой единственный внук.

– Вы не сможете отобрать у меня сына через суд.

– Ты – мать-одиночка, с сомнительной работой и почти без жилья. А репутацию я тебе подпорчу, не сомневайся. Тебе таракана не доверят, не то что ребенка!

– Я выхожу замуж за Савойского. И Борис усыновляет Гошу.

– Подсуежилась, дрянь? – прошипела Цветаева. – Не поможет! Даже не рассчитывай.

Из ее глаз выглянуло такое, что Анне впервые стало страшно. По-настоящему страшно.

До этой минуты разговор шел на правовом поле. Суды, юристы... это было более-менее цивилизованно. А вот сейчас...

Так же смотрели освобожденцы, когда приговорили ее семью. Когда ставили к стенке.

Когда стреляли.

В их глазах императорская семья даже людьми не была. Так... что-то прямоходящее. Оно говорит, конечно, ну так и попугаи говорят. Кто станет жалеть попугая?

Никто...

Ольга Сергеевна уже приговорила Анну. Как препятствие на пути к своей цели. Она не виновата, что у нее такой характер, она привыкла сметать все на своем пути. Но...

Как быть, когда под нож готовы бросить – все?

Анна нужна Гошке – не важно! Кира стала ему сестрой – плевать! Савойский собирается усыновить мальчика – устранить препятствие!

Не человека, нет. Препятствие...

Рано или поздно дойдет до чего угодно, в том числе и до физического устранения. Анна в этом не сомневалась. Были попытки попортить ей репутацию, были попытки ее подставить, были попытки...

Чего еще ждать?

Похищения?

Шантажа?

Уголовного дела?

— Ольга Сергеевна, я даю вам последний шанс. Здесь и сейчас вы пишете мне бумагу с отказом от всех претензий, и я разрешу вам общаться с внуком.

Анна понимала, что не сработает, но решила дать этой стареющей женщине последний шанс. Хоть какой-то...

Или — дать этот шанс себе? Она не знала...

Цветаева предсказуемо не оценила ее слова. Хотя мягче Аня выразиться просто не могла. Только так... если ты согласна не лезть напролом, я дам тебе шанс наладить отношения. И рано или поздно тебя назовут бабушкой. Если нет...

Ольга Сергеевна приподнялась на стуле, оперлась ладонями на стол.

— Ты что о себе возомнила, дрянь? Ты, ничтожество, шлюха лесная, решила, что можешь со мной тягаться?! Да я тебя...

Анна молча выслушала монолог Цветаевой. Подумала еще секунду.

— Это решительное «нет»?

— Да я тебя...

Угрозы Анна слушать уже не стала. Придворная жизнь учит хорошо разбираться в людях. И она видела: Ольга Сергеевна не отступится. Она не врет, здесь и сейчас она искренна, она просто не понимает, не хочет ничего понять.

У нее есть ЕЕ интересы. А дальше... какая ей разница?

Она сломала Сергея. Сломает Гошку. Сломает кого угодно...

Рано или поздно она окажется на пепелище. Уже оказалась. Но не поймет этого никогда. Не захочет понимать. Так и будет корежить чужие жизни с неотвратимостью бульдозера.

И Анна махнула рукой.

Мысленно, конечно. Она пыталась поговорить, она пыталась найти общий язык, ее не слышали и не услышат никогда. Дальше говорить не о чем. Поэтому...

Губы Анны почти не шевелились. Ни к чему.

— Умри во имя Хеллы.

Официант, который нес заказ к столику, даже споткнулся от неожиданности. Поднос, конечно, удержал и даже кофе не разлил, но не каждый же день такое увидишь?

Когда сидят две женщины, разговаривают, причем одна абсолютно спокойна, а вторая явно горячится, вот, руками о стол оперлась... а первая все равно спокойна...

А потом та, которая ругалась, это сразу видно, лицо у нее было такое, что официант даже ее собеседнице посочувствовал. С такими рожами только в ужастиках сниматься. Без грима.

Настоящий-то ужас – не когда клыки, клыки – это пошлость и дурновкусие. Настоящий ужас – это когда вот такие глаза. Когда тебя приговорили...

А собеседница даже не шевельнулась. Официант слегка позавидовал. Руки лежат спокойно, поза не поменялась, спина – хоть ты линейку прикладывай! Балерина? Или танцовщица, такая осанка только у них.

А потом та, которая угрожала, вдруг схватилась за горло, захрипела – и поползла вниз, цепляясь за стол. Потащила за собой скатерть, зазвенели приборы, жалобно звякнула, разбиваясь, ваза...

Официант поставил поднос на свободный стол и бросился на помощь. И мельком, краем глаза отметил, что вторая-то...

Она даже не шевельнулась, чтобы помочь.

Сидит спокойно, как на званом приеме, разве что не улыбается. Но и помогать не стремится. Хотя... а чего тут удивительного? Он бы тоже на помощь не рвался, после такой-то ссоры... перебьется!

На помощь бросился и Яков Александрович. Но этого не потребовалось.

Ольга Сергеевна Цветаева была безнадежно мертва задолго до приезда «Скорой помощи».

Хелла – страшнее пистолета. Ни сбоев, ни осечек, ни промахов.

– Ну, барышня, вам кто-то ворожит, не иначе.

Яков Александрович был доволен по уши. Они с Анной выходили из полиции.

Допрос?

Чистая формальность. Все видели, что Анна просто разговаривала, не приближалась, не прикасалась, не пила ничего, не ела... да и Цветаева тоже съесть ничего не успела, так что репутация ресторана не пострадала.

С легкой руки его владельца, ну и Савойского, которому позвонил старый юрист, экспертизу сделали тут же. Вскрытие...

Заняло это около трех часов, но вопросов не осталось. Инфаркт.

А вот нечего было так злиться, недаром говорится – лопнула со злости. Ладно, сосуд лопнул. Яков Александрович даже подозревать Анну не собирался – видел же!

Она просто разговаривала. А словами у нас пока еще убивать не умеют. Это вам не Гарри Поттер с его Авадой Кедаврой. Да и там – палочка, взмахи и зеленая вспышка.

– Везение ли это? – вздохнула Анна.

Она была печальна.

Да, вот так и проходится путь от человека до чудовища. Сначала – чтобы отдать долг. Потом – чтобы спасти свою жизнь, репутацию, дочку... а потом – вот так?

Хладнокровно.

Останься этот человек в живых, он мог бы доставить множество проблем. Без него всем будет лучше. Убить, нельзя помиловать. А запятые расставьте по вкусу. Когда будете заказывать надпись на памятник.

Она чудовище...

Безжалостное и равнодушное.

Монстр.

Хелла... хорошо, что я уйду. С таким даром жить не стоит.

Впрочем, вслух Анна ничего такого не сказала.

– Поверьте, везение. Эта зараза бы вас в покое не оставила. А вот сейчас... Анна, вы понимаете, что ваш сын – наследник первой очереди? И Цветаева сама его признала своим внуком и пыталась получить над ним опеку?

– Н-нет? А зачем нам это?

Яков Александрович возвел очи горе.

Да-да, именно так! И именно очи... до чего ж непрактична современная молодежь! Вот он сразу подумал о самом важном, о наследстве. А эта девочка стоит, карими глазами хлопает. Красивыми, конечно, глазами, но тут красота не нужна. А вот денежка...

– Наследство, деточка. Наследство.

– Какое? – не поняла Анна.

Она убила ради безопасности сына. Но ради выгоды? Смеяться изволите?

– Вашего сына наследство, деточка. Вашего сыночка...

– Н-но...

– Завтра же соберу все бумаги, – отрезал юрист. – И подпишете, и понесу я их по судам. И не вздумайте даже слова сказать!

Анна, которая как раз и собиралась отказаться, сказать, что им ничего не нужно, даже рот закрыла. От удивления.

– Простите?

– Деточка, послушайте старого еврея. Вы мне сейчас, конечно, скажете, что сами справитесь. И я не возражаю, справляйтесь. Но если вы не предъявите прав на эти деньги, они пойдут государству. А у него и так всего много. Ну к чему нашему губернатору еще одна машина? Его что – на шесть частей надо разрубить и возить в одной руки, во второй ноги?.. Идея хорошая, но мы не в Эмиратах! Не захотите лично вы этими деньгами пользоваться, ну так и не трогайте их. Но я же в курсе ваших обстоятельств. Если вашему малышу понадобится еще операция? И не здесь, а за границей?

Анна задумалась.

Это правда. Деньги могли бы стать страховкой для Гошки.

– Допустим...

– Или если операция понадобится не только ему? К примеру, вы захотите кому-то помочь? Вы сами, лично... мало ли в мире несчастных людей?

Анна кивнула.

Это другое дело. Ладно... за три месяца наследство даже оформить не успеют. Но ее сын уже не станет обузой для Бори. Анна здраво оценивала своего любимого, Савойский от денег не откажется. Как он сам говорил, деньги дают независимость и комфорт. Их должно быть... не в избытке, а достаточно. К примеру, шесть загородных домов – глупость. Но свой домик в том же Сочи – вложение капитала.

И сдается хорошо, и отдохнуть можно съездить, не платя бешеных сумм за гостиницу.

Пять машин – глупость. Но одну для бездорожья и одну для города – в самый раз. Анне он тоже предлагал купить машину, но получил отказ.

Еще не хватало ей принимать ценные подарки!

Пусть будет наследство. Если уж так получилось...

Анна опустила голову, чувствуя себя совершенной дрянью. Но... Ради того, чтобы заработать эти деньги, сломали жизнь Сергею. Пусть эти капиталы послужат его сыну.

Когда-нибудь Гошка узнает все о своем отце. И, может быть, придет к нему на могилку. И простит. За слабость, глупость, за отказ от сына, за предложение аборта, за безразличие к его судьбе... за все – и единовременно. И даже назовет своего сына Сергеем.

Не ради того, чтобы притянуть судьбу. А просто показать, что простил.

Пусть так и будет.

– Делайте, как решили, Яков Александрович, – тихонько произнесла Анна. Едва слышно. – Я согласна.

Старый юрист и не сомневался в этом. Сделает... еще как сделает!

Яна, Русина

– Ваше императорское величество, вы меня не помните, но я часто бывал при дворе...

– Замечательно.

Яне всего-то хотелось выехать на природу и чуточку пострелять по мишеням. А то ей-ей, и до живых людей дойдет. Но... это дома, на кордоне, можно было выйти – и через десять минут оказаться на стрельбище. Отец специально оборудовал. И пали всласть. А здесь-то все иначе!

Императрица, жеванные мухоморы!

Надо собраться, надо предупредить всех заранее, надо поднять охрану...

Яна терпела. Но Валежному честно сказала, что если кто-то... если он ей хоть одну фрейлину подсунет – пусть пеняет на себя. Убьет

она всех!

Цинично и безжалостно.

Валежный поступил как настоящий военный. Не стал блять сомнительные благоглупости о приличиях, да и какие на войне приличия? Вместо этого он приставил к Яне четырех телохранителей и попросил без них никуда не ходить.

Яна вздохнула и согласилась. Еще ей второго покушения не хватало.

Жом Зарайский сидел пока в подвале и пел соловьем. Валежный потрошил авантюриста как рыбу. Рассказал? Записали? Вот и ладненько, потом еще спросим. И если рассказы разойдутся в каких-то деталях, добавим вопросов...

Хорошо эта тактика работает, когда есть время и возможность ее применить. Очень удачно.

А вот охрана работает плохо...

С точки зрения Яны, если в ее мире так маялись с телохранителями, это кошмар же! Жуть жуткая!

Пока все проверяют, пока одобряют, пока... от момента высказывания до момента выезда прошло полтора часа. А если бы после обеда захотелось пострелять? Хорошо еще, Яна, как человек опытный, назначила все заранее. Еще с утра сказала...

Банг!

Дзонг!

Пули уверенно вонзались в деревянный щит. Яна укладывала их одну к одной, по кольцу. Стрелять просто по деревьям ей не нравилось. Можно бы ветки посшибать, если они умерли, но...

Зачем?

С мишенью проще и лучше.

Развеяться она развеялась. А на обратном пути ей опять все настроение перепортили. Вот еще выдумал, в любви признаваться!

Болван!

А молодой человек говорил все отчаяннее, все неистовее...

И как он был влюблен, и как он страдал...

— Довольно! — не выдержала Яна.

Полковник, в эполетах она разобралась достаточно легко, задохнулся и замолчал. Яна разглядывала его без особой симпатии. Хотя хорош был, словно картинка. Та же красота, что и у Ильи, один в

один. Те же кудри, словно солнышко, большие ясные глаза, разве что карие, как у нее самой, мужественные черты лица, улыбка...

– Если не ошибаюсь, тор Мелезов?

– Да, ваше императорское величество.

– Тор, о каких ваших личных заслугах я могу узнать?

– Э-э-э-э? – растерялся несчастный. Вот такого вопроса точно не было в списке. Древность рода? Понятное дело...

Родословная, состояние, репутация... это-то нормально. Но личные заслуги?

– Я просто воевал вместе с тором генералом, ваше императорское величество, – наконец пробормотал несчастный.

Яна качнула головой.

– Я не о том. Воевать под началом такого полководца – это радость. Мы сейчас все воюем, даже я. А вы лично что сделали? Кроме войны?

Здесь и сейчас даже о Яне можно было сказать, что она воевала. А что? Банду в монастыре она разогнала? Было! Под обстрелом побывала... так что – почти.

– Если вы, не дай Творец, станете императором, над вами никого не будет, – разъяснила Яна, едва не закатив глаза.

Ладно, мальчик не виноват. Он хороший исполнитель приказов, такие очень нужны. Но не в императорах. Один вот уже доисполнялся. Послушный император – заведомая жертва.

– Никто вам приказа не отдаст. Придется самостоятельно проявлять инициативу. Вы действовали самостоятельно? Ну хоть раз...

– Я воевал...

– Я понимаю. Возможно, вы попали в окружение и выходили из него? Возможно, брали какой-то пункт самостоятельно?

– Ваше императорское величество, я честно и верно исполнял приказы, находясь при особе его высокопревосходительства...

Яна выслушала. Вздохнула и подвела итог:

– Штабная крыса.

– Позвольте! – оскорбился полковник.

– Не позволю, – отрезала Яна. – Я понимаю, вы пользуетесь успехом у дам и сильно на это рассчитывали. Я в ваших глазах тоже не императрица. Женщина.

Полковник не покраснел, но уши выдали Янину правоту. Они-то как раз покраснели...

– Но управлять Русиной вы не сможете. – Припомнила, как припечатали Николая Второго, и добила: – Сидеть на троне сойдете, а вот стоять во главе державы – нет.

– Ваше императорское величество, испытайте меня!

Яна пожала плечами:

– Хорошо. Идите и рассчитывайте мне бюджет для армии на следующий год.

– ЧТО?!

От шока несчастный и про титулы забыл. Яна фыркнула.

– А чего это вы так удивляетесь? Сами понимать должны, тор. Императоры в атаку не ходят. А вот в таких вещах разбираться надо, чтобы не обворовали вкрай.

– Я военный!

– Ну так и воюйте, тор, воюйте, – вздохнула Яна. – И передайте тем, с кем вы спорили, что я выбираю не супруга.

Вот теперь – попала в точку. И глаза хлопают, и лицо медленно заливается краской.

– Тор Мелезов, понадобится – я это перед всей армией повторю, – нарочито занудным тоном разъяснила Яна. – Я выбираю того, кто сможет править государством. Мои личные предпочтения тут никакой роли не играют. Более того, я никогда не позволю себе свадьбу по любви, потому что помню, чем закончил жизненный путь мой несчастный отец. И чьи дела мы сейчас расхлебываем. Это понятно?

Тор понял.

Определенная обида на императрицу была, но, как хороший военный, он признавал и свои слабые стороны. Да, с бабами он управляться мог. Но страна-то не девка гулящая! Ей подол не задерешь! Тут иные умения потребны...

Императрица определенно заслуживала уважения. Особенно за означенную позицию. Тор Мелезов видел ее и достаточно часто (преимущество штабных), видел, что Яна старается работать с бумагами, что принимает просителей, что не бездельничает, что общается со всеми, но...

Никого не выделяет.

А если говорить о личных чувствах...

Императрице ежедневно доставляли десятки букетов, коробок конфет, записочки...

Все это безразлично отправлялось на кухню. Как она выразилась: «Барахло – слугам, мне это неинтересно». Вот тор и решил не тратить время, начал с признания. И попал...

Но императрица не гневалась. Она просто разъяснила свою позицию. А потом подняла руку.

– Видите там нарост на стволе?

Тор видел.

Далеко. Маленький. Неужели?..

Банг!

Кто бы сомневался, что Яна попала? Точно не тор. И насчет женитьбы у него возникали сомнения. Это не просто тора, готовая вручить в чужие руки и судьбу, и приданое, и детей, и... и вообще все. Это императрица, которая не даст спуска ни себе, ни супругу.

Нет, он не справится. И стреляет он хуже.

Но как ни странно, в обиде тор Мелезов не был. Хотя кого еще выберет ее величество?

* * *

Вечером Яна читала книгу, когда вошел тор Валежный. Рядом с ним Изюмский... Яна поглядела на них с интересом. Выражения лиц такие, словно они родного брата похоронили... тьфу-тьфу...

Война ведь...

– Торы, что случилось? Тор Антон, тор Николай?

Глаза прятали оба – и одинаково. Но говорить пришлось. Изюмскому. Все же он обаятельный...

– Тора Яна, умоляю вас не волноваться...

– Что-то с моим сыном? – выдохнула Яна побелевшими губами.

Гошка?!

И она сама, своими руками, отправила его...

Ужасов Яна передумать не успела. Изюмский тут же исправился:

– С цесаревичем Георгием все в порядке. Но мы получили донесение. Генерал Алексеев разбит, возможно, умер или попал в плен.

Яна выдохнула и прикрыла на секунду глаза. Потом открыла и сощурилась.

– Разве можно так меня пугать? Тьфу, гады! Чуть удар не хватил по вашей милости!

– Э-э-э-э-э... – опешил Валежный. – Тора Яна, генерал Алексеев...

– Илья Иванович. Биографию отставить. Или убит – или в плену. Давайте подробности. Чем нам грозит его разгром, что надо предпринять?

Мужчины переглянулись.

Ну, если такое отношение... это уже проще и легче. Все не слезы и сопли вытирать бьющейся в истерике женщине. Хватит и того, что супруга генерала закатила истерику. А потом принялась интересоваться размером пенсии и когда бы ее получить можно?

– Два дня назад состоялась встреча генерала Алексеева с войсками атамана Счастливого, – нейтральным тоном сообщил Валежный. – Счастливый заманил полк генерала в ловушку и истребил. Уцелела часть майора Белкина, которая вышла из окружения. Я получил донесение буквально пару часов назад.

– Отлично. Чем нам это грозит?

Валежный вздохнул:

– Если бы Хормельская волость была нашей, было бы проще. Мы идем на столицу не через нее, но ждать удара в бок – удовольствие маленькое.

– А удар будет?

– Обязательно. Счастливый повесил моего гонца и отказался вести переговоры.

– Козел, – припечатала Яна.

К «счастливчикам» у нее и свой счет был. Жирненький такой... едва не пострадали ее дети! Вы думаете, это можно простить?

Да убивать за такое надо!

Медленно и мучительно!

– Тора Яна, вопрос не в классификации. А в переговорах, наверное...

– Переговорах? – удивилась Яна. – У нас есть лишние люди?

– Эм-м-м... если тор Алексеев у него...

– Пусть там и остается. – Яна не собиралась колебаться. К чему? Да, она сейчас может подписать Илье приговор. Но... какие есть еще пути решения проблемы? Отдавать за него Кемскую волость? То есть Хормельскую?

Обещать Никону Счастливого место пана-атамана?

Это бы она с радостью. Это в красивом фильме «Свадьба в Малиновке» не показали судьбу Грициана Таврического. А в жизни...

Вот спорим – или повесили того, или расстреляли. А чего, дело житейское. Но есть подозрения – мужчина будет чуточку недоволен^[8].

Валежный расслабился. Вот прямо на глазах, осязаемо и зримо.

– Спасибо, тора Яна...

– А вы рассчитывали, что я буду требовать здесь и сейчас освободить Алексеева? – поняла Яна.

Мужчины переглянулись еще раз.

– Сейчас это было бы несколько не ко времени, – пустился объяснять Изюмский. – Тора Яна, наши войска сейчас пойдут на столицу. Разумеется, сначала авангард, потом основные силы, а потом и мы, со всей возможной помпой... вы понимаете...

Яна кивнула.

Ее появление – тоже оружие. Глупо это не использовать.

– Мы идем вот так... Хормельская волость остается у нас слева, – пояснял Валежный, показывая на карте, – по железной дороге выходим сначала к Володимиру, потом через него к Звенигороду, Логинов поддержит справа – с тыла. Если бы Алексеев справился со своей задачей, получили бы второй безопасный фланг. А так... от Счастливого любой пакости можно ждать.

Яна вздохнула:

– А чем его можно отвлечь? Занять? Ну... хоть что-то с ним можно сделать?

Валежный вздохнул.

– Мы попытались. Но Алексеев поручения выполнить не смог. Увы...

Яна ломала голову:

– А без Алексеева? Ну хоть что-то... Что из себя вообще представляет Хормельская волость?

Ничего особенного. Обычная волость, хлеб сеют, скот водят... ровным счетом – ничего особенного.

Яна разглядывала карту. Потом глаз ее зацепился за что-то интересное.

– А это что такое?

– Это плотина, – пожал печами Валежный. – Она не на Хормеле, она повыше, на Ревеле, но там... Яна... ты... вы...

– Антон Андреевич, вы чего вдруг заикаться стали? – поинтересовалась Яна. – Вы мне подробности скажите, плотина там или шлюз, у нас он или у кого другого, что случится, если мы эту плотину временно ликвидируем, и можно ли будет все вернуть обратно?

Изюмский выругался.

– Я не знаю, как это сработает, не мои края...

– Так, может, в полку кто есть из тех мест? – ласково подсказала Яна. – Вы подумайте, а потом надо будет и вместе подумать. А то разрушить ума не надо, а вот последствия потом расхлебать?

– Последствия пусть Счастливый разгребает, – рубанул Валежный.

Яна покачала головой.

– Тор генерал, Счастливый их разгребать не будет. Ему-то что, оно ж не тонет? А вот что потом с волостью станет, не начнется ли там голод, не смоят ли все посевы... вы поняли?

Валежный понял. Покачал головой и ушел совещаться.

* * *

По странному совпадению родом из тех краев оказался как раз тор Мелезов. Не один он, конечно, но расспросили молодого человека как положено. До донышка вытряхнули.

Оказалось – не плотина, шлюз. Ревель разделялся в этом месте на два рукава, Хормель и Булгарь, ну и устроили, чтобы поддержать нужный уровень воды. С тех пор Хормель и обмелел.

Почему не знают?

А зачем?

Привыкли все, так уж лет двести стоит, разве что подновляют его, ремонтируют... и чего дергаться? Всех устраивает...

Яна ухмыльнулась – и проследила ногтем Булгарь.

– О, я смотрю, тут ответвление к Борхуму?

– Тора Яна, – покачал головой Изюмский. – Мы сейчас не воюем...

Женщина не дрогнула.

– Я правильно поняла, если открыть шлюз, уровень воды в Хормеле повысится, а в Булгаре упадет?

– Да.

– А часть торговли ведется именно по воде?

Коварство слабой женщины оценили все. Это, считай, и в Хормеле поплавают, и в Борхуме ругаться начнут, и... почему Петер не приказал?

Да кто ж его знает... не знал географию? Тоже может быть.

А поскольку те места были заняты именно войсками Валежного... открыть шлюз? Да со всем нашим удовольствием. И Счастливый занят будет. Ну... теоретически. Какое-то время. Хотя его много и не надо. Все решится этим летом.

Или не спешить?

Валежный решил подождать. Сначала попробовать взять Володимир, в котором, к гадалке не ходи, окопаются серьезные силы противника. А потом уж... получится?

Так глупо свои земли топить. Мы тогда и Хормель к ногтю прижмем.

Не получится?

Тогда будем плавать! Коллективом! Заодно и преследователи отвлекутся...

А пока – распоряжение Валежный отправил, но приказал не спешить и ждать результата. Сначала Володимир, потом плотина. По результатам. А на Володимир... кого бы отправить?

Да хоть и Петьку Чернова. Не все ж с ним Валежному мучиться! С его идеями! Пусть и врагам достанется!

Русина, Хормельская волость

Илья себя честно настраивал стоять до конца.

Ничего не говорить.

Держаться.

Понятно, если бы у врага стояла задача его просто попинать и повесить, он бы справился. Но Никона интересовал медальон. А палачи у него были хорошие...

Иголки под ногти Илья еще вытерпел. А вот кипящее масло – уже нет. И раскололся.

Да, Анна. Да, та самая. Императрица.

Его тайная супруга.

И сын у них есть... был. Погиб, ему весточка из дома пришла.

Никон почесал в загривке.

С одной стороны... козырь? А то нет? Бабы, они на старую любовь падкие! Тем более что Илья не стал выдавать Маргошу и промолчал о своем втором браке. Сказал, что был женат на Яне. Тайно, так что не доказать, но был же!

Был!!!

С другой... а кому этот козырь продать повыгоднее? Может, Пламенному? Тот, понятно, возьмет, а Никону что? Больше революционное спасибо? Перебьемся.

Императрице?

Хм... можно попробовать. Бабы – они дуры. Вон, Вальку взять! Как есть – дура! Всем свою чушь про упырицу несет, кто слушать горазд! Вот ведь заняться нечем!

Никон распорядился перевести Алексеева в камеру получше и подлечить. Если им торговать, пусть хоть будет в товарном виде. А то смотреть страшно...

Итак, пишем для начала императрице. И просим вuwe... севу... чего мы просим-то? А, понятно! Хормельскую волость!

Кого с письмом отправим? Найдем кого...

Но в отряде пусть и Гришка будет! Надоел со своими упырями хуже пятен от оспы! Пусть посмотрит на императрицу, коли случится. Хоть чушь нести перестанет!

Безвременье

Хелла смотрела на висящую перед ней душу. И не могла определиться.

Сожрать?

В том-то и дело...

Можно. Но... неохота.

Хелла смотрела и улыбалась. Вот из кого получилась бы идеальная жрица. Идеальная аватара.

Холодная, рассудочная, безжалостная, жестокая... полная льда и холода. Никого и ничего не пожалевшая на своем пути.

Никогда...

Анна сделала ей королевский подарок. За такую душу можно сотню других списать.

– И что же мне с тобой делать? – вслух произнесла богиня. – Что?

Душа молчала. Здесь и сейчас права голоса у нее не было. И это тоже было – наказанием.

Богиня поразмыслила еще немного и прищелкнула пальцами, открывая окно в мир. Ледяной. Холодный. Заснеженный.

Полный полярного сияния.

– Ты родишься там. И проживешь там. Там, где твоей душе будет хорошо. Там, где ты научишься заботиться о других превыше, чем о себе. Там, где не выжить без взаимопомощи. И если ты пройдешь эту жизнь достойно, я дам тебе шанс послужить мне. А если нет... Тогда и не жалко.

Все задатки у этой души есть. Ей только надо научиться тому, чего у Хеллы никогда не было. Человечности.

Полярный круг отлично этому учит. Будешь мразью – не выживешь. Не протянешь руку – не выживешь. Не научишься заботиться о других вперед себя – тоже...

Снег многое скрывает, но многое и показывает. И Хелле хотелось посмотреть на результат.

Она улыбнулась краешками губ – и прищелкнула пальцами.

И в одном из чумов громко заплакал ребенок. Девочка.

Ледяной ад?

Хелла не помнила, кто это сказал. Но была не согласна. Скорее, чистилище. Вот и почистим с души все наплывы. А потом посмотрим, что получится. Слишком хороший ресурс, чтобы просто так им раскидываться^[9].

– Тощий, ты издеваешься, что ли?

Митя Ромашкин смотрел с искренним возмущением.

Давний его поставщик взрывчатки по кличке Тощий тоже смотрел. Со смущением.

– Митяй, ты не злись. Правда, считай, что и нет ничего...

– Серьезно?

– Все взяли. Подчистую выгребли. И не только у меня. У Сизого взяли, у Феоктиста...

Митя поднял брови.

– Для чего?

А правда, кому и для чего может понадобится несколько сотен килограммов взрывчатки? Сразу предчувствия такие... неприятные.

– Не сказали. Тебя вот спроси, ты ж не скажешь?

– Не скажу. А только и ты не первый день на свете живешь. Тощий, ты меня за дурака держишь? Чтоб ты – и ничего не разнюхал?

– Ну... есть немного, но сам понимаешь...

– Не нукай, по делу говори. Чего боталом звенишь, как на колокольне?

– Говорят, для освобожденцев скупают. Те хотят подходы к городу заминировать, а если кто сюда пойдет... ты понял?

Митя понял.

Надо бы отписать Валежному. А для начала поговорить с Тигром.

Но это потом, потом... а пока – где же можно разжиться взрывчаткой? Прямо хоть ты юность вспоминай да и садись смешивать...

Нет!

Это дилетантство!

А для наших гостей из Лионесса только самое лучшее! И побольше, побольше...

Увы, удача была не на стороне Мити. Взрывчатки решительно не отыскалось. Пришлось корректировать план. Не обращаться же к жому Тигру с просьбой отсыпать пару килограммов на карман? Не поймет...

* * *

Есть такое место, куда даже короли пешком ходят. Увы...

Новомодная придумка, ватерклозет, на беду, не работал.

Можно бы и ночной вазой воспользоваться, но имелся у тора Вэлрайо такой пунктик: не выносил он этого запаха в комнатах. За то и ночные вазы не любил. В доме их, считай, и не было.

Приходилось топать на двор, в небольшое деревянное строение. Из-за этого Освобождения, увы, главная насосная станция Звенигорода не работала. Когда освобожденцы заняли город, нашелся там энтузиаст-монархист. Ну и испортил всю систему. А починить – это не средний ум нужен. Это и голова, и руки...

Одним словом, топай, дружок, на двор. А зимой холодно.

А летом воняет.

Но – куда деваться^[10].

Дикая страна, дикие люди...

О том, что в просвещенных Лионессе и Ламермуре нечистоты просто вывозили за стены города, тор Вэлрайо не думал. Он в таких местах не живет. Его это не касается^[11].

Посол чем-то изволил отравиться. Увы... благородного тора пробрал вовсе даже не благородный понос. Понятно, повара приказали выпороть, но пострадавшего это не спасло. И пришлось отправляться на двор.

Впрочем, от поноса его вылечили радикально.

Представьте себе ощущения.

Сидишь ты, расслабился, размышляешь о судьбе мира, как гордый орел на высокой скале, и тут открывается дверь, на пороге вырастает темная фигура и под горло тебе упирается длинный клинок. Ты не видишь, конечно, но по ощущениям это именно оно – острое и очень холодное. И такой же холодный голос информирует:

– Вякнешь – пропорю насквозь и спихну вниз. От заражения сдохнешь.

Тут-то понос и перешел в запор. Каким чудом благородный тор еще в дырку-то не провалился? Хотя Митя его бы за шиворот удержал, не дал погибнуть во цвете лет...

И вежливо предложил:

– Ты штаны-то натяни. А то некрасиво получается.

Штаны тор Вэлрайо натянул. И даже застегнул. А потом получил по голове – и ничего уже не помнил. К его большому счастью.

— Я понимаю, что Лионесс — то еще г... — рассуждал Митя пару часов спустя, отмокая в ванне. — Но почему обязательно мне в него надо было вляпаться? Попросить, что ли... как вы там говорили, государыня? Надбавку за вредность? Точно, надо попросить...

Мочалка, которую при этом критически разглядывал террорист, промолчала. Да и ладно...

А ведь и правда вредное производство.

От идеи взорвать к лешему посольство Митя отказался. И перешел к более простым вариантам. Ему же конкретный тор нужен? Вот на него и поохотимся.

Несколько монет кухонному мальчишке — и тот умудряется «посолить» блюдо для тора.

А сам Митя куда?

Так ведь канализация не работает, а навоз и мусор вывозить надо. Вот и...

Бочка, одежда золотаря — и вперед. Чистить нужники. В посольстве Лионесса. К нему и не приглядывались. И так-то он мало кого интересовал — золотарь же, а уж в такое время... да хоть кто пришел! Уже радость! Когда начинаются потрясения, становится подозрительно мало дворников. Все идут в политики.

Митя искренне надеялся, что тор Вэлрайо не будет размышлять о судьбах мира у себя в комнатах. Тем более что тор не любил запаха нечистот и — Митя знал, Митя расспрашивал — приказал поставить во дворе несколько нужников. Для прислуги — три штуки. И для «чистой публики» тоже три. Разумеется, не рядом, но чистить-то их все одно надо!

Митя и занялся.

Сначала, конечно, для благородных.

Тяжела и неказиста жизнь простого террориста?

А жизнь простого золотаря? Сами поворочайте вот ЭТО! Да лопатой! Да...

Когда появился тор Вэлрайо, Митя искренне за себя порадовался. Оправдался расчет! Дальше все было делом техники. Тор отправился в домик с окошком, там Митя с ним и пообщался. А потом — что?

Да ничего особенного.

Надо только вывезти тора... ну как вышло, так и вышло. Воняет, правда, сильно, но Митя отродясь о лионессцах плохо думал. Так что... подобное к подобному.

Сейчас тор был по-простому окачен из колодца (заодно в себя пришел), как следует увязан и заперт в сарае. Митя решил вывезти его из Звенигорода.

А что?

В хозяйстве пригодится, и вообще, пусть Валежный его допрашивает. Авось чего полезного узнает. И императрица просила...

Ее величество Мите понравилась. Он ценил черный юмор.

Кстати, как бы лучше?

А лучше всего попросить помощи у жома Тигра. Он не откажет... наверное.

* * *

Тор Вэлрайо лежал связанный и думал, что всему виной его любовь к чистоте.

Сам напросился.

Пахнет ему, то да се...

Вот сидел бы у себя в покоях, на ночной вазе, и проблем бы не было. А он... доходился! Запах, казалось, под кожу вьелся. И тошнило тора ужасно. Но... кляп. Если его сейчас вырвет, он просто задохнется. Не хотелось бы.

Интересно, зачем он этому негодяю? Хочет потребовать выкуп? Да, наверное...

Погоди ж ты! Выкуп тебе заплатят! А потом я заплачу за твою голову! Ты и в Ферейских горах не скроешься! Нигде и никогда!

Ярость захлестывала так, что казалось – он сейчас и веревки разорвет, как гнилые. Увы... Митя выбрал качественные и увязал тора, словно колбасу, и вдоль, и поперек. Вырваться не было ни малейшего шанса. Оставалось лежать и страдать.

И мечтать о мести.

Она будет жестока.

* * *

К жому Тигру Митя попал без проволочек.

– Добрый день, жом.

– И вам того же, – нелюбезно ответил Тигр.

Пришли вести о победе Счастливого, и Тигр пребывал в отвратительном настроении. А чему тут радоваться?

Что, еще и эту сволочь давить?

А давить придется... слишком независим, слишком умен, слишком... растопырился! Тесновато им будет в одной Русине!

– Жом Тигр, вы мне проездной билет не выпишете?

– Куда?

– Куда подальше, а там уж я и сам доберусь. На двоих человек, желательно.

Жом Тигр едва перо не уронил.

– Погоди-ка... лионессец – твоя работа?

Митя принял одновременно скромный и гордый вид.

– Я так не люблю хвастаться...

– Но как тебе это удалось?

– Золотарем переоделся да и подстерег, – не потаил секретов профессии Митя. – Так и вывез, бочки-то не проверяют...

– Зачем тебе эта гадина понадобилась? – поинтересовался Тигр.

– Не мне. Торе Яне.

– Она просила?

– Убить. Но я решил, что это будет хорошим подарком... к примеру, совместным? Жом, вы ничего не дарили этой милой даме?

Жом Тигр покраснел.

Не дарил.

Да и дарить было нечего, они же только и успели в поезде прокатиться. Ладно... мечтал, было дело. И подарить, и снять подаренное... было. Вот ведь зараза! Чувствуешь себя прыщавым гимназистом... так бы и съездил по морде.

Митя пакостно улыбнулся.

Как раз он себя чувствовал в полной безопасности. А по морде – так у морды и хозяин есть, он и ответить может. У нас же равноправие? Вот и схлопочешь, и с левой, и с правой. Очень даже равноправно!

– Жом, подарите девушке лионессца? Неужели вам жалко?

– Один подарок на двоих? – пришел в себя жом Тигр.

– Зато какой! Упитанный, откормленный, на всех хватит! Хотите – верхнюю часть я подарю от вас, а нижнюю от себя?

Жом Тигр отогнал страшное зрелище, в котором Митя поджаривал тора Вэлрайо на большом вертеле, а потом предлагал Яне отведать. Привидится же... гадость!

– Выпишу я тебе пропуска и проездные листы. Только скажи, на какое имя.

Митя достал из кармана два паспорта и протянул Тигру.

– На эти. Мне хватит.

– А к торе как доберешься?

– Предоставьте это мне, жом. Я справлюсь. Вы ей больше ничего передать не хотите?

Жом Тигр подумал пару минут да и махнул рукой.

– Передай, что я ее люблю.

Митя присвистнул:

– Так это у вас взаимно? А у торы признание вышло эффектнее, я даже со стула упал.

– Пнуть? – мило предложил Тигр.

– Никакой в вас душевной тонкости, – вздохнул Митя. – Ладно. Цветочки я сам куплю по дороге. Куда ж это годится – признаваться девушке – и без цветов? Тем более такой девушке...

Жом Тигр скрипнул зубами.

Наглец!

Сволочь!

Но – полезная. Надо работать...

А повесить?

Нет, это уже расход ценного материала. Но когда все закончится, морду он ему обязательно набьет! Ради своего удовольствия. А пока...

– Подожди пять минут. Я ей еще письмо напишу. Передашь.

– Почтовый голубь любви к вашим услугам.

А может, все-таки пнуть?

– Кстати, а для чего жом Пламенный скупил всю взрывчатку в Звенигороде? Он вам не сообщал?

Тигр подобрался.

– Рассказывай!

Попинать всегда успеем. Очень уж полезная сволочь.

Жом Тигр проводил Ромашкина и отправился к Урагану.

Рыцарь Освобождения был занят. Он сидел за столом и писал письмо. И, судя по идиотскому выражению на лице... интересно, сам Тигр выглядел так же?

Когда не знаешь, что написать, а слова еще, как на грех, кажутся совершенно бесцветными. Что такое – «помню»? Глупое слово.

Это не память, это ты рядом со мной, до смерти и за смертью, в каждой клеточке моего тела, выжженная, словно огнем.

Что такое – «жду встречи»? Я ведь просто не живу без тебя. Никак. Существу, но не живу.

– Добрый день, – сухо сказал жом Тигр.

– Надеюсь. Что ты хочешь мне сказать?

– Пламенный скупает взрывчатку.

Куда и романтическое настроение делось? Вот словно губкой провели по портрету, стирая романтика и возвращая прагматика. За одну секунду...

– Зачем?

– Я тоже хочу это знать. Может, решил взорвать колокольню?

– Я не в курсе.

– Есть вариант, что он минировал подходы к городу. Но это бред несусветный. Такое мимо нас не прошло бы, а мы ничего не знаем. Ни я, ни ты?

Ураган кивнул, подтверждая худшие предположения товарища.

– Согласен. Что может быть еще?

– Мне бы тоже хотелось это узнать.

Константин... нет, сейчас только Ураган, некогда о любви, да и нельзя расслабляться в гадюшнике, мигом покусает, задумчиво постукал ногтями по столу.

– Я узнаю.

И мужчины заговорили о важных делах. О Калинине, о Мишеле, который так пока и сидел в подземелье дворца, о Счастливом, вилы ему пониже поясницы, о...

Какая уж тут любовь?

Выжить бы.

Ида, Свободные герцогства

– Это – мой дом!

Ида чувствовала себя совершенно свободно рядом с Гошкой и Топычем. Наверное, потому, что и они чувствовали себя спокойно рядом с ней.

Это – тетя Ида. Сестра мамы Яны.

Своя. Вот и весь разговор.

Ида тоже была счастлива рядом с мальчиками.

Жом Меншиков отпустил с ней ребят и обещал приехать в скором времени.

– А это что за чучело?

Гошка был безжалостно искренним, как бывают только дети. Ида застонала.

Тор Рессаль! Что ж тебя ни одна холера не берет?! Где справедливость?

– Тора Ида! Вы вернулись!

Ида закрипела зубами. Мальчишки переглянулись.

– Кажись, он твоей тетке не по душе?

– Ага...

– Чего делать будем?

– Отваживать.

Это Потап не знал ламермурского. А вот Гошку учили с малолетства. И он вполне бегло разговаривал уже на трех языках. Анна настояла.

– А что это за юные торы с вами?

– Мои дети, – недолго думая ответила Ида.

– Ваши дети? Тора, вы слишком молоды для столь взрослых детей, – не поверил Армандо. – К тому же это явно крестьянское отродье. – Его взгляд остановился на Потапе.

Что поделать. Осанку и мозоли на руках не спрячешь.

Гошка буквально взбеленился. На его друга сверху вниз смотреть?! Да я тебя, пакость такая... Потап, в отличие от тебя, под обстрелом побывал! Из жутких передраг вышел. А ты кто есть после этого?

Тля расписная! Фарфоровая! Но Гошка постарался внешне не показать своей ярости и вступил в разговор:

– Вы не правы, тор.

– Тор Армандо Рессаль.

Гошка был похож на тора, поэтому Армандо решил быть чуточку повежливее. А вдруг?

– Тор Рессаль, тора Ида действительно наша мама.

Произносилось это так серьезно, что Армандо даже растерялся на секунду.

– Мама?

Усыновление? Может быть...

– Конечно. Она просто очень молодо выглядит. А так ей уже девяносто семь лет.

– Сколько?!

– А молодо она выглядит потому, что принимает ванны из крови влюбленных в нее дурачков. Одна ванна – и минус десять лет жизни долой. Дурачок, конечно, умирает, но их же много? Дурачков...

– Д-да, – пробормотал Армандо.

Откуда ж ему было знать, что Яна как-то раз рассказывала детям всякие ужастики. Ну и про графиню Батори упомянула.

Так, в числе прочих...

Почему-то получалось у нее совершенно не страшно. Но запомнилось.

– Мама, а почему ты не хочешь этого? Все условия соблюдены, и молодой, и дурачок... может, все же возьмем его в дом? Ненадолго? Раза на два его должно хватить!

Армандо невольно поднес руку к горлу.

– Вы...

– Вампиры мы, вампиры. Ам-м-м-м-м! – Гошка издевательски рассмеялся в лицо Армандо и потянул Иду за руку. – Мам, пошли домой?

– Да, дорогой. Пойдем кушать, я прикажу нацедить тебе стаканчик свежей крови.

Ида просто не выдержала, до того глупо смотрелся Армандо.

Тор даже не сделал попытки ее задержать. Стоял и смотрел, дурак дураком. Опомнился он уже через пять минут, но дверь-то закрылась. Оставалось только ругаться.

Вот мелкие гады!

Интересно, кто они?

И, словно в ответ, из дома донесся веселый хохот на три голоса. Армандо зло сунул букет между перилами крыльца и прищурился.

Смеетесь?!

Ну так поглядим, кто будет смеяться последним!

* * *

Иде было совершенно не до того. Она усиленно расспрашивала слуг на предмет важной деловой информации.

А кто еще все знает-то?

Слуги, конечно!

И кто где живет, и кто с кем спит, и, конечно, что и где продается. Нужен был не просто дом. Нужно было несколько домов, в идеале рядом, но если не рядом, то хотя бы очень близко.

Купец же!

То есть нужен дом для жилья – раз!

Нужен рядом дом для лавки – два.

Нужен дом для Иды – три. А как вы думали? Ида ведь не станет жить в одном доме с неженатыми мужчинами, это неприлично! Костя, конечно, все поймет. Ида даже не сомневалась.

И поймет, и упрекать не будет, и о репутации никогда не подумает, но честь надо беречь смолodu. Она первая не допустит, чтобы на имя ее супруга легла хоть малейшая тень.

Да, несправедливость! Но молодцу удасть не в укор, а гулящей девке ворота дегтем мажут. И с этим надо считаться.

Переезжать не хотелось, этот маленький домик Иде безумно нравился. Но если понадобится ради племянника... племянников...

Да, Потапа Ида тоже воспринимала как своего. Только Гошку как родного, а Потапа, к примеру, как двоюродного. Мальчишка сперва дичился, но потом что-то почуял – и начал успокаиваться. Ида не сомневалась, если ее сестра парня пригрела, значит, он хороший. Правильный.

Все у них еще наладится! Семья же!

Жама Эльза задумалась. По ее словам, на центральной улице продавался хороший дом. Как раз бы под лавку... да там лавка и была. Просто хозяину не повезло. Прогорел. Вложил деньги в корабли, а тут

война, то ли потопили кого, то ли не довезли чего... ну и все. Разорился, теперь продает. А вот с жильем чуточку сложнее. Нужно ведь рядышком, чтобы дело без хозяйского пригляда не оставалось?

Нужно...

Вот есть домик, не совсем рядом, в пяти минутах ходьбы, но там поговорить надо. Хозяева такую цену заломили, что жутко становится. Словно у них там стены золотом обиты. Оно понятно, сами строили, сами отделывали, но и дело понимать надо! Назначить цену можно, да кто ж у тебя репу за три монеты золотом купит, если ей цена три медяка? Плюнут да и пойдут к соседям.

И репа не хуже будет.

Жама Эльза пообещала разузнать дело.

Ида поблагодарила, выдала денег на расходы – мало ли что? И помчалась устраивать ребят. У них еще столько дел! И по магазинам надо! И в лечебницу надо! Мальчишки, кстати, оценили и тут же запросились с ней, так что придется договариваться со Станиславом.

Не хочется. Но придется.

* * *

Станислав посмотрел на мальчишек.

На Иду.

Опять на мальчишек.

Вот родственниками их никто и никогда не назвал бы. Даже с большого похмелья. Ни капельки не похожи. Если младший еще туда-сюда, то у старшего на физиономии крестьянское происхождение написано. Лопатой и поперек. Но Ида держалась уверенно.

И мальчишки смотрели нахально, не опуская глаз.

– Подручные? Ладно... могу пол мыть приставить. И ведра выносить.

– Не тяжелые, – наредила голосом Ида.

Еще не хватало парням надорваться, расти потом не будут. А почему – нет? Она лечебницу бросать не планировала, оставлять мальчишек дома и одних – вообще дело гиблое, в незанятую голову любая пакость влезет, а потом еще и размножится. А здесь и под

присмотром, и при деле, и опять же... всегда есть о чем поговорить. А там, глядишь, и польза будет.

Идею Яны научить ребят торговать Ида одобряла всей душой. Здесь и сейчас она понимала, как важны бывают знания. Любые. В любых областях.

Не захотят мальчишки торговли?

Вот вам медицина. Не захотят и медицину? Так еще чего найдем! Под присмотром и безопасное! А там и Яна приедет. Ида сестру очень ждала.

Как же тяжело, когда даже поделиться не с кем, поговорить по душам, выплеснуть накопившееся. Безумно тяжело. Сейчас вот у нее племянники есть, но перед ними тоже не откроешься до конца, не поймут просто. Как им про Костю расскажешь?

Или про предательство Стаса?

Есть вещи, которые понимаются только в определенном возрасте, вот и все.

Мальчишки тем временем переглянулись.

— А в операционную пустят? А как людей режут? Вдоль или поперек?

— А какие бывают скальпели?

Станислав вдруг улыбнулся. Вспомнил себя. Как он, в щенячьем возрасте, вот так же помогал в лечебнице. За еду и науку. Потом уже был институт, потом уже было все остальное. А когда-то, вот таким же, сопливым и лопоухим, он вытаскивал судна и подтирал грязь.

Так давно...

Так недавно?

— И пушу, и покажу, и все остальное. Но белоручек в медицине не бывает. А потому — мыть руки, переодеваться и чтобы через час полы блестели. Шагом — брысь!

Получилось очень убедительно. Мальчишки помчались мыть руки.

Ида посмотрела на Стаса.

— Спасибо.

На долю минуты их глаза встретились. И Стасу взгрустнулось.

Когда-то она на него смотрела совсем иначе. И улыбка была другой, сияющей, искренней, и глаза светились... сам отказался. А

сейчас у Иды все уже прошло, перегорело. Он для нее друг, наставник, но и только. Сердечко ее прочно занято другим мужчиной.

Правильно ли это?

Станислав не знал. Но и хорошего мужа из него не получится, это уж точно. А Ида заслуживает лучшего.

Пусть будет счастлива. А он... он присмотрит.

– Не стоит благодарности.

– Стоит. Мне виднее.

– Мне тоже. И помни, ты всегда можешь ко мне обратиться. С любой просьбой. Пока твоего жениха нет в городе.

Ида почти ощутимо расслабилась. И улыбнулась уже намного теплее.

– Хорошо. Разрешите идти, доктор?

– Разрешаю, – преувеличенно вальяжно махнул рукой Стас. – С Рукоцким я сам поговорю, не переживай. Присмотрим за твоими племянками.

Иде того и надо было. Она еще раз улыбнулась – и убежала переодеваться, прятать волосы под платок...

Начинался новый рабочий день.

Русина, Звенигород

– Я вам не верю!!!

– Тем не менее. К пропаже тора Вэлрайо мы не причастны.

Тор Дрейл наседал.

Пламенный отбивался.

Виданное ли дело? Из посольства посла утащили? Ладно бы – убили! Такое бывает, даже частенько бывает, но чтобы просто утащили? Это что – мешок яблок?!

Беда в том, что Пламенный как раз и не был причастен. Ни сном ни духом, как говорится. И страдал сейчас совершенно незаслуженно.

Кстати – и зря. Даже переверни Пламенный весь Звенигород, никому и ничему это бы уже не помогло. Слишком поздно спохватились.

Опоенный до изумления тор Вэлрайо сейчас уже путешествовал по железной дороге. Лежал в купе на нижней полке,

предусмотрительно пристегнутый Митей за обе руки, и раз в три часа поглощал по кружке «огненной воды». Митя решил, что на связанного внимание точно обратят. А вот на пьяного...

Да и какой с алкаша спрос? Еще и отвернутся. Пьяные – они такие, непредсказуемые.

Главное, до белой горячки не довести, но кое-какими средствами Митя тоже запасся. Как и водкой.

Путешествовать по железной дороге ему предстояло четыре дня. Потом придется замедлить темп путешествия, но все же в десять дней Митя надеялся управиться. А это даже не запой.

Ну... по меркам Русины.

Хотя лионессец? Они вроде как более хрупкие... кто его знает, паразита?

Ладно. На железной дороге не надо, а потом режим можно и ослабить. Скажем, уменьшить количество водки. А то даже завидно...

Пламенный и тор Дрейл об этом, понятно, не знали и продолжали скандал.

Дрейл угрожал гневом ее величества.

Пламенный отнекивался, мол, ищем! Весь Звенигород перевернули и потрясли, вот хотите – сами расспросите, благо языком владеете.

Дрейл понял, что ему не врут, и милостиво согласился на расспросы.

Те не порадовали.

Митя вообще предпочитал работать в одиночку, не сообщая никому что и как. Документы он доставал через Тигра. А остальное...

Слуг в посольстве тоже трясли. Но те молчали как рыбы. Кому ж охота на себя донос писать?

Не были, не знали...

Кухарка честно сказала, что побывал у нее на пару ночей мужчина из местных, ну так ничего страшного. Он дальше кухни и не уходил. Подарочек подарил, вот, платочек, замуж не звал, сказал, могут в любой момент отозвать на фронт... отозвали небось. Время-то какое, мужики себе не принадлежат. А бабам – тем более.

С этой стороны ничего подозрительного не было. Пламенный действительно перемещал войска, да и поди найди там, кто кухарку... того. Попользовал. Все ж по доброй воле!

Тор Вэлрайо растворился, словно кусок сахара в горячем чае. Быстро, бесследно, качественно.

И тор Дрейл с ужасом думал, как он напишет в Лионесс...

А как ему оттуда ответят...

Уцелеет ли он вообще?

О чем-то большем посол даже и не помышлял, выжить бы...

Ее величество Элоиза ошибок не прощала. Тем более – таких.

Анна, Россия

Анна смотрела на монастырь.

Грустно смотрела, понимала, что ничего хорошего ее здесь не ждет, даже наоборот. Ругать будут. Наверняка. Но уйти не могла. Или не хотела? Сама не знала.

Ей очень надо было прийти сюда. Почему-то это было единственно правильным вариантом. Вот и Багира у ворот монастыря. Сидит, смотрит всепонимающими зелеными глазами.

Анна медленно опустилась на одно колено, протянула к ней руку.

– Здравствуй, киса.

Багира с достоинством обнюхала предложенные пальцы. Тереться не стала, много чести, но коротко мявкнула и направилась в монастырь.

Анна пошла за ней.

Откуда-то она знала: кошка ведет ее именно к матушке Афанасии. Дорожка легко стелилась под ноги. Сейчас деревья еще не покрылись листвой, разве что почки набухли, потом они станут пушистыми и тенистыми, а потом облетят. И, наверное, будет здорово шуршать ногами по опавшей листве.

Анна этого уже не увидит.

Жаль, ей всегда нравилась осень.

Вот и матушка. Сидит на скамейке, думает о чем-то, повернулась на звук шагов и улыбнулась. Неловкость, которую невольно испытывала в стенах монастыря Анна (чужое пристанище, чужой бог, не Хелла), тут же исчезла.

Ей рады.

А она...

Анна вздохнула. Ей было тяжело начинать разговор, но это необходимость. Почему-то именно так казалось правильно. Хотелось уйти, или просто промолчать, или... хотелось. Нельзя.

– Здравствуйте, матушка Афанасия.

– Здравствуй, Анечка. Присаживайся? Солнышко-то какое! Одно удовольствие!

Анна кивнула. Присела на теплую деревянную скамейку, погладила ее ладонью. Багира вспрыгнула рядом, улеглась в позу львицы. Голова гордо поднята, уши насторожены. Она чувствовала боль и тревогу Анны, вот и не расслаблялась.

– Спасибо вам, матушка.

– Так вроде и не за что, Анюта? Что случилось-то? Что ты вся такая... как погасшая?

Анна кивнула. Да, эта женщина видела ее до самого нутра. Именно погасшая. Анна искренне старалась улыбаться, радоваться, но...

Давило.

Обдуманное и хладнокровное убийство тем и отличается от самозащиты, что пачкает душу. Ломает ее, корежит, уродует. Одно дело на войне, другое – в мирное время. И человек, который не воевал сам. Поневоле после этого будешь себя плохо чувствовать.

Нет? Ваша душа спокойна после этого мероприятия? Так проверьте ее наличие.

Анна набрала воздуха в грудь. Решиться было сложно, а потому... получилось как получилось. На выдохе.

– Я убила человека.

Матушка Афанасия даже и слова не сказала. Не шевельнулась. Не поменяла положения тела. Так и слушала – внимательно и участливо. Анна опустила голову. Она понимала, после рассказа на нее посмотрят совсем иначе. Она этого полностью заслуживает, и не станет врать себе. Но... Ей не хотелось видеть этот переход от симпатии к отвращению.

Он будет.

И она все увидит.

Но... может ведь у нее быть крохотная отсрочка?

– Этот человек здесь и сейчас... он пытался навредить. – Имен Анна не называла. – У него ничего не получилось. Но в дальнейшем

она... он мог представлять серьезную опасность для моего сына. И я решила...

Ивана она не считала за убийство. Там-то все просто, хотели убить ее, промахнулись, получили в ответ. Да-да, именно убить. Даже если морально... Это самозащита. А вот с Цветаевой было именно убийство.

– Я еще раз решила поговорить. Дала последний шанс. Я бы отменила все. Но...

– Но человек решил не прекращать своих попыток, – поняла матушка. – И ты его убила.

Оговорки не остались незамеченными. Но это потом, потом...

– Да.

– Ты жалеешь об этом?

Анна кивнула:

– Я... да, наверное, жалею.

– Человека – или себя? – Вопрос был поставлен остро и жестко. Даже немножечко жестоко. Так, что Анна задохнулась – и не смогла произнести даже слова. За нее это сделала матушка Афанасия. – Ты не убитого жалеешь и оплакиваешь. Тебе себя жалко. Ты пошла на страшный грех, ты ищешь себе оправдания, ты его не находишь. А хочется...

Анна кивнула.

Хочется, все верно.

– В Библии сказано, что это страшный грех. Это верно. Его не замолить, не выпросить прощения.

Голова Анны опустилась еще ниже. Она не плакала, но была близка к этому.

– Я знаю.

– Но ты не думаешь о другом. Грех нельзя замолить? Значит, и начинать не надо.

Анна резко подняла голову.

– Что?!

Матушка Афанасия улыбнулась. И Анна поняла: ее не осуждают. Ее поняли и приняли. Вот такой, как она есть.

– Да, именно так. А ты думала, грехи отмаливать надо? Смешно даже сказать. Вот представь, ограбила ты кого-то, обобрала, предала, к пропасти подтолкнула, убила... да, всякое бывает в жизни. И

помчалась в храм, полы протирать? Скажем, воровство десять молитв стоило, а убийство – двадцать? Ты про индульгенции слышала?

Анна кивнула.

Яна слышала. Дешевая попытка деньгами купить себе Царствие Небесное.

– То есть некоторые грехи не отмолить?

– Никогда. Или они останутся с тобой, или ты их исправишь.

– То есть? – Здесь и сейчас Анна не понимала, что от нее требуется. Нельзя ведь оживить Цветаеву? Да и можно было бы... она бы не стала.

– А ты подумай сама. На то Господь и разум дал, чтобы мы от зверей отличались. Есть ведь воровство – и воровство. Если человек с голода булку украл – он виновен?

– Ну...

– А если у него миллионы, а он миллиарды хапает? И то, и другое воровство. А все ж – разное.

С этим Аня была полностью согласна. И считала, что за первое надо бы накормить и приставить к работе, отрабатывать. А вот за второе... ох!

– Вы хотите сказать, что надо не отмаливать грехи, а исправлять там, где можно?

– Примерно так. Знаешь, ведь когда революция была, война, потом гражданская... знаешь, сколько детей осталось без родителей?

Анна поежилась.

Она знала.

– Был такой Феликс Дзержинский. ВЧК создал, кровь лил, как воду пил. Тогда у них у всех руки были по локоть в крови. Но знаешь... мне иногда кажется, что свои грехи он отмолил. Он целую сеть создал, которая работала ради беспризорных детей. Скольких он спас? Скольких вытащил? И не ждал никакой благодарности, и не получил ее... никогда. Или – получил?

Анна медленно кивнула. Смысл она поняла.

Отнял жизнь – спаси жизнь. Вот и весь тебе сказ. Это не молитвы, не свечки за десять рублей, это настоящее. Когда ты себя отдаешь, все вкладываешь...

Украл?

Ну так сделай что-то для людей! Да хоть детскую площадку построй! Хоть кому помоги! Не церкви, нет! В ней несчастных и обделенных не найдешь, все при месте и при зарплате. А ты людям пользу принеси. Оглянись вокруг, наверняка найдется, кому помочь.

Нет? Не хочется? Не можется и не желается?

Так не обессудь и не жалуйся.

— Я поняла. Спасибо...

— Вот и ладно. Аня, грехов, которые нельзя искупить, — в мире нет. Господь Отец наш, он нас любит и все простит. Только вот... сделает твой сын пакость, а потом прибежит да в глаза лгать будет? Мол, раскаивается он... согласишься?

Анна качнула головой.

— Вот. И не согласишься, и не оценишь, и еще по попе добавишь.

— Как-то так, — пожала плечами Анна. Хотя в жизни бы сына и пальцем не тронула.

— И здесь то же самое. Не лицемерие требуется, а правда. Сделал подлость? Или ты ее отработаешь, или она к тебе вернется. А не к тебе, так к твоим детям.

Анна поежилась.

— Я такие истории знаю. И не одну... Была у меня знакомая. Вот дед ее как раз в ЧК работал. Сколько уж он людей погубил безвинно, сколько крови пролил — не ведаю, но жили они всегда очень богато. И поверь, побаивались их семью не просто так.

— И что с ними потом случилось?

— Ничего. Нет их. Ни семьи, ни рода. И это было больно. А кричи не кричи... Может, если бы она сообразила, что надо делать, начала бы хоть как-то грехи исправлять... да не на церковь жертвовать, не коленки протирать в храме или там лбом из пола плитку выбивать, а постаралась найти кого из пострадавших от ее деда... Или просто... да хоть бы и ребенка из детского дома взяла. Глядишь, и повернулась бы судьба другим концом.

— Понимаю...

— Или другой случай. Среди наших прихожан есть женщина. Она одинока. Вообще... ни семьи, ни детей, ни родных, ни близких. Никого. Так она всю жизнь на кошек и собак бездомных положила. Подбирает их, лечит, пристраивает.

Анна оценила.

– Не так давно у нее инсульт случился. При других обстоятельствах валяться бы ей – никто бы до смерти не нашел. А тут же каждая минута ценна.

– Но ведь с ней все хорошо? – почему-то спросила Анна.

– Да как тебе сказать. У нее как раз дома три кошки было, две собаки... они такой гвалт подняли, что соседи мигом прилетели. Сначала стучали, потом поняли, что неладно, «Скорую» вызвали, на балкон перелезли, дверь открыли – люди у нас добрые, какую бы грязь ни лили политики. Притащили в больницу, там госпитализацию требуют. А как зверей одних оставить? Она в слезы... тут и пасьянс сложился. В больнице как раз девчушка лежала – на них с ребенком муж сорвался. Пьяный в лоскуты, ей идти некуда, она детдомовская, сына прикрывала, так ей самой досталось. Чудом пьяного мерзавца оттащили. Врач подумал да и предложил им пока такой вариант. Одна от инсульта оправляется, вторая у нее живет с сыном, за животными смотрит, ну и готовит чего, приносит...

– И? – Анна слушала, как сказку со счастливым концом.

– Сейчас они втроем животных пристраивают. Бабушка, дочка и внук.

– А...

– Мужа посадили. Квартира на него была, там свекровь, конечно, распорядилась. Но им этого и не надо. Им втроем хорошо. Может, и не по крови, но у них семья^[12].

– Это хорошо, – искренне улыбнулась Анна.

– Это жизнь. В которой все расставляется на свои места. Рано или поздно, так или иначе. Ее не подкупишь, не упросишь. Можно только сделать свой выбор и отвечать за него. От начала и до конца. Принимать все последствия и осознавать, что это – твое. Не кара небесная, нет. Ты, своими силами, словами, руками, на себя беду накликала. Не кто-то другой постарался...

– Дед, к примеру?

– А ты считаешь, можно в грязи жить и чистым быть? Может, и можно. Не спорю. Но не знать она не могла. Не слышать, не видеть, не понимать... просто так ей удобнее было. Отвернуться... а в незащищенную спину так легко ударить.

Анна задумчиво кивнула:

– Мне мои грехи долго замаливать.

А то, что отец натворил, и того дольше. Петер ведь власть любил... и Аделина. Любили, но меры не знали и страха не ведали.

Или она их уже в чем-то замолила? Оплатила?

Мучительной смертью в Зараеве... пресекшимся родом.

А боль и отчаяние отца, рядом с которым гибли его родные и любимые? А он ничего не мог сделать, только понимать, что он всему виной?

Страшно это.

Несколько минут осознания, которые стоят целой жизни. И безнадежность. Или осознание пришло раньше? Только Петер гнал от себя эти мысли, понимал, что не выпустят, не пощадят, но старался не думать?

Анна не знала. Теплая ладонь легла ей на волосы, погладила.

– Все будет хорошо девочка. Любые грехи можно искупить, но дорога вокруг Земли начинается с первого шага.

– Д-да...

– Главное, не откладывай. Ни к чему.

Анна кивнула.

И разревелась. То ли от облегчения – ее не оттолкнули. То ли от боли. Страшной, мучительной, выворачивающей внутренности...

Память умеет наносить раны пострашнее ножевых. Те заживают. А память...

Она не уходит никогда. Она стоит рядом, она заглядывает в глаза, она нашептывает в уши по ночам, она ворожит над снами...

Ты можешь обманывать себя и приказывать не думать. Но рано или поздно, так или иначе, она возьмет свое...

Анна рыдала в голос, и матушка Афанасия гладила ее по голове. Так, как должна была утешать своих дочерей Аделина Шеллес-Альденская. Несчастная дуреха, которая променяла семью на власть. Искренность на пустоту и мишуру.

Матушка и ее бы пожалела.

Рядом, на скамейке, уснула Багира, положила голову на лапы. Напряжение прорвалось, охранять больше незачем. Дальше люди справятся сами. А она пока отдохнет.

Тяжелое это дело – сводить воедино дороги человеческие.

Из монастыря Анна вышла уже вполне уверенно.

Плечи расправлены, голова поднята, лицо отмыто ледяной водой, следы от слез тщательно запудрены. Что ж...

Ей осталось недолго, пара-тройка месяцев, но дорогу ей указали. А дальше...

Она справится.

Ее грехи на ее детей не лягут! Не должны!

Она подумала пару минут и набрала номер медсестры. Яна в свое время много с кем контакты наладила. Там словечко, здесь улыбка, тут шоколадка или купюра – и к Гошке относятся уже намного лучше. И лишнюю передачку не замечают, и настрого запрещенный, но оттого еще более желанный киндер-сюрприз тоже.

Примерно пятнадцать минут ушло на разговор.

Потом Анна получила сообщение с фамилиями и адресами. Это, конечно, запрещено законом, но не наплевать ли иногда на закон? Есть написанные каракули, а есть справедливость. Анна уже знала, что она сделает.

Яков Александрович разберется с наследством. И быстро, кто бы сомневался.

А вот эти люди...

Их детям требовались операции. Дорогие. Достаточно срочные.

Деньги у нее были. Те самые, от клада. Будет справедливо, если часть финансов она вложит в чужую жизнь.

Не придет, не отдаст в руки. О нет.

Даже самые лучшие из людей могут дрогнуть. И потратить часть денег не на лечение, а на себя. Позволить себе крохотную слабость здесь, там, где-то еще...

Анна не собиралась благодетельствовать. Она просто отдавала долги. И не хотела, чтобы ее благодарили, чтобы за нее молились или еще какие-то глупости.

Она сейчас позвонит Якову Александровичу. И уже на этой неделе первый из детей получит полный комплект услуг.

Оплаченное лечение в Германии. Оплаченный проезд туда и сюда, питание, проживание по системе «необходимое и достаточное», период реабилитации...

Это дорого. И на всех троих ее средств не хватит. Но помогать она будет.

Не молиться. Не подавать нищим. Не строить храмы.

Это как раз ни к чему. Можно, конечно, но нужно ли? Если есть возможность помочь реально, не откупаясь от своей совести?

Анна собиралась поступить именно так. И пусть в нее бросают хоть камнями, хоть чем. Лучше, конечно, бумерангами.

Она откупается?

Анна не знала точно. Но пока решила попробовать сделать первый шаг.

Может, потом она придумает нечто получше. Может, потом она сможет сделать нечто другое.

Может быть.

А может – и не быть. Ее в том числе.

Так пусть на земле останется пара человек, которых она спасет. А не только трупы.

Яна, Русина

– Сделано?

– О да. Ваше императорское величество, вы чудо.

– Я просто не надеюсь на извозчика, – поправила Яна.

Валежный посмотрел недоумевающе, и Яна вспомнила, что здесь-то Фонвизина не было с его чудным Митрофанушкой.

Зачем знать географию?

Извозчик довезет!

А вот затем и знать, чтобы потом... да, потом...

Яна довольно прижмурилась.

Ее идея с плотиной оправдала себя на все сто процентов. Плотину на Ревеле открыли всего два дня назад, а какой результат? Судя по телеграфным донесениям, Булгарь резко мелеет. Оно и понятно, река судоходная, крупная... в Борхуме пока не заскулили, ну так всему свое время. Лето только начинается. А ведь река – это не просто так. Это посевы, поливы, это вода... да, и для питья в том числе. Борхуму еще придется солоно.

Они еще не сообразили, но попали крепко. Чтобы эту плотину закрыть, им придется пройти через половину Руси. А тут сейчас страшненько.

И нигде не сказано, что результат будет. Ты придешь, такой красивый, а тебе плотину вообще взорвут. Или еще какую пакость утворят.

Вот не понимала Яна идиотов, которые с соседями воюют. Вы же на одной земле сидите! Вот можно подумать, ты домой пришел – и тут же соседу пошел под дверь гадить! Потом подрался с ним, потом поругался... бывает, понятно. Но обычно нормальные люди с соседями стараются дружить. Помогать, ну хоть как-то ладить...

А тут что? Сосед соседу – людоед людоеду?

Или в геополитике это иначе работает? Кто ж его знает...

Зато резко поднялся уровень воды в Хормеле.

А теперь считаем.

Все броды и переправы – долой. Несколько мостов уже смыло, остальные... хоть пока и держатся, но слабовато, слабовато. Залить область не залило, но снабжение, передвижение, вообще вся логистика полетела к Хелле. Крестьяне – те не пострадали. Даже порадовались, им сейчас самая пора копать-поливать. А вот Никон...

Ну не ремонтировал пан-атаман мостов!

Мост – он же тупой! Он каменный! Ему плевать, монархист ты или анархист, ему вынь да положь камень, раствор и хорошего мастера. А с этим при анархии как-то туговато. Мастеров оплачивать надо, охранять, материалы везти и, опять же, охранять, а за красное словцо никто работать не будет.

Вот и встал пан-атаман на приколы.

Не прибили.

Не разорили.

Но существенно ограничили подвижность. И ударить в бок Логинову он теперь не сможет. Хорошо еще, если к Звенигороду проберется.

Понятное дело, конницу так не ограничишь. И прекрасно лошадка и речку переплывет, и пройдет, где надо и не надо. Лошадки вообще умные. Но...

Вот именно, что обоз, припасы, фураж, орудия и оружие... да много чего, что надо тащить за собой, сейчас не получится. Можно кого ограбить по дороге, но туда ж еще добраться надо! В своей волости Никон не грабил принципиально. А в чужих...

А там и свои бандиты есть. То есть анархисты. Нет, не все так просто и легко будет у Никона впредь. И прити у него поубавится, что и требовалось.

Яна мило улыбалась.

Ах как же полезно учить географию!

Глава 6

И двигали спицу, влекущую дни

Русина, Ковальск

Генерал Логинов оглядывал карту хозяйским взглядом.

Даже пальцами город погладил.

Ковальск.

Назван город был не просто так – славен своим оружейным мастерством. Здесь клинки ковали – платок перерубят, в кольцо согнутся да и распрямятся, не сломаются.

Здесь оружие делали. Пистолеты, пушки лили, ядра...

Понятно, освобожденцы в него зубами вцепились. Но разгрызть этот орешек стоило. Логинов знал о разгроме Алексеева и понимал, что дело... нет, это дело нехорошее. А в Ковальске еще и его давний «приятель». Бывший генерал Калинин.

Да, вот такой парадокс жизни.

Если Логинов, будучи не из благородных, остался верен императору, даже мертвому, то Калинин был тором поколения аж в пятнадцатом, как бы не больше. И предал.

Предал, перешел на сторону врага, наплевал на всех своих предков...

Он, конечно, говорил, что предки служили не императорам, а Русине, но это – не повод служить подонкам!

А для Логинова освобожденцы подонками и были.

Какие-то соглашения?

Какие-то договоры?

Смеяться изволите, торы и жомы! Кто ж с капустными слизнями договаривается? Их травят и дают, вот и все дела.

Но если уж Калинин просит переговоры, надо хоть послушать. Недолго. Из вежливости.

Вот и ехал сейчас Логинов под мелким, моросливым дождичком. Конь чувствовал недовольство седока, выгибал шею, фыркал, пытался закусить удила и всем видом показывал, что нисколько не рад поездке.

Хозяин тоже не радовался.

Они встретились под стенами Ковальска.

Два генерала, только один весь начищенный, отглаженный, холеный, борода расчесана и смазана парикмахерским воском, а второй...

Бороду Логинов давно сбрил. Мешалась. И брился при первой же возможности, а та была не каждый день и даже не каждые три дня, так что сейчас он был украшен трехдневной седоватой щетиной. А мундир...

Понятно, денщик за ним следил. Как мог. Но ведь поход! Там пятно, которое ничем не выведешь, тут прожгли дырку, которую надо заштопать, здесь...

Походная форма парадной не станет. Да и не хотел Анатолий Васильевич наряжаться. Он что – девка на выданье? Ради кого красоваться? Ради предателя и подонка?

Смешно...

Калинин окинул его надменным взглядом.

– Что, Анатолий, стареешь?

Логинов даже не разозлился. Когда-то его это задевало.

О да, когда-то он был готов на все, лишь бы стать своим в высшем обществе. Стать тором... Он получил свое дворянство.

И плевать ему стало на все.

А уж когда началось все это безумие – вдвойне плевать! Война хорошо показывает, кто и чего стоит.

– Ты меня позвал о возрасте побеседовать?

– Нет, – не дрогнул Калинин. – Я хочу сделать тебе другое предложение.

– Слушаю.

– Прочитай.

На убеждения Калинин размениваться не стал. Не скажешь же при всех – назови свою цену? За такое и в морду можно. А намеков Логинов не поймет в принципе.

Не то что туповат. А... ограничен.

Верность какая-то глупая, честь... да кто сейчас, в наш просвещенный век, думает о такой ерунде? Понятно же: служить надо там, где выгодно. И заботиться только о себе.

Присяга?

А император обо мне много заботился?

Нет? Вот и не обессудьте.

Логинов молча читал. Калинин знал, что написано в письме.

Жом Пламенный, во-первых, сообщал о разгроме генерала Алексеева. Все, начали громить «бывших», скоро они и правда историей станут!

Во-вторых, Пламенный писал, что императрица ненастоящая. А единственный, кто имеет право на престол, – Мишель Воронов. Ему и надо присягать на верность.

И в-третьих, Логинову предлагали послужить делу Освобождения. Если он перейдет на их сторону, получит полное прощение. Пусть только согласится...

Анатолий читал медленно. Понимал, что второго шанса у него не будет... после первого-то захотелось руки вымыть. Но надо дочитать до конца.

А вообще – гадость.

Иди-ка ты, мил друг, к нам, у нас кормушка посытнее... да у генерала от одной мысли все нутро переворачивало! Он что – свинья? Чтоб из любых рук жрать и хрюкать?

Убивал бы уродов. Вот просто – за одно предположение убивал!

Может, еще и доведется?

Наконец он дочитал, сложил листки и положил в карман мундира. Посмотрел на Калинина.

– Теперь я должен согласиться с радостным визгом?

– Ты против? – искренне удивился Калинин. – Вы ведь всерьез проигрываете! Месяц, может, два...

– Проигрываем? Валежный скоро пойдет на Звенигород.

– А если марш не удастся? Вы ставите все на одну карту...

– Я буду играть до конца, – жестко сказал Логинов. – Ты сдашь Ковальск? Или мне вас штурмовать?

– Подожди... – Калинин смотрел почти с тоской. – Анатолий, пойми, того мира больше нет. Императора тоже нет. А эта девка... я читал о ней.

– Что именно?

Логинов Яну пока и в глаза не видел. Но Валежному доверял полностью.

Если генерал сказал – императрица, значит, это она и есть. Чего тут сомневаться?

– Это подставная фигура...

– Которая как две капли воды похожа на отца? Калинин, ты меня за идиота принимаешь? Думаешь, про Царь-колокол никто не знает?

Калинин небрежно пожал плечами:

– Избавиться от шутников нереально. Вот и позвонил кто-то. Бывает...

Логинов издевательски фыркнул:

– Знаешь, если это действительно обман... я лучше умру ради этого обмана. Не хочу жить в той Русине, которую вы можете построить. Изуродовать. Это как дворец разломать, а на его месте нужник вклеить, на большее у вас ума не хватит. Лучше уж помереть и этого не видеть.

– Это я тебе обещаю, сил хватит, – прошипел Калинин.

– Вот и переведаемся. Давно хотелось, – отмахнулся Анатолий.

– Ты настаиваешь?

– Нет. Я просто возьму Ковальск. И прикажу тебя расстрелять.

– Что ж, – оскалился Калинин. – Отвечу тебе той же любезностью. Можешь даже последнюю просьбу придумать. К примеру, поцеловать портрет императора.

– Императрицы, Жоржи, императрицы. У нас на троне императрица Анна Первая.

Как пишут в умных книжках, переговоры не увенчались успехом. Правда, расстрелом высоких договаривающихся сторон они тоже не увенчались. А как хотелось...

Калинин провожал врага злобным взглядом.

Быдло!

Быдло с невесть какой помойки... ладно, деревни! Быдло, которое волей случая встало... вровень с ним?

Нет!

Такое рядом с ним и встать-то не может! А он вынужден сражаться...

Калинин с усилием отогнал от себя мысль о поражении. Положа руку на сердце, Логинов действительно был более умным, талантливым, сильным...

Но признать это?

Калинин отчетливо понимал: он успокоится, только плюнув на могилу врага. Только так... и побыстрее бы!

* * *

Штурм начался на рассвете.

У Логинова было сейчас около трех с половиной тысяч солдат. Два десятка орудий.

У Калинина – примерно десять тысяч штыков и сабель. Плюс полторы сотни тысяч человек в Ковальске. Не то чтобы они собирались воевать, но... мало ли?

Есть еще откуда пушечное мясо черпать. Полной ложкой.

Анатолий Логинов понимал свою уязвимость.

Его солдаты устали. Они измучены, они постоянно были в пути, давно не отдыхали. К тому же у него большой обоз. Не с барахлом – с людьми. Их разгром – смертный приговор для всех, кто в обозе. Ну... может, не совсем для всех, часть женщин точно для своего употребления оставят, а так – смерть. Но и выбора не было.

Если сейчас он возьмет Ковальск, у них будет отличная база для отдыха, склады, оружие, провизия... в конце концов, он сможет отлично дожидаться Валежного именно здесь. Надо рисковать.

И Логинов решил рискнуть.

На рассвете он принялся обстреливать город. Не слишком сильно, не орудиями, чтобы не повредить склады. Но несколько батальонов и два небольших пулемета повели свой разговор с освобожденцами.

Калинин не стал праздновать труса. И принялся отстреливаться. Все понимали, что это надолго. Но кое-кто понимал и другое. И собирался позаботиться о себе.

* * *

– Ты уверен, что надо?

Мирча Верич пожал плечами. Пристально посмотрел на командира.

– Волки воют. И сову я вчера видел.

– И что?

– Белую. Злую.

Его командир, Никола Фере, пожал плечами. Мирче верили. Было отчего. И дед его кое-что знал, и отец умел, ну и сам Мирча... его в части ценили. Мирча мог и кровь заговорить, и над раной пошептать, чтобы горячка спала, и главное...

Видал он.

Видал, кто вернется, а кого понесут.

Молчал по большей части. Вмешивался пару раз, когда уж вовсе не обойтись было. Один раз, когда Фере решил разведчиков послать, Мирче подошел и сказал, чтобы не губили невинные души. Все полягут, сведений так и не добудут. Никола его тогда обругал.

Второй раз он ругаться не стал. Послушался.

Вот и сейчас...

Казалось бы, все на стороне Калинина и Освобождения. Оружие, боеприпасы, удача, позиция... да куда ни ткни! И тут приходит Мирче и принимается скулить.

Мы умрем, надо уходить...

Другого Никола бы нагайкой перетянул поперек хребта. А на Мирче смотрел и понимал: верит. Так оно и будет. Погибнут все.

– Куда уходить-то будем?

Мирче понял, что командир согласен. И позволил себе выдохнуть.

Кажется, он останется жив?

Когда отец провожал его на войну, он раскинул кости. Выпало множество опасностей, война же... но серьезных две. Обычные – то не опасности.

Раны, болезни, кого это когда миновало? Бывает...

А вот две серьезные, которые могут привести к смерти...

Одна уже миновала. Мирче тогда чудом смерти избежал. Пуля, считай, в сантиметре свистнула, волосы опалила. И повторять опыт ему не хотелось.

Сейчас он сам решился.

Давило, жгло... как в таких условиях не посмотреть, что ждет?

Он и смотрел ночью. На огонь смотрел, через огонь, вот и увидел. Печати смерти на лицах.

Она уже коснулась большинства из присутствующих своим крылом. Уже ждала. И какая же она голодная...

Мирче затрясло. Волчий вой стал уже последней каплей, и он ринулся к командиру.

По счастью, Никола к нему прислушивался.

— Куда и когда? Этим вечером. Мы Ковальский кремль охраняем. Берем оружие, сколько унесем, и вперед. Ударим во фланг Благому, прорвем его и уйдем к Логинову.

— Лишь бы нас там не повесили.

Мирче качнул головой.

Тревога, которая грызла его, словно большая крыса, постепенно отступала.

Обожралась.

— Не повесят. Попомни мои слова, нас просто отпустят домой.

— Твои бы слова...

— Верь мне.

И забегая вперед: как Мирче сказал, так и случилось.

* * *

Их остановили быстро. Не огнем, окриком. Батальон уже успел выйти из города, перестреляв по дороге многих... своих?

Бывших своих.

Подвоха от них не ждали, удалось обойтись без погибших, так, с десяток человек ранили, но не слишком серьезно, идти смогут. Из города они вышли и двигались на север, когда в землю перед ним ударила пуля.

— Стой! Кто идет!

Никола порадовался, что они шли тихо, не стреляли, не шумели...

— Командир шестнадцатого стрелкового батальона, Никола Фере.

С той стороны повисло молчание. Потом тот же голос с немалым подозрением уточнил:

— У нас нет такого батальона.

— У Логинова — нет, — объяснил Никола. — Можно мне подойди поближе? Мои люди не станут стрелять.

— Ладно. Иди сюда...

Никола сделал шаг, второй, оказался перед бруствером, из которого легко вылез незнакомый офицер.

– Тор Фере?

– Командир бывшего шестнадцатого стрелкового батальона подполковник Фере. Указом императора.

– А потом?

Никола пожал плечами.

– Выбора не было. Наш полк оказался на территории освобожденных. Калинин перешел на их сторону, пришлось и нам... не то уничтожили бы сразу. А сейчас появилась возможность выбраться. Не хотим воевать за эту мразь со своими.

Слова были найдены правильные. Офицер чуточку расслабился.

– Перебежчики, значит...

– Бегут от войны. А мы не хотим стрелять в своих, – поправил Никола.

Офицер подумал, но недолго. Данный вопрос выходил за пределы его полномочий.

– Сложите оружие. Я провожу вас, подполковник, к генералу.

– Меня одного?

– Вас и еще одного человека. Остальные подождут здесь.

Никола обернулся к Мирче и кивнул парню. Пошли, мол... *знающий*.

Но он видел.

Видел, как Мирче переводит дух.

Видел, как вытирает со лба капли пота.

И... он почувствовал это на долю секунды. Словно мороз пробежал по спине. Словно что-то ледяное коснулось головы. И в небе, высоко, он увидел белую сову.

Полярную.

Четко-четко, словно кровью на белой стене, Никола увидел и слова:

Смерти вы избежали.

И ему стало легко.

Логинов! Пусть будет Логинов! У Никола сегодня второй день рождения, считай! Должен же кто-то его поздравить!

Такого подарка, как триста перебежчиков, Логинов не ждал. Но и отказываться не стал – дурак он, что ли?

Принял вполне радушно, разве что приказал сдать оружие. Но Никола этого и ждал.

Оружие они отдавали честь по чести, за исключением фамильных клинков. Но тут уж и Логинов сделал уступку. Родовой кинжал – не просто ножик для мяса, это ценность и память, в иных семьях клинкам по триста лет уж исполнилось.

Оружие генерала порадовало.

Перебежчики, которые заодно проредили ряды врага, – тем более!

Но не оставлять же их в своих рядах?

Так что часть Никола Фере отправилась домой. Путь им предстоял долгий, но приятный. А штурм – штурм продолжался.

* * *

Сильный дождь ухудшил видимость, и этим воспользовался полковник Гвоздев. Взяв с собой двести человек, он обошел Ковальск с тыла и попробовал пробиться через кузнечные предместья.

Ему повезло, Калинин не стал серьезно защищать кузнечные кварталы. К чему?

Вот заводы, фабрики, склады – дело другое. А дома? Что – дома?!

Людишки еще отстроятся!

Когда освободятся от оков!

Завязался бой, но Гвоздев ломился, словно бронемашина через кустарники. И потихоньку шел вперед.

Против него бросили две части, но части новобранцев. Тех, кто был в данный момент на окраине.

Гвоздев разделал их под орех и пошел дальше.

Видя, что полковник не возвращается, и получив от него донесение, усилил напор и Логинов. В рядах освобожденных постепенно начала нагнетаться паника.

Это у Никола была возможность уйти. И то – до боя. А у кого-то желание было, а возможности не было.

А жить хотелось.

Что оставалось делать таким людям?

Ждать удобного момента. А потом удирать. Иногда – стреляя в спину соседа.

Освобожденцы сопротивлялись отчаянно. Понимали, что их не пощадят, и полк Калинина дрался, словно львы. Логиновцы кровью поливали каждую отвоеванную пядь, то продвигаясь вперед, то откатываясь назад, и тоже стояли насмерть.

Им тоже было некуда отступить.

Освобожденцы не сдались бы и не отступили, но Гвоздеву повезло еще раз.

* * *

Васька сидел на чердаке и ждал врага. Ну... хоть одного он стрельнет! А может, и не одного! Верное ружье несло на себе уже пять зарубок.

Пять освобожденцев.

Пять трупов... этого было мало, отчаянно мало! За убитого отца, который отказался работать на них! За сожженный дом и мамашу с малыши, которые теперь ютились по подвалам.

Васька один о них заботился, приносил, что мог достать... много ли? Мало? Слишком мало для жизни. Голод, холод, отчаяние – убивают надежнее любого пистолета. Сильно болела мать, и Васька боялся, что новой весны она не увидит. Двое малых умерло. Трое еще осталось, и Васька был полон решимости поквитаться.

За каждого он возьмет по десять жизней. И двадцать – за отца. На меньший размен он был не согласен.

А вот...

Шум боя приближался.

Васька замер, насторожился...

А когда увидел *старую* форму на Гвоздеве, сильно обрадовался. И...

Он сам сидел в засаде. И такого же снайпера выцелил первым. И выстрелил.

Громко хлопнуло старое, еще дедовское, ружье, которое чудом удалось спасти.

Покатился с крыши стрелок.

Оглянулся полковник Гвоздев. И кивнул своим людям проверить дом. Васька не сопротивлялся, когда его потащили вниз. А чего?

Свои же...

– Ты стрелял? – Полковник был краток.

– Я.

– Благодарю. А сейчас иди домой, здесь все же опасно...

Минуту Гвоздев мог себе позволить потратить. Заодно и дорогу впереди проверят.

Васька размышлять долго не стал.

– Тор полковник! Разрешите помочь вам?

Гвоздев улыбнулся, но отказаться не успел. Потому что мальчишка лет четырнадцати продолжил:

– Я тут каждый переулочек знаю. И где эти ... сидят – тоже.

Грубое слово невольно резануло уши. Потому что сказано было от всей души. И Гвоздев решился.

– Ладно. Пойдешь с нами. Но держись рядом со мной, понял?

Васька кивнул:

– Я вас проулками проведу! Хотите на площадь? К ихнему штабу? Хотел ли Гвоздев?

О да!

Пожалуйста, и можно без хлеба. А посылат они сами! Крепенько так посылат... и поперчат. Пулями и гранатами!

Забегая вперед: Васька уцелел в этой войне. И стал кем-то вроде сына полка. И родных он этим уберег. Обоз у Логинова и так был большой, нашлось место и еще для четверых человек. И обогрели, и прокормили...

Правда, военным Васька не стал.

Как и отец, он занялся кузнечным делом. Но это будет потом, в далеком будущем. А здесь и сейчас он шел рядом с полковником и тихо рассказывал, что вон там засада, а у колодца сейчас оружие стоит... и вон в том проулке неладно...

Гвоздев внимательно слушал. Жизнь ему мальчишка уже сберег. Вот и людей сберечь поможет. Война не заканчивается в Ковальске. Каждого человека беречь надо...

По дороге к площади пришлось еще немного пострелять.

Увы, штаб оказался пустым. Понимая, что приходит белый полярный лис, Калинин подхватился и эвакуировался на электростанцию. Штаб он приказал поджечь, но тут уж нашла коса на камень. Не успели. Почему?

Ну... не успели.

А положила руку на сердце, не хотели. Часть центра была деревянной. Побоялись попросту, что половина города выгорит. Те, кому Калинин отдал приказ, были родом как раз из Ковальска.

Но Гвоздеву и так было достаточно.

Благодаря Ваське он почти никого не потерял. А еще умудрился захватить два орудия, которые сейчас и развернул в спины освобожденцам.

Сопrotивлялись они до последнего. Но удача оказалась не на их стороне. Боги войны кинули свои кости, и Калинин у выпало две единицы.

К вечеру город был окружен с трех сторон, и Логинов методично давали последние очаги сопротивления. Часть освобожденных перешла на его сторону – жить хотелось. Этим уже не досталось таких хороших условий, как у Никола, но и вешать их никто не стал. Лопату в руки – и разгребать!

Расчищать завалы, хоронить погибших, заботиться о живых... да мало ли дел найдется?

Оставалась в осаде электростанция, в которой засел Калинин.

Но Логинова это задержало ненадолго. Конечно, не хотелось разносить ее снарядами, потом отстраивать долго. Но... чего не сделаешь ради старого приятеля?

Калинин понял, что его карта бита, и предложил переговоры.

Анатолий Васильевич подумал некоторое время и выдвинул ультиматум.

Калинин согласился.

Выбор был прост и печален. Своих людей Калинин спас. Их хотя и взяли в плен, но не расстреляли. А вот собственную жизнь генерал, увы, не выторговал. Да и не торговался.

Все было просто и печально.

Стена электростанции.

Строй из десяти человек.

Короткие отрывистые команды.

И – сложенный залп.

Калинину было намного легче умереть, чем жить побежденным. Тем более побежденным человеком, к которому он всегда относился с отвращением.

* * *

Логинов был доволен и счастлив.

Взяв Ковальск, он получил огромные плюсы. Нет, не в карму. В карман.

Он захватил склады, заводы и фабрики по производству оружия.

Он перерезал пути снабжения Звенигорода хлебом. Не все, но часть, и это уже было приятно.

Он захватил золотой запас, который хранился в Ковальске. Личный Калинина, ну и там еще всяких было по мелочи... так, около ста миллионов золотом.

А про восстания, которые начали вспыхивать в оккупированных освобожденцами городах и селах, и упоминать не стоило. Так, приятное дополнение к основному блюду.

Логинов был счастлив.

Валежный потирал руки.

Яна троекратно прокричала «Ура!» и подписала приказ о награждении генерала Логинова орденом. А заодно и о даровании ему пяти процентов от захваченной суммы. Валежный был против, но Яна посчитала это правильным. И не прогадала.

Получив в свое распоряжение пять миллионов, Логинов решил, что надо делиться. И примерно два миллиона золотом разошлись по участникам похода.

Оставшиеся деньги тоже нашли свое применение. Но это уже совсем другая история.

Яна, Русина

Валежного Яна последнее время просто не видела.

Изюмского тоже.

Это так просто сказать: войско отправилось в поход. В исторических книгах пишут... и совершенно не понимают иногда, как это сложно организовать.

Проверить, расставить всех по своим местам, организовать, еще раз проверить...

Из рассказов мужчин на кордоне Яна твердо вынесла правило: человека надо контролировать. И за любыми подчиненными должен быть тройной контроль.

Сказал – проверь. Или не так сработали, или не так поняли, или вообще забыли и забыли.

Записали – проверь. Или записали не то, или не так, или потеряли записи.

Сделали – тоже проверь. Есть большая вероятность, что сделано не то, не там или не так. Крупная такая вероятность.

Вот Валежный и проверял. На этот марш было поставлено практически все, что есть. А потому...

Понятно, косяки будут. Но они не должны стать той соломинкой, что ломает спину верблюду.

Яне оставалось сидеть и заниматься представительской частью работы. Скучать?

Вздохнуть бы!

Увы, ей досталось именно то, что она ненавидела всю свою сознательную жизнь. Дипломатия. Прослышав и о наличии императрицы, и о выборе мужа... вот именно оно и началось. Яна ругалась, плевалась и сожалела, что нельзя вернуться в свой мир. А там...

Она взяла бы парочку ведущих ток-шоу – и придавила. Насмерть! Танком!!!

Красиво смотрится на телеэкране? У вас есть выбор из трех или там пяти женихов, у вас есть выбор невест...

А в жизни?

Это ж рехнешься!

И идут, и идут... и слова в простоте не скажут, правда, напрямую не сватаются, но штук двадцать признаний в любви Яна уже получила. И каждому влюбленному раздала «домашнее задание».

Кому одно, кому второе... а что? Пусть с паразитов хоть польза будет. Одного, самого непонятливого, и вообще пришлось... да нет! Не убивать же идиота, который считает себя самым неотразимым! Яна даже рук пачкать не стала, попросила, чтобы его вывели, окатили парой ведер колодезной водички и никогда больше не пускали. А то ишь, разгорячился!

Любовь-морковь... да кого там твоя романтика волнует, болезный!

Император должен уметь командовать страной. Иначе см. Петер Воронов и его личный песец. Пока ничего интересного (даже не кого – чего) Яне попросту не попало. Увы.

Бог бы с ней, с внешностью, но ведь и все остальное никуда не годилось! Яне плевать было на родословную – она себе не пуделя выбирает. Ее не интересовали заслуги предков – она не агроном, чтобы все лучшее в земле искать. А личные заслуги...

Да не против она! Но не попадалось ей подходящего человека. Ей бы Наполеона Бонапарта, но – увы. Где-то он шляется, так и не снимая сапог.

А люди шли...

Матушка-императрица, заступись.

Матушка-императрица, непусти...

Матушка-императрица, все ведь будет хорошо, правда?!

А что им могла сказать Яна? Только стискивать зубы покрепче. Ребята, я не ваша выигрышная карта, я помру через несколько месяцев (Хелла, я, кажется, тебе даже благодарна за это?), я просто ищу, на чьи плечи скинуть вас всех, а так мне ваша Русина...

И все же...

Нет!

Не безразлична!

Русина – это не просто пятно на географической карте.

Это умирающий у нее на руках Петер. Это Ида, которую она тащила на себе, стиснув зубы, лечила, учила. Это Прасковья, крестьянка, которая так боялась за своих детей. Это зеленые глаза жома Тигра, это ручки Мишки и Машки, которые цепляются за ее шею, отчаянные глаза их матери... Это кровь убитых бандитов на снегу и бледное, решительное лицо Топыча, это плач и смех ее сына.

Это... родина?

Нет.

Тот, кто родился в России, может быть только русским. Хоть ты паспортами со всех сторон обляпайся и десять стран поменяй. Все равно, это в крови и костях. Русь, словно... словно эритроциты. Можно избавиться от них только после смерти.

Русина не станет никогда Россией. У нее будет своя дорога, свои ошибки, взлеты и падения, но она могла бы стать родным домом для Яны. Могла бы.

Те же леса, поля, березки.

Главное – люди, с которыми ее связали ниточки дорог и капли крови. Ее родные и близкие.

Но Яна умирает. Выбора у нее нет. А люди, которые глядят на нее с надеждой, – есть. И словно прижигают ее этими взглядами. Словно клеймо ставят.

Больно. Внутри больно. Там, где живет душа.

Появление Валежного с опрокинутым, иначе и не скажешь, лицом, Яна восприняла почти с облегчением.

Если что-то случилось и она где-то нужна... есть шанс избавиться от всех гостей! А было их немало.

Купцы, фабриканты, торы и жомы, благородные и простонародье – все шли к Яне.

Увидеть, поговорить... ладно, хоть пару слов от императрицы услышать, свое прошение отдать... И надо слушать, принимать, быть любезной... они ведь не просто так, они убедиться хотят, что царь – настоящий. Не прогонишь, даже не рявкнешь от всей души.

Как же хорошо было на кордоне с браконьерами. Их можно было убивать!

* * *

– Тор генерал?

– Ваше императорское величество, у меня для вас плохие новости.

– Ближе к делу, – оборвала Яна.

– Генерал Алексеев в плену.

Яна потеряла лоб, вспоминая.

– Вы говорили, что его полк разгромлен. А Алексеев или погиб, или пропал без вести. Что-то изменилось с той поры?

– Пришла весточка, – отбросил хорошие манеры Валежный. – Вот!

На стол полетело письмо. Яна взяла его двумя пальчиками, как дохлую крысу, осторожно развернула.

– Та-ак...

В достаточно вежливых выражениях Никон Счастливый сообщал, что у него есть товар, который обязательно заинтересует ее величество. А именно генерал Алексеев, ее супруг.

И не соблаговолит ли она выкупить означенного супруга? Цена, правда, не называлась, но и так понятно, что дешево не отдадут.

К письму был приложен медальон, в котором Яна узнала...

Ладно, узнала бы Анна, Яна просто воспользовалась картинкой из ее памяти. Как Анна надевает медальон на шею Илье, и прядку своих волос туда вложила, понятно...

Дуреха романтическая.

Но Хелла с ним, с медальоном, Яна не в претензии. Сама ненамного умнее была, когда на Цветаева повелась. А вот что делать с Ильей?

Хотя... что за идиотский вопрос?

Яна посоветовала бы адресовать письмо его жене, и пусть выкупает сколько влезет. Но есть подозрения, что номер не пройдет. Тогда что делать?

Хотя все просто.

– Антон Андреевич, получи вы эту писульку, вы бы что с ней сделали?

Генерал, который давно перестал стесняться, объяснил, как он употребил бы сие писево в нужнике. А до того бы и посланца в нем утопил. И напомнил, что сделали с его гонцом в Хормельской волости.

Яна прищурилась.

– Кто вам мешает поступить по своему усмотрению?

– Ваше...

– Тор генерал, – раздраженным тоном протянула Яна. – Я считаю, что подобные письма оскорбительны для императорской чести. Какой-то бандит будет что-то утверждать, да еще торговаться с короной? Корона не ведет переговоров с террористами. Запомните это, запишите и внесите в законы. Любой террорист должен быть убит. Можно

быстро, но лучше медленно и мучительно. А потом те, кто оплатил его услуги. Точка.

Яна злилась не просто так.

Ладно, она не работает в силовой структуре и, наверное, чего-то не понимает, но...

Может, так бы и стоило?

Уничтожать террористов. Их семьи, их родных, их друзей, их дома... и солью посыпать. Ужасно звучит?

Да.

Люди погибнут?

Безусловно.

А сколько их погибнет, если террористы поймут, что враг (они ведь воюют с врагом) поддается?

В некоторых отношениях Яне очень нравился Израиль. Как там Нетаньяху сказал? Кто на наших граждан руку поднимет, ее лишится?

Очень правильная постановка вопроса. Валежному она собиралась объяснить то же самое, но при случае. Вот он и выдался. Времени на разъяснения тоже много не понадобилось. Генералу эта позиция была близка, как человеку военному.

– Ваше... тора Яна, вы понимаете, что Алексеева они убьют?

– Понимаю.

– И спокойно к этому отнесетесь?

– Тор генерал, – Яна смотрела ему прямо в глаза, – Илья Иванович Алексеев – не девушка на выданье. Он военный, он воевал. Он был готов к смерти. Да, это чудовищно, но я не позволю себе поддаться слабости. Где этот посланец?

– Там посольство. Десять человек.

– И их так просто пустили в город?

Яна едва не застонала. Проходной двор, жеванные мухоморы! Явные враги приезжают, вот просто так проходят... Адмирала Колиньи тут тоже не вспоминают? Даже по пятницам?! Когда на него покушались и отстрелили бедолаге два пальца?^[13]

Яна не винила средневекового снайпера. Были подозрения, что оружие было некачественным, вот и получился недострел. Она бы не промахнулась.

И в нее вряд ли промахнутся. Ох, генерал, мало вас террористы учили. Надо бы добавить, но это потом, потом...

А пока...

– Проверили оружие и опечатали. Тора Яна, вы хотите...

Яна присела за стол. Опечатали они оружие! Детский сад, штаны на лямках! Распечатать никто не сможет? Купить или украсть новое уже в городе – не?! А ведь и запросто!

Ладно! Сначала дипломатия, потом головомойка.

Письмо должно быть коротким и доходчивым. Двух строчек хватит.

Корона не ведет переговоров с террористами.

Я, милостью Творца императрица Русины Анна Первая, объявляю Никона Счастливого вне закона.

Приговор – смерть. Награда за голову – пятьсот золотых.

Подпись. Печать.

Так дойдет?

Должно дойти...

Яна протянула лист Валежному.

– Тор генерал?

Тор генерал похлопал глазами. Прочитал, еще похлопал. Потом дошло, и глаза вспыхнули мстительным огнем. Видимо, достал его Счастливый. До печени и селезенки.

– Ваше...

– Переписать? Есть замечания?

– Нет, тора Яна. Это идеально.

– Вы отдадите – или мне передать?

– Тора Яна, с вашего позволения... если вы все сделаете, это произведет впечатление.

Яна кивнула. Понятно, надо подтвердить, что она не кукла, что у нее есть своя воля и свой выбор. Что не Валежный ею управляет, а она сама способна зубки показывать.

И полезла в шкаф.

– Где там оно? О! Берем!

Яна принципиально не собиралась носить платья. Так что переодевалась она в военный мундир. И никакой юбки. Брюки в обтяжку, которые больше всего напоминали лосины, и любимые ботинки – берцы. Летний вариант, но высокий и с хорошими такими

носками-каблуками-платформами. Чтобы враг прочувствовал всю мощь императорского гнева. Яна настояла, чтобы в носок положили свинец. Пусть тяжелее, мышцы потренируем. Но какой пинок получится!

Быстро, четко... Валежный отвернулся. Все же тора Яна иногда перегибала палку. Понятно, она его не соблазняла, но неловкость все равно оставалась.

– Я готова. Все в порядке?

– Головной убор, тора Яна.

Яна послушно надела фуражку с аккуратным маленьким гербом Русины, поправила ее перед зеркалом и улыбнулась себе.

– Отлично. Идем?

Белые и алые тона были ей к лицу. Правда, погон Яне не полагалось, но что поделать? Она ведь не военный. Даже не мужчина. Она дама и полком командовать не может. Галун, гербовые пуговицы, манжеты и воротник – да. Бранденбуры – тоже. Но не погоны^[14].

Ордена, кстати, Яне тоже не полагались. Ни единого. Не за что. Да и самой себя награждать, что ли? Вот еще похабщина какая! Поздний Брежнев. Фу!

– Да, тора Яна.

* * *

Гришка нервничал.

А то ж нет? Будешь тут и переживать и ерзать так, что лошадь шарахается! Вы сами подумайте – к упырям в зубы-то ехать! Но атаман приказал, подчиняться надо.

Так что ехал Гришка, молился и образок не снимал.

А помимо того обзавелся еще святой водой во фляге, осиновым колом и парой головок чеснока.

Да, и зубчик жевал...

Вы ж знаете, упыри енто дело не любят! И чесночников жрать не станут!

Правда... для начала от Гришки стали держаться подальше все спутники, но это они от глупости! Точно! Вот сами бы упырицу повидали, когда она шаг от костра делает, а на губах у нее кровь... и на

пальцах кровь... и вся она в крови (кровь увеличивалась пропорционально числу рассказов). То-то бы струсили, дураки!

То-то замолчали бы!

Вольно им надсмеиваться! Зато Гришка один раз уцелел, а ежели Творец милостив, то и второй раз спасется.

Так и ехали они до Ирольска. А тама...

В город-то их пропустили. Но оружие приказали убрать, перевязали его так, чтобы не достать было, а когда ребята начали возмущаться, выразительно показали на пулемет. Пока – молчащий.

На том споры и закончились. И проследовали «счастливики», общим числом десять человек, во главе податаман Роман Паницкий аккуратно до центральной площади. Там штаб Валежного и располагался.

В штаб их, понятно, не пустили. Письмо забрали, ждать приказали... ну, «счастливики» и думать не стали.

Уселись в теньке, припасы достали. Кушать хотелось... Авось успеют пообедать, пока то да се...

Гришка, будучи в нервическом расстройстве, зажевал вторую за утро головку чеснока, после чего рядом с ним даже мухи пролетать боялись. Оставалось ждать.

Пообедать они действительно успели.

Потом дверь штаба (агромальная домина в четыре этажа, поди протопи ее зимой!) распахнулась, и наружу вышла... вышли...

Гришка прищурился.

Солнце било в глаза, но идущих к ним людей было видно.

Во главе шел или мальчишка, или кто-то еще... но явно молодой. Следом поспешал Валежный, этого ни с кем не спутаешь. Остальных военных Гришка просто не знал, но, судя по эполетам, шнурам, орденам... можно в струнку тянуться.

Или не стоит?

Выбора им не оставили.

Яна подошла почти вплотную, давая себя разглядеть. Фигуру, затянутую в мундир, молодое лицо под фуражкой... а потом прищурилась.

– Встать.

Слово хлестнуло плетью. Но... это же «счастливики». Гвардейцы бы вытянулись во фрунт. Эти – поднимались, почесываясь. Яна не

разозлилась, нет. Она и планировала подобную воспитательную акцию. Для того и сопровождение было.

– В кнуты их!

Конвой команду понял правильно.

Кнут...

Сколько идиллических картин нарисовано. Вот идет пастушок, босоногий, в подпоясанной рубаше, с кнутом, который небрежно повешен на плечо, и коровки рядом, и картина-то мирная... и забыли все, что кнут – грозное боевое оружие. Ох какое грозное.

Им можно выхлестнуть глаз, им можно снять пчелу с уха у коровы, им можно... да и убить человека им можно. Конечно, не всяким. Но захлестнуть шею, к примеру, и придушить?

Запросто.

Этого со «счастливыми» не сделали. Но жалящие удары с трех сторон быстро заставили их подтянуться. Подобрать ноги и пуза...

– Сброд и отребье, – резюмировала Яна.

Над площадью царила тишина. Один особенно умный попытался что-то вякнуть, но тут же получил кончиком кнута по губам и понял намек.

– Хозяин шваль, и люди такие же.

К Счастливому Яна была несправедлива, но это тоже война. Только информационная...

Ты посмел отрубить голову моему человеку?

А я сейчас втопчу тебя в грязь.

– Посмотрите на это... позорище! Мундира нет, одежда с бору по сосенке, стоят, как бык поссал. – Яна без зазрения совести пользовалась армейскими оборотами Советского Союза. Быки – они при любой власти будут. – Да и чего ждать от вчерашних разбойников? Кто старший?

– Ну... – признаваться податаману не хотелось, но взгляды соратников выдали его с головой. Яна презрительно оглядела податамана, который тут же разозлился. А что? Обычно ему другие взгляды доставались! И было с чего!

Роману всего-то двадцать восемь лет, в плечах широк, на лицо хорош, черный чуб завивается, густо маслом намазанный... от баб – отбоя нет. А эта смотрит с таким отвращением...

– Представляйся как положено! – рывкнула Яна. – Имя, звание! Тьфу, банда!

– Податаман Роман Паницкий, – обиделся Роман.

Яне послышалось «пан-атаман», и она с трудом придала неуместный смех. Не ко времени.

– Значит, «счастливики»... – нежно протянула она. – Податаман, а вы знаете, как прислал ответ ваш атаман?

Роман знал.

Побледнел, сглотнул...

Яна хмыкнула:

– Может, и мне так же поступить? Тор генерал, у нас в хозяйстве большой чемодан найдется? Кожаный?

– Найдется, ваше императорское величество! – браво гаркнул Валежный, наслаждаясь спектаклем.

– Вот. Чтобы десять голов вместил. И чтобы в дороге не воняло сильно... килограммов двадцать соли.

– Так точно, ваше императорское величество!

Яна улыбнулась.

И улыбка ее была копией той, что на дороге.

Вот тут-то Гришка и не выдержал! И кто б на его месте выдержал!

– Упырица!!! Сгинь, рассыпся!!!

И в Яну полетел образок, коих у Гришки были полны карманы. Поймала его Яна на рефлексх. Поймала, осмотрела, пожала плечами.

– Они не только бандиты, но и идиоты?

Гришка бился в захвате сразу трех кнутов. Два захлестнули руки, один – шею. Говорить он не мог, но булькал очень выразительно.

Валежный, который был немножечко в курсе ее приключений по дороге, хмыкнул.

– Ваше императорское величество, мне кажется, молодой человек решил, что вы – нежить.

– Я?! – обиделась Яна. – Да я регулярно на службе в храме бываю!

Вышло это так по-женски, что народ не выдержал. Послышались смешки, которые никто не стал пресекать. Яна огляделась по сторонам.

Центр города – это частенько и храм. Ага...

– Тор генерал, распорядитесь привести кого... молитву прочитайте. И святой воды?

Валежный кивнул адъютанту. Долго ждать и не пришлось. На площади показался епископ Сарский Даниил.

* * *

Яна свредничала.

Она прекрасно знала, что помрет.

Она прекрасно знала, что епископу придется ее отпевать. Ну и...

А пусть отправляется с войском и отпевает ее по всем правилам. Есть подозрения, что ей это будет безразлично. Но вдруг – нет?

И вообще... да, детство! Да, подколки на уровне третьего класса начальной школы! Но хочется ведь! А чего он вот! Если б не сказал Валежному...

Хелла?

Если бы она не являлась? Так она богиня, с нее не спросишь! А вот с епископа вполне. Будет ему впредь наука. Авось подумает, прежде чем рот открывать! А то получил божественное откровение и пошел языком трепать? Так дело не пойдет!

Епископ поехал вместе с войском. И Яна, честно говоря, его зауважала. На тяготы и невзгоды мужчина не жаловался, службы вел исправно, когда удавалось, исповеди принимал, благословения раздавал и отличался редким качеством: искренне верил в Творца. Даже странно, что епископом стал. Обычно таких умных загоняют куда поглубже, чтобы не мешали паству стричь. То есть окормлять по всем правилам. Поговорить с ним было одно удовольствие, даже для Яны, которая в принципе была равнодушна к попам всех мастей. Не водилось их в лесу, вот и интересно не было.

– Благословите, отче.

Здесь и сейчас требовалась хорошая игра.

Епископ сначала удивился (приподнял бровь и даже застыл на полсекунды), но потом быстро сориентировался и благословил Яну по всем правилам.

На площади повисла мертвая тишина.

Яна не помирала, не развеивалась, не осыпалась пеплом... никакого результата!

Потом принесли святую воду. Яна с удовольствием сняла фуражку и умылась. Опять без видимого вреда для своей персоны.

Поцеловала крест.

– Осиной пробовать будем? Или так, на слово поверите, что я не умертвие?

– Чадо, да кто ж такую чушь придумал? – удивился епископ.

– А это Никон Счастливый слухи распускает. Очень ему обидно, что я его бандитов по дороге постреляла, – громко ответила Яна. – Вот и нашел, чем ответить. Хоть грязи – да ливануть.

– Яко с губ твоих срываются змеиные слова, так и чрево твое исторгать будет змей... – пробормотал Даниил^[15].

– Отче, прошу вас отслужить молебен во спасение души означенного Никона, – попросила Яна. – А мы поприсутствуем.

Она бы и заупокойную заказала, да не ко времени. На людях нехорошо получится.

– Как пожелаешь, чадо.

Яна кивнула.

Вся компания дружно направилась в храм.

* * *

Гришка едва на ногах стоял от ужаса.

Когда он понял, что это та... упырица! Да он едва портки не обмочил! А она анператрица!

И взаправду!

Горе тебе, Русина! Воистину, горе!!!

Гришка и собой рисковал... а она ни креста не забоялась, ни образка... за святую воду взялась!

Но ведь он сам видел!

Ее?!

Или – не ее? Может, просто показалось?

Но в храм-то упыри заходить не могут! А эта – могла!

И в храм зашла, и святую воду приняла, и службу честь по чести отстояла... он ошибся? Или чего-то не понял?!

Гришка ломал над этим голову, пока их не вытащили из храма на улицу. И деловито принялись заголять.

– Вы что делаете, ироды?! – заблажил парень.

– Императрица приказала. По пять горячих – и гнать вас из города, как собак шелудивых, – разъяснил один из казаков.

«Счастливичики» заорали, но приказ есть приказ. Пять ударов нагайкой по заднице, не особо усердствуя, и их проводили к воротам. Яна даже и не подумала появиться.

Лично она была собой довольна. Теперь никто Счастливому не поверит, хоть он на площади ори про ее супруга!

Как удачно подвернулся этот малахольный! Хотела бы – лучше б не придумала!

* * *

Любезностью за любезность?

Примерно так и подумала Яна, найдя в своей постели диверсанта. Довольного, счастливого и в обнимку с подушкой. Дрых он так крепко, что даже не проснулся от скрипа двери.

Повезло.

Если б он дернулся, Яна бы его пристрелила. Но и так... револьвер она убрала, мечтательно покосилась на таз для умывания и медный кувшин с водой, потом решила, что у диверсантов тоже нервы не стальные, и попросту позвала, громко и отчетливо:

– Тор Дмитрий!

Митя открыл глаза, вспомнил, где он находится, и вернулся в сознание. Потянулся, улыбнулся.

– Тора Яна, мое почтение.

– И вам мое. Не стыдно в сапогах-то на кровать?

Митя очаровательно улыбнулся:

– Ну, я же свесил ноги!

– А покрывало все равно стирать. Уважать надо труд прачек, – попеняла Яна.

Митя состроил лицо очаровательного пушистика.

– Простите, что так получилось, я больше не буду. Зато я с подарком.

– С каким?

– Прикажите разгрузить карету. Там некто тор Вэлрайо.

– ЧТО?!

У Яны едва револьвер из руки не выпал. С детства с ней такого не случалось! Митя довольно заулыбался.

– Ага, он самый! Я вам решил его доставить, вдруг он чего рассказать захочет!

– Дмитрий! – торжественно произнесла Яна. – Я говорила, что вас люблю?

– Нет. И не надо, целее буду.

– А если по-братски? – уточнила императрица.

– Все равно есть подозрения, что жом Тигр мне что-нибудь оторвет. Не разбираясь, – отказался и от братской любви диверсант.

– Вы его видели? – Яна тут же забыла про лионессца.

А чего ему сделается? Если Митя здесь, значит, негодяй надежно пристроен. Жом Тигр намного интереснее всякой там импортной тварюшки.

– Конечно! Только благодаря ему, считай, и подарок доставил.

– Вэлрайо? Но как?

– Как-как... выкрал. И поил всю дорогу до состояния нестояния. – Митя невинно улыбнулся. – Он вякнет, а я ему в глотку водку. Он еще вякнет, ну я и опять заливаю... пьяные по нашим временам не редкость. Лишь бы белая горячка не началась.

– Вылечим и допросим, – махнула рукой Яна. – Митя, вы незаменимый человек.

– Кстати, у меня для вас письмо от жома Тигра.

Яна молча протянула руку.

И не будь Митя таким внимательным, не заметил бы, как едва уловимо подрагивают тонкие пальцы.

Письмо он отдал спокойно. Ничего романтического там не было. Все по делу. И не удержался:

– Тора Яна, я как-то не уточнил. Как вы с Тигром познакомились? Если это не секрет?

– Не секрет, – отмахнулась Яна, пробегая глазами по строчкам. – Чтобы добраться до Звенигорода, я воспользовалась проходящим поездом. Жом Тигр по доброте душевной довез меня до города.

Митя поднял брови. Яна ухмыльнулась максимально пошло и добила:

– Проезд я оплатила натурой. Спасла ему жизнь, тор, а не только то, о чем вы подумали.

Митя шокирован не был. Подумаешь – пересеклись дорожки. Его вот Валежный тоже спас. Хотя и не слишком романтично получилось.

– Жизнь вы ему, тора Яна, не зря спасли. Вот – оно добром и отзывается.

– Делай людям добро – бросай их в воду, выплывут – вернутся, – опошילה детскую сказку Яна. И вздохнула.

– Жом Тигр обеспокоен тем, что в Русине начнется голод и смута. Должность в правительстве помогла бы ему наиболее эффективно справиться с этой проблемой. А он поможет ее величеству.

Митя решил сразу сообщить то, о чем Тигр размышлял уже не первый месяц. Голод...

Яна фыркнула.

Но проблему-то жом назвал именно ту, о которой и она думала.

Мало, что некому пахать-сеять!

Зерно подчистую выгребли! Не одни, так другие. Валежный этим озабочен, но и Тигр тоже! А о чем это говорит?

– Может, мне за него замуж выйти? И пусть решает эти проблемы на правах императора? – мрачно пошутила она.

Митя хмыкнул:

– Так что страшного? Совет соберем, а любовь у вас уже есть.

– Митя?

– Жом Тигр просил передать, что он тоже вас любит.

Яна только головой покачала.

Да, почтовый голубь – убийца, это, определенно, новое слово в романтической истории.

– Митя, я сейчас позову Валежного. Отдайте ему пленника и отдохните. Завтра я поговорю с вами более подробно. Хорошо?

– Как прикажете, тора Яна.

Митя встал с кровати, поклонился и вышел.

Яна упала на кровать и прижала к себе подушку. И сапоги тоже не сняла, но, во-первых, одеяло уже грязное. Во-вторых, до таких ли ей мелочей?

Тигр. Ее. Любит.

Любит... и пусть сказал об этом через другого человека! Так нет еще сотовых телефонов! И долго не будет! А без них на расстоянии

поговорить сложно!

Любит по-настоящему!

Любит!!!

М-да...

А может, и правда того? Выйти замуж за Тигра?

Он точно всю эту помойку разгрести сможет. Рано или поздно, так или иначе... м-да! Точно – спать! А то так и до Пламенного додумаешься!

* * *

Как говорят мудрые люди, с похмелья жить тяжело. И страшно тоже. А Митя поил тора Вэлрайо долго и упорно. Как его еще-то было везти? Только водка, водка и еще раз водка! Самое надежное средство от множества проблем. В результате тор, что называется, лыка не вязал. Вообще не соображал, где он находится и кто он такой. До белой горячки Митя его не довел, понимал опасность ситуации. Пользовался где водкой, где снотворным. Последние пару дней так исключительно снотворным.

А тут...

Приходишь ты в себя.

И не в приличном месте, не в хорошей компании, даже не в своей постели... ладно! Даже не на коврике перед порогом!

Ты приходишь в себя в камере. Там же корчишься, блюешь и всячески чистишь организм, благо воду тебе дают в неограниченном количестве. И больше ничего.

Ни пищи, ни света, ни информации... сиди – и думай о своем плохом поведении. Хотя доктор его осмотрел, пока тор был без сознания, и сказал, что загнуться тот не должен. Посоветовал порошки и отбыл.

А с утра Валежный и порадовался. И пообщаться с тором решил.

В результате обычную камеру поменяли на пыточную. И тору это очень не понравилось. А уж когда он увидел присутствующих...

– ВЫ?!

– Рада вас видеть, тор Вэлрайо. – Вот здесь и сейчас роль злого следователя отдали Яне. Она очень просила. – Как вы себя чувствуете?

Не болит ли у вас головка?

Тор злобно посмотрел на Яну.

– Я буду...

– Жаловаться? Сколько угодно, – ухмыльнулась Яна. – Дать вам заранее перо и бумагу?

– Зачем?

– Ну как – зачем? Напишите жалобу, письмо ее величеству Элоизе, опять же, завещание.

– Завещание?

Яна встала, потянулась и медленно подошла к Вэлрайо.

– Ты, мразь, думаешь, я с тобой шутки шутить буду? Размечтался! Ты и твоя коронованная сука подписали приговор моей семье. Поэтому о твоей жизни речь не идет. В принципе. О чем ты можешь торговаться, так это о легкой смерти. Чтобы глаза на ниточках не висели, чтобы ушей и яиц четное число было, чтобы никто с тебя шкуру полосочками не драл, во все отверстия не имел, в зад фитиль не засовывал и не поджигал... тут у нас много чего интересного имеется. И люди есть. Умелые, надежные. Сунем тебе кляп в рот, да и пусть развлекаются. Месяц тебе точно сдохнуть не дадут, обещаю. А повезет – и полгода проживешь!

Карие глаза горели диким яростным огнем. Лицо было таким... страшно стало даже Мите, который понимал, что ломать лионессца надо жестко и об колено. Чтобы потом не выправился. Чтобы лгать не начал. Но здесь и сейчас Яна не была собой.

Здесь и сейчас... не за себя она требовала ответа! Не для себя.

За Анну!

За несчастных девчонок, которых расстреливали в Зараево! За всех, кто проливает свою кровь... содрать шкуру с этой мрази?

Да она лично ее полосами драть будет! Медленно...

Со вкусом!

И...

Митя так и не понял, в какой момент что произошло. Но вдруг стены пыточной начали быстро-быстро покрываться белым инеем. Словно его центром была... Анна?!

И повеяло такой жутью...

Шпион, диверсант и убийца затравленно оглянулся. Вот подышал в канаве – и то так страшно не было.

Поежился Валежный, сделал шаг к двери Изюмский.

Палача и секретаря пока не допустили, их это не коснулось.

А вот Вэлрайо...

Он глотнул полной дозой. И... под тором расплывалась зловонная лужа.

– НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!!!

Визжал он, как поросенок.

Яна улыбнулась ему прямо в лицо – и отстранилась. Поняла, что доводки не требуется.

– Ты у меня о смерти молить будешь, как о милости. Понял?

И вышла.

Глухо стукнула дверь. Медленно таял на стенах иней, подтверждая, что никому ничего не привиделось.

Первым, как и следовало ожидать, взял себя в руки Валежный.

– Тор Вэлрайо...

Молчание и стук зубов.

Пришлось подойти, аккуратно взять клиента за шкурку и перетащить подальше от лужи. Чтобы сапоги не испачкать. И потряхнуť как следует.

А потом и пару оплеух отвесить.

Старинное народное средство подействовало. В глазах тора появилась искра разума. Небольшая, но отчетливая.

– Н-нет...

– Не приглашать больше ее величество? – мягонько так уточнил Валежный.

– НЕ НАДО!!! НЕ ОТДАВАЙТЕ МЕНЯ ЕЙ!!!

Валежный улыбнулся.

Почти так же очаровательно, как и Яна.

– Тогда, я полагаю, ты понимаешь, что от тебя требуется.

– Д-да, к-конечн-но...

– Испражняться будешь до донышка, сволочь. И попробуй только соври. Императрица нервничает, понял?..

Понял.

А казалось, что уже опорожнился.

Валежный сделал шаг в сторону. М-да... запасы дерьма в лионессах безграничны. Воистину.

– Я все скажу!

– Вот и чудесно. Я сейчас распоряжусь – и будешь писать. Обо всем напишешь, шкура.

Тор Вэлрайо не возражал.

Напишет, подпишет... да хоть бы что. Только вот ЭТОГО больше не надо! Пожалуйста!!!

Того, что посмотрело на него из глубины карих глаз императрицы. Не надо, пожалуйста...

Мужчины переглянулись – и вышли. Об инее на стенах они дружно промолчали. А что тор Вэлрайо поседел за эти минуты... ну так не сдох же? Нет, не сдох, даже инфаркта паршивого и то не случилось.

Вот и замечательно.

* * *

– Ишь ты! Как наша анператрица умеет! – рассказывал вечером в трактире палач. – Споймали, значит, лионесского шпиена, ну и ко мне его. Я уж думал, крутить придется, али там огоньком, а она зашла... вот не соврать – на пару минут! Потом выходит из пыточной, как глянула, меня аж морозом по коже продрало. И ушла. А через пару минут меня зовут. Захожу, а там шпиен энтот, только седой как лунь, трясется весь и обделался! Чего уж ему анператрица пообещала, не знаю, но боится он ее хуже огня. И пишет, и пишет... даже спать боится!

– Пару минут, говоришь?

– Ага!

Присутствующие задумались. Но каких-то гениальных идей не родили – с чего бы? Чем так можно напугать изворотливую хитрую гадину за пару минут? Да еще без использования подручных средств?

Идей было много.

Но верных среди них не оказалось ни одной. Да и ни к чему...

Безвременье

Хелла поглядела в ледяное зеркало. Довольно улыбнулась.

Ее сила росла.

С каждой каплей пролитой крови, с каждой покинувшей мир Русиной душой, с каждой минутой...

Она правильно поступила. Теперь, когда ее девочку признали официально, война ведется под ее знаменем. И все души – ее законная добыча. Это радует.

А сегодня она смогла сделать то, чего уже давно была лишена. Посмотреть на мир глазами своей смертной жрицы. Посмотреть...

Ненадолго, но почувствовать жизнь.

А для чего еще богам аватары? Безвременье... оно такое холодное. Такое пустое...

Хелла рискнула на последних крохах силы – и не прогадала. И теперь с удовольствием облизывалась на душонку тора Вэлрайо. Тоже пакость отъявленная, приятно будет такую скушать.

Сегодня она поставила на него свою печать. А после смерти...

Богиня улыбнулась в предвкушении удовольствия. Жаль, что у ее девочек осталось так мало времени. Но есть вещи, над которыми не властна и она.

Очень, очень жаль...

Глава 7

Настолько светились плоды во плоти

Русина, Звенигород

Письмо от Никона жом Пламенный прочитал внимательно. И порадовался за себя.

А что?

Кто умничка?

Он умничка! Мог бы расстрелять жома... то есть бывшего тора Мишеля Воронова, а он его помиловал! И сидит тор Мишель под замком, и поет грустные песни, может, даже стихи сочиняет...

Кто его знает?

Надо бы с ним срочно побеседовать. Был ли у Анны муж, и если да – то КАК?! Чтобы скрыть такое, надо не великой княжной быть, а матерым шпионом! Так что жом Пламенный позвал с собой охрану из особо доверенных (между нами – попросту глухих) и приказал себя сопровождать.

Жом Мишель радостным не выглядел. Наоборот – опустившимся.

Осунувшийся, небритый, нечесаный, хотя держали его не так чтоб в жутких условиях. В камере и кровать была, и помойное ведро, и даже таз для умывания с кувшином. Следили, конечно, ну так ты умывайся спокойно, а не грои камеру!

При виде Пламенного заключенный никакой радости не изъясил. Даже, наоборот, разозлился непонятно на что.

– Подонок!

– Я? – искренне удивился Пламенный. – Жом Мишель, вы что-то путаете. Я вам ничего не обещал, да и родного отца не убивал ради престола.

Мишель сверкнул глазами.

– Ты... ты...

– Безусловно, я, – изменил тон Пламенный. – У вас есть выбор, тор. Или вы сейчас рассказываете мне всю правду, или – вы мне все

равно рассказываете всю правду. Но зубов, ногтей и части шкуры у вас не будет.

Мишель сверкнул глазами еще раз – и сдался. Мгновенно. Слякоть человечиска.

– О чем?

– О любовниках вашей кузины Анны, – не стал сразу баловать заключенного истиной Пламенный.

Мишель расхохотался.

Громко, издевательски, насмешливо.

– О ком?!

– О любовниках великой княжны Анны.

Мишель едва пальцем у виска не повертел. Не знал он просто этого жеста. В Русине обводили ладонью вокруг головы, указывая на сумасшествие... но это простонародье, быдло. А жомы так не делают.

Воспитание.

– Вы, любезнейший, – даже слегка снисходительно заговорил жом Мишель, – не представляете, кто такая Аделина Шеллес-Альденская. Своих дочерей она охраняла так, что девочки были обречены на вечную девственность.

Жом Пламенный качнул головой.

У него была другая информация. Но бить дурака он пока не приказывал.

– И все же, жом Мишель, у меня есть сведения, что как минимум одна из них имела любовника. Попробуйте припомнить.

– Анна? – задумался Мишель.

– Да.

Задумался тор честно. Вернулся мыслями в те золотые денечки, когда все были живы. И отец учил его выездке, и Петер улыбался и подшучивал, и... оказывается, это и было счастье?

Они просто этого не осознавали. Не понимали.

Как же глупы они были...

Анну он практически не помнил. Так... нечто бледное, болезненное...

– У Анны вечно болели легкие. Или почки... не помню, что у нее болело, но большую часть времени она проводила где-то на взморье. Доктора рекомендовали.

– То есть – не вместе со всеми? – уточнил Пламенный, понимая, что любовник, кажется, был. Но не этому самоуверенному болвану ловить таких, как Анна.

– Ну... да. И что?

– И в это время она не могла завести любовника?

– Она же болела. И лечилась, – даже слегка недоуменно пожал плечами Мишель.

Жом Пламенный едва не застонал. Ой дурак!

– Так... вы примерно помните, когда и сколько она болела?

Жом Мишель пожал плечами.

– Зачем?

Стонать жом Пламенный передумал. И следующие два часа методично вытягивал из Мишеля ценные сведения.

Кто, где, когда...

Да, и про Алексеева – тоже.

Выходило-то интересно. Что Анна могла и любовника завести. И даже ребенка от него прижить. Аделина, как и все авторитарные и самоуверенные люди, даже мысли не допускала, что кто-то может оказаться умнее. Такого просто не могло быть.

Вот Анна и воспользовалась.

По срокам все могло быть правдой. А доказательства? Да где ж их теперь возьмешь?

Пламенный оставил пленника предаваться воспоминаниям, а сам отправился отписывать Никону.

Он согласен на сотрудничество.

И на дружбу согласен. И на оплату...

Сколько этот выжига хочет за пленника?! С ума сойти!

Власть он отрицает, а вот деньги ему нужны! А как насчет поработать за идею?

Во имя великой и благородной цели?

Э-эх... вот так всегда! Слова красивые, а дела не дожدهшься!

Жом Пламенный запечатал письмо, приказал отправить его и вызвал к себе жома Огненного.

– Похоже, у нас проблемы.

Когда эти слова произносил Ураган, к ним стоило прислушаться. Жом Тигр отставил в сторону чернильницу и посмотрел на... да, на родственника. Почти.

Если состоятся формальности, родственниками они и будут.

– Какие?

– Пламенный вот уже шестой раз вызывает к себе Огненного.

Жом Тигр задумался:

– Зачем бы?

– Вот и мне интересно. Ты его сам знаешь...

Тигр знал.

Если Ураган был рыцарем Освобождения, то Огненный был фанатиком в самом худшем их проявлении. Упертым, уверенным в своей непогрешимости, неудержимым в достижении целей и не выбирающим средства.

Как-то от Яны жом Тигр услышал интересную фразу: «Пусть рухнет мир, но торжествует справедливость»^[16].

И фраза-то идиотская, и сказал ее идиот... и к жому Огненному она подходила, словно родная. Это было именно про него.

– Что они могут придумать – вместе?

– Не знаю. Но точно ничего хорошего.

Жом Тигр задумался:

– Попробуй за ним проследить?

– Уже.

– И?

– Ничего.

Или Пламенный и Огненный уже все сделали. Или...

– Слежку надо продолжать, – сказал Тигр.

– Поучи еще.

Мужчины переглянулись.

Отдаст ли Пламенный власть добровольно? Нет.

Понимает ли он, что ее теряет? Безусловно. О, Пламенный кто угодно, но не дурак. Сволочь, мерзавец, хищная склизкая гадина, но не дурак.

И что он может предпринять?

Тигру с Ураганом этого даже знать не хотелось. Вот не понравится им результат, стопроцентно не понравится. Но – надо узнать. По

умолчанию они не говорили ни о чем, кроме работы. Но два имени незримо витали в комнате.

Ида.

Яна.

Ради них?

Не стоит обманывать себя. Ради них. Ради власти. Ради Русины – слишком много побудительных мотивов, чтобы выделить один, главный. Что важнее в торте? Коржи? Крем? Пропитка?

Все и сразу. Исключи хоть один компонент – и получится у тебя несъедобная пакость вместо вкусного тортика. Вот и здесь то же самое. Исключи хоть один мотив – и все уже не то, не так, неправильно...

И отказываться от своего куска торта ни один из заговорщиков не собирался.

<i>Анна, Россия</i>

– Аня, мне надо с тобой посоветоваться.

Анна притянула Киру к себе поближе, взъерошила ей волосы.

– Что случилось, детка?

Она видела, что вот уже третий день Кира не в порядке. Что-то тяготит девочку, гложет, мучает... только вот что?

Ладно, сама расскажет.

Так и вышло.

– Аня, у меня серьезные проблемы.

Серьезной могла быть абсолютно любая проблема. Так что Анна ждала молча. Сначала послушаем, потом решим, что и как.

– Ты помнишь, я пошла на день рождения к подруге?

– Олеся? Да, помню...

– В общем, у ее матери пропала брошь. А меня подозревают.

Анна насторожилась. Такие вещи не прощаются, она это понимала.

Воровать у своих? Это не просто фу, это, считай, полное разрушение репутации.

– Подробности?

– Да какие подробности? Мы с Леськой поссорились из-за Витюши, ей он нравился, ну и когда его отправили, она тосковала. Грустила, на меня наехала, потом помирилась.

– Так.

– Она пригласила меня на день рождения. Мы пришли всем классом, погудели, а потом, вечером, она мне позвонила и сказала, чтобы я брошку вернула.

– Так...

Анна постучала ногтями по подлокотнику дивана, на котором они с Кирой и сидели.

– Аня, я ее не брала. Клянусь!

– Кира! – Анна закатила глаза. – Я ЗНАЮ, что ты ее не брала. И мы исходим сейчас из того, что брошка пропала, а тебя подставили. Что еще сказала твоя Олеся?

– Или я верну брошку, или выплачу ее стоимость деньгами.

– Сколько?

– Двадцать тысяч. Евро.

– Хм...

– Она сказала, что ее мать обнаружила пропажу, а я...

– А ты?

Кира покраснела:

– Аня, только поверь, пожалуйста.

Анна приобняла девушку, притянула к себе поближе, делясь теплом. Прижалась щекой к гладким черным волосам.

– Маленькая, я знаю, что ты не могла сделать ничего плохого. Поэтому смело рассказывай все, как было. Вместе мы семья. И с любой бедой справимся. Обещаю.

– Спасибо.

Показалось Анне – или Кира действительно слегка всхлипнула?

– Мы все бесились, валяли дурака, танцевали. А потом я сообразила, что... ну, началось, понимаешь?

Анна понимала.

Да, у женщин иногда начинается. То самое и не ко времени. А если организм молодой и здоровый, то женщина может до последней минуты и не подозревать, что вот они – красные дни календаря. Так сказать, обнаружить вместе со всем окружением.

– Ты подошла к Олеся?

– Да. И попросила... ты понимаешь?

– Средства гигиены, – помогла Аня, внутренне чуточку потешаясь над девочкой. Какая ж она все-таки забавная. Строит из себя взрослую, пытается ругаться, а о физиологии говорить стесняется. Ребенок.

– Олеська меня привела в спальню матери, а потом...

– Ты осталась там одна?

– Да. Ань, но я ничего не трогала. Я только в туалет зашла, а потом вышла. Но Олеськи уже не было! Я вниз спустилась – и все!

Анна задумалась:

– Так... Кира, а ты сказала Олесе, что у тебя таких денег нет?

– Да. Она сказала, что отработать придется.

– А чем – не сказала?

Кира вздохнула:

– Ань... у нас говорят, что Олеська немного того... с наркотой. Но это врут, наверное. Ее никто не ловил. Вот Динку Варенкину, ту выгнали за наркоту. А Олеську нет.

– Ага. Динка и рассказала про наркотики?

– Да.

– Понятно.

Анна задумалась.

Не то чтобы она была сыщиком. Или любила детективы. Или...

Что вы! Она просто жила при дворе. В гадюшнике, в котором каждый старается тебя подставить. Или не тебя, а соседа. Подставить, пролезть повыше, удобненько усесться на чужой голове, сделать лестницу из чужих спин, сделать пакость ближнему и дальнему, и остаться безнаказанным...

«Плут будет жить в любое время».

Так при дворе только плуты и процветают, можете не сомневаться. Других не держим!

– Кира, солнышко, я буду тебе сейчас задавать вопросы, а ты мне ответь, хорошо?

– Хорошо.

– Опиши мне Олесин дом.

– Ну... Большой, двухэтажный.

– Что на первом этаже?

– Прихожая. Кухня. Гостиная, зал, гостевая спальня. Отдельно комплекс для развлечений. Там у них на первом этаже баня и сауна,

комната отдыха. На втором – бильярдная и спортзал.

– Ага. Что еще на втором этаже?

– Спальни и кабинет.

– Как они расположены?

Кира задумалась:

– Сначала идет пустая спальня, потом Олесина, потом кабинет, потом родительская спальня, потом еще...

Анна кивнула:

– Как я и думала. Кира, детка, зачем Олесе вести тебя в спальню мамы? У нее нет своих прокладок? Или она не могла их просто тебе принести, чтобы ты не заходила на чужую территорию? Вряд ли мама одобрила бы визиты гостей в свою спальню.

Кира захлопала глазами:

– Ну да... Леська говорила, что мать была сначала против, но потом разрешила, так уж и быть.

Анна довольно кивнула и продолжила расспросы:

– Судя по размерам дома, прислуга у них есть?

– Да. Как у нас...

– Так что прокладки-то наверняка закупили. И возможно даже... ты сказала – гостевая спальня? При ней есть санузел?

– Да.

Кира засверкала глазами так, что прожекторам стало бы стыдно. Дошло до жирафика.

– Ты была единственной, кого водили наверх?

– Олеська сказала, что родители просили ограничиться первым этажом... ну я и дура!

– Пока еще нет. Вспоминай, ты что-то трогала?

– Э-э-э-э-э?

– Не ложку или вилку, а какую-то коробочку, пакет... ну хоть что-то?

– Н-нет...

– А в школе? Или где вы с Олесей встречались?

– По магазинам гуляли.

– Думай. Что-то ювелирное, коробочки, баночки, ну хоть что...

Кира запустила пальцы в волосы.

– Не помню... это же магазины!

Аня вспомнила торговый центр, в котором выбирала платье, и кивнула. Задумчиво. Всяких разных бутиков там было – жуть жуткая.

– Тогда исходим из худшего. Что твои отпечатки пальцев есть на коробочке от ювелирки. М-да, подставили тебя филигранно.

Кира тоже сообразила и буквально взвыла в голос:

– Это за Витю! Олеське он нравился... и ведь предупреждала меня завуч, а я, дура...

– Критически. Но – не поможет, – махнула рукой Анна.

– А что делать?

– Думать, Кира. Исключительно – думать.

– Я папе расскажу!

– Безусловно, – кивнула Анна. – Ты правильно сделала, что все рассказала. Это не разрешить без помощи взрослых. Но действовать надо аккуратно.

– То есть?

– Чтобы не было ущерба репутации. Честь надо беречь смолоду.

– Олеська – дрянь!

– Это понятно. Но вопрос нам придется решать своими силами и очень осторожно. Чтобы о тебе не пошло гадких сплетен. Сама понимаешь, то ли он украл, то ли у него украли, а история была нехорошая.

– Не хочу!

Кира смотрела с такой надеждой, что Аня не выдержала. Притянула, поцеловала.

– Кирюша, солнышко, это бывает. Не переживай. Мы вместе, мы справимся.

Кира улыбнулась.

Вот теперь она и не переживала. Она точно знала, что все будет хорошо.

* * *

Боре Анна решила рассказать сама. Сначала без Киры.

И не прогадала.

Сначала Борис Викторович швырялся молниями, не хуже Зевса-Громовержца.

Потом чуточку поостыл и стал напоминать кипящий чайник.

Потом перешел к конструктивному диалогу.

– Кто такая Рябченко, я знаю. Стерва.

– Слушаю внимательно?

– Да чего тут слушать? Базарная баба. Начинала колбасой торговать на рынке, сейчас торгует ею в павильончиках и магазинах. Хотя колбаса у нее дрянь. И сама она хабалка и выжига.

Анна кивнула.

Принцип она поняла. Купец купцу рознь, честно говоря. Есть те, кого и торам у себя принять не зазорно. А есть... из грязи в князи! Это бывает. Гадкие существа, но часто встречающиеся. Мать Олеси относится ко второму типу. Что ж, случается.

– Договориться с ней реально?

– Нет. Ничему плохому про любимую доченьку она не поверит.

– А Киру обольют грязью с ног до головы, верно?

– Совершенно точно.

– Такие дамы... весьма активны. И сильно пахнут, – вежливо выразилась Анна.

– Вот именно. Очень сильно... скунсы завидуют.

– Боря, скажи мне, тот полицейский, который... с которым ты разобрался. Или кто-то другой... нам нужен профессионал, который будет не особо разборчив в средствах.

– Для чего? – подозрительно уточнил Борис.

Анна коварно улыбнулась. Обошла стол, уселась на колени к мужчине, и шепотом поведала ему о своем плане.

Борис задумался:

– Пожалуй, это реально. Если Кира справится.

– Кира? Справится!

– У нее такие хорошие артистические способности?

– Боря, Кира очень талантливая девочка. Я не отдала бы ее в актрисы, это неприлично, но ты бы видел, как она играла на косплее! Небольшую роль в домашнем театре она вполне осилит.

– Да и критики там будут далеко не Станиславские, – согласился Борис. – А почему – неприлично?

– Но это же актеры!

Анна тоже удивленно посмотрела на Бориса. В ее-то время актерство считалось ремеслом решительно неприличным, из актрис

подбирали себе любовниц и содержанок, нравы в этой среде царили более чем вольные... да что там! Актеров даже хоронили за церковной оградой^[17].

Впрочем, Борис не стал вдаваться в подробности. Любимая женщина на коленях волновала его намного больше, чем весь Голливуд оптом и в розницу.

А Олегу Лейкину он потом позвонит.

Обязательно.

И еще раз Боря порадовался за себя. Как же хорошо, что он решил нанять Анну в гувернантки к Кире! Какой он умный, что не прошел мимо девушки в агентстве!

А ведь мог бы упустить свое счастье.

Яна, Русина

Совет был не слишком большим, но весьма серьезным.

Валежный. Плюс еще четыре его генерала. Яна их знала по именам, но пока еще путала. И тихо завидовала Анне.

У той проблем никаких не было, она могла запомнить сорок человек зараз и не перепутать потом. Яна не могла. Увы.

Плюс Изюмский.

Ну и еще с десятков разных разностей. Купцы – две штуки. Торы – семь штук. Митя Ромашкин – одна штука, но весьма ехидная. Сидит, ухмыляется.

А чего ему?

Свое он получил, колечко от Гаврюши Яна ему отдала. Сидит, любит! Яна подумала и решила еще и второе добавить. Оно ценой поменее, но ценна ведь и история вещи?

А уж как Митя порадовался, глядя на полуседого и дрожащего тора Вэлрайо! Ни в сказке сказать, ни пером описать! Улыбка там была такая... надоед ему лионессец до зеленых ежеиков! Тащи, пой, следи...

И к Яне диверсант после увиденного относился весьма и весьма уважительно. Надо ж уметь – отъявленного гада до такого довести! Хотя сама императрица подозревала, что она тут ни при чем. Так... кусочек силы Хеллы прорезался. Вот и огреб негодяй.

И еще огребет!

Хелла – что! Пока еще помрешь, пока тебя достанут! А вот как тебе еще на земле придется, с ее величеством Элоизой, которой Яна отписала честь по чести...

Как медом по душе! Даже подумать приятно!

Впрочем, за мыслями Яна не забывала и следить за происходящим. Валежный прокашлялся и взошел на импровизированную трибуну. Сколотили на скорую руку.

– Торы и жомы. Сегодня ее императорское величество попросила меня собрать здесь всех, кто принимает непосредственное участие в нашей войне. Кто будет причастен равно к победе и к поражению. Нам надо обсудить очень серьезный вопрос.

Все уважительно слушали.

– Ваше императорское величество, вам слово...

Яна кивнула. Спокойно подошла к трибуне, поднялась по шатким ступенькам. Не хватало еще навернуться... ну не выносила она торжественности и пафоса ни в каком виде. На выпускном и то умудрилась так удачно споткнуться, что директора с ног до головы грязью обдало. Не повезло...

Внутри ее всю колотило, руки так и норовили сжаться в кулаки, свербело в центре ладоней, крутило живот, а лицо, казалось, навсегда стянуло в улыбающуюся маску.

– Торы, жомы, добрый день, – спокойно начала она. Хотя теперь еще и затошнило. Почти истерика. Только контролируемая. Пальцы до боли впились в доску. – Я вас собрала здесь и сейчас для решения важного вопроса. Вскоре нам выступать в поход на Звенигород. Разумеется, я пойду с армией. Не знаю, чем закончится эта война, но полагаю, что все понимают: я править – не смогу.

Если бы Яна начала стриптиз танцевать, и тогда она бы такого эффекта не добилась. Глаза у всех были квадратные. Даже анимешные. Это когда словно доской по затылку...

Наслаждался представлением только Ромашкин. Зараза!

Яна невольно улыбнулась, вспомнив такое определение героев аниме, и чуточку расслабилась.

– Полагаю, лучше всего меня поймут жомы купцы. Как много в их деле женщин?

Жомы заморгали глазами, как ударный отряд сов. Но сообразили.

– Мало, ваше императорское величество. Очень мало. Не бабье это дело... – начал было отвечать один из купцов – и осекся.

Но Яна поощрила его благодушным кивком.

– Вы абсолютно правы, жом. Именно – не бабье дело. Хотя я сколько побрякушек на себя нацепи, а все одно, какие-то дела мужчина решать должен. Меня – не услышат.

Купец расслабился – и закивал. Вслед за ним начали расслабляться и остальные. Поняли, что все не так страшно. И Яна продолжила, уже в более спокойной обстановке:

– Я хоть и рождена в семье императора, но управлять государством не смогу. Даже как кузина Элоиза. У нее там Лионесс – на карту без слез не взглянешь. То ли остров, то ли таракан нагадил.

Раздались робкие смешки. Народ успокаивался.

– Русина чуточку побольше. Плюс война. Плюс возможный голод. Плюс... да что там перечислять. Сами подумайте – хватит у меня сил или нет?

Вот теперь закачали головами все. Понятно, императрица – не лошадь. Не потянет. Да и лошадь бы от такой работы сдохла.

– Поэтому мне нужен супруг. Я уж молчу о том, что династия Вороновых отрелась. Что мой отец снял с себя ответственность. Что лучшим вариантом будет появление наследника, да, с кровью Вороновых, но другой династии.

И снова кивки.

– А теперь предлагаю подумать. С моим браком надо определиться здесь и сейчас. Поговорите, подумайте, я вас оставляю... на час? Этого будет достаточно? Потом мы обсудим ваше решение и подумаем, как все это осуществить.

Яна мило улыбнулась и сошла с кафедры.

Под внимательными взглядами прошла через весь зал, вышла и плотно закрыла за собой дверь.

И опрометью рванула в соседнюю комнату.

Подсматривать и подслушивать.

* * *

Содом и Гоморра?

Абзац и аврал?

Пожар в бардаке во время потопа?

Яна могла бы подобрать множество эпитетов, но разве они отразят всю красоту происходящего? Когда стоит такой визг, что стадо обезьян повесилось бы от зависти на пальме.

Когда торы и жомы, разгорячившись, чуть не за грудки хватают оппонентов.

Когда кому-то подбили глаз...

Какая прелесть! Посмотреть приятно! Яна и смотрела и наслаждалась. Правда, вот результата не увидела.

Спокойными в этом бардаке остались три человека, которые предусмотрительно отошли в сторону. Еще и трибуной отгородились.

Валежный, Изюмский и Митя. Ее совещательный комитет. Остальные тут так, для мебели, чтобы подтвердить их решение. Какое?

А вот пусть повизжат, подерутся, потом и скажем. Когда запал пройдет.

Яна едва не пропустила момента, когда означенный час закончился. Любовалась. Что забавно, до совещательных действий никто еще и не дошел. Так что... совесть ее была спокойна.

Она своим решением экономит людям миллионы нервных клеток.

Яна одернула простой армейский мундир – и направилась обратно в зал.

Встретили ее неласковыми взглядами, потом сообразили – и принялись расцепляться. Кто-то поправлял изрядно поредевшую бороду, кто-то убирал в карман выбитый зуб (сувенир, однако), кто-то искал оторванный рукав...

Яна прошагала к трибуне.

– Торы, жомы, я готова выслушать ваши предложения.

В том-то и беда, что предложений не было. Или?..

Вперед шагнул тот купец, с которым Яна уже общалась.

– Ваше императорское величество, нет у нас конкретных имен. Но полагаю, они есть у вас?

– Есть, – кивнула Яна. – Одно имя. Это не тор, это человек самого простого происхождения. Который сам всего добился, сам себя сделал... сейчас он находится в рядах освобожденных.

Имя она благо разумно не называла. Это как смертный приговор подписать – ни один Тигр тысячу крыс не загрызет.

– Тор? – Купец искренне удивился.

Яна склонила голову:

– Понимаю ваше удивление, жом...

– Ильинские мы.

– Понимаю ваше удивление, жом Ильинский. Я должна бы выбрать себе кого-то... вроде Аделины Шеллес-Альденской, только в штанах?

По залу плеснуло смешком. Мужчины успокаивались.

Яна покачала головой:

– Я так поступить не могу. Мне безразличны внешность и происхождение, мне даже возраст не важен. Важно, что этот человек должен подарить Русине наследника. В остальном же... Я осознаю, что мужчина рядом со мной будет обречен на каторжную работу. На восстановление разрушенного. На добивание шаек и банд, на бессонные ночи и расстрельные списки, на подлость и грязь. Человек, которого я выбрала, справится с этим. Но сейчас он в Звенигороде. И назвать его имя я не могу.

– А зачем тогда... вот это? Государыня?

Яна улыбнулась:

– Потому что я выступаю в поход. Все документы и бумаги я оставляю на руках у Антона Андреевича. Второй экземпляр останется здесь, в городе, у человека, которому доверяю не только я. Все мы смертны, и на войне может случиться разное. В крайнем случае я хочу, чтобы именно этот человек унаследовал трон.

– Осведомлен ли о вашем выборе тор Валежный? – с подковыркой поинтересовался один из торов.

Остальные присутствующие как-то помалкивали, понимая, что ничего не решают. А этого, видимо, занесло. Ну, понять можно. Дворянин – и подчиняться быдлу?

Как же!

Валежный шагнул вперед.

– Осведомлен. Я... Мне не нравится этот человек, но я его одобряю. И поддерживаю.

– Вроде как Пламенный женат? – так же едко поинтересовался тор.

– Возможно, – пожала плечами Яна. – Что вы хотите от меня узнать, тор? Я его брак в церковную книгу не записывала.

Тор чуть-чуть смутился.

– Ваше императорское величество, и все же... Освобожденцы виновны в гибели вашей семьи.

Яна качнула головой:

– Освобожденцы – следствие. Не причина, тор. В гибели моей семьи виновен мой отец. Виновен своей безвольностью, легкомыслием, потаканием своим желаниям... вот он и убил мою семью. Так же верно, как если бы стрелял сам. Освобожденцы... Не было бы Пламенного, был бы кто-то другой. Есть воспаление – будет и гной. Но первично все равно воспаление.

Тор аж задохнулся от такой откровенности.

– Вы... этими словами вы предаете вашего отца!

Яна даже отвечать не стала. Словами.

Конечно, она не ковбой Мальборо, ну так она круче! Засунь ковбоя в Сибирь – он там в два дня загнется! Так что пуля свистнула рядом с ухом нахала. Даже обожгла.

– Я – женщина. И не могу за эти слова вызвать вас на дуэль. Поэтому просто пристрелю, – ласково пообещала Яна.

Тор покраснел, потом оглянулся – и побелел. Женщина с интересом наблюдала за его метаморфозами.

– Ваше императорское величество...

– Да вы не стесняйтесь, тор. Может, у вас есть достойная кандидатура? – ласково подбодрила Яна. – Чтобы образование было получено в Русине, чтобы и в военном деле разбирался, и в политике, и в экономике... или себя предложить хотите?

Со всех сторон послышались смешки.

Тор выпрямился и топнул ногой.

– Да мы... мы Белецкие... мы... еще с древних времен...

– Я поняла. У вас родословная как у породистого пуделя, – кивнула Яна. – А личные заслуги какие?

– Я воевал...

– Мы все на войне. И предупреждая дальнейший спор, тор, за вас замуж я не выйду.

– Почему? – преглупым образом спросил тор.

– Потому что мне нужен умный муж. А не тот, кого я способна пристрелить.

– А ваш этот...

Яна пожала плечами. И ностальгически вспомнила жома Тигра.

– Я бы уже была без оружия. Еще вопросы есть?

– Да, ваше императорское величество, – решительно подвинул тора тот самый купец Ильинский.

– Слушаю, жом Ильинский.

– Я правильно понимаю, государыня, что имени вашего избранника мы не узнаем?

Яна пожала плечами:

– Я лично иду с армией на Звенигород. Если победим – имя обнародуют и там и здесь. Если проиграем, меня просто убьют. И это потеряет какое-либо значение.

– Тогда зачем нас здесь собрали, ваше императорское величество?

Сообразил. Умный, однако. Яна пометила себе присмотреться к Ильинскому. Мало ли где он сможет пригодиться?

– Чтобы все были в курсе дела. И не обвиняли потом Антона Андреевича в подтасовке фактов. Чтобы вести дошли до Пламенного. Я ведь знаю, кто посылает ему весточки. До сих пор. Наконец, чтобы вы все своими подписями и печатями заверили написанную мной бумагу. Чтобы потом не было обвинений в подлоге.

– Ваше императорское величество, там же будет имя? – удивился купец.

– Нет, – качнула головой Яна. – Вы прочитаете и подпишете. Потом я впишу имя.

Кажется, кто-то хотел поворчать, мол, так не делается. Но Валежный совершенно не был готов выслушивать возражения. А потому все принялись читать брачный контракт императрицы, пока без имени ее супруга.

Обязанности и права были прописаны совершенно четко.

Брак признавался равнородным.

Избраннику даровалось дворянство.

Избранник объявлялся полноценным соправителем.

Все коротко и по делу. Осталось только вписать имя.

Они подписывали.

Яна смотрела и понимала, что это победа. Маленькая, но настоящая. Когда она уйдет, у Тигра будет меньше проблем. Это уж точно.

Вот и подписи.

Яна последней взяла в руки документы. Потом быстро написала имя, свернула бумаги и запечатала своей личной печатью. Один экземпляр спрятала на груди, второй вручила Валежному.

– Вот так и выдают замуж императриц, – печально пошутила она. – Невеста согласна, гости за, осталось жениха уговорить.

– Ваше императорское величество? – не выдержал Ильинский на правах уже задававшего вопросы. – А он...

– А жених еще не знает, какое счастье ему привалило, – хмыкнула Яна.

И удалилась, провожаемая изумленными взглядами.

Второй экземпляр она доверит епископу.

Пусть бережет и стережет. А Мите вручим письма к жому Тигру. Пусть везет, сообщает новости, передает из рук в руки грамоты.

Он изворотливый, наглый и тренированный. Есть шанс, что его не пришибут.

* * *

В кабинете компания расположилась со всем возможным комфортом. Яна первой взяла слово.

– Митя, проинформируешь жома Тигра?

– Ни за что не упущу такого случая, – кивнул террорист.

– Я тебе дам письмо. И Антон Андреевич тоже.

Митя хихикнул:

– Да уж... представляю, какое у него будет выражение лица!

Яна это тоже представляла. И радовалась, что ее рядом не будет. Жить так хотелось... Все же Ромашкин – адреналиновый наркоман. Просто он не добывает адреналин такими пошлостями, как гонки или секс. Он не мелочится!

Сразу – в клетку к Тигру.

– Потом расскажешь, – непроизвольно вырвалось у Яны. Она даже слегка смутилась, но Митя все принял абсолютно спокойно.

– Вы, тора Яна, правильный выбор сделали. Тигр – справится.

Яна чутьточку расслабила плечи.

– Со мной или с Русиной?

– С вами и не понадобится. Вы друг друга преотлично поймете, чуует мое сердце. А вот что Русину он потянет, это уж точно. Папенька ваш, не тем помянут будь, редкостной размазней уродился. А у Тигра не забалуешь.

– Да, но кто защитит саму императрицу? От Тигра? – спросил генерал.

Яна пожала плечами.

Так и хотелось сказать: Хелла уже позаботилась, но пришлось промолчать.

– Ближайшие лет десять ее величество в безопасности. Пока не родит минимум двоих-троих наследников. Потом будет видно, – пожал плечами Изюмский.

Яна согласно кивнула.

– А потом? – Валежный смотрел вперед.

– Да вы оптимист, батенька, – поддел Митя.

– Оптимист, пессимист... – Яна поняла, что сейчас Ромашкина пошлют по матушке, и поспешила придавить ссору в зародыше. – Наливай! Надо же мою помолвку отметить!

Предложение было принято единогласно.

Русина, неподалеку от границы с Чилианом

Жама Голубица никогда и никому об этом не говорила. Даже мужу. Но...

Богохульствуя на публику, она в глубине души оставалась все той же верующей девчонкой из мещанской семьи. И перед тем как лечь в постель, творила короткую молитву на сон грядущий. Вот как сейчас. Помолилась, вернулась в кровать, накинула одеяло, но как-то все равно было холодновато. И сон не шел. В голову лезли разные неприятные мысли.

В курсе был только муж. В семье такое не спрячешь. Но они давно, так давно не спали в одной кровати... Будем честны. С тех пор,

как муж принес домой подцепленную у грязной девки болезнь. С тех пор, как жаме пришлось лечиться.

Она справилась, она избавилась от всех ее проявлений, но не простила. Даже не болезни.

Измены.

Предавший один раз предаст каждый раз. Это известно всем, а доступно почему-то не каждому. Вот и расплачиваются потом, идиоты...

Один раз тебя ударили в спину? Что ж ты постоянно-то к этому человеку спиной поворачиваешься? Иногда жама просто отказывалась понимать людей.

Иногда она их презирала.

Почти всех. Мужа – немного. Человек, который не может смирить свои животные инстинкты, не достоин ее уважения.

Кого она НЕ презирала?

Тигра. Пока это был единственный мужчина в ее окружении, которого жама даже слегка побаивалась. Для сравнения, того же Урагана она презирала за рыцарские чувства. Какие там честь-благородство?

Понятно же! Все в этом мире решает выгода! Собственная... а ему какое-то Освобождение от оков подавай! Тьфу, дурак!

А вот Тигр был рационалистом. Человеком, подобным Голубице. Только она все же женщина, а он... он был более жестким, жестоким, словно грандиозная стальная машина, сметающая все на своем пути. И попасть в челюсти этого монстра...

Голубица не хотела.

Привлекал ли Тигр ее как мужчина?

Не стоит лгать себе. Привлекал. Женщин вообще тянет к сильным личностям. Но поскольку жама была еще и неглупа, она понимала, что любая интрижка будет ей в большой минус.

Если гуляет мужчина – он удалец. Если женщина – она шлюха.

Двойственность? Несправедливость? Жама это понимала, но подозревала, что в ближайшее время ничего не изменится. Вот и нечего ругаться по этому поводу.

К тому же облик страдающей супруги был ей к лицу. Одно дело, когда говорят: «Он от нее гуляет, она ему рога наставляет». Другое:

«Он гуляет, но она принимает это с таким достоинством... несчастная». Да и не понимала жама, что такого люди находят в сексе.

Глупо же! И грязно! Липко, гадко, противно...

Вот лежит на тебе мужчина, пыхтит, потеет, глаза закатывает, иногда еще стонет... а тебе-то что с того? Совершенно непонятно...

Не больно. Но и радости мало.

Впрочем, радости секса жама успешно подменяла радостями власти. И была довольна и счастлива, пока ей не пришлось бежать.

Пламенный ей еще за все ответит!

Чилиан?

Да, почему бы и не съездить? Только вот придет в себя... последнее время жама чувствовала себя не слишком хорошо. Простыла в пути, видимо...

Голубица решила отлежаться на постоялом дворе, как следует согреться, пропарить ноги, подлечить кашель... он у нее бывал частенько, но этой зимой вообще разыгрался. А все мерзкий лионесский климат! Поди проживи там два года! Еще и не такое подцепишь...

Жама кашлянула и отпила глоток горячего молока.

Ничего. Сейчас она выздоровеет, поедет в Чилиан, проживет там, посмотрит, чем закончится дело в Русине, а там уж будем и что-то предпринимать. Озноб бьет... попросить, что ли, у хозяина еще один плед?

Или сразу тазик с горячей водой, ноги попарить?

Можно бы.

Жама поднялась с кровати, и видимо, как-то неудачно. Кашель накатиł приступом. Такое тоже случалось, она знала, что это надо просто переждать, перетерпеть, ничего страшного.

Неприятно, конечно. Когда тебя сгибает вдвое, когда кашель накатывает волнами, когда противная слизь словно ползет изнутри, когда...

Жама прокашлялась, сплюнула мокроту в платок и бросила клочок ткани на пол.

И – остановилась.

Наклонилась, подняла платок с пола, посмотрела на него, не веря своим глазам... Красный. Не ярко-красный, пока еще бледно-розовый, но...

Кровь.

Жама отлично знала, что это означает.

Кровохарканье.

Приговор...

Голубица упала на колени и взвыла, едва успев зажать себе рот ночной шалью.

Смерть...

Год? Два? Сколько ей осталось?

ЗА ЧТО?!

Русина, Хормельская волость

— Они — что?!

Никон гневался часто, подчиненные привыкли. Но то обычный гнев.

Когда крик, когда зарубить грозятся, нагайку в ход пускают. А вот такого... нет, такого никто не ожидал. Мало того что посольство выпороли!

Так еще и Никона на всю страну лжецом и подлецом ославили. Мол, решил императрице репутацию попортить... упырицей объявил!

А что потом?

Что она наблудила до брака?

Мелковато работаете, жом Счастливый! Прогрессировать надо! К примеру, заявить, что она не просто наблудила, а от лионесского принца. Тогда б было интересно...

Или, к примеру, от ламермурского упыря. Там, говорят, водятся... вот, приехал упырь да и покусал княжну. А вы какие-то пошлости предполагаете. Какой-то Алексеев... да тьфу на вас! Хоть придумывал бы с фантазией!

С легкой руки тора Изюмского Счастливого принялись склонять все газеты. А сколько уж сплетен пойдет...

Никон был в таком состоянии... если б его водой поливать, так парил бы с полчаса. От него малым что искры не летели.

Валька — хоть и баба, но не полная дура, удачно спряталась где поглубже. И под раздачу попал генерал Алексеев. К которому Никон и отправился.

– Значит, супруга?

Илья невежливо послал Никона в дальнюю дорогу.

Генерал чувствовал себя откровенно паршиво. Сотрясение мозга рекомендуется лечить полным покоем, а в камере с этим было сложно. Да и пытки не способствовали. Так что Илья сильно надеялся сдохнуть и испортить Никону всю удачу.

Не получилось.

По морде Алексеев получил, а вот сдохнуть – не удалось. Илья кувыркнулся назад, наткнулся на стену и потерял сознание.

Никон, хоть и был в бешенстве, ценного пленника лишаться не пожелал. И приказал вытащить, показать клистирной трубке да и подлечить. Алексеева надо дотащить до Звенигорода и сдать Пламенному с рук на руки. Авось тот из него какую пользу выдавит.

А сам Никон...

Будь он более адекватным, он бы такое решение не принял. Но бешенство – плохой советчик.

Никон собрался выступать к армии жома Броневого. А по дороге пощипать отряды Валежного.

Вы хотите войны?

Вы получите войну!

* * *

Податаман Роман Паницкий мрачно надирался до положения риз.

Пить не хотелось.

Жить не хотелось.

После такого позора? Да хоть ты вешайся! Задница-то прошла, а вот репутация... репутацию ему эта стерва императорская погубила навечно. Землю пахать пойдешь – так и то лошадь со смеху подохнет!

А что делать?

Никон податамана, конечно, не выгнал, война идет. Но разжаловал в рядовые. Хуже того. Вместе со всеми его людьми отправил нужники чистить. Так что жизнь была – полное дерьмо. Отборное. И много...

Даже водка им смердела.

– Пьешь, атаман?

Рядом с Романом присел Федот, не спрашивая, плеснул и себе. В другое время получил бы он кувшином по голове, чтобы не наглел. А сейчас и драться не хотелось. И как-то...

Все ж Федот и старше, и мощнее, и сильнее. И лет ему около сорока, дураки до такого возраста не доживают. И чего-то он там говорит?

Роман прислушался.

– Ты подумай, атаман, ведь баба по-доброму поступила.

– Что?! – Роман аж воздухом подавился от удивления. – КАК?!

– А так. Мы к ней с письмецом ехали, считай, в блюде ее обвинили прилюдно, в грязи извалять пытались. А она – *императрица*, могла вообще за такое приказать головы снести. Как наш Счастливый гонцу от Валежного. Помнишь?

Роман помнил.

Еще и сам поучаствовал... ладно, рук не пачкал, но рядом с Никоном был. А если бы императрица вот их... вот так? Шею он начал растирать совершенно произвольно.

Страшновато было.

– Во-от. А она нас, считай, целыми и невредимыми отпустила.

– А...

Теперь рука произвольно дернулась к заду.

– Что она могла сделать, самое малое? За наглость? Никому ж даже кожу не просекли, считай, как детей отшлепали...

Федоту тоже было обидно. Но сорок лет – это тебе не двадцать пять, и повидать побольше успел, и передумать о многом... императрица без размышлений могла их всех положить. Рядочком.

Или в тюрьму, или еще куда...

Могла.

Она ничего такого не сделала. Их отпустили, а позор... а что – позор? Грязь не сало, высохло и отстало. Надо только подходящий момент подобрать, чтобы ее отковырнуть.

Опять же...

Федот здраво оценивал свои возможности. Один он уйдет в любую минуту. Но вот насчет своего кармана... да, будь ему двадцать пять, он бы и не задумался. А ему сорок. Надо уже гнездо вить, надо задумываться о будущем. Но какое тут будущее?

В Никоне Федот разочаровался. Эти его устремления вроде Великого Хормеля, они, конечно, красивые. И народ на них хорошо идет. А в реальности – увы.

Сожрут.

Не задумавшись.

Не бывает гордых и свободных крыс. Нет, не бывает...

Так что с Хормелем Федот свое будущее связывать не собирался. Надо уходить. Вопрос – куда, когда и с чем. И это он в одиночку не решит. Ладно, куда, когда, но... нужно еще и что-то с собой прихватить. Много чего хорошего. Тогда уходить будет не обидно.

А с деньгами...

Да ты в любом городе устроишься, документы себе купишь и позабудь про любой позор. Кто там тебя узнает?

Никто и никогда...

Это Федот и постарался донести до Паницкого.

Роман слушал, потягивал водку уже небольшими глотками и был, пожалуй что, согласен. Чего им-то свои жизни класть? Пусть Никон самдохнет, коли хочет. А они с ребятами подождут своего момента, а потом потихоньку в сторону и отойдут. Надо только приглядывать, что с собой взять...

А то, что добро – оно одно и на всех не делится... эту мысль и Федот, и Роман дружно оставили при себе. Не сговариваясь. Чего собеседника-то смущать?

Правильно. Незачем.

Русина, Звенигород

«КТО СТАНЕТ СУПРУГОМ ИМПЕРАТРИЦЫ?!»

«Неизвестный на престоле!»

«Император в маске!»

Газетчики изощрались, кто во что горазд.

Известно стало и о самом заседании, и о подписанных Яной документах.

Более того, был еще один нюанс, о котором умолчал Валежный. Или не умолчал, просто считал, что Яна в курсе. А Яна-то и не

думала...

Первый указ императора всегда становился законом.

Нерушимым и незыблемым. Что будет потом – вопрос, но первый указ оспорить было нельзя. Нигде и никогда.

Фактически Яна сейчас назначила соправителя. И человек, чье имя окажется в документах, станет правителем Русины. Вполне легитимно.

Что бы с Яной ни случилось. Она об этом не знала, да и неинтересно ей было. А и узнала бы... Что-то поменяется? Ни разу. Ее планы останутся неизменны. Хелла дама серьезная и своего мнения не меняет.

Жом Тигр об этом не знал, потому и пребывал в бешенстве.

Замужество?

УБЬЮ!!!

В таком состоянии он пребывал до визита Урагана, который хлопнул газетой по столу и поинтересовался:

– Видел?

– Читал.

– Что думаешь?

Тигр ответил простыми русинскими словами. Ураган качнул головой:

– Ты не рычи. Понятно, что она овдовеет до брака. С твоей помощью. Но если там – твое имя?

Это Тигру в голову не приходило.

– Рехнулся?

– Ты бы лучше о себе подумал. Я уже к тебе дополнительно охрану приставил.

– Зачем?

– Потому что ее величество сказала, что этот человек – освобожденец. Думаешь, у нее был большой выбор? Из тебя и тебя?

Тигр замолчал и задумался.

А ведь и правда.

Жом. Освобожденец. В Звенигороде.

– Думаешь, Пламенный два и два не сложит?

– Если умный...

– Считай, уже сложил. Твое величество? – Пламенный вошел в незапертую дверь кабинета и посмотрел на Тигра. Так... по-доброму.

Как оголодавшая кобра.

Тигр, к его чести, кобры бояться не стал. Подумаешь... они тоже съедобные. И посмотрел на Пламенного столь же добрым взглядом.

– А поклон где?

Пламенный уселся на край стола.

– В ...!

– Тогда и с титулом туда же. Я думал, ты умнее.

– Неужели?

Пламенный тоже с трудом себя сдерживал. Тигр развел руками.

– Ты сам-то газеты читал? Имени никто не видел, никто ничего не знает, но императрица сказала... якобы. Потому как газетчиков тоже не допустили.

Пламенный задумался:

– Ну...

– Цена этой писульке – грош. И газетенке тоже. А вот если нас захотят поссорить... Если Яна – действительно та самая, она на это вполне способна. Ты вцепишься в меня, я в тебя, а Валежный нас возьмет голыми руками.

– Провокация? Возможно...

Пламенный серьезно задумался.

Тигр скривился.

– Знаешь, как-то это не забавно, когда без меня – меня женили.

– И ладно б на ком приличном, – согласился Ураган.

Пламенный сверкнул на Рыцаря глазами, но напугать Константина такой мелочью? Х-ха!

– Может, и подстава. Не спорю.

– А что ты предлагаешь? Учти, запереть себя я не дам.

Пламенный и не сомневался.

– Не запереть. Но людей я к тебе приставлю.

Тигр пожал плечами:

– Я бы на твоём месте набрал побольше. А то... попортятся.

Пламенный хмыкнул:

– Тигр, ты подумай сам. В такой ситуации...

– Вот именно, что в такой ситуации. Пламенный, мне твои убийцы за спиной не нужны.

Ураган вежливо кашлянул:

– Соратники, я вообще не понимаю, о чем мы говорим. Из-за какой-то статейки... на туалетной бумаге мы готовы перегрызть друг другу глотки?

Ответом ему были насмешливые взгляды.

Из-за? Да они бы и без статейки...

Ураган хмыкнул:

– Я не говорю о доверии. Но, скорее всего, это провокация.

– А если нет?

– Пламенный, ты меня будешь убеждать, что Кремль не на шпигован твоими шпионами? Я скоро под подушкой их находить буду, – огрызнулся Тигр. – Скорее уж императрица о тебе говорила. Ты с ней мог держать связь через Мишеля...

– Из камеры?

– И что? Тут на что угодно пойдешь...

Пламенный качнул головой. Но он тоже все больше склонялся к версии провокации. Слишком уж это было... невероятно для правды.

Императрица, которая влюбилась в освобожденца, убийцу ее семьи, которая объявляет жом – ЖОМА!!! НЕ ТОРА!!! – равнородным и готова посадить рядом с собой на престол?

Да напиши такое в романе, тебя гнилой морковью закидают! А тут вдруг в жизни?

Определенно, газетенку надо на завертку той морковки пустить...

Жом Пламенный, в общем-то, был прав. И забывал он только об одном обстоятельстве.

Гражданская война...

Тут что хочешь случится. И все допустимо.

Глава 8

Что дети смутились и стали расти...

Анна, Россия

– Вы хотите заработать?

Кто ж откажется? Да никто! Но умный еще задаст пару простых вопросов: «Что за работу вы мне предлагаете? И какова оплата?»

Лейкин дураком не был. А потому спросил.

Борис улыбнулся. И посвятил его в историю с Кирой, Олесей и брошкой. Лейкин задумался:

– Вы уверены, что Рябченко-старшая... как ее зовут?

– Ираида Федоровна.

– Ираида Федоровна знает о пропаже броши?

Борис качнул головой:

– Не уверен. У нее страсть ко всякой ювелирке, она, может, и вовсе не помнит, что у нее есть и где. Да и характер такой... знала бы – уже под воротами орала в голос.

– Хм... значит, дочка развлекается?

– Подозреваю, что так.

– Дадите мне время навести справки?

– Дам. Этот день у вас есть.

– Маловато. Ну да ладно, чем богаты будем...

Олег достал телефон и принялся водить пальцем по экрану.

– Алло, Машенька? Здравствуй, семицветик мой аленький. Как дела, солнышко?...

– Алло, Катенька? Здравствуй, солнышко мое незаходящее! Как твои дела? Как детки?

– Алло, Танечка?..

Борис только головой покачал. Специалист, что тут скажешь! За полчаса Лейкин переговорил с шестью разными девушками, всем сказал комплименты, всех попросил навести справочки...

– Остается только ждать.

Ждали со вкусом, благо Лейкина домой пригласили.

С уткой, фаршированной гречневой кашей и моченой брусникой. С гурьевской кашей. С потрясающего вкуса клюквенным морсом. Лейкин сначала облизывался, потом застонал, распустил ремень на штанах, потом перевел взгляд на Анну.

– Как хорошо, что я не стал за вами ухаживать! Анна Петровна, я бы помер от обжорства!

– Это была бы приятная смерть, – отмахнулась Анна.

– Слов нет...

– И не надо. А есть еще пирог с голубикой и ванильным кремом.

Олег так горестно застонал, что Анна невольно смягчилась.

– Я вам с собой всего заверну. Боря, ты не против?

– Анечка, дом – твоя вотчина. – Савойский выглядел таким довольным, что Лейкин только грустно вздохнул. Вот как так получается?

Красавица, умница, хозяйственная... и не его. Сам ушами прохлопал. Ругаться тут не на кого. Сам, все сам...

Зазвонил телефон.

Олег послушал собеседника, рассыпался в комплиментах, пообещал шоколадку...

И принялся рассказывать.

Как оказалось, милая Олесенька давно уже была замечена то там, то тут... сама она наркотиками не торговала. Но парень ее – попал за решетку именно что за хранение и транспортировку. Но – парень.

Тут понятно. Плакала, рыдала, орала, что любит... ну так любить не запретишь.

Милого посадили, а вот девочке только пальчиком погрозили. Может, и зря.

Потому что она выплыла еще в двух местах. В одном деле на нее указывали как на организатора, но опять же доказать ничего не удалось. Во втором как на свидетеля.

Вроде бы и ерунда, и ни о чем, и оговорить кого угодно можно, но три раза – это уже совпадение. И Кира говорила...

Видимо, тот случай, когда знали все и всё, а доказать возможным не представлялось. И мама старалась, отстаивала родимое чадушко. Мама, кстати, могла и не знать правды. Просто детка плакала, детка говорила, что все врут, детка клялась...

Родители обычно в таких случаях детям верят.

Кире были выданы строгие инструкции и вручен телефон. Девочка посидела пару минут, потом почти неосознанно вцепилась одной рукой в Анину ладонь, а второй нажала на вызов.

Долго ждать не пришлось.

– Алло. Леська? Привет.

– Ну привет, Кирюха, – донеслось из трубки. – Деньги нашла?

– Не искала и искать не стану. Ты отлично знаешь, что у меня таких денег нет, – отрезала Кира.

– А ты у папса возьми.

– Перебьешься. Я отлично знаю, что ты взяла мамашкину брошь. И меня подставила.

– Да неужели?

– А зачем ты меня тогда на второй этаж потащила? Да еще в мамашкины комнаты? Могла бы и в свою ванную пригласить.

Из трубки донесся издевательский смешок.

– Допустим. И что?

– И ничего. Что у тебя еще есть? Небось какая-нибудь коробочка из-под ювелирки? С моими пальчиками?

Еще один смешок.

– Так на суде и скажешь. Я не брала, это подстава. Сколько у нас сейчас за воровство дают?

– Так ты сама уточни, тебе ж сидеть придется.

– А может, тебе?

– Вот и посмотрим. Папс мне поверит.

– А вера законами не учитывается.

– И плевать. Зато вонь я подниму. То ли она украла, то ли у нее украли – не отмоешься. Так что и в твоих интересах все это решить без лишнего шума. Поняла? А то и мамашка может не поверить. Когда я ей все расскажу...

Олеся задумалась.

– Может и поверить.

Но это было уже достаточно неуверенно. Кира почувствовала ослабление напора и атаковала.

– Денег я тебе не дам. Но... так и быть. Окажу тебе одну услугу. В обмен на все имеющиеся у тебя улики. И брошку сама на место вернешь.

В трубке задумались. Лейкин показал Кире большой палец. Молодец!

Шантаж – гадкая и подлая штука. Когда ты словно голый и на площади, и в любой момент люди могут узнать о тебе... нечто такое...

Мы все носим одежду, носим маски, прячем то одно, то второе... иногда из самых лучших побуждений. И когда находится человек, который грозит сорвать покров тайны...

Страшно.

А страх сковывает, лишает умения мыслить логически, заставляет биться и метаться в своих оковах – до сорванной кожи, до крови на руках, до безумия... пока не остается только загнанное животное.

Даже – не человек.

Есть ли противодействие?

Да, есть. Рассказать всем тайну. Или убить шантажиста. Второе тоже вполне возможно.

Здесь и сейчас Анна не задумалась бы. Она бы пришла в гости к этой Рябченко, а потом... потом два человека умерли бы от разрыва сердца.

Угрызения совести Анну теперь и мимоходом не задели бы, не то что мучить. И по ночам никто не приходил бы.

Анна чувствовала себя в своем праве.

Любой, кто угрожает ее семье, должен быть уничтожен. Физически ли, морально...

Лучше – физически. Быстрее и проще. Откуда такая безжалостность? А побывав под расстрелом, начинаешь понимать, что человеческая жизнь – хрупкая штука. Особенно твоя.

И защищать ее хочется всеми доступными способами. А уж что касается близких...

Анна убила бы ради Кире. Останавливало простое соображение – бессмысленно. Это не первая и не последняя пакость в ее жизни. Ходить за ней и убивать всех Анна не сможет уже достаточно скоро. По понятным причинам. И что остается?

Научить девочку очень важным вещам.

Доверять своим родным и близким. Выбирать их с большим разбором, но доверять.

Защищаться и атаковать. Искать адекватный ответ, нужные меры противодействия – для любого противника. Не все и не всегда можно

решить смертью врага. Кире придется этому научиться.

Не бояться жить. Именно жить, принимать жизнь со всеми ее радостями и горестями, плакать, иногда сгибаться, иногда падать, но подниматься и снова идти вперед.

Это сложно, это безумно тяжело, но Анна понимала, что у нее почти получилось. Она почти справилась.

И как же страшно оставлять родных и близких. Как же это больно. Отчаянно горько. Но у нее есть маленькое утешение. Они смогут справиться без нее.

И Анна еще раз поцеловала Киру в темную макушку.

* * *

Олеся жевала жвачку.

Кира раньше сама ее жевала, но сейчас...

Когда все это закончится, она даже кончиком пальца не притронется ни к одной жвачке. Пусть даже рядом стадо коров гулять будет! Она в нем будет – козой!

– Ну чё, ты надумала?

Кира кивнула. Судорожно, неловко, но так даже лучше.

«Будь собой, – сказала ей Анна, когда провожала на эту встречу. – Не играй, просто будь собой, можешь бояться, смущаться, стесняться, храбриться, ругаться – все будет в строку. Не надо ничего изображать, так будет лучше».

Микрофон под одеждой приятно согревал. Но все равно... а вдруг не сработает?

Вдруг не запишется?

Ну вообще... страшновато.

– Я сказала. Один раз я участвую в твоих делишках. А потом пойди нах...

Олеся прищурилась.

– Три раза.

– Пойдешь сразу. Не так дорого стоит твой компромат.

– Да неужели?

– Рябченко, мы это уже обговаривали. Можешь меня обвинять в чем хочешь. Все равно я не виновата. Ты эту брошь сперла, если

поискать, так и улики найдутся.

– Не найдутся.

– То есть брошку действительно ты сперла. И небось не первую?

– Мамахен уже шестерых девок уволила. Все жалуется, как сложно найти приличную прислугу.

– Лучше б она тебя к Витюше отправила, – не вытерпела Кира. – Вот ты стерва! Из-за него меня подставила? Да?!

Олеся злобно оскалилась:

– Ты сама виновата!

– В чем? В том, что красивее тебя?

– Ты?!

– Витя так и посчитал. Этого ты мне и простить не можешь, верно?

– Да пошла ты...

– Идти?

Олеся опомнилась:

– Так... хватит! Слушай сюда! Один раз ты отвезешь сумку по адресу, который я тебе скажу. Съездишь, заберешь, привезешь...

– А чего сама не отвезешь?

– Мать не одобряет. У меня есть сводный брат, я ему помогаю, а ей не нравится. Там в сумке ничего такого не будет, просто вещи.

Кира заколебалась.

– Дорогие, но вещи.

– А если ты что-то краденое туда подсунешь?

– Не подсуну.

– И ты точно от меня отвяжешься?

– Обещаю.

Кира изобразила сомнение, но в итоге согласилась. Один раз.

Олеся торжествовала. Поговорку про «коготок увяз – всей птичке пропасть» она знала. Но не думала, что птичка может оказаться и птеродактилем.

Яна, Русина

– Сволочи! Простите, ваше...

– Тора Яна. Кто сволочи? – Яна смотрела в злые глаза тора Изюмского.

Сволочами традиционно оказались крестьяне. За что?

Да за картошку!

Изюмский, видите ли, проникся полезной новинкой. И хотел ее вводить в своем поместье.

Крестьяне новинкой не прониклись. И с картошкой постоянно приключались то беды, то проблемы, то горести. Вот не хотели сиволапые картошку осваивать – и хоть ты тресни!

Принудительно Изюмский ее посадил! Но как заставить людей ее полюбить?

Третий год уже бьется...

Вот и сейчас! На картофельное поле каким-то чудесным образом налетел свинячий десант. Результат?

Печален...

А уж как печален сам Изюмский...

Яна задумчиво кивнула. Да, картошка – спасение нации в голодный год. Те, кто прожил девяностые, с ней сжились и срослись. Ее и сажали, и копали, и от жука обрабатывали, и чего с ней только не делали. И урожая-то добивались отличного! С шести соток до двадцати мешков собирали!^[18]

Сейчас, конечно, она нацию не спасет. Не то количество. Но внедрять-то надо...

Что там рассказывали мужики на кордоне?

Ага...

– Тор Николай, вы наоборот не пробовали?

– То есть? – насторожился Изюмский.

– Вы сейчас как действуете?

Ну как-как...

По-простому!

Раздали в каждую избу по мешку картошки (небольшому), приказали посадить и ухаживать, а если не прорастет... В двух словах – из-под палки.

– Сделайте наоборот.

– Тора Яна? – заинтересовался Изюмский.

Через десять минут он был осчастливлен новой идеей.

Картошку надо было объявить сугубо господским кушаньем. Мол, не хотите – не надо! Мне больше достанется! Всю выращенную картошку – только на господский стол. И чтобы никто ни клубня не уворовал. Следить и не пущать!

А еще слух пустить.

Что картошка-де влияет на мужскую силу. Вот как есть повышает... были стрелки на полшестого, а потом бац – и полдвенадцатого!

А потому перебьются сиволапые, картоху будем растить на экспорт.

Тор Изюмский задумался.

Просветлел, улыбнулся и пообещал попробовать. Яна тоже улыбнулась.

На многое она не рассчитывала. И не думала, что ее имя останется в истории. Но вдруг поможет? И будут люди есть картошку, и будут нахваливать, и детей меньше умрет от голода...

Осталось только вспомнить, откуда взялся колорадский жук.

И – не допустить диверсии.

Но картошка-то полбеды. А так Яне очень сильно требовался мудрый совет. Вэлрайо они выпотрошили до донышка. Сравнили его показания с показаниями Зарайского, по результату аферисту слегка досталось (и чего было так орать, всего-то пару пальцев сломали, и те на левой руке) и опять усадили обоих за писанину.

Пусть работают.

Но и сейчас уже были результаты.

Лионесс, конечно.

Борхум поучаствовал, но в основном это была тактика Лионесса. Стравить между собой двоих противников и под шумок сожрать все сливочки.

В этот раз им не повезло. В кувшине с молоком оказался стрихнин, и Яна намерена была заставить Лионесс выхлебать все до дна. А за все хорошее!

Митя, хоть и скулил, и ругался, и требовал месяц отпуска (и отпускные, да!), но отправился обратно в Звенигород. К жому Тигру. Некоторые вещи тот должен был знать. Даже обязан.

Яна передала с ним достаточно личное письмо. И принялась обсуждать с генералом важную тему.

То есть – почему бы нет?

Пламенный женат. А вот Тигр... работать с ним можно, мужчина он крутой, конкретный, Русину удержит, Яна других таких не знает. Опять же... два враждующих лагеря соединятся и получат определенную легитимность.

И овцы будут целы, и волки сыты. И Лионессу вечная память. Кого-то же надо скушать?

Обязательно...

Вэлрайо не запирался, и тайны шли потоком, да такие... Лионесс надо было давить. Но Яна с этим бы не справилась. Тигр? У него и сил, и умений, и решительности хватит. Но хотя бы план наметить надо. Война же, мало ли что может случиться? Разрабатываем план, и чтобы потом Элоиза ушла без шкуры. Без семи шкур, там все равно больше награблено!

Валежный сначала схватился за голову, а потом пообещал подумать. Ему тоже Русина была важнее всяких там правил, приличий и требований этикета.

Социальные, мать их в рыбу, ритуалы?

А войну не хотите? Гражданскую?

Нет?!

Вот и Валежный готов был на все, чтобы ее остановить. И если уж императрица сама предлагает... грех не попользоваться! Надо только проработать все аспекты. Этим они занимались с Изюмским.

А Яна сейчас думала, что отписать в Лионесс, чтобы не расслаблялись, гады. И как бы так международного скандала не вызвать?

Не дипломат она. Ни разу, ни близко, ни рядом...

В ее понимании дипломатия – это когда сначала ногой по почкам, потом вежливо спросить – сделаешь? А потом еще и пинка для скорости. А тут дело тонкое, международное...

Валежный?

Генерал, конечно, умничка, и прелесть, и вообще, на Валежного лично Яна готова была молиться и канонизировать его при жизни. Видела же, какую ношу он на себе тянет. Да, была б она жива... то есть осталась бы в живых, она бы сделала так, чтобы военные получали намного больше чинуш. Да и уважение к этой профессии прививала бы. Особо непонятливым – палкой поперек хребтины.

Но понятие о дипломатии у Валежного было примерно такое же.

Равняйсь, смирно и красить от забора до обеда. А сапоги надевать на свежую голову.

Армия. И это не в укор. Универсальный язык – язык насилия – понимают все. Но для него еще не пришло время. А потому... помогайте, тор Изюмский. Я вам с картошкой, вы мне с Лионессом, вот и будем квиты.

И что за жизнь такая? Тот ли мир, этот ли, дворник ли ты, императрица ли...

Работать – все равно надо! А как не хочется! Лето на дворе, птички поют, а выбора все равно нет. Метлу в зубы, и вперед. Разгребать проблемы.

И какая в таком ракурсе разница между императрицей и дворником?

Дворнику платят больше. Яна-то и по сей день без зарплаты сидела. Увы.

Русина. Хормельская волость

– Я, Никон Счастливый, объявляю о создании независимой Волости! Освобождение даровало нам все права и вольности! Мы теперь сами по себе! Мы – уже не Русина! Пусть они попробуют прожить без нас! А мы без них проживем прекрасно!

Никон гордился собой.

Сколько поколений хормельцев об этом мечтало? Сколько хотело сбросить русинское иго? Не удалось!

А вот он – смог! Добился всего, чего пожелал! Осталось защитить свою свободу! Валежный ему ничего такого не даст, не даст и императрица, поэтому остается лишь заключать союз с Пламенным. И бумаги были подписаны.

Хотя медяшка цена тем бумагам...

Никон не сомневался – если победит Валежный, эти бумаги им в глотку забьют, так и похоронят.

Победит Пламенный? Он тоже постарается сожрать союзника. Но Пламенный выгоднее, а потому...

Счастливый объявил о создании Освобождающей Повстанческой Армии Хормеля. Сокращенно – ОПАХ! И начал набирать себе опаховцев.

В настоящий момент у него было три бригады – порядка двенадцати тысяч человек. Бригада Когтистых, бригада Зубастых и бригада Кровавых. Они сами выбрали себе такие названия, и Никон не стал спорить. Все равно все они – «счастливчики». По его фамилии.

А так...

Пусть вышивают на форме когтистые лапы, оскаленные волчьи клыки или ставят на плече несколько кровавых пятен. Могут и вышить их красными нитками. Пусть...

Они сформировали кавалерию и артиллерию, снабжение и контрразведку – все как в реальной армии. И утвердили основную структуру. Остальное приложится. Были бы кости – мясо нарастет.

Главное тут что?

Что это его люди. Точка.

Попробовать силы он собирался на станции Промозглой.

* * *

Да... невелика та станция.

Никон оглядывал ее со смешанными чувствами. Это... это как тигру пробовать зубы на мыши! Ну что тут есть такого?

Считай, два здания и десяток курятников.

Может, и пробовать не придется?

– Ванька, – кивнул он одному из податаманов. – Пошли кого, предложи сдаться.

Податаман Иван Белинский пожал плечами:

– Не сдадутся. Можем и время не терять.

Никон покосился на спутника. Ишь ты... умник. Белинского он не любил – и за образование, и вообще... перебежчиков нигде не любят. Горька судьба предателя.

– С чего ты взял?

– Сам погляди. Они к обороне готовились. И мешки с песком навалены, и окна заколочены, и стекла... они о нас знали.

– Все равно пошли человека, – надавил голосом Никон.

Приказы не обсуждаются. Они исполняются.

Иван кивнул, подозвал одного из своих подручных и что-то начал ему говорить. Не прошло и пяти минут, как трое всадников направились к станции.

Подъехать близко им не удалось. В землю рядом с копытами коней ударила пуля.

Одна.

Но меткая. Кони заплясали, и всадники едва удержались в седлах.

– Переговоры! – возопил один, размахивая флагом лично Никона.

На флаге был изображен тигр. Большой и хищный. Очень уж Никону эта зверюга понравилась во времена оны... правда, художник тигра отродясь не видел, так что получилось... сомнительно. Но главное что?

Настроение!

А еще окраска и полосы! Ясно же – тигр, а не кот Васька!

Какое-то время ответа не было. Потом дверь станции открылась, и оттуда вышел человек. В простом мундире... майор?

Нет, даже не майор. Обычный капитан.

– Капитан Горелов. Слушаю.

Михась приосанился.

– Я посланник лично Никона Счастливого! ОПАХ предлагает вам сдаться.

– Что предлагает?

– Сдаться...

– Ты не понял. Что такое ваш... пах?

– ОПАХ! – оскорбился Михась. – Освобождающая Повстанческая Армия Хормеля!

Капитан прищурился:

– Сдаться?

– Да. Вам сохранят жизнь! Атаман Счастливый не хочет лить невинную кровь.

Дальше капитан и слушать не стал.

«Счастливчики». Что ж, он знал, что эта чума их не минует. А коли так...

– Передай своему атаману – пусть пойдет на ...!

Михась чуть с седла от возмущения не свалился. Его атаман!

И вообще! Он тут не какой-то! Он полномочный посол! Со знаменем! Перла... парле... переговорщик, короче! И его – послать?! Как какого-то?!

От возмущения в зобу дыханье сперло.

– Ты...

– Приблизитесь – буду стрелять.

– Вы тут и подохнете!

– Лучше сдохнуть человеком, чем жить крысой, – отрезал Горелов. И повернулся спиной к Михасю.

Того аж заусило.

Ах ты... да ты ж... да я ж тебе...

Выстрел хлопнул негромко.

Капитан упал на землю, перекатился – и почти рыбкой нырнул в дверь станции.

Михась шлепнулся с седла, как мешок навоза. Снайпер не промахнулся. Капитан ему так и сказал – следи. Это ж «счастливчики», твари без совести и чести, если в спину не выстрелят – удивлюсь.

Удивляться ему не пришлось. Пришлось стрелять...

Много.

Недолго.

Никон, озверев от злости, приказал брать негодяев живыми, и кавалерия помчалась на штурм двух домишек.

Кавалерийская лава.

Это страшно. Это когда всадники с саблями наголо летят прямо на тебя, и кажется, вот сейчас тебя стопчут... и все.

Конец...

Это не просто жутко, это более чем кошмарно. Кто послабее духом, от такой картины и вовсе бежать кидается^[19]. Но если бежать некуда – остается только стрелять. До последнего.

Не до победного, просто – до последнего патрона. И последний во врага. Чего его для себя жалеть?

Горелов знал, что долго им не продержаться. Знал... и в плен попадать не хотел. А потому сделал все, как и задумал.

Их было всего два десятка.

Точнее, девятнадцать храбрецов, которые остались защищать станцию. А до того заложили заряды везде, где могли. Нет

императора? Пусть так. Но есть клятвы. Есть слово. Есть честь. И есть – Русина.

Вот их ребята и защищали.

Они стреляли пока могли. А потом озверевшие от жажды крови «счастливчики» долетели до станции. Никон с удовольствием наблюдал, как они выбивают щиты из окон, как лезут внутрь, как набегает с криком «УР-Р-Р-РА-А-А-А-А!!!» пехота...

Сам он в атаке не участвовал, потому и жив остался.

Горелов отстреливался до последнего. А потом... ну кто сказал, что адские машинки могут делать только бомбисты и анархисты? Военные Русины с этим справлялись ничуть не хуже. Оставалось только ручку опустить вниз.

ГРОХНУЛО.

И Никон в полном шоке увидел, как встает на дыбы земля. А потом она оказалась как-то подозрительно близко – не усидел атаман на коне. Хорошо еще, не затоптали. Взрыв был такой мощности, что с лица земли стерло оба здания.

Стерло пару сотен «счастливчиков» и вдвое больше поранило: Горелов приказал начинить взрывчатку поражающими элементами вроде гаек, гвоздей и прочего железного хлама, который в изобилии могла предоставить железная дорога.

По железнодорожным путям передвигаться не осталось никакой возможности. Они были разнесены буквально в хлам. Восстанавливать их не одну неделю.

Когда Никон смог оценить обстановку... ругался он долго и изобретательно. А что толку?

Безумный размен.

Два десятка безумцев – и три сотни человек. Две сотни сразу, остальные помрут от заражения крови, станут непригодны к строевой...

А еще кони, оружие, время, силы...

Никону захотелось завывать.

Такое поражение! Такой разгром! Да если кто узнает... и ведь узнают!

Захотелось фугануть в воронку еще пару бомб, чтобы и следа этих подонков на земле не осталось. Никакого. Но вместо этого...

Будь Никон обычной мразью, люди за ним не шли бы. Так что ему даже пересиливать себя не потребовалось. Он отлично знал, как поступить *правильно*.

Ни хорошо. Ни плохо. Именно, что правильно.

– Мы остановимся здесь на сутки. Надо оценить обстановку, похоронить мертвых, подлечить раненых... да, и найдите где-нибудь камень побольше.

– Камень? – удивился податаман Белинский.

– Его, – кивнул Никон. – Поставим – и надпись выбьем. Чтобы не забывали. Как он сказал – капитан Горелов? И, надо полагать, его взвод.

Белинский аж рот открыл.

– А...

– Сам бы убил. Своими б руками! Но достойного врага надо уважать.

Крыть было нечем.

Камень, конечно, не нашли. Но Никон решил эту проблему.

Развороченный взрывом вагон – тоже отличный памятник. А внутри, там, куда не добираются ни дожди, ни грозы, он лично дописал красной краской:

«Здесь лежит взвод капитана Горелова. Они разменяли девятнадцать человек на двести жизней противника».

И расписался.

Настоящее мужество стоит уважать.

Никон этого не знал, но надпись сохранится на века. И спустя несколько столетий ее будут показывать детям. И показывать, и рассказывать...

Именно в эту секунду, проявив уважение к врагу, он обрел бессмертие.

* * *

– Так-то, атаман. А то б и мы с тобой там легли...

Федот со значением посмотрел на Паницкого.

Кто бы сейчас узнал блестящего податамана?

Сложно, знаете ли, выгребать дерьмо в алой рубахе, в сапогах со скрипом, да и завитый чуб там ни к чему. А вот простая рубаха, холщовые штаны, навроде крестьянских, и да, лапти... но лапти-то не жалко! Хоть бы и провоняли, и плескануло на них ненароком... лыка много! А вот хорошие сапоги поди достань...

Роман задумчиво кивнул:

– Могли бы...

Он уже подозревал, что Никон оказал ему услугу, разжаловав в золотари. Конечно, дерьмо есть дерьмо и ничего привлекательного в выгребных ямах не обнаружено (про селитру Роман не знал), но если тебя пристрелят – тоже хорошего мало. Федот-то прав, лучше постоять в сторонке и выжить.

Вот эти сумасшедшие на станции взяли да и сложили головы. А ведь могли бы жить да жить. Чего им стоило договориться со Счастливым?

Ну, сдались бы...

Может, их бы даже отпустили. Могли...

Гордость, честь... тьфу! Тоже мне, торы нашлись благородные! Выживать надо, понимаете, вы-жи-вать!

Кого тут защищать? Никона? Императора? Императрицу? Хормель? Ага, поищите дураков в зеркале! Роман свою жизнь класть на алтарь Освобождения решительно отказывался. Да и ребята его, и Федот были того же мнения. Пусть идиоты помирают за красивые лозунги, а им пожить охота. И хорошо пожить!

Вот уже несколько недель они пытались определить, где в обозе лежит Никонова казна. Должна ж она быть? Или хотя бы что полегче и поценнее... пара мешков с серебром, золотом... ну что-то же быть должно? Или хабар какой нужный...

Пока подозрения пали на четыре телеги, которые охраняли особенно тщательно. Но надо было еще все проверить и осмотреть. Второго шанса у них точно не будет.

Лионесс

Чего не ожидала ее величество Элоиза...

Ох, не ожидала – увидеть на своем столе конверт, запечатанный соколом.

Тем самым соколом...

Дипломатическая почта. Почти...

Несколько секунд она смотрела на конверт, словно на ядовитую змею. Потом решилась, коснулась его кончиками пальцев.

Ее мальчик, ее Кор, ее сынок сейчас лежал в своих покоях, и врачи находились при нем неотлучно. Понятно, что сын выживет, но болезнь была серьезной, болезнь затягивалась, да и переломы заживали плохо. Возможно, придется ломать руку и еще раз сращивать. А может, и вовсе переучиваться на письмо левой рукой.

Правда, к Хелле он проникся небывалым почтением. И с Русиной связываться раздумал.

Что же это такое? Что?

Долго гадать было не в характере Элоизы, так что ее величество взяла изящный ножик из слоновой кости и вскрыла конверт. На стол выскользнул листок бумаги.

И еще пара секунд.

Пара секунд, в течение которых можно уверить саму себя, что все обойдется. Или – нет?

«Государыня, сестра моя Элоиза!

Рада Вам сообщить, что я жива, здорова и приняла свое наследство. В настоящий момент я являюсь действующей императрицей Русины.

Мои войска идут на Звенигород, и надеюсь, что скоро смогу написать Вам, сидя за тем же столом, что и мой несчастный отец. Глядя на город из окон Кремля. Полагаю, Вы помните его последнюю просьбу?

Я освобождаю Вас от данного обещания.

Предпочитаю разделить с Русиной ее судьбу, а не пользоваться гостеприимством чужих людей. Тем более что принять моего отца Вы отказались. Полагаю, и мой визит будет не слишком удобен для Вас.

Но взамен прошу Вас позаботиться о тех ценностях, которые вывез из страны мой отец. Перечислять здесь я их не буду, полагаю, Вы отлично знаете и корабли, и что именно прибыло в Лионесс.

Эти ценности должны быть помещены в банк «ЛЛБ» и выданы либо мне, либо лицу, которое предъявит мое коронационное кольцо (не сомневаюсь, что Вы его помните, тетушка), и письмо за моей подписью.

В крайнем случае – моему наследнику, который докажет родство со мной по прямой линии.

Список ценностей я оставляю у надежных людей.

Примите заверения в самой искренней моей к Вам симпатии.

Вашего величества добрая сестра, императрица Анна.

P.S. Надеюсь, мой дражайший кузен выздоравливает? Три перелома – сложная штука, особенно когда один из них открытый. Очень прискорбный случай. Нечто подобное имело место быть и в Звенигороде, с людьми некоего жема Пламенного, когда те решили поставить себя выше богов. За что и были наказаны.

А.»

Элоиза сжала кулаки так, что порвалась плотная веленевая бумага.
СУКА!!!

И в кого только такая выросла... в мамочку?!

Все Элоиза отлично поняла, и то, что было написано НА бумаге, и то, что подразумевалось. А именно...

Анна не собиралась дружить.

Не забудет предательства.

Не станет доверять. А банк «ЛЛБ»... Лионесс-Ламермур-Борхум. Три государства, которые его создали. Оттуда не выцарапаешь побрякушки, и не... ну, она же тоже имеет на них определенное право! Как родственница!

Вот!

Но сейчас это право стремительно нивелировалось. И оказывается, что у Анны есть... наследник?

По прямой линии?

И – кто?! Неизвестно. Но надо полагать, все документы, удостоверяющие родство, у него есть. А намек насчет Корхена...

ТВАРЬ!!!

Прекрасно она все понимает. Еще и издевается, негодяйка!

Ни денег, ни... чем вообще занят Вэлрайо?!

Вэлрайо...

А ведь никто другой не мог сказать этой гадине... О том, что наследник сломал руку, знают все. А вот конкретно о количестве переломов, от силы – человек десять. Вэлрайо знал.

Но тогда...

Вэлрайо пропал.

Элоиза почувствовала, как к сердцу подкатывает ледяная волна.

Если он у Анны... он наверняка у Анны, и она намекает...

Выбора нет. Придется выполнять все требования мерзавки! Пока – придется.

Элоиза, окончательно потеряв и терпение, и человеческий облик, заскрежетала зубами. За что и была тут же наказана.

Щелчком.

И приступом острой боли.

Передний зуб не выдержал нагрузок. Откололся. И остался у Элоизы на самом видном месте во рту некрасивый кусок. Мало боли, так ведь еще и сколько придется теперь вынести у цирюльников, которых ее величество боялась и недолюбливала!

Разумеется, это тоже были происки негодяйки Анны. Вот кто бы сомневался?

Яна, Русина

– Ваше императорское величество, неужели вы тоже выступаете в поход?

– Безусловно. Я обязана разделить судьбу своих солдат, какой бы та ни была.

Яна была уже в форме. Ей предлагали коня, и она согласилась. Из города она выедет на коне. И какое-то время поедет верхом. А в безлюдной местности с громадным удовольствием переседет в броневедомоиль. И уютнее, и спокойнее, и не гадит он, кстати... А еще не кусается, как этот экологически чистый транспорт, да и воняет поменьше.

Бензин?

А вы конский пот нюхали? Так не поленитесь, прогуляйтесь до ипподрома. Лошади пахнут не розами и какают, простите, не бабочками. Но – картинка должна быть. И придется терпеть лошадь.

Сей очаровательный конек по кличке Бегемот сейчас стоял рядом. Спокойно стоял, смирно. Повезло – нашелся флегматичный и здоровый конь, который готов был терпеть такого наездника, как Яна. Ну и без выкрутасов, что немаловажно.

– Ваше...

– Государыня, торы и жомы, сэкономим наше время.

Репортеры заулыбались. Императрицу они вообще полюбили. Не то чтобы Яна уважала прессу, скорее знала, как с ней обращаться.

Прессу надо прикармливать сенсациями, иногда добавляя к ним пару золотых, и чесать за ушком.

Не всегда и не везде. Но местную прессу – обязательно. Она не разбежалась, не залезла под кровать и не затаилась. Местные репортеры вполне серьезно стараются донести до своих читателей хоть какие-то известия. Есть за что уважать.

Яна и Черчилля уважала, кстати. Англию не любила, но сэра Уинстона ценила. Он, видите ли, во времена оны отправился на Кубу, а потом и на англо-бурскую войну военным корреспондентом. Туда, где стреляли, убивали, пытали пленных... и он мог в любой момент оказаться в числе погибших.

Но поехал же!

И лез во все бочки затычкой. И писал...

Это вам не трусы очередной звездюлины описывать. И не на гей-парадах интервью брать... хотя последнего Яна бы тоже опасалась. Сходишь так одного цвета, вернешься другого.

В Русине звездюлин пока не было. И гей-парадов тоже. Так что писали бедные репортеры о войне. Врали, конечно, но не сильно. Когда война вокруг тебя, сильно и не соврешь. А когда критику наводят не через интернет и комментариями, а при личной встрече, да сапогом в зубы, тем более поосторожничаешь. Подумаешь, и что писать, и о ком писать.

Бывали случаи.

Репортеров на дуэль не вызывают, но коллизии бывают самые разные. И использовать репортера вместо зайца в охоте на собственно зайца, и немножко его перепутать с боксерской грушей...

Бывало.

Потому в Русине соблюдался паритет. Пресса не сильно наглела и была цела-здоровая. Не акулы пера, скорее – воспитанные и вежливые пираньи местного разлива.

Поэтому с местной прессой императрица общалась достаточно корректно и радушно. Не цедя слова «через губу», не давя высокомерием и не сверкая титулами. А могла бы...

Репортеры это оценили и писали о Яне в самом положительном ключе. Да и сложно было написать иначе. Яна не делала ничего плохого. Она работала с бумагами, взяв на себя часть административных хлопот, она прогуливалась по городу, ходила в храмы, выслушивала людей, старалась помочь...

– Государыня, не проще ли будет остаться в Ирольске, а потом поехать вслед за войском? – уточнил один из репортеров.

«Алексей», – припомнила его имя Яна. И отрицательно качнула головой.

– Жом Алексей, я императрица Русины. Отец передал мне эту тяжелую ношу. И я обязана. Обязана выдержать. Хотя бы то, что выдерживают мои солдаты. Те люди, которым приходится намного тяжелее, чем мне. Которые прошли по дорогам Русины, которые стреляли в противника, которые защищали и продолжают защищать даже не меня – свою родину. Разве я могу ответить им неуважением? Остаться в стороне? Я постараюсь не мешать генералу Валежному, но сделаю все, что смогу. Даже немного больше.

– Государыня, вы согласны на переговоры с освобожденцами?

– Чтобы сохранить даже одну человеческую жизнь, я соглашусь на переговоры хоть с гигантским слизнем.

Репортеры от души посмеялись над сравнением.

– Что будет, если они не согласятся на переговоры?

– Штурм, – просто сказала Яна. И развила тему: – Кровь, боль, отчаяние и горе сотен тысяч женщин. Ради тех, кто живет под этим небом, я надеюсь, что Пламенный согласится на переговоры.

– Государыня, выбрана ли кандидатура императора?

– Пока еще нет.

– Но возможно...

Яна покачала головой:

– Я с радостью выйду замуж. Но только за человека, которому можно доверить судьбу Руси. И никак иначе.

– Государыня, как вы сможете определить такого человека?

Яна улыбнулась. Вот всех освобожденных подряд она не знала, а Тигру можно доверить судьбу Руси. Опять же, она помрет вскоре после брака, и за подставу ей ничего не будет. Вот ведь... в чем угодно можно найти свои плюсы.

– Это будет человек, которому страна дороже собственных амбиций. И никак иначе.

– А любовь, ваше...

– Она у нас будет. К Русине. Общая.

Яна улыбалась. Отвечала на вопросы, шутила, потом заиграла труба, и она шагнула вперед. К Валежному.

Ему – говорить.

Ей – быть рядом. Быть символом. Это правильно. Это лучшее, что она может сделать здесь и сейчас.

– Солдаты! Братья мои! Сегодня мы выступаем...

Валежный говорил хорошие и правильные слова. О том, что враг будет разбит, что победа будет за ними, что они справятся – ради Руси, что им надо сделать еще одно, последнее усилие...

Яна слушала, и ей хотелось плакать.

Пафос?

В том-то и дело, что не пафос! Если политик, который в двадцать первом веке произносит речи о свободе и равенстве, выглядит смешным и нелепым, назойливым и напыщенным, то Валежный не просто говорит.

Он верит в свои слова.

Он за них готов жизнью ответить. А возможно, и ответит.

Почему такие люди перевелись в ее времени? Когда все свернуло не в ту сторону? Когда при слове: «честь» начали презрительно улыбаться, возводя во главу угла личную выгоду?

Когда?

Что можно сделать, чтобы этого не произошло в Русине?

Яна стояла и не замечала, что из ее глаз катятся слезы.

Сами по себе, неконтролируемо, рефлекс такой, или пыль попала... Заметили журналисты. Заметили солдаты. Но все промолчали.

Запела труба. Яна взлетела в седло (каждый день тренировалась) и направила коня к выезду из города.

Она не прочитает хвалебных статей. Не узнает, что о ней будут говорить. Ей это не важно. Она едет умирать. И должна сделать это, как символ.

Не только для Русины.

Георгий должен гордиться своей матерью. Чтобы когда-нибудь понять ее и простить...

Слезы все текли и текли. И Яна не вытирала их.

Ветер в лицо, пыль... понятно же! Сами высохнут...

Ида, Свободные герцогства

Что такое монета, Гошка знал хорошо. Что ж он – несмышлена трехлетняя, что ли? И что такое деньги, и как их зарабатывают, и что сколько стоит, и даже как торговаться – все он знал и все умел.

Правда, не понимал, зачем оно ему нужно? У него все есть. Даже на сладости тетя Ида денег дает. То есть они просто лежат в шкатулке, бери – не хочу.

Его ни в чем не ограничивают.

Они с Идой везде ходят, они в госпитале помогают, и Потапа уже допустили к перевязкам. Потом, правда, отстранили. Говорят, рука у него тяжеловата. Но если где что вынести, принести, перевернуть, подтянуть – только его и зовут.

А вот у Гошки руки хорошие. Ему даже уколы уже делать доверяют.

Говорят, и не чувствуется ничего. Как комарик укусил.

Мальчику было интересно. Крови он не боялся, отвращения не испытывал... ну и просто – любопытно! Жом Станислав говорит, что скоро его можно будет и на операции брать. Пока ассистировать, убрать, принести, но это для начала. А как подрастет чуточку, ему и инструмент подавать, и швы накладывать доверят!

Интересно же!

Безумно интересно!

Но ведь жизнь не состоит из одной работы! И погулять хочется, и по улицам пошататься. Но тут-то и возникают проблемы. Герцогства...

хоть и не война, но все же детям лучше не ходить одним. Топыч – дело другое. С ним можно, он почти взрослый. Но тут еще одна беда.

Топыч не знает местного языка. Поэтому объясняться приходится Гошке, а его не все слушают. Остается играть в парке рядом с домом. Через одну улицу от дома.

Сюда ходят дети с гувернантками, здесь прогуливаются почтенные граждане, здесь... нет. Вот парочки здесь не встречаются. Это не свидание получается, а сплошное издевательство.

Если тебя и не увидят родные, то им обо всем расскажут знакомые. Никакой тайны. Напрочь убитая романтика.

Вот в парк Ида Гошку отпускала с чистой душой. Тем более с Топычем.

Она вообще была вчера счастливая. Получила весточку из Русины и показала все Гошке. Жом Ураган свою любовь не забывал. И понимал, что напрямую некоторые вещи не напишешь.

А вот передать парочку вырезок из газет – спокойно. С фотографией Яны и статьей: «Прибытие императрицы в Ирольск». Валежный расстарался.

И черкануть буквально несколько слов...

Константин не рассказывал ничего о своих буднях. Не касался работы, не писал о том, что все они находятся в смертельной опасности.

«Люблю. Целую. Береги себя».

А что еще требуется? Да ничего...

Гошка знал, что Ида отправила ему ответное письмо. Что письмо Ида писала несколько дней, скорее, даже выдержку из дневника. Константин сам об этом просил.

Когда вокруг война, грязь, когда боль и злоба, жестокость и ненависть, очень нужно, чтобы кто-то тебя ждал. Чтобы в жизни было нечто, кроме всего... вот этого. Страшного. Чтобы помнить о счастье и оставаться человеком.

Ида и писала.

Рассказывала про госпиталь, про операции, про лето, которое пришло в Герцогства быстрее, чем в Русину, про цветы, которые здесь уже зацвели. Даже нарисовала какие-то такие... белые.

А еще писала, что любит. И будет ждать.

Гошка знал.

И вот этого... типчика он тоже знал.

Тор Рессаль. О котором Ида предупреждала, чтобы с ним не связывались.

Монета? Ну ты нахал, голубчик!

– Гошка, смотри, карета стоит. Небось какую подляну готовит, – шепнул Топыч.

– Стоит...

– Его. Ты коней глянь, я ж их не спутаю, я деревенский...

Гошка оглядел парк.

Все верно. Неподалеку от входа стоял экипаж. Карета глухая, темная, незнакомая. А вот кони вполне знакомые. Рессалевские. Топычу они нравились. А вот карета другая, это плохо. И закрытая, ори не ори... не услышат. Есть такие. Если Армандо захочет увезти кого-то из них... далеко тащить не придется. И еще один тревожный звонок – на козлах его экипажа сидит кучер. Хотя обычно Армандо предпочитал гонять сам, не доверяя никому своих драгоценных коней.

И кучер подозрительный!

Будь Гошка обычным ребенком, он бы и внимания не обратил. А кучер-то... как писалось в старинных романах, продувная рожа. Даже не то что плут, а сразу видно, за пару монет на многое пойдет.

Нормальный ребенок не подумал бы, что из парка им идти мимо кареты. И их легко схватить. Но то нормальный...

И Георгий, и Потап многое видели в Русине. Яна оберегала мальчишек как могла, но глаза-то не закроешь и уши не зажмешь. Мальчишки видели смерти и боль, мальчишки видели, как убивают людей, мальчишки слышали рассказы о войне – тут уж и Яна постаралась. Пусть лучше учатся на чужом опыте, как она когда-то, на кордоне. Слушала рассказы, разговаривала с людьми, а потом оно и выплывать начало. Не всегда вовремя, но лучше так, чем вообще никак.

А чего Армандо?

А чтобы их спугнуть, надо полагать. Возьмут они монету, поддадутся на уговоры – он их уведет из парка сам. Не возьмут, так все равно ж уйдут. Разве нет?

И нигде не сказано, что в карете никого нет.

Мальчишки переглянулись.

И что делать?

Тор Рессаль и верно – переходил от отчаяния к негодованию.

Если начиналось все как желание легкой победы, то потом, постепенно, оно переросло в злость. Негодование даже.

Меня. Смеют. Отвергать.

Да как она вообще себе такое позволяет?! Что она о себе думает?! Моль бледная, страшная! Девка из госпиталя, где, может, ее...

Армандо и пытался так думать. А не получалось.

Говорят, к чистому грязь не липнет. Ну так и к Иде она решительно не липла. Не получалось. Армандо мог представить ее влюбленной, счастливой, мог представить невестой. Но никак не получалось вылепить из нее шлюху. Даже в своем сознании. И не внешность тому виной. И не повадки. Это все подделывается, давно и привычно. И немало мужчин попало на попользованный крючок, на который насадили белоснежный цветок. Это бывает.

Но Ида была другой. Искренней и в мыслях, и в чувствах, она не играла, она была... настоящей она была, и это еще больше бесило Армандо.

Получается – он недостаточно хорош?! ДА?!

И с каждым днем все сильнее становилось желание не просто соблазнить – унижить. Растоптать, смешать с грязью, уничтожить... только вот раньше у нее слабых мест не было. Разве что собака, но там еще кто кого уничтожит.

Мальчишки?

А вот это интересно. Что будет, если они пропадут? На что пойдет Ида ради этих сопляков? Это Армандо и решил проверить.

Снял дом на окраине... посидят там пару дней, один или оба, как получится. А он за это время как следует попользуется Идой. Причем все будет по добровольному согласию. Куда она денется, если захочет, чтобы ей сопляков вернули?

Армандо понимал, что это бесчестно. Но...

Но сколько еще можно терпеть и ждать? Да и родители прижали с деньгами. И вообще... настаивают, чтобы он отправился управлять помещьем в какое-то захолустье... нет, это просто невыносимо!

Ну, иди сюда, мальчик... иди ко мне. Видишь, монетка?

Гошка видел. Но близко подходить не спешил. Вместо этого засунул руки в карманы и выдал прямо в лицо Армандо:

– Дядя, ты извращенец?

Впервые тор Рессаль не нашел, что сказать.

– Я-а-а-а?

– А чего ты мне деньги предлагаешь? Ты учти, я нормальный.

– Меня тора Воронова интересует, – с достоинством выпрямился Армандо.

– Я ее племянник.

– Я просто хочу тебе предложить заработать. Я тебе дам денег, если ты мне расскажешь, что она любит, чего не любит...

– Это можно, – кивнул Гошка. – Сколько дашь?

– Эм-м-м... один золотой?

Гошка даже брови поднял в возмущении и стал неуловимо похож на свою бабушку Аделину.

– За такую информацию? Один золотой?! Скажу сразу: жмотов не любит никто!

Армандо скрипнул зубами. Но взял себя в руки. Ему просто надо выманить мальчишку к выходу из сада. Так что можно хоть луну обещать.

– Десять?

– Уже лучше. Но сто звучит приятнее.

– Сто монет золотом?! Да ты с ума сошел!

– А я читал – любовь бесценна?

Армандо посмотрел на мальчишку почти с ужасом. Что за дети пошли? Нет, он в его возрасте таким не был... это точно! Или был? За отцом он точно подглядывал, когда тот с гувернанткой общаться изволил в горизонтальной плоскости.

Но денег-то он с отца не требовал?

– Предлагаю. Пойдем со мной в кафе, посидим, я тебе куплю мороженое. И расскажешь мне о своей тетке подробно. А потом я тебе дам денег и провожу тебя... вас... до дома. А где твой спутник?

Гошка ухмыльнулся. Уже с откровенным торжеством.

– Там.

Впрочем, Армандо и так обернулся бы.

Лошадь – милейшее животное. Доброе, умное, спокойное. Флегматичное даже...

Если речь идет не о породистых скакунах.

И если этому породистому скакуну не стегнули по боку горячей веткой со всей дури.

А что еще оставалось делать Потапу и Гошке? Отбиться они не смогут, сами уж точно. Звать на помощь? Так взрослые же кругом! Пока им что-то объяснишь, полгода пройдет. И верить они склонны не детям, а друг другу. Кстати – зря, дети врут меньше.

Поэтому пока Гошка отвлекал внимание, Потап по-простому вылез из парка (именно вылез, через дыру в ограде), достал из кармана серные спички, подобрал подходящую ветку и поджег кончик. Чтобы обжечь, но не покалечить, как уголек на конце получился. Не горение, а тление.

Сообщник Армандо сидел на козлах и смотрел на хозяина. А Потап потихоньку подошел с другой стороны да и вытянул по боку лошадь что было сил. Животное ему было искренне жалко. Но себя – еще жалче.

Лошадь заржала, встала на дыбы... попыталась, упряжь помешала. Но вот рвануть с места в карьер – запросто. Кучер едва удержался на козлах, но о каком-то похищении и речи уже не шло.

Армандо помчался к воротам, потом вспомнил про мальчишку, но того уже рядом не было.

Жалел Гошка о двух вещах.

Первая – не успел договориться и получить оплату. Было бы приятно стрясти деньги с мерзавца.

Вторая – в парк безопасно гулять уже не выйдешь. Да и просто выходить опасно. Если человек перешел к силовым методам решения вопроса, он уже не остановится.

Ничего, вот мама приедет, она порядок наведет. Гошка был в этом свято уверен.

Дядя Федор? Меншиков?

Он тоже может. Кстати, у него же и охрана есть. Если что, надо с ним будет поговорить. Если тетя Ида постесняется. Она может, она такая...

– Как бы пошли этому поганцу переломанные ноги, – вздохнул рядом Потап.

– Все четыре ноги, – уточнил Гошка.

Мальчишки переглянулись и громко заржали. Переживать они не собирались. Тоже последствия войны.

Отбились? Живы? Не ранены?

Все в порядке, идем домой.

* * *

Ида выслушала новости без особенного ужаса. Задумалась.

– Плохо.

– Очень плохо, – согласился Гошка. – Он не отстанет.

– Значит, надо будет... – Ида потерла лоб. Вот ведь дилемма.

– Переезжать? Мы не можем, – покачал головой Гошка.

Он думал о матери.

Ида – о жоме Урагане.

Близкие люди будут их искать, не найдут, невесть что подумают, а как вообще легко растеряться в этом мире?

А если оставить для них дорожку, кто сказал, что по ней не пройдет Армандо? Деньги открывают любые двери.

И еще о купце Меншикове, который собирается покупать здесь дом. И о том, что у него порядка сотни человек охраны из Русины. Но если кого из них попросить... тут есть своя тонкость. Валежный называется.

Яна не хотела, чтобы он распоряжался Гошкиной судьбой. Поэтому Ида приехала, Ида уехала, а о том, куда увезли детей, купец вообще помолчит. Пока не наймет собственную охрану.

Размышляли они долго, но ни до чего хорошего не додумались.

Сложно это...

Но и ждать, пока что-то случится с мальчишками или с Идой?

Нельзя. А что делать-то? Травить, что ли, негодяя? Увы, это в Русине сейчас можно перетравить половину населения, никто и не увидит. А в Герцогствах это уголовно наказуемо.

Наверное, придется попросить Меншикова. И с Валежным смириться. А то кто ж его знает, до чего еще Рессаль додумается? На пакости он повадливый, но ведь глуп! А значит, и хорошего ничего не выйдет. Как бы детей не покалечили.

Ида потерла лоб, потом набросала текст телеграммы.

– Пожалуйста, Потап. Это срочно. Сходишь? Я попрошу слугу тебя сопровождать.

– Конечно.

Потап все отлично понял.

Сопровождающий не даст ему пропасть, потеряться, заблудиться. А сам Потап не даст никому заглянуть в телеграмму.

Есть свои преимущества и в законопослушности. Чтобы кто-то на почте в Герцогствах показал Армандо телеграмму? В Русине еще могли, за отдельную плату, а тут не станут.

Не покажут. Даже если он на коленях умолять будет.

Так и решили. Пока просим помощи у купца, а дальше будет видно.

– Точно. А там и мама приедет, – кивнул Гошка.

– Или Костя, – согласилась Ида.

Троица переглянулась. И высокородные торы дружно поглядели на крестьянина, жома и вообще мальчишку.

– Потап, отправляй бегом телеграмму. И из дома только со мной или с кем-то из слуг, – скомандовала Ида.

– Переходим на осадное положение, – буркнул крестьянский сын.

А что было еще делать? Рисковать детьми Ида не могла, да и собой тоже не хотела. Ей-ей, отравить негодяя кажется и то легче. И плевать на все законности!

Сто раз заслужил!

<i>Анна, Россия</i>

– Ты меня поняла?

– Да.

– Доедешь до Брюховиц, там улица Ленина, шесть. Постучишь, скажешь, что от Леси, и заберешь сумку. Привезешь, отдашь мне. – Все и всё знали, но Олег повторял еще раз. Пусть лучше девчонка злится, а не волнуется.

– Хорошо.

Кира кивнула и отправилась на улицу. Вместе с сумкой.

Недалеко ушла, правда. Аккурат до патрульной машины.

А что? Не ехать же в эти Брюховицы на электричке? Вот еще не хватало! Да и кто бы ее одну туда отпустил...

Улица Ленина?

Казалось бы, центр села. Но... центры – тоже бывают разные. Вот эта улица была устроена так, что начиналась в низине. Рядом с протекающей речкой-вонючкой. Да, воняло в буквальном смысле.

В деревне же не всегда бывает центральная канализация. Вот стоки и сливаются... в низины. Не нравится? Не нюхайте. А то ишь ты... чистоплюи нашлись! Сами небось тоже не розами гадють! Зато жалуются!

Дом номер шесть вообще был жуткой развалюхой. Половина окон выбита, вторая ждет своего кирпича, стены некогда зеленые, а теперь обшарпанные, вонь такая, что глаза режет, огород рядом с домом зарос бурьяном по маковку... Кира даже в дверь стучать побоялась.

Рукой.

Ногой постучала.

Раз, второй... на шестой дверь приоткрылась.

– Какого... растакого?

У открывшего дверь существа были определенные следовые признаки человека. А именно – штаны. Все остальное явно принадлежало крупной обезьяне. Гадкой такой, даже на вид. Рыжей, кудлатой, местами плешивой и пьяной как бы не с момента рождения.

Да, еще человекообразными были тапочки. Одна. Вторая где-то потерялась. Оставшийся герой был дырявым, и Кира отчетливо видела ноготь на большом пальце неведомой зверушки. Длинный, сто лет не стриженный, темно-желтый... Точно – недавно с пальмы слез.

– От Леси, – отрезала Кира.

– От Ле-еси?

– Она сказала что-то забрать и отвезти.

– Щас. Погоди малеха.

Кира осталась стоять на крыльце. И не жалела.

Войти в этот дом?

Только под общим наркозом. И то сопротивляться будет до конца.

Долго ждать не пришлось. Кира получила небольшую спортивную сумку синего цвета и отправилась с ней в обратный путь. В ту же машину, к понятиям...

– Оп-па! Какие прелести при нашей бедности! – Лейкин аж своим светом светился.

В сумке была бережно уложена среди старых газет какая-то белая... колбаска?

– Это что?

– Наркота это, наркота... – Лейкин аккуратно разрезал перочинным ножиком упаковку, подцепил на кончик пальца, понюхал, лизнул и тут же сплюнул. – Точно.

– А можно попробовать?

– Не разбазаривай доказательства, – отрезал Лейкин. – Поехали.

Понятые с ним были согласны.

Пока доедут, пока все оформят... а впереди ж еще одно интересное дело!

* * *

Кира отдала Олеся сумку и отступила назад.

– Мы в расчете.

– Зайти не хочешь?

– Нет.

– Ладно... тогда проваливай.

– Я тебе точно ничего не должна?

– Не должна.

– Осмотри содержимое сумки. Иначе так и буду стоять тут в дверях. Вдруг ты потом передумаешь...

Олеся скривилась, но Кира продемонстрировала непреклонную решимость, и выбора у девчонки не осталось. Она расстегнула сумку, поворошила газеты, наткнулась на «колбаску», согласно кивнула.

– Все, ты ее довезла.

– Тогда – салют.

Кира шагнула в сторону и прикрыла дверь.

Щелкнул замок.

Отойти Олеся далеко не успела. Даже сумку еще не положила. В дверь затрезвонили опять.

Взгляд в глазок – Кира! Чего этой идиотке надо?

Олеся в гневе распахнула дверь, подумав, что отрабатывать Савойская ей еще долго будет. И это было последней связной мыслью, потому что в квартиру ворвалась полиция.

Кира благоразумно исчезла. Ее показания и так в деле будут, а сейчас ее присутствие необязательно.

Что будет дальше?

Она знала.

Дальше будет обыск. Найдут наркотики, причем много, а согласно УК РФ, симпатичной статье номер двести двадцать восемь, за это много чего интересного положено. И мамочка не отмажет.

Конечно, Олеся будет орать, что это все виновата Кира. Но тут уж – простите.

Все в курсе, полиция с самого начала в деле, и развалить его не удастся. Так что... грязи на земле меньше будет. А это уже неплохо.

Кира это понимала.

Все будет хорошо, все обойдется, и она останется чистенькой.

Но... вот в данный момент она сидела на заднем сиденье джипа, крепко обнимала Анну (а Боря обнимал обеих своих женщин) и ревела так, что самой страшно становилось. Истерика накатила.

И в то же время – радость.

Вот это и есть семья, ее семья. Когда можно прийти с любой проблемой, и тебя поймут, поддержат, когда ты доверишься людям рядом с тобой, когда знаешь, что тебя не ударят в спину.

Это и есть оно. Настоящее.

Не хватало только Георгия, но малыша Анна решила оставить дома. С Розой Ильиничной. Нечего ему по области и городу несколько часов мотаться.

Она тоже была рада, что все разрешилось. И все будет хорошо.

А уж как был рад Борис...

Особенно тому, что Кира обнимала Анну.

Его семья.

Его родные, любимые и близкие. То, ради чего стоит жить. И кстати, надо бы съездить, подать заявление. Лично он за законный брак. Чтобы все видели, что Анна – его жена! И никому он свое сокровище не отдаст...

Здесь и сейчас Борис Савойский считал себя очень везучим и счастливым человеком.

Глава 9

И нежным румянцем окрасилась речь

Русина, Володимирская область

– Кабан.

– Счастливчик. Прости – Счастливый.

Никон только рукой махнул. Ясно же, оскорбить его не хотели.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Слышал о том, что натворили негодяи-бывшие в Хормельской волости, – лицемерно произнес жом Кабан, названный так не только за сходство с геральдическим зверем. Ой нет...

И глубоко посаженные глазки, и сломанный в четырех местах, неудачно сросшийся нос, и поросшие обильной рыжей шерстью руки и грудь...

Это – внешнее.

А вот внутреннее намного интересней.

Кабан – одна из самых опасных зверушек в лесу. Недаром их очень любили рыцари. И в виде окорока, и на щит наклеить, и на знамени вышить. Кабан очень быстр, хоть так никогда по нему и не скажешь. Очень умен, силен, злопамятен... даже не так. Он вообще обладает отличной памятью.

И поверьте, не просто так данного жома прозвали Кабаном. Означенной зверушке еще и было чему у него поучиться. Безжалостности, жестокости, коварству...

Броневой знал, кого отправлять навстречу Счастливому.

Сам Броневой занял более важную позицию, на подступах к Звенигороду. А жому Кабану, одному из лучших своих командиров, внятно объяснил его задачу.

Обаять Никона. Заключение союз. И – да! Подставить союзника под удар. При этом не забывая, что Никон тоже далеко не дурак.

И что идет на них Валежный, который не отличается ни добротой, ни терпением.

Вешать будут всех.

Кабан внял, проникся и радовался Никону, как родному. Никон так не радовался, подозревая подвох, но выбора все равно не было. Поодиночке их сожрут. А вот в связке появлялась возможность отбиться.

Оставалось выяснить, кто будет командовать. Но и тут у Кабана были четкие инструкции.

Это среди исполнителей дураки встречаются. А на высших постах их не бывает. Их съедают.

– Жом Никон, вами командовать, что воду в решете носить.

Никон кивнул.

Ну да, подозревал он Кабана, подозревает и подозревать будет. И в каждом приказе будет искать подвох. А значит – промедление. На войне это часто равносильно проигрышу.

Опять же, своих людей Никон постарается под удар не подставлять. И опять – проигрыш.

– У нас тут город Володимир, – ткнул пальцем в карту Кабан.

– Ну да...

– Вот смотри. Эту позицию займу я. Эту – ты. И обороняться будем, как сами захотим. Главное – не пропустить врага к городу.

Никон задумчиво смотрел на карту. Он подошел с юга, вот его и поставили южнее Володимира. Кабан встанет севернее. И передвигать части не придется. Это удобно.

А в чем подвох? Вроде как позиция вполне удобная, лишних проблем возникнуть не должно, тут и пролесок есть, и холмы, и лощины – обороняться удобно. Железная дорога чуть поодаль, то есть с ней тоже проблем не будет.

Нет подвоха?

Не верится. Но и прицепиться не к чему. Разве что у Кабана рядом с лагерем проходила ветка узкоколейки. А у Никона нет. Но ему та колея два раза не нужна! Нормальный бронепоезд по ней отродясь не пройдет, а дрезина или чего там еще...

Да тьфу, три раза...

– Ну... давай так.

– Если мой участок фронта проломают, вы придете на помощь. Если наоборот – я приду.

– Согласен.

– Вы свои идеи среди освобожденных не продвигаете, я среди ваших ничего лишнего не говорю.

– Опять согласен.

Условия были более чем выгодными.

– Больные, раненые есть?

Никон скривился. Штурм того чертова переезда ему в кошмарах аукался.

– Есть...

– Их в город, в лазареты. Что с патронами?

– Много не бывает.

– Часть дам, часть купить придется.

– Сколько?

Торговались мужчины долго. Орали с громадным удовольствием. Шлепали ладонями по столу, обзывали друг друга, но сговорились. Сто тысяч патронов Никон получал бесплатно. Еще пятьсот – за пятьдесят тысяч золотом. Благо такая сумма у него была.

Безвозмездные пожертвования на правое дело – называется.

Добровольные? Когда как. Обычно люди добровольно выбирали жизнь. И жертвовали золотом.

Что ж. Части были расставлены, люди на своих местах. Оставалось обживать и ждать врага. Долго бы такая идиллия не продлилась, но Валежный действовал решительно.

Его авангард под командованием полковника Чернова вышел к Володимиру примерно через две недели после появления там Никона. Чернов не был тором. Обычный, в прошлом, крестьянский сын. Впрочем, личное дворянство он уже выслужил, а там и потомственное не за горами будет...

Были бы живы.

* * *

Полковник Чернов оглядывал Володимира.

Старинный город. Красивый.

Золотые купола, каменные белоснежные стены Кремля... жалко будет по нему да пушками. А придется.

Разведка донесла, что под Володимиром ему предстоит сцепиться с Никоном. А Валежный настрого наказал: никаких переговоров с негодеям.

Приказам генерала надо подчиняться, так что Чернов раздавал соответствующие указания подчиненным.

Орешник, Беркут, Роговка, Крутое...

Деревеньки под Володимиром, с севера на юг, которым предстояло стать жестоким полем боя. И они им стали...

Чернову было некуда торопиться. До подхода основных частей еще есть время, а потому... медленно надо. Никуда не спеша. И завалить врага так, чтобы не встал и не выправился.

Итак, Орешник...

* * *

Если деревня названа Орешником, это не просто так. Это за лещину. А если кто собирал дикие орехи... Они вкусные, питательные, а вот как выглядит сама лещина...

В зависимости от везения. Это может быть или куст, или дерево. Если дерево, то не слишком высокое, метров пять. И крона-то у него пушистая. А вот ствол – тоненький...

Не то чтобы рощу напросвет видно. Но и не промахнешься.

Вот рядом с Орешником лещина росла именно такая. Ей бы кустарником быть – он пушистый, густой, за ним слона спрятать можно. А когда деревце... решительно неудобно. Но не ждать же, пока кустарник вырастет?

«Черныши», по фамилии полковника, примерялись к позициям. Постреливали. Получали в ответ такие же выстрелы.

«Кабаны» уже давно здесь окопались и демонстрировали, кто в лесу хозяин. Но «черныши» сдаваться не собирались.

Они не рвались вперед, они не давили массой, они попросту изматывали. Не активная дуэль, нет. Скорее, два снайпера, которые засели друг напротив друга. И поглядывают. И постреливают.

Кто кого?

То одни наступали, то вторые.

То один человек падал навзничь, то другой. Смерть собирала свою жатву. А если бы кто-то посмотрел вверх...

Высоко вверх, туда, где облака.

Но кто во время боя глядит в небо? Только умирающие. А им мерещится. Конечно же, им мерещится, что между облаками, неслышно, на своих пушистых крыльях, пролетает белая сова.

Хелла была настороже.

* * *

– Ты точно знаешь? Четвертая телега с краю?

– Да. Вон та, в которой две гнедые лошади.

Все верно. И телега была более аккуратной, и лошади выглядели ухоженными и откормленными.

Бывший податаман Роман Паницкий с удовольствием оглядывал свое будущее.

Свое ли?

Он так думал. А что там думает Федот, что думают два десятка его ребят... пусть думают. Им полезно. Итак, та телега.

И видно, что в ней какой-то хороший груз. Вон, колеса проседают...

И возница явно из доверенных Никона.

– Что ты предлагаешь?

План у Федота был уже готов.

Угнать телегу, а лучше две или три, для верности. Подождать ночи, когда в очередной раз «черныши» перейдут в наступление, потихому перерезать охрану, ну и отогнать в сторону несколько телег. А потом уйти холмами. Лучше всего между Роговкой и Крутым. Если получится – добро сразу в мешки и на лошадей. Нет? Тогда именно на телегах. Там как раз можно потихому проехать. Опасно, конечно, но надо дожидаться, пока бой будет идти чуточку в стороне. Потом свернуть на Крутое – и давай бог ноги. Бежать надо сейчас, дальше будет сложнее.

Подойдут к врагам подкрепления... или к ним кто-то подойдет, не важно. Все равно станет сложнее. А вот именно сейчас, пока есть возможность...

Да, наверное, эта телега подойдет. Вон как ее охраняют. И лично Никон в обоз когда навевывается, парни говорили – к этой телеге.

А еще он, сволочь, сколько золота за патроны заплатил!

Понятно, не последнее! И золото у него должно быть с собой! Вот Роману оно тоже не помешает.

Мужчины строили планы на будущее.

* * *

Полковник Чернов не зря возглавлял авангард. Вот в чем ему не было равных, так это в мгновенных, кинжальных ударах. Атаковал он решительно, словно кот, и так же неожиданно.

Вроде бы все было мирно, спокойно – и тут внезапный рывок!

И жертва даже не успевает понять, что случилось.

Это – о нем.

Вот и сейчас.

Три дня они сходились и расходились. Три дня маневрировали, словно на шахматной доске.

Три дня Чернов приучал и Никона и Кабана к мысли, что он никуда не спешит. И наконец...

Удар был стремительным и непредсказуемым. Артиллерия?

О да. Но когда есть гранаты, способные вынести любые ворота, это тоже неплохо. Главное – подобраться на достаточное расстояние. И Чернову это удалось.

Один отряд, укомплектованный самым лучшим оружием.

Большое количество бомб и гранат, два ручных пулемета... и сорвиголова в качестве командира.

Лейтенант Мохов. Всего лишь лейтенант, потому что доверить ему что-то серьезнее роты было попросту нельзя. Погубил бы людей и сам полег.

Но в авантюрах он был незаменим.

Вот и сейчас... Лейтенант сделал ставку на суеверия. А почему нет?

Чего не ожидают на войне? И чего ожидают?

Ну, со вторым понятно. Атака, стрельба, смерть... к этому привыкли. Это все нормально. Это – бывает. Это война. А вот чего не

бывает...

Лейтенант пошел ва-банк.

Где-то он нашел фосфоросодержащий препарат. Разорил какого-то аптекаря? Да кто ж его знает... И осуществил свою идею. С полного благословения полковника. Честно говоря, тут тоже была виновата Яна, которая дала толчок фантазии лейтенанта, и без того очень живой и активной. Когда Счастливый прислал дурачков с ультиматумом, да те заблажили про упырицу...

Как тут было не спросить?

Валежный лично расспросил ее величество. И Яна ответила. И рассказала. Жаль, боевую вилку показать не смогла – ее Меншиков увез. История быстро разошлась по войскам как анекдот. Да и приятно было!

Вот у них какая императрица! С такой и в разведку можно!

И вот «кабаны» занимают свои позиции. Кто спит, кто занимается своим делом... и тут раздается волчий вой. Не просто волчий – жуткий, потусторонний. Услышишь – описaeшьcя со страху. Это рядом-то с Володимиром, где никаких волков отродясь не бывало!

Но воет же!

Хотя и всего-то дел – немного поколдовать с трубами. Полк же, а в полку должен быть оркестр... Правда, музыканты грозились прибить лейтенанта, но это потом, после вылазки, если «кабаны» не добьют.

И вот – раздается вой.

Все замирают, ждут, а потом... потом из ночной тьмы вылетает Охота Хеллы!

Все в черном, все светятся в темноте, кони какие-то жуткие, словно скелеты, всадники с коронами на головах, в развевающихся призрачных плащах... и вой все усиливается и усиливается...

Как же потом лейтенант огреб от музыкантов за напрочь загубленный инструмент! Этих никакая Хелла не напугала, страшнее виды видывали!

Половина «кабанов» попросту оцепенела. Кто перетрусил и подвергся жесточайшему приступу медвежьей болезни, кто попадал в обморок, кто бросился бежать что есть сил...

Чернов так и рассчитывал, чтобы колонна могла пролететь до ворот Володимира по прямой. Не вляпавшись ни в какую ловушку...

Наглость?

Ломиться в город, где «кабанов» сотни и тысячи?

Еще какая наглость! Но в том-то и дело, что половина ополчения освобожденцев была набрана из вчерашних крестьян. И, увидев такое, они просто цепенели от страха. Какое там сопротивление?

Лейтенант вполне успешно доскакал до ворот – и забросал их бомбами. Все остальное было уже делом техники.

Ворота благополучно вылетели – они не были рассчитаны на современную взрывчатку. Даже укрепленные, даже с баррикадами... не те сейчас времена, чтобы с тараном под воротами корячиться, ох, не те. Все разнесло.

Конечно, их защищали. И отстреливаться пытались, и из пулеметов... но слишком силен был этот страх.

Слишком?

Или тут Хелла постаралась? Кто ж ее знает, богиню...

Лейтенант на эту тему даже не рассуждал. Он был горд и счастлив. И в город первым ворвался, и в городе не оплошал.

Да, не удержался. Вместо того чтобы уйти в сторону и открыть основным отрядам место действия, он предпочел со своими людьми проскакать по улицам Володимира.

Давно мечтал...

Рисковал, конечно, но как на войне да без риска?

И внутри города Охота оказала такое же действие, как и снаружи. Кто мог – разбежался, остальных...

Да, кого стоптали, кого постреляли. Кого и порубили. Поди там, разбери замах... плащи развеваются, темнота, у сабель лезвия вычернены...

Нет, не заметишь, пока не прилетит.

Чернов ворвался в город вслед за своим сумасшедшим отрядом. Но вот воевать ему было сложно.

«Кабаны» не тратили время на такие глупости. Они бежали. Как умные животные, спасая свою жизнь... бежали десятками и сотнями.

Бежали, бросая все, что мешало бегству.

В частности – лазарет, в котором отлеживались люди Никона. Его тоже стало некому охранять и защищать. И раненые попали в руки Чернова.

Нельзя сказать, что этот поступок красит полковника. Или оправдывать его тем, что Никон вел себя не лучше. Должна же какая-

то из сторон быть благороднее?

Может, и должна. Но полковник не стал об этом раздумывать.

Он попросту приказал перебить всех раненых. Всех «счастливчиков» и «кабанов», которые найдутся в городе. И началась резня.

По улицам Володимира потекли кровавые реки.

Кто-то пытался сражаться, кто-то бежал, умолял, обреченно ждал своей судьбы – озверевшие от боя «черныши» ничего не слышали.

Они кололи, рубили, резали, стреляли... а потом наступило утро. И оказалось, что противника нет.

А город в крови.

И они сами в крови. И...

Это – не отмоеся. Такое вообще нельзя ни отмыть, ни забыть. Разве что жить с этим получится. Но и то не факт. Страшно это – стать чудовищем.

Впрочем, призвав, хотя и ненадолго, Охоту Хеллы, стоит помнить, кому ты приносишь жертву. Ох, стоит. И не удивляться, когда из твоих глаз на мир посмотрит чудовище. Ты его пригласил сам.

Только сам.

* * *

Никон был в бешенстве. И это вылилось на жома Кабана. Убил бы... да руки короткие. Как-никак у того тоже есть войско, и люди, и орудия, и...

И этот гад – сбежал!!!

Сбежал, бросив на произвол судьбы, его, Никона, людей! Пусть не так много их было, не больше тысячи, но сам факт! Мат стоял такой, что мухи дохли на подлете. Подчиненные восхищенно внимали, но помалкивали, боясь, что и им достанется.

– Я вас...

– Да ты...

Кабан, хоть и чувствовал себя виноватым, уступать не спешил. Наконец, наоравшись и сорвав глотки, командиры перешли от матюгов к диалогу.

– Что ты предлагаешь?

– Отбить! – рявкнул Никон. И закашлялся.

Доорался. Это дух человеческий всесилен, а вот горло пределы имеет.

– Отобьем, – согласно кивнул Кабан. – Иначе мне Пламенный... да и Броневой, м-да...

Мужчины переглянулись.

Никон порадовался, что над ним таких нет. Кабан вспомнил, кого надо подставлять под удар. И они принялись вырабатывать новую тактику. Володимир сам себя не вернет. Более того, если они его сдадут... считай – конец. Дорога на Звенигород открыта. С одной стороны Логинов, с другой – Хормельская волость. Если б Алексеев был талантливее и смог разгромить Никона, сейчас Кабана атаковали бы с трех сторон, взяли в клещи – и здравствуй, вкусный шашлычок. А так Логинов слегка застрял в тылах, не смог быстро подойти, Алексеева разнесли в клочья, вот и остался Чернов один.

Но ведь справился, сволочь!

Дикую Охоту, понимаешь, изобразил!

Гад!!!

Никон молча пообещал себе, что Чернова он вешать не будет. Даже за ноги. Мерзавец у него долго подыхать будет, будет о смерти молить.

Итак, у нас есть населенные пункты. Орешник, Беркут, Роговка, Крутое, сейчас они сосредоточены в основном в Роговке и Крутом. Орешник достался Чернову вместе с Володимиром. Оно и неудивительно, примерно оттуда Охота и прилетела. Конечно, «кабаны» когти рвали так, что земля столбом стояла.

Но теперь надо отвоевать потерянное. И шансы еще есть.

Если правильно ударить...

* * *

– Наступление на Орешник планируется завтра в ночь.

Федот рисовал прутиком на земле. Роман смотрел, согласно кивал, поправлял кое-что.

Обоз будет стоять между Роговкой и Крутым, чуть позади Крутого. Охрана?

А вот тут и начинается самое интересное. Охраны, считай, и не будет. Все будут штурмовать Орешник, а потом и Володимир. А кот из дома – мыши в пляс.

Сортирная команда?

Так ведь ее никто в расчет не берет. Кому они нужны? А это почти два десятка крепких ребят, которые готовы на все, лишь бы... м-да, лишь бы из дерьма вырваться. Оружие у них есть, решимости хватит. И перерезать в нужный момент охрану, и увести нужные телеги с лошадьми...

Куда?

А вот тут-то и самое интересное начинается.

Назад им бежать ни в коем разе нельзя. Если Никона разобьют, куда он будет отступать? На Хормель и Звенигород. Даже, скорее, на Звенигород, и беглецов быстро догонят.

Если на Хормель...

Можно туда, конечно, но там у Никона свои люди, отряды остались, и Роман себя не переоценивал. Не отобьются. И через весь Хормель не проберутся. Хоть и дом родной, но ведь для Никона – тоже!

Нет, на поле Счастливого с ним играть не стоит. Тем более когда все в Хормеле за него, а у Романа два десятка человек.

Так что туда нельзя.

А вот куда можно...

Аккурат между авангардом противника и основными силами. Сейчас «черныши» будут пытаться удержать Володимир, Никон его отбивать. И если скользнуть между Роговкой и Беркутом, к Орешнику не соваться, там основное и развернется... Вот если между теми двумя деревеньками по перелескам пройти, можно выйти в тыл противника. Понятно, если бы шел отряд, заметили бы и расстреляли. А вот несколько человек в тишине могут и прорваться.

Коням копыта тряпками обмотать, самим одежду-морды зачернить, с телег все ценное перегрузить... и тихо, тихо... а потом в сторону. И к границе.

Там посмотрят, чем дело кончилось, стоит ли в Русине оставаться или в тот же Борхум податься...

Иностранцы?

А, с деньгами оно везде неплохо. Даже на чужбине. И друзья найдутся, и девки, и кто хочешь.

Мужчины прикидывали варианты, договаривались...

Да, пусть Никон сам воюет. А им и так неплохо.

* * *

Как известно, успех надо развивать. А потому атака Никона на Орешник отлично совпала с атакой Чернова на Беркут. Да еще как совпала, договаривались бы – лучше б не придумали!

С утра бойцы обеих армий перешли в наступление.

Никон хотел порвать врага на части, поэтому бой под Орешником кипел, словно чертов котел. А вот Чернову требовалось закрепиться, удержаться, и поэтому Беркут он атаковал, скорее, по необходимости. Без особого воодушевления. Лишь бы освобожденцы не расслаблялись.

И снова падали люди.

И снова гремели выстрелы.

И снова на землю лилась горячая алая кровь. Только не согревала. Наоборот...

Пройдут сотни и сотни лет, и когда-нибудь потомки вспомнят тех, кто сложил головы. И спросят – за что? За свободу? За Русину? За что могут воевать двое братьев?

И ответят сами себе. Двое братьев могут воевать тогда, когда их стравил кто-то третий. Умный и хитрый, злой и подлый.

Вот и сейчас, грохотали орудия, мелко стучали пулеметы...

Никон рвался к глотке врага.

Чернов оборонялся.

Битва продолжалась до заката, но и потом Никон не успокоился. Просто вступили новые отряды. А вдруг?

Вдруг враг уже близок к разгрому? Надо только надавить, совсем немного, еще чуточку, и он дрогнет, побежит...

Ну!

Вперед, ребята! Мы их уничтожим!

* * *

Обоз – это не так просто, как кажется.

Это и знать дороги, и уметь все починить, и кашу из топора сварить, и за себя постоять, и раненых вытащить-обиходить. Поэтому обозники – мужчины всегда в возрасте. Крепкие и сноровистые.

Но кто ждет подвоха от своих?

Ни подвоха, ни удара в спину. Потому, когда Федот пришел к обозникам и попросил новые сапоги – на старых подметка вконец истерлась, его и не опасались.

А уж отблагодарить за помощь кувшином крепкой – и вовсе дело понятное. Много пить нельзя, узнает Никон – головы поотрывает, но по паре глотков на человека хватит.

Так что обозники приложились по глоточку.

А Федот и второй кувшин пообещал раздобыть, и вскорости с ним вернулся...

Яд был хорошим. Крепким. Надежным. Правда, не в первом кувшине, во втором. Буквально через несколько минут сработал.

Схватился за живот один из обозников, осел рядом с телегой второй, упал на колени третий...

Роман смотрел на это спокойно. Словно на рощу.

Вот береза упала, вот береза стоит... и что?

Береза же! Не человек – дерево, которое можно и оставить, и на дрова, и сочку попить...

Четверых пришлось добивать. Но Романа это не остановило. Мужчины быстро отогнали в сторону нужные телеги, мельком глянули – ящики, серьезные такие, крепкие, вскрывать некогда... парочку потряхнули – металл звенит.

Ну и...

Давай бог ноги!

Ждать тут слишком опасно, сейчас явись кто... поднимут тревогу, да и кинется сюда народ. Так что предатели, похватав поводья, в большинстве уселись на телеги, а шесть человек пошли вперед, ведя под уздцы лошадей. Те нервничали, поводили ушами, недовольно всхрапывали.

Хоть и не боялись уже обозные коняшки звуков битвы, но идти в том направлении тоже не хотели. Но кто и когда их спрашивал?

Хелла с интересом наблюдала за происходящим на поле битвы. Подпитывалась новыми душами, любовалась картинами.

Дикая Охота ее повеселила.

Богиня даже подумала прислать людям свою, для сравнения. Потом все же решила повременить. Сил не так много...

Предатели ее тоже заинтересовали.

Правда, с гастрономической точки зрения. Прищурившись, богиня наблюдала глазами громадной белой совы, как двигаются негодяи по лощинке, как оглядываются, как вытирает пот со лба Роман, как касается яда в кармане Федот... хороший яд, на всех хватит, надежный...

Если она оставит все, как есть, предатели все равно попадут к ней. И очень скоро. Делиться никто не захочет, считай, каждый из подонков сейчас прикидывает, как бы устранить остальных поделщиков, как бы уйти одному с добром...

А что за добро?

Хм...

Богиня задумалась. Даже коснулась идеальных губ ноготком.

С одной стороны... предатели, да еще погибшие на этой войне, именно на этой и сейчас, принадлежат ей.

С другой, и сил особенно тратить не придется. Это когда решительно меняешь судьбу, вот тогда выкладываешься. Серьезно можешь потратиться, до полного истощения.

Когда она девушек вытаскивала, она не зря четыре жизни попросила с каждой. Минимальная цена, считай. Хорошо, что одна сразу ей все выплатила, даже с перевыполнением плана, а то бы богине пришлось солоно. Есть законы, которым подчиняются даже боги.

Есть.

Но это сейчас она отвлекается. А ей надо решить... а что тут решать? Она видит судьбы этих мерзавцев. Все равно они скоро попадут к ней, день, два, кто чуточку больше... ненамного. Ничего она сильно не изменит. Но может получиться интересно...

И богиня коснулась сознания совы.

Она почти не воздействует, ей даже сил тратить не придется. В конце концов, сложно ли в ночи сбиться с пути? Ну вот чуточку, свернуть не туда...

Это могло случиться и без ее помощи. Равно как и все остальное. Она не меняет судьбу, она просто ее ускоряет.

Русина, под Володимиром

Лейтенант Леонид Мохов отдыхал.

Да, представьте себе. Полковник оценил его таланты и дал три дня отпуска. Даже на войне. Понятно, что штурм будет.

Понятно, что Володимир будут пытаться отбить.

Но учитывая, кто его захватил...

Чернов просто совместил благодарность с обязанностями. Леониду дали три дня отдыха и отправили в рейд по окрестностям. На предмет фуража, сена... всего того, что очень нужно четвероногим коняшкам. А если что для двуногих попадется или для колесных – тоже берите.

В хозяйстве все пригодится.

Счастливый?

Поверьте, ребята, и без вас справятся. Только так справятся... чего там, основные силы разбиты, осталось веничком в совок осколки собрать да и выкинуть.

Леонид спорить не стал. Даже на войне надо уметь отвлекаться, иначе просто сожжешь себя. Отоспался и отправился в рейд.

И когда почуял...

Вот перелесок, симпатичный такой, вот едете вы... Ладно, не шумите и не гремите, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания и никого не нервировать, наслаждаетесь единением с ночной природой, размышляете о вечном... И чувствуете: что-то не так.

Простите, дерьмом пахнет.

Воняет и смердит.

Ветерок донес запах такой концентрации, которому совершенно неоткуда было взяться. Именно здесь и сейчас – не с чего. А ведь именно об этом ни Роман, ни Федот не подумали.

Уборка нужников – занятие вонючее. Они приняхались, а потому не знали, что пропахли вдоль и поперек. А и поняли бы – где и когда им было мыться? И нет, смена одежды тут ничего не решит. Запах все равно останется, чуть послабее, но будет.

Всего лишь ветерок. Невелико вмешательство.

А что за запах, откуда он и зачем... вот это Леонид решил проверить сам.

Интересно же! И вообще, говорят оно – к деньгам? Надо убедиться...

* * *

Когда Леонид увидел шесть телег, медленно ползущих в тыл...

Когда увидел, что их сопровождают «счастливики»... ладно, не увидел. Услышал. В Хормельской волости свой диалект, некоторые слова они по-другому произносят. А переговаривались между собой беглецы регулярно. Надо же не сбиться с пути, да и вообще...

Страшновато.

Вот как хотите – жутко. Когда ночь, когда за каждым камнем враг, когда война, когда тени кажутся вурдалаками и упырями...

Поневоле переговариваться будешь. Хоть парой слов. Чтобы понять – ты не один. Все в порядке.

Леонид послушал да и кивнул своим. И атаковал.

Когда из-за деревьев вылетели стремительные тени, Роман понял: бояться надо было не вурдалаков и не Охоту. Но поздно.

Скрестились клинки, зазвенела сталь.

Стрелять не стали ни те, ни другие. Внимания привлекать никому не хотелось. Леонид не знал, может, это только авангард?

Роман вообще шума не хотел. Кто б ни прибежал, все одно, Роман проиграет. Так что схватка шла молча. Лязгала сталь, скрипели зубы, выдыхались время от времени ругательства... стонали раненые.

Не повезло Федоту.

В момент нападения он вел лошадь под уздцы. Та дернулась, забилась, заржала, и опытный вояка потерял буквально долю секунды. Смертельную.

Сабля перерубила ему руку в локте. Чуть повыше. Хлынул на траву алый поток, быстро уносящий жизнь. Рядом осел Федот.

Его бы сейчас подхватить, да жгут, да в лазарет... Но никому не было до него дела, а мужчина словно в оцепенение какое впал. Только и мог смотреть в небо, в котором парило белое облако.

Красиво.

Черная ночь, звезды, белое облако... или сова? Которая рванулась в небеса, унося в когтях его душу.

Рядом рубились Роман с Леонидом, хрипя от злости. И – нет. Настоящая схватка совершенно не похожа на кино. Там картинка, там сталкиваются, звеня, сабли и шпаги, там противники носятся по экрану, словно их пониже хвоста ошпарили, а в жизни все это совершенно не зрелищно. У тебя есть минута, много – две. И всего несколько ударов. А звенеть саблями...

Оставьте это для книжек. В бою нет красоты, есть лишь эффективность.

Так что Леонид вполне эффективно замахнулся, скрестил сабли, а второй рукой ударил Романа в печень. Не кулаком, а кинжалом. Минута – и все было кончено.

Спихнуть труп в сторону, и к следующему.

Предатели хоть и опасались, но не ждали, что все получится именно так. Так быстро, так жестко... а Леонид и сам сорвиголова, и народ себе подобрал такой же. Готовый на любую аферу и авантюру.

Головорезов и безумцев.

Получаса не прошло, как «счастливчиков» перерезали. А двоих, оставшихся в живых, допросили.

Получалось интересно.

Леонид подумал, почесал в затылке и решил проверить телеги. А чего?

Может, там ничего особенно ценного нет. А может, и есть.

Если деньги... ну, будет премия. Отложенная. Отложат себе немножко, зароят, и пусть лежит до лучших времен. Если нет – вдруг там что-то полезное? Что Чернову пригодится?

Ну не фураж!

Но ведь и от казны Никона тот не откажется, верно?

Надо проверить и посмотреть.

* * *

Спустя два часа лейтенант находился... в размышлениях.

С одной стороны – дезертиры действительно сперли казну Никона. А именно две телеги с монетами.

Да, именно монетами, потому как купюры сейчас никому не нужны. Серебро, много. Золота мало, меди мало...

С другой... еще три телеги содержали взрывчатку. Большие ящики со взрывчаткой, которую, надо полагать, берегли, охраняли... Ну, потому и сперли. Посмотрели, к чему внимательнее относятся, и прихватили. Некогда разбирать, похоже, было.

Еще две телеги набиты хабаром. Иного слова и не подберешь. Посуда какая-то, серебряная, золотая, всякое барахло того же рода... церковная утварь. Эти твари и храмы разоряли. И грузили лопатами церковное добро. Оклады там лейтенант видел. Икону в помойку, а оклад в сумку.

А ты хоть понимаешь, скотина, что та икона твоих прадедов помнит?

Что в нее кто-то свой труд вложил, что старался людям показать Бога?

Скотина, одно слово.

Но делать-то что?

Лейтенант не знал. Тащить казну в Володимир? Ну, можно... по карманам распахивать как-то и не тянет. Противно. Вот как оклады эти увидел, так и отрезало. Представил, как их со стен сдирали, как грабили, убивали – и плюнуть захотелось. Есть деньги, которые хуже дерьма воняют, это уж точно.

И казны уже не надо никакой, ни монетки. До тошноты, до омерзения, аж внутренности скручивает, какая тут премия?

А со взрывчаткой?

Вот когда повезло, что не стреляли. Один бы удачный выстрел – и ушки лейтенанта в Володимир долетели бы своим ходом. И тапочки от дезертиров. Громыкнуло бы – в Звенигороде задержались.

Хм...

А если...

До серьезного «если» он додумать не успел. Потому как к нему подкатился один из рядовых.

– Тор лейтенант, мы тут подумали...

– Да, Пров?

– А ежели это все Никону вернуть? То бишь Кабану?

Что-то подобное начал обдумывать и лейтенант. Довести мысль до ума не успел.

– Как именно?

– Вот тут Орешник. Его как раз штурмуют. А вот тут Беркут. Там наши на позициях. А мы аккурат вот здесь. И лощинка...

– Ты из местных, что ли?

– Ну так, тор лейтенант.

Леонид задумался.

– А как бы...

С другой стороны, что нужно для хорошего взрыва? Взрывчатка – раз. Поражающие элементы – два. И у него теперь есть и первое и второе. А еще?

Доставить подарочек к месту назначения. Это он тоже может. Вот как бы потом? Чтобы и доставить и удрать...

– Мы тут с ребятами посмотрели, есть хорошая идея.

От хороших идей лейтенант никогда не отказывался. Если человек не тор, это не значит, что он глупый. Он может и поумнее императора быть.

– Выкладывай.

Пров улыбнулся:

– Одной телегой, конечно, погоды не сделаешь... да и кто нам даст туда доехать? Коня пристрелят али возницу. А вот ежели по узкоколейке...

* * *

Вот же ж ёж же ж...

А другого ничего Леонид и сказать не мог.

Понятное дело, взрывчатку надо доставить обратно. И взорвать, в идеале, в тылу у Никона. И пройти они здесь и сейчас могут. По следам дезертиров, в обратную, до узкоколейки. Тем-то она и хороша. Можно не поезд, можно обычную дрезину... ну что такое дрезина? Вот если прикинуть?

Четыре колеса, рычаг, платформа.

Все.

Считай – та же телега, только определенных размеров. Но у них-то телеги есть! И колеса! И все остальное...

Сляпать на скорую руку? Вполне реально, надо только место рядом с узкоколейкой найти, поспокойнее и потише. Понятно, долго это сооружение не продержится, но им-то сколько надо? Час?

Меньше?

Аккурат до Кабана долететь. Дальше – перебьемся. Пусть хоть на атомы распадется – плевать! Хватило бы доехать!

План, конечно, был безумным, но попробовать стоило. Вот и шел сейчас небольшой отряд к узкоколейке, вел за собой телеги, оглядывался по сторонам. Но не в гвардейской же форме со всеми регалиями?

А значит...

Кому-то достались штаны с дезертиров, кому-то рубахи, куртки отыскиали на телегах, вещевые мешки – готовились сбежать, гады, все добро с собой прихватили. Все честно награбленное...

Воняло оно, кстати, несусветно. Оно и понятно...

Зато сейчас гвардия превратилась в «счастливчиков». Там и Никон различий не найдет. И не спеша, потихоньку, двинулись в обратную сторону.

Лог, овражек, перелесок, уклон... Пров отлично знал местность. И вывел свой отряд туда, куда надо. В тыл к Кабану. Сейчас в битву вступать было... смертельно. Перебьют всех, а если и нет... на шумят – и прощай хорошая идея.

Потому тишина и молчание. Пока они рядом с узкоколейкой не окажутся.

Но, видимо, Хелла благоволит безумцам. Никого Леониду Мохову не встретилось. И телеги с награбленным успешно прибыли в небольшую лощинку, по которой шла железнодорожная ветка. Не так чтобы близко – до Кабаньего штаба еще километров пять. И не слышно будет.

Там и приступили к переделке телег в платформы. Да, собственно, дрезину-то нужно сделать из одной, остальные прицепим.

Колесные тяги и пары собирались на коленке. Металл? Веревочкой подвяжем, ветку приладим, а гвозди и вообще необязательны. И так сойдет!

Это ж не серьезное что, это лишь бы сейчас доехало. Цепь, ролик... смеяться изволите? Где сейчас тут такое возьмешь? Заменили чем смогли...

От вида получившегося угробища скончался бы в ужасе любой работник железной дороги. Но оно работало, а что еще требовалось? [\[20\]](#)

Дальше?

А что могло быть странного дальше. Кое-как взгромоздили все получившееся на рельсы. Проверили – стоит.

Едет?

Ну... сомнительно, но едет. До штаба точно хватит. И взялись за рычаги. Искренне стараясь не думать, что будет, если оно сломается, если разобрали рельсы, если...

Риск?

Леонид и не собирался жить вечно.

Рычаг оказался безумно тяжелым, качать его приходилось по трое, что с одной стороны, что с другой, шипели, матерились сквозь зубы, менялись, и вот...

Впереди замаячили огни. Казалось, сутки прошли, а на деле эти пять километров они за полчаса преодолели. Для их кошмарища это было невероятно хорошо.

Дальше?

Фитили поджечь.

И вперед, вперед! Пока не остановили! Пока не обстреляли. Пока...

Их дело было разогнать дрезину – и спрыгнуть. Желательно ДО взрыва. А если не получится? Значит, судьба. Или если обстреляют, если...

Леонид об этом не думал, каждую секунду ожидая пули в спину. Но все просто опешили от неожиданности. А разогнавшийся уродец летел уже почти бесконтрольно.

– ПРЫГАЕМ!!! – заорал лейтенант и подал своим людям пример. Полетел кубарем, крепко приложился к земле – и на миг ослеп и оглох от удара.

Или... от взрыва?

Повезло примерно половине его отряда. Остальные... кто не успел, кого поражающими элементами достало. Но «кабанам» не

повезло еще больше.

Телеги успели половину Кабаньего лагеря пролететь. А потом – взорвались. С таким шумом, что действительно в Звенигороде было слышно. Взрывчатка, поражающие элементы, которыми щедро обложили ящики, сыпанув в карманы разве что по горсти золота – нам чужого не надо. И – готово.

Лейтенант не знал, чего он добился. Но была надежда, что врагам теперь придется несладко.

Остался только один вопрос – как самому выбраться?

Хотя... это не вопрос. Все «кабаны» сейчас в таком состоянии, что слона вывести можно. Выберется, не проблема...

О паре сломанных ребер Леонид только потом узнал. Через шесть часов. Не до них как-то было...

* * *

Когда раздался взрыв, Чернова аж на месте подбросило.

Что? Как?! КТО?!

Наконец, где и почему?!

На колокольню (а откуда еще город и окрестности обозреть?) он взлетел, даже не запыхавшись. И не застегнув мундир. И наплевать!

Но... Володимир был цел и невредим. Он сам это отлично видел.

И Орешник.

А вот в той стороне, где было Крутое...

А вот там поднимался к небу столб дыма, отлично видимый даже в темноте. И что было делать в такой ситуации?

Да только одно!

– На коней! Атаковать!!!

* * *

Никон честно пытался.

Пытался сдержать натиск Чернова.

Как-то его перехватить, остановить, контратаковать... бесполезно. В том-то и беда, что ополчение Кабана наполовину состояло из

молодняка, сопливого и необстрелянного. А на вторую половину из весьма и весьма сообразительного народа. Который сообразил прежде всего спастись своей шкуры. И начал разбегаться. Кой там остановить?

Их и на лошади б не догнали!

После взрыва в центре лагеря, после – увы! – смерти самого Кабана...

Никону оставалось только одно. Спасти то, что он сможет. Собрать всех, отбить атаку Чернова, оставить Володимир и отступать к Звенигороду. Там он еще пригодится. А здесь ляжет без смысла и без цели.

Так он и сделал.

А что такое отступление? Да еще разгромленной армии? Это страшно. Это смертельно страшно. И преследователи идут по пятам за тобой. И рвут тебя, как волки – загнанного оленя.

Ты понимаешь, что это конец, но продолжаешь идти, ползти – и до конца беречь свое горло.

Как же больно. Как страшно...

В этот день Никон похоронил свою мечту о Независимом Хормеле.

Потом один из выживших «счастливчиков» запишет страшные строки. Потом...

«Роты шли обреченные на гибель. Знали, что пощады не будет. Двигались без дорог, где придется. Рассвет нас не порадовал, слишком удручающей была картина ночного разгрома. Измотанные, измученные, израненные...

Солнце начало припекать. По пятам шли преследователи. Стреляли, но нечасто, патронов не хватало. Закончились в ночном бою...

Время от времени налетала конница, рубила, кого придется. Удирала... мы не догоняли. Лошади были еще более измучены, чем люди.

Падали и те и другие. Мы не достреливали лошадей.

Люди падали без сил и просили товарищей добить их. Не оставлять врагу. Знали, что пощады не будет. Я добил троих. Ножом. У нас тоже закончились патроны.

Никон был не прав тогда, но и они... злом на зло, жестокостью на жестокость – сейчас я понимаю, что мы пожирали друг друга, как змея свой хвост, но тогда...

Податаман Портков повернул цепью на Криковку, хотел уйти в лес. Бесполезно...

Их изрубили в капусту. Податаман, понимая, что все кончено, дрался сразу с тремя и, мне показалось, кинулся грудью на клинок врага.

Горечь и уныние владели нами.

Это был конец...»

Это было потом. А пока «счастливики» шли. И за ними оставались трупы, трупы... кого-то похоронили крестьяне. А большинству и глаза закрыть было некому.

Зверье получило хорошую поживу в тот страшный день.

* * *

Чернов выиграл битву и захватил Володимир.

По прикидкам полковника, убитыми «счастливики» и «кабаны» потеряли около пятнадцати тысяч человек, еще тысячи три попали в плен, после чего их разоружили, выбрили налысо, выпороли и отправили по домам.

Трофеев после взрыва оказалось не так много, честно говоря, никто не рвался выковыривать казну Никона из трупов, противно слишком. Но и пес с ними, с трофеями. Главное – дорога на Звенигород открылась. И это было замечательно.

Чернов рапортовал о победе в штаб и дожидался подхода основных сил.

Лейтенант Мохов получил производство в следующий чин. И выговор за разбазаривание ценностей. Но не сильно огорчился. Главную-то награду ему выдали. Разрешили увеличить число своих сорвиголов до пятидесяти. А это – здорово!

Опять же, Чернов ему по секрету сказал, что императрица упоминала спецназ... как раз для сложных, трудных и интересных задач, и пообещал похлопотать после войны.

И что еще надо?

Да ничего! Только кабак и стоворчивую симпатичную женщину. Остатки золота следовало прогулять с друзьями! И побыстрее!

Ида, Свободные герцогства

Уважаемый Федор Михайлович не стал тянуть кота за хвост. Четверо солдат появились рядом с домом Иды ровно через два дня после телеграммы.

– Разрешите представиться! – Старший, мужчина лет сорока пяти, седой, подлысоватый, но с роскошными усами, отдал Иде честь. – Ефрейтор Семенов, Петр Силантьевич. Рядовые Федот Сомов, Макар Галкин и Агафон Мельников.

Ида разглядывала мужчин.

Все за сорок.

Все... негодные к строевой. Если так посмотреть – крепкие, приглядеться повнимательнее... У ефрейтора рука плохо гнется, у Федота вообще вместо левой руки металлический крюк, на который с восторгом уставились мальчишки. Макар прихрамывает, и, похоже, там протез вместо ноги, а Агафон... явно по голове сильно досталось. Шрам такой, что на половину лица. Бывает такое... контузия?

Наверняка. И последствия могут быть самые разные.

– Рада вас видеть, жомы. Прошу, проходите. Вы уже разместились где-то?

– Пока нет, тора Воронова.

– Тогда я могу вам подсказать, – порадовалась Ида. – Через три дома от нас хозяйка сдает комнаты с полным пансионом. Я сниму для вас.

– Две комнаты, – решил ефрейтор. – Мы меняться будем. Двое при вас неотлучно, двое отдыхают, потом меняемся.

Ида кивнула.

– Это хорошо. Но право же, даже излишне.

Ефрейтор ее сомнений не разделял.

– Жом Меншиков сказал, что вам какой-то негодяй жизни не дает. Так мы его поучим правильно дышать.

Ида вздохнула.

Она этого ожидала.

Она этого побаивалась. Стоит только привлечь к себе внимание... Армандо – что? Тля! Слякоть!

Но если в ней опознают Воронову... ту самую... тут ни краска не поможет, ни косметика. Казалось бы, что такого? Волосы покрасить, брови покрасить и форму поменять, а лицо меняется. Но не настолько, чтобы нельзя провести параллели. Слишком уж хорошо известна Аделина благодаря своей красоте. Слишком она сильно запомнилась.

– Я не хочу, чтобы были проблемы.

– Не будет проблем, тора. Обещаю.

– Ни шума, ни...

– Ни тела ни дела, тора. Мое слово.

И Ида поверила.

Гошка и Потап расплылись в довольных улыбках. Хоть и маленькие, но мужчины. И особенно зло они переживали эту беду. Когда у тебя есть близкий человек, а защитить его ты не в силах. Не сможешь никак...

Разве это честно? Нет! И никогда!

Ида посмотрела на них, покачала головой...

– Я смотрю, кто-то разбаловался... Жом Семенов, я могу обратиться к вам еще с одной личной просьбой?

– Слушаю, тора?

– Жом Семенов, мы с утра с мальчиками ходим работать в лечебницу. Там я договарюсь. Но я смотрю, им все равно не хватает дел. Вы не могли бы их поучить чему-то полезному?

– Чему, тора?

Ида пожала плечами:

– Не знаю. Да хоть бы и строем ходить. Или там оружие чистить. Стрелять, к примеру? Вы сами решите, что для них полезнее будет. Мужчина должен уметь себя защитить.

Ефрейтор подумал пару минут:

– Поучим, тора Ида. Лишь бы сами парни согласились...

Мог бы и не спрашивать.

– Стрелять поучите! – выпалил Гошка. – Мама меня учила, но практики не хватает! А так я с сорока шагов в дерево попадаю! И Топыч!

Ефрейтор поднял брови.

Ида вздохнула.

– Давайте сначала вас устроим. А потом я вам расскажу еще об одной местной достопримечательности. Называется она – платный тир.

Радостный мальчишеский визг заставил пошатнуться люстру.

* * *

Могли слуги пропустить такое событие, как появление охраны? Да еще такой, которая будет практически неотлучно находиться при торе, столоваться с ней, учить мальчишек и помогать по дому?

Никогда!

Поэтому жама Эльза отправилась к хозяйке за разъяснениями.

Ну и за сведениями тоже. Чего уж там, один из охранников очень приглянулся жаме. Хоть она и не девочка, но и Макар тоже не молод. Авось да и сговорятся?

Ида поняла, в чем дело, и разулыбалась.

– Жама Эльза, вы скажите, что это из-за ламермурца. Сами видите, это ж никакой жизни! Сплошной урон репутации.

– Ух... лихоманки на него нет.

– К сожалению, – согласилась Ида. – Местную охрану я нанять не решилась, Рессаль мог бы ее и перекупить, а вот выписать людей из Русины – вполне реально.

– Понятно, тора. А что ж дальше?

Ида пожала плечами:

– Не знаю. Жить будем. Что там с теми домами...

– Так ни вы не уезжаете, ни жомы?

Ида тряхнула головой.

– Жама Эльза, если я даже решу уехать, я предложу отправиться со мной. И вам, и всем остальным. Где я еще таких людей найду?

Жама Эльза улыбнулась:

– Я как-то и не знаю даже...

– Себя покажете, мир посмотрите, опять же, в деньгах не обижу. Если... Когда Костя приедет, я надеюсь вернуться с ним в Русину. Если он решит остаться здесь, я останусь. Но дом, конечно, нужен будет побольше. А вас я в любом случае приглашу с собой. Даже если Костя захочет увезти меня в Русину. Подумайте над этим, пожалуйста.

Жама Эльза пообещала подумать.
Она была довольна. И хозяйка защитой озаботилась, и хлюста приструнят, и...
Какой мужчина!
Очень ей Макар понравился. Ажно до слез.

<i>Яна, Русина</i>

– УРА!!!
Императрицы не вопят?
Да еще как! С ногами вскочив на стол! И повод какой?
Считай, дорога на Звенигород открыта! Чернов, лапочка, душка, умничка...
Обожаю!!!
УР-Р-Р-Р-Р-РА-А-А-А-А-А-А-А-А!!!
– Орден – это понятно! И производство в следующий чин. А вот с остальными наградами придется подождать чуточку.
Валежный кивнул.
– Я считаю нужным даровать ему потомственное дворянство, ну и поместье, но это когда война закончится. Сейчас я не знаю, чем могу располагать.
– Тора Яна, вы можете написать указ прямо сейчас. Чернов – задира и сорвиголова, – ухмыльнулся Валежный. – Если вы даруете ему земли на границе или около Ферейских гор, будет очень уместно. Ему там понравится.
– Лишь бы не заскучать дома?
– Примерно так.
Яна кивнула:
– Подскажите мне, что там у нас хорошего есть на границе. Наверняка часть владений лишилась своих хозяев.
Валежный грустно кивнул.
Лишилась. Куда деваться? Гражданская война.
– Вот. Указ я напишу и подпишу... Мы когда выступаем ему вдогонку?
– Уже завтра, ваше...
– Антон Андреевич!

– Завтра, тора Яна.

Яна довольно прищурилась. Да, в Звенигород. Определенно туда! Ее там ждут!

Видимо, размышления достаточно ясно отразились на симпатичном личике, потому что Валежный тяжело вздохнул. И решил приступить к разговору, который давно откладывал.

– Тора Яна, я написал жому Тигру. И передал письмо с Дмитрием. Скажите, вы уверены в своем решении?

Яна потеряла лицо руками. Посмотрела на Изюмского. Николай Николаевич давно стал бессменным участником их совещаний. И заслужил откровенность.

– Я могу быть уверена только в себе, – честно созналась Яна. – Но это решение может примирить две враждующие стороны. К тому же жом Тигр человек неглупый, вдумчивый, не боящийся ни работы, ни крови...

– Вы не боитесь, что он вас устранит и сам сядет на трон?

– Нет, тор Николай. Не боюсь. В любом случае не сейчас, если только с рождением ребенка...

Изюмский задумчиво кивнул:

– Сам Тигр подлого происхождения. Брак не признают соседи...

– Плевать. В крайнем случае превратим его в незаконного сына какого-нибудь князя или даже в законного. И объявим брак равнородным, – отмахнулась Яна.

Этот вопрос ее тоже мало интересовал. Все равно она помрет, чего напрягаться?

– Должен сказать, ваше императорское величество, что это хорошее решение.

– Вы опять? – окрысилась Яна.

Потом поняла и улыбнулась. Просто Валежный давал понять, что официально признает ее брак и ее идею. Именно, что официально.

Чем воевать, проще примирить два враждующих лагеря. Но получится ли?

Должно получиться!

– Солнышко, давай устроим пышную свадьбу?

Даже в страшном сне Борис не думал, что будет произносить именно эти слова. И все же...

Вот когда Лиза всем этим занималась, ее хотелось связать и в чулан засунуть. Надоела! А Анне хотелось дать все. И этот белый... цветы такие, на голове, и фату, и букеты, и гостей, и танцы, и даже лимузин. Если она пожелает!

Анна решительно не желала.

– Боря, давай просто подадим заявление и распишемся? Тихо, по-семейному?

– И чтобы платье у тебя было такое... модное...

Анна покачала головой и улыбнулась:

– Боренька, ну зачем?

– Потому что я хочу, чтобы у тебя было все самое лучшее. Нельзя?

– У меня есть самое лучшее, что может быть в мире. Ты, Кира и Гошка. Отец. Смайлик, кстати говоря. Что мне еще нужно?

– Ты пригласишь отца на свадьбу?

– Обязательно, – кивнула Анна. Она закрывает глаза, и на долю секунды представит, что это Петер. Что именно он радуется за свою дочку.

Он бы радовался. Если бы дело зависело только от Петера, его дочери были бы помолвлены еще в младенчестве и благополучно выданы замуж. Это Аделине было не угодить. Один хромым, второй кривой, третий недостаточно знатный... что ж, теперь это останется на ее памяти.

А Анне безразлично, что бы сказала мать, увидев Бориса. Особенно такого, как сейчас. В водолазке на голое тело, с закатанными рукавами, в джинсах и кроссовках на босу ногу. Растрепанного, довольного по уши и жарящего во дворе шашлыки.

Хотя... ничего бы Аделина не сказала. Молча бы померла от ужаса!

– Смайлик – это аргумент, – подала голос Кира. – Но у меня есть заказ.

– Какой?

– Брат у меня есть. Хочу еще сестру.

– А я – еще брата, – подключился Гошка.

Анна только рот открыла. Вот такого она от детей точно не ожидала. Их не просто приняли, их...

– Дети, вы серьезно?

– Конечно! – Кира и была серьезна. – Я точно знаю, что вы меня будете воспитывать до старости. А так – будут у вас новые дети, а я спокойно буду учиться.

– На кого? – выдавил Борис, героически пытаюсь не сорваться в громовой хохот.

– Я думаю, на врача, – серьезно ответила Кира.

– На врача? На какого?

– Кардиохирурга, пап.

– Интересный выбор. А почему?

– Без работы не останусь. И мед у нас в городе есть. И... Гошка рассказал.

– А если ты крови боишься?

– Папс!

Савойский рассмеялся-таки и поднял руки.

– Кира, я заранее на все согласен! Учись! Будет у нас первый медик в роду. А Гошку тогда отдадим на экономический.

– Я вырасту и заработаю столько денег, чтобы всегда хватало, – подтвердил мальчик.

Анна улыбалась. Здесь и сейчас она была счастлива.

– Вот и решили, – подвел итог Борис. – Анюта, когда заявление подавать идем?

– А хотя бы и завтра! – решила Анна.

Лучше иметь и потерять, чем никогда не испытать. Это уж точно. Даже если тосковать будешь, даже если болеть будет, но в твоей жизни это – БЫЛО! Понимаете, было!

Настоящее.

Искреннее и искристое!

Даже если она уйдет... когда она уйдет, Борису будет с чем сравнивать. И никогда он уже не попадется на пустой крючок.

И дети будут счастливы. А это вообще замечательно.

Кира потыкала в кнопки.

– Вот! Завтра, прием заявлений с девяти до двенадцати. Адрес ЗАГСа все знают?

– Знают, – кивнул Борис. – Анюта?

– Едем! – решила Анна. – И заявляемся.

Так говорить неправильно? И пусть! Зато очень тепло и уютно.

В ледяной вечности во дворцах Хеллы ее будут согревать эти воспоминания. Они – будут!

– Мау, – зевнул кот, показывая клыки.

Странные все-таки эти люди. Вот зачем тратить время на всякие глупости? Он-то давно понял, что они все – семья. А они чего-то говорят, говорят...

Пойти, что ли, поймать им крысу?

Пусть порадуются.

Глава 10

Владеющих ранцем, свисающим с плеч...

Русина, Звенигород

– Мои люди! Мои войска! Мои...

Не то чтобы жом Пламенный сочувствовал Никону. Но, наверное, это обидно. Когда тебя разбивают вдребезги, когда бежишь что есть сил, когда бросаешь своих людей и прибываешь в Звенигород по железной дороге...

Ладно, Никон бросил не всех, часть. Но все же...

– Ты успокойся, Счастливый. Если ты орать будешь, ничего не изменится.

Никон выматерился.

– Что б ты понимал!

– Мы проиграли битву. Я понимаю. Но война еще не проиграна, о нет!

– Мы не сможем удержать Валежного.

– Как знать, как знать...

– Никак, – отрезал Никон.

– У меня в руках столица.

– Это не помешает ему тебя повесить.

– Не рано ли ты сдался, атаман?

Никон махнул рукой:

– Пламенный, давай начистоту! Мне сейчас только с тобой по пути. Но это до твоей победы, потом ты меня сам сожрешь. А Валежный нас обоих схарчит, не подавится. И эта его... гадина!

Пламенный прищурился:

– Ты мне лучше расскажи, что там за история? С мужем императрицы?

– История...! – выругался Никон. – Ты сам с ним поговори!

– С кем?

– С Алексеевым!

Пламенный кивнул:

– Поговорю, если согласишься. А там и дальше посмотрим. Для умных людей дело всегда найдется, даже не сомневайся.

Никон горестно вздохнул:

Дело – найдется. И место найдется, и вообще...

Прощай, независимый Хормель. Если бы он говорил с Пламенным с позиции победителя, там шансы были. А здесь и сейчас...

Нет их.

Вообще нет.

Тоскливо.

* * *

Честно говоря, больше всего Тигру хотелось пристрелить Дмитрия. И порадоваться.

Хоть душу отведет!

Нет, ну какая сволочь!

Какая!

Зараза!

Его пустила?!

Приходишь ты в свои покои, а этот гад сидит за твоим столом, курит твою папиросу, пьет твой дубовик... хорошо хоть твою бабу не...

Утешало, что Яна сама кому угодно и что угодно оторвет. В том числе и этому типу. Но... но как же бесит!

– У меня тут что – проходной двор?

– А были сомнения?

Тигр скрипнул зубами:

– Убью, зараза!

– Как вы с невестой похожи, – невинно заметил Митя, вежливо убирая ноги со стола. – Она меня тоже постоянно убить обещает.

– С невестой?

Нет, ну так над Тигром еще никто не издевался.

– Письмецо пожалуйста прочитайте. – Митя протянул Тигру два конверта. – Надеюсь, оцените по достоинству.

Тигр кивнул.

Два письма.

Одно запечатано печатью, известной каждому в Русине. Белый воск, падающий сокол.

Второе – та же печать плюс личный перстень Валежного. Тигр подумал и начал с первого. Яна оказалась краткой.

«Мой милый друг!

Понимаю, что так не делается, но рискну.

Я хочу сделать вам предложение руки и сердца. Моих. А заодно и моего приданого. Мои люди в курсе дела и не возражают.

Свадьбу предлагаю сыграть в Звенигороде, когда я туда приеду.

Человек, который доставит вам это письмо, достоин моего уважения. Но доверять до конца ему не советую. Его склонность к шуткам может сыграть дурную шутку с ним самим.

В качестве свадебного подарка хочу получить от вас ваше кольцо – то, которое я уже примеряла. Вы же получите мой перстень. Условия вам изложит мой друг.

С любовью.

Яна».

Тигр плюнул на этикетки и сам уселся на стол. Потер лоб.

М-да...

Все у них не как у людей. Но...

– Она – всерьез?

– Ей понравились ваши последние покупки, – коротко ответил Митя. – Она оценила.

– И это... все?

– Не все. Она просила передать на словах, что любит, но это не главная причина ее решения. Она одна не поднимет ношу, которую ей передал отец. Возможно, с вами...

– Да и я сомневаюсь.

– Вот-вот. Все сомневаются, но выхода нет. Придется как-то действовать, – поддел Митя. Удостоился негодующего взгляда и

махнул рукой. – Больше она ничего не сказала. Обещала все остальное при встрече.

Тигр тяжело вздохнул и распечатал второе письмо.

Валежный был краток.

«Жом Тигр!

Не стану лгать, мне не нравится решение ее императорского величества. Но я принимаю его как единственно возможное в данной ситуации. Не хочу лить русинскую кровь.

Зато обещаю, что буду следить за вами. И не допущу подлости и предательства.

Среди моих людей не все согласны с Ее выбором. Но я разберусь с этим. Все наши предложения остаются в силе. Решать, кто из ваших соратников чего стоит, вы будете сами.

А. А. Валежный».

– Слов у меня нет, – почти пожаловался Тигр.

– У меня их тоже не было, – порадовал его в ответ Митя. – Не сомневайтесь, жом, визгу будет до колокольни.

На визг Тигру было плевать.

– Своих я проконтролирую. Насколько смогу. А вот люди Валежного...

– Если вы проживете в предложенном статусе хотя бы год – уже чудо будет, – хмыкнул Митя. – Слишком уж шикарная добыча.

Тигр скрипнул зубами.

Яну?!

Не отдаст!

А Русину тем более!

– Ты сюда только за этим пожаловал?

– А что?

– Если я тебя решу отослать обратно?

– Не уеду. Но, полагаю, буду полезен в Звенигороде. Авось узнаю, куда идет взрывчатка. На какие такие цели?

– Узнавай, – согласился Тигр.

В дверь постучали.

– Кто там?

– Жом Тигр, жом Пламенный просил вас спуститься в тюрьму.

– Что, уже? – удивился Митя. – Вот чутье у человека...

Тигр показал ему кулак.

– Минуту.

Минута была потрачена на то, чтобы чиркнуть спичкой и тщательно спалить в пепельнице оба письма. Потом еще растереть пепел и выкинуть его в камин.

А вот теперь можно и идти.

Ромашкин?

Как влез, так пусть и выбирается! Не хватало еще с ним возиться!

* * *

Когда в камеру к генералу Алексееву появился сам Пламенный, Илья даже голову не повернул в его сторону. Только на пол сплюнул.

Пламенного это не огорчило.

– Сидите-сидите, молодой человек. Не вставайте, сделайте одолжение. Илья, как же вам не стыдно врать людям?

– Пошел ты...

– Да я бы пошел. Не жалко. Но императрицу вы так за что оболгали?

Илья, который был в курсе раунда «Никон – Анна», ехидно рассмеялся. Он был не в курсе, что с врагами нельзя разговаривать.

Вообще нельзя. Никак.

Ни слова, ни жеста, ни звука – молчи. Не можешь молчать, так матерись, песни пой... да хоть что делай! Но не разговаривай с врагом! Иначе рано или поздно все выдашь. Враги ведь не обязательно идиоты...

Пламенный идиотом точно не был. Слово за словом он вытягивал из Алексеева историю его отношений с Анной. И все больше удивлялся.

Вот то, что рассказывал Илья, никак не могло быть о той женщине, которая сопровождала Тигра.

Скромная? Застенчивая? Боящаяся своей тени?

И чудовище, которое перестреляло половину нападавших, а потом совратило одного из лидеров Освобождения?

Знаете, тут надо либо шляпу снять, либо трусы надеть. А вместе оно никак не получается.

Пламенный плюнул на все, вызвал Тигра, и мужчины вцепились в Илью вдвоем. Теперь уже удивлялся и Тигр.

Под конец, плюнув, он принялся выпрашивать у Ильи о приметах на теле Анны. О родинках, о шрамиках...

Ладно. Шрамов у ее величества не было. Но родинки были. Илья проговорился. Те самые, судя по лицу Тигра. Но концы с концами решительно не вязались.

Расспросы продолжались больше четырех часов. Потом освобожденцы камеру покинули, а Илья остался. Уселся на одеяло в углу, обхватил голову руками.

Дураком он не был. И...

И взгляды Тигра тоже отлично заметил. И вопросы у него были... такие... он – ревновал? Анна что – с ЭТИМ?! Но такого просто не могло быть!

Потому что никогда не могло быть, вот и все!

Его хрупкая, нежная, любимая девочка не могла делить постель с освобожденцами. Не могла стрелять, словно снайпер. Не могла ругаться. Не могла... предать его. Бросить – не могла.

Или – могла?

Или – это НЕ ЕГО девочка?

Илья застонал. Вопросы просто взрывали измученный разум генерала. Может ли быть на месте Анны... кто-то другой? К примеру, незаконная дочь Петера? Или кузина, племянница... да мало ли бастардов наплодили Вороновы?

Теоретически – может.

Практически... Это нелогично! Невозможно, неправильно... ее бы опознали. Или это специально? Ради Русины?

Верить не хотелось. Думать не хотелось. Жить...

Жить тоже не хотелось. Но повеситься Алексееву не дали еще у Никона. Пришлось сидеть в камере и ждать – чего? Он и сам не знал.

Чего-то...

Маргоша?

Он и не вспомнил ни про жену, ни про ребенка. Словно и не было их...

Да и Маргоша про него не вспоминала. Получив известие о плене супруга, она пыталась выбить хоть какое пособие. И радовалась.

Ребенок, увы, родился решительно не похожим ни на нее, ни на Илью – последствия изнасилования. Так что... пусть муж хоть и вовсе не приезжает. Вряд ли его такое обрадует.

* * *

– Тигр, ты сам уверен, что эта девка – императрица?

Тигр пожал плечами:

– Пламенный, я тебе что должен сказать? По морде сходство полное. По родинкам – тоже.

– Да, я заметил, как ты дергался.

Ну... дергался! И что?! Вообще бы Алексеева с радостью на части порвал! При одной мысли, что Илья... и его Яна!..

Тигру убивать хотелось! Всех!

Начать с Алексеева, закончить Пламенным! Чтобы рот не открывал, гад!

Яну?

А Яну отшлепать и запереть. И никому не показывать, пока... Он что – рехнулся? И ему всерьез кажется идеальным вариант с босой, беременной и дома? На кухне?!

Он подозревал, что готовить Яна не умеет. Но даже мысль, что вот он приходит и его ждут... босой, беременной... и со сковородкой.

Или с револьвером.

Или...

Мысль бодренько дорисовывала варианты, опуская хозяина с небес на землю. Яна явно не согласится на такое. А вот описанная Ильей Анна согласилась бы с радостным визгом. Но это...

Это как описать блюдо, к примеру, котлеты. Но они бывают из мяса, а бывают из тыквы. Вот Илья описывал тыквенные котлеты. Рохлю и размазню.

А у его женщины характер был.

Но внешне-то сходство полное! Даже если бы нашли двойника, то как ему приклеить родинки? Нет, нереально...

– Так твоя это баба – или нет?

Тигр решил не вилять. И так с портретом засыпался, чего уж там...

– Мне кажется – моя. Но я до конца не уверен.

– А если ты ей напишешь?

– Угу, так себе и представляю, что с этим письмом Валежный сделает, – огрызнулся Тигр.

– А вдруг девушка о тебе скучает? Грустит, тоскует...

– Оно и видно. Бредишь ты, что ли?

Пламенный потер лицо руками и уже другим тоном поинтересовался:

– Выпить есть?

– Есть. Самогон.

– Налей...

Рюмку он хлопнул залпом. И поглядел на Тигра уже совершенно иначе.

– Думаешь, уцелеешь, если она Звенигород возьмет?

– Вряд ли, – пожал плечами Тигр.

– Врешь. Думаешь.

– Валежный не пощадит. А решает он.

– Это понятно...

– Пламенный, а ты что задумал? Зачем тебе взрывчатка?

– Это уж мое дело.

– Ты уверен? – Тигр прищурился так, что Пламенному даже страшно стало. Так, на минуту. Но сдаваться он не собирался.

– Я – уверен.

– Рассказать не хочешь?

– А ты не хочешь рассказать, что за делишки у вас с Ураганом?

Тигр едва не фыркнул.

– В обмен на твою откровенность.

– Слушаю?

– Хочу закупить зерна. Да ты и сам наверняка знаешь. Передохнем же с голоду!

– Если удержимся – не передохнем.

– А народу сколько перемрет?

– Наплевать, – коротко выразился Пламенный. – Но делай, если хочется. И чего таиться было?

Тигр слишком хорошо думать о соратнике не собирался.

– Примазаться собираешься?

Пламенный даже плечами не пожал.

– Останемся при власти – внесу свою долю. Так и быть. Нет? Пусть хоть все передохнут, если решили над собой эту тварь терпеть.

Тигр качнул головой.

Вот здесь они и различаются. Для Пламенного – пусть рухнет мир, но торжествует правда. Его личная правда. Для Тигра... пусть мир еще постоит. С правдой потихоньку разберемся. А насчет твари...

– Пламенный, подумай. Может, проще договориться с Валежным? Я знаю, есть намеки. И наметки есть...

– Какие? – насторожился жом.

– Какие-какие... Валежный же не идиот. Понимает, что без большой крови столицу не взять. Зато императрица у него не замужем. И готова милостиво всех прощать... ну, до определенного предела.

– В консорты метишь?

Тигр невежливо поводил рукой вокруг головы, намекая, что у Пламенного – того-с. Крыша едет, приколачивать пора. Ему можно, он не из благородных.

– Ты себе это как представляешь? Я жом, меня народ не примет. Максимум – в любовники. Но и так будет неплохо, сам знаешь про фаворитов, которые династии на этом самом вертели.

Пламенный сморщился, словно лимон укусил. Понимал, что в фавориты не пойдет. Не пройдет по определенным параметрам организма. Там стойкость нужна, выносливость, а у него есть проблемы и с тем и с другим. Не складываются активная сексуальная жизнь с революционной. Тут или одно – или другое.

– А я женат. Кстати – благодаря тебе.

– Я тебя венчал, что ли?

– А кто Гульку из Русины вывез?

Тигр и не подумал смутиться.

– Хочешь убивать – убивай. Могу отдать приказ ребятам, они ее защищать не станут.

– Если я не знаю, где она сейчас?

– Я тоже не знаю, – «утешил» Тигр. – Когда напишут, обещаю рассказать.

Мужчины глядели друг на друга без малейшей приязни. Пламенный думал, что убил бы сволочь. Здесь и сейчас Тигр его

предупреждал почти напрямую: не суетись. Выкинешь что – порву на ключья.

А сделать с ним ничего нельзя. Укрепился, окопался, да и сам крепок. Отобьется.

Тигр думал, что ему жалко.

Пламенный, как к нему ни относишься, неглуп. Харизматичен, организован, умеет говорить и слушать, отлично разбирается в людях, убедит негра песок купить посреди пустыни. И вот такое сокровище пускать в расход? Обидно!

Отвратительное расточительство ценного человеческого ресурса.

Но и врагом Пламенный будет страшным. Уже – враг.

Власть он добровольно и не отдаст, и не поделится, сейчас Тигр в этом снова убедился. Хотя и зря. Власть ведь ценна не сама по себе. Это – инструмент. Как лопата, грабли, как нечто, созданное для дела. А просто власть...

Это как дракон.

Вот лежит он на горе золота – и что? Пузо чешет? Мертвое золото. Скудное.

Но возьми его, пусти в оборот, и станет намного интереснее! Живая власть. Живое золото. Движение жизни. Тигр это понимал, а Пламенный – нет.

Хотя... Тигру тоже не хотелось делиться властью. И в других обстоятельствах он бы тоже сопротивлялся. Но не сейчас.

Слишком ценный приз стоит на кону.

Яна.

И Русина.

Почему-то вторая ему... ладно, нужна! Но без первой – все далеко не так интересно.

Распрощались мужчины вполне дружески. Согласно духу времени – с фигой в кармане и ножом за спиной. Каждый спешил воплотить в жизнь свои планы.

* * *

Никон лежал на кровати в отведенных ему покоях.

Прямо в сапогах лежал. Курил, мрачно смотрел, как под высоким потолком с лепниной собирается серебристый дым.

Мысли тоже были... дымные. Плохие мысли, невеселые...

Большую часть войска пришлось бросить. Самому воспользоваться поездом и прибыть с наиболее доверенными людьми в Звенигород.

Что будет с войском?

Ничего хорошего. Конечно, кто-то дойдет. Но кто-то и дезертирует. Это понятно. С другой стороны, выбора у его молодцев особенно нет. Валежный их расстреляет не глядя, так что придется им сражаться. Но сейчас... сейчас Счастливому было грустно.

Карта генерала Алексеева оказалась пустышкой. У Пламенного за него можно будет получить... нечто. Но вряд ли много.

С мечтой о Хормеле Великом придется попрощаться навсегда. Пламенный властью не поделится. О, кстати! Легок на помине!

Никон посмотрел на Пламенного, который вошел, даже не постучав. Потом плотно прикрыл за собой дверь, задвинул засов...

– Ты не перепутал спаленки?

– И тебя с жамой Кисонькой не перепутал, – отмахнулся Пламенный. – Поговорим?

Никон поднял брови. Кажется, все не так радужно, как кажется с поля боя? И нет в стройных рядах единства?

– Поговорим. О чем?

– О твоей полезности. Как ты думаешь, если мы проиграем, нас отпустят с миром?

Никон язвительно фыркнул:

– Не дожدهшься.

– От Валежного? Определенно. И ты тоже.

Никон махнул рукой:

– Понимаю. Что ты от меня хочешь?

Пламенный хитро улыбнулся и на миг стал похож на эдакого «добротного дедушку». Присел на край кровати.

– У меня есть один план, который позволит нам вый- ти из этой ситуации без потерь. Но нужна будет твоя помощь.

Отказываться Никон не собирался.

– Предупреждаю. Если ты хоть слово не там скажешь... до вечера не доживешь.

Никон в этом и не сомневался. И доброй улыбочкой не обманывался. Крокодилы, говорят, еще и плачут. Но только когда едят. Не хотелось бы стать закуской.

* * *

Долго искать Урагана не пришлось. Нашелся он на стрельбище. Стресс снимал.

Пять мишеней уже были похожи на решето. Шестая постепенно в него превращалась. Жом Тигр подождал, пока закончатся патроны, и кивнул... родственничку.

– Поговорим?

– О чем?

– О Пламенном, вестимо.

Ураган только вздохнул:

– Слушаю?

И прицелился.

Говорили они негромко, а хлопки выстрелов отличная маскировка. Да и рядом никого. Почему бы не поговорить?

– Мы с ним сегодня побеседовали. Расставили все точки.

– И?

– Все. Надо брать власть.

Ураган задумался. Сказать это было проще, чем сделать. Вот если б Пламенный подавился икрой или отравился поганкой... Но подобраться к нему нет возможности. Не уехала б жама Голубица, шансы имелись бы. А так...

Нереально.

– Что ты предлагаешь?

– У тебя неплохие отношения с Броневым.

– Да.

– Поговори с ним. Амнистия – вещь хорошая. На тебе Броневой и Подсолнух. На мне Радикал и Ферей. Если перетянем их на свою сторону, считай, сопротивления не будет.

Ураган ненадолго задумался:

– Допустим. Но есть еще Огненный. Есть Никон. Есть...

– С теми мы ничего не сделаем. Я назвал только подходящих.

Ураган прицельно положил три пули в центр мишени. Поменял руку. Положил еще две.

– Я поговорю. Но и пути отхода подготовлю.

– Для себя, – четко сказал Тигр.

Ураган поднял сначала одну бровь, потом вторую. Вот так раз?

Здесь и сейчас Тигр фактически полагался на слово Валежного и на милосердие императрицы. А вот как именно его сдержат победители?

Ой вопрос...

Могут и в тюрьму посадить, и из страны выслать, и убить тихому... да что угодно могут!

– Ты ТАК уверен?

Тигр качнул головой.

– Не уверен. Но и бежать не хочу. Понимаешь, права не имею. Мы это начали, мы втянули в это безумие всю страну, мы обязаны его разделить. Что бы ни случилось. Ты можешь уехать, у тебя есть... кому ждать. А я останусь. Иначе это даже не подлость. Это хуже и грязнее всякой подлости.

– С чего тебя на красивые слова потянуло?

– Вообще не тянет. Но ты меня понял?

– Вполне. Что будем обещать?

Еще две пули легли в центр мишени.

– Амнистию. Должности. Сейчас прикинем, – задумался Тигр.

Явившийся в Звенигород Митя его порадовал. Но и озадачил. Так что... работать, и только работать.

А если его обманывают...

Честно говоря, Тигр считал, что он немножко должен Яне. За смерть ее семьи.

И немножко должен Русине.

И... не хочет жить в другой стране в положении загнанной крысы.

Так что – к бою! И – до победы!

Ида, Свободные герцогства

Тор Рессаль чувствовал себя великолепно. И, смеем заметить, выглядел он тоже великолепно.

Полосатые брюки со штрипками, ботинки великолепной телячьей кожи и такой же ремень, шелковый жилет с узором в мелкую розочку, дорогой сюртук...

Его с радостью приняли бы в любом салоне.

Но сейчас тор Рессаль держал путь к дому Иды.

Букет роз в руке, улыбка на лице, изящная трость... Армандо чувствовал себя почти властелином мира. А еще...

Он загадал для себя.

Если сегодня его не примут, он договорится с ребятами Кривого. И пусть ему эту гордичку упакуют в лучшем виде. Деньги есть...

От клинка и ее шавка не спасет.

А вот чего он не ожидал, так это крепкого мужчины с военной выправкой, который открыл ему дверь особняка. Но не растерялся.

– Могу я видеть тору Иду?

– Вы кто такой, тор? – без особой почтительности поинтересовался мужчина. А что? Видывали мы тех ламермурцев. Иных и постреливали...

Дохнут – как обычные жомы.

– Доложи ей, любезнейший, что тор Рессаль прибыл, – уже выкинул из головы слугу Армандо. Даже шляпу ему протянул.

Ефрейтор Семенов едва поганцу в морду не дал. Спасла тора только гражданская обстановка вокруг. Все ж они не на войне...

Понятно, и тут негодяя в морду можно, но лучше не в доме. Чтобы хозяйка потом не ругалась.

– Тор Рессаль?

– Да... ты что – остоленел, что ли?

Армандо силком всунул мужчине шляпу в руки – и прошел в гостиную. Тора Ида была там, как он и рассчитывал. Сидела, играла во что-то с крестьянским мальчишкой. Второй, младший, устроился у нее на коленях. Довольны были по уши, все трое.

– Тора Ида, мое почтение.

На трех лицах сразу выразилось недовольство.

– Гав, – сказал Полкан. Ему тоже что-то не понравилось.

Армандо только что плечами пожал. Его таким не смутить было. И протянул букет.

– Это для вас.

– Благодарю, тор.

– Что вы, тора Ида. Эти цветы ничтожны рядом с вашей красотой! Скажите, могу ли я пригласить вас на прогулку в парк?

Ида выдохнула.

Поймала взгляд ефрейтора Семенова и расслабилась. Ей больше не нужно бояться. Ее защитят.

– Тор, я должна сказать вам, что нахожу вас омерзительным. А ваши притязания – мерзкими и бессовестными. Если у вас есть хоть капля порядочности, вы немедленно уйдете и из дома, и из моей жизни. Если нет... я прикажу вас выкинуть.

Армандо взбесился уже на второй фразе.

Это он – омерзительный?! Да я... да герцогини не брезговали!!! А ты тут кто?!

Возможно, знай он ответ, он бы признал за Идой такое право. Но – не знал. И потому...

– Ах ты...

– Собаку я на вас спускать не стану. Полкан, фу. Отравишься, – ангельским голоском пропела Ида.

– Я спущу. Потом пасть промоем и клизму сделаем, – пообещал Гошка.

Полкан клацнул на него зубами.

Клизму? А лечебный укус в попу не желаете?

Армандо кое-как справился с собой.

– Тора Ида, это ваше последнее слово?

– Решительное и бесповоротное, – кивнула Ида.

– Не пожалейте потом.

– О чем? О месте вашей любовницы? Без срамных болезней обойдусь, – отрезала дама, изрядно растерявшая в больнице хорошие манеры.

Армандо вылетел из дома как ошпаренный.

Ну, ты...

Ну, я тебя...

В своем гневе он и про экипаж забыл. Так и пролетел несколько улиц пешком. Очнулся, только когда его кто-то за плечо тронул.

Развернулся в гневе – и увидел перед собой знакомую морду...

– Ты?

– Не подскажите, как пройти в библиотеку?

Чего?!

А больше Армандо и подумать ничего не успел. Кулаком в лоб, ежели умеючи, хорошо оглушить можно. И не сдохнет. У таких голова, что чугунное ядро.

Только звездочки замелькали.

* * *

Когда Армандо очнулся...

Ох, как же ему стало неудобно.

Рессаль не знал, что Ида просила его не убивать. Все ж тор. И родня его тоже может доставить определенные проблемы...

Не нужны им лишние эксцессы. Но солдаты и без того справились. Страшная это вещь – солдатская смекалка. Позволяет и из топора кашу сварить, и из шинели спальню устроить, а уж как в жизни устроиться поможет!

Красота!

Посоветовались мужики да и решили, что смерть – пустяки. А вот позор...

Журналисты, предусмотрительно приглашенные кем-то неизвестным, были от восторга. ТАКИЕ фото им еще не попадались. Откуда бы?

Тор Рессаль, в дамском белье, привязанный к кровати, в интересной позе...

И – да.

На тему пассивного образа жизни тоже кое-что было. И активный партнер (Агафон отпирался, как мог, но дело решили десять золотых и глухая маска на все лицо). Журналисты взвыли от восторга.

Рессали из Ламермура – от ужаса.

Сам Армандо, когда до него дошло, – вообще был так, что волки в лесу от зависти дохли. Им такие тональности даже и не снились.

Это ж...

Он же ж...

Скандал набирал обороты.

Какая уж тут тора Ида!

Яна, Русина

Ее императорское величество изволило уединиться. То есть – устроиться в палатке в гордом одиночестве, цыкнув на всех окружающих.

И – грызла семечки.

Да, вовсе не благородно, не воспитанно и даже не слишком аккуратно. Не умела.

Так получалось, что шелуха у нее разлеталась во все стороны. Находило на Яну это «семечное настроение» раз в два года, валялась она в депрессии и думала, что жизнь не удалась.

Потом семечки заканчивались, и Яна принималась за дело. Как правило, отмывался дом, решались поставленные задачи, а депрессия...

Лучшее средство от депрессии – лопата! Зимой и летом одним цветом. Разница только в задачах. Летом очень полезно вскапывать огород, зимой чистить снег. Времени на депрессию попросту не остается.

По колышку деликатно постучали.

– Ваше... тора Яна, к вам тор генерал.

– Чавк, – разрешила Яна. – Пусть заходит.

И сунула в рот очередную семечку.

Валежный себя долго ждать не заставил.

– Тора Яна, все в порядке?

Яна кивнула:

– Вполне. Ощущения гадкие и предчувствие дурное, а так все нормально.

Валежный насторожился. Ощущениями на войне не пренебрегают. Это серьезно.

– Что именно вас тревожит, тора Яна?

– Не знаю.

Яна посмотрела на семечки и ссыпала их в карман. Все равно не дадут потосковать. Может, потом еще время улучит?

– Я не знаю. Антон Андреевич, вы получили донесения из Звенигорода?

– Нет, тора Яна.

– От Чернова?

– Да. Он прямым маршем идет на Звенигород. Если все будет в порядке, вскоре они встретятся с жомом Броневым. Есть там такой...

– Серьезный противник?
– Очень. Это не Калинин. Это хищник, который и меня порой переигрывал.

Яна задумалась:

– Тор генерал, у нас есть союзники.
– Какие, тора Яна?
– Лионесс. Если я напишу Элоизе... Полагаю, неподалеку от берегов Русины есть ее корабли.
– В Звенигороде их нет. А на остальную Русину их спускать... не надо.

Яна согласно кивнула:

– Перебьемся. Но кое-что сделать можно. К примеру, попросить ее не принимать на борт беглецов из Русины.
– Отличная идея, – согласился Валежный. – Помочь вам написать письмо, тора Яна?
– Пожалуйста.

Изюмский уже уехал, вернулся к себе в поместье. И понять его можно: у него дела, хозяйство, родные, близкие, за ними пригляд нужен. Стрелять каждый может, а хозяйствовать? Это не так легко и просто. Поэтому был Николай Николаевич отпущен императрицей. И обещал непременно приехать в Звенигород после победы. Он не струсил, Яна это понимала. Но в тылу умелый управленец принесет намного больше пользы.

Придется обходиться военной дипломатией. Ну и ладно, они из Вэлрайо столько вытряхнули, что двадцати дипломатам на отписки хватит. Разберемся...

А к семечкам Яна так и не вернулась. Некогда.

И неохота.

Хотелось семейных пирожков с черникой. Ее любимых, поджаренных на сковороде в нарушение всех здоровых образов жизни. И парного молочка. Но эти удовольствия отставлены до конца похода. Сама распорядилась так.

Будет питаться из солдатского котла, вместе со всеми, и никаких особых предпочтений.

Ладно еще – отдельная палатка и личный помощник. Денщик практически. Чтобы воды с утра согреть, мундир почистить, ну и все.

А так – нечего. Это армия, а не бордель. Ей служанку, потом лежанку, потом еще чего...

Перебыются!

Главное в нашей жизни – умеренность! Суворов вообще под одной шинелькой спал, а через Альпы перешел! И остался в памяти человеческой. Яна на такую же славу не рассчитывала, но хоть как-то... пусть ее вспоминают как своего парня, а не как капризную стерву.

Она не слышала разговоры у солдатских костров.

Она не вникала в сплетни, на которые солдаты горазды куда как больше кумушек на лавочке.

А то бы знала, что люди о ней очень высокого мнения.

Отметили и ее неприхотливость, и чувство юмора, и отсутствие всякого чванства, так свойственного торам, и неожиданно справедливые решения...

Отметили, что на мужиков она не кидается, ведет себя спокойно. Что с техникой ладит, что стрелять умеет...

И признали в императрице «своего парня». Подумаешь, баба! Ну, не повезло ей так родиться! Зато человек она хороший и правильный. Эх, дурак ты, Петер, не тем будь помянут! Иную бабу и на трон посадить можно! Это не твоя свистушка с поскакушкой, это та самая. Что и коня на скаку, и в горящую избу, и положиться на нее можно в любой ситуации.

Та самая.

Которую ищут, а когда найдут – быстренько удирают. Потому как рядом с такой надо мужиком быть не по названию, а по сути. А это сложно. С курицей-то оно проще, с ней всяк – петух! А с орлицей каково? Там не кудахтать, летать надо.

Получится ли?

Солдаты не знали. Но Яну приняли и от всей души желали ей счастья.

* * *

Покончив с письмом, Яна посидела немного, посмотрела в стену. А потом плюнула да и пошла из палатки.

Авантюрно приподняв заднюю стенку, благо конструкция позволяла. Прислушалась.

Да, где-то поодаль играла гитара. Конечно, не привычная семиструнка. Но все-таки, все-таки... хотелось выплеснуть тоску. Куда деваться?

Яна подошла потихоньку, и постояла, посмотрела на офицера, лениво перебирающего струны. Когда ему явно надоело, ее величество... да нет, просто девочка Яна с кордона, шагнула вперед – и протянула руку.

– Дашь гитару?

Офицер так ошалел, что послушно протянул требуемое.

Яна пробежалась пальцами по струнам, прикинула звучание. Она давно уже не пела. Последний раз, когда они гимн разучивали.

Но сейчас душа просила иного.

К примеру...

Блатные песни? Да кто ж его знает... но мужчины на кордоне песни о войне любили. И Яна тоже. Вот как хотите, не все песни о ней настоящие, но есть ведь и те, мимо которых не пройдешь.

Аккорд...

Еще один...

– Давным-давно была война... [\[21\]](#)

Потом последовали баллада о красках. О маленьком человеке. О неизвестном солдате. О времени, которое выбрало нас... [\[22\]](#)

Синий платочек, смуглянка...

Сколько этих песен, которые оставили отцы и деды? Сколько их, политых кровью солдат и присыпанных пылью дорог? Песен, которые не сложены поэтами. Песен, которые проросли из человеческих сердец и отданы, словно цветы.

Они звучат всего пару дней в году. А надо бы – каждый день. Ну хоть по одной, по две. Но именно тогда, когда их могут услышать. Именно в то время...

Яна пела.

Мужчины слушали.

Тихо-тихо. Словно вставляли перед их глазами те дороги и те солдаты... А какая, в общем-то, разница? Миры, века, чины, звания, города и языки?

А если просто любишь свою родину?

Если защищаешь то, что любишь?

Тогда и могут понять блестящие офицеры простого крестьянина. Не важно ведь, кто ты и откуда. Важно, что ты отдаешь жизнь за родину.

И мужчины слушали.

Стояли офицеры, вперемежку с солдатами. Стоял и генерал, который хотел было цыкнуть на императрицу... вежливо, конечно, и загнать ее обратно в палатку, неуместно ж... с нижними чинами сидеть. Стоял молоденький поручик, торопливо царапающий карандашом на листе... И один из солдат посмотрел на беднягу, как он мучается с сумкой, едва не прорывая лист плохим карандашом, да и подставил ему спину.

Пиши, пока поют...

Они стояли...

Яна поняла, что больше не выдержит, и отставила гитару.

– Простите. Торы, жомы... простите.

Императрицы не ревут ревмя. Уж точно не на виду у всех. И носы у них не краснеют, и не распухают, и вообще – не подобает!

До палатки Яна добежать успела. И даже заползти внутрь, и вцепиться зубами в подушку.

А потом громкий спор, который начался между двумя офицерами, заглушил напрочь все ее всхлипывания и стоны. Мужчины все отлично понимали. И императрицу пожалели. По-человечески... видно ж, что тяжело бабе. Тут любому тяжело будет.

А Яна плакала навзрыд, до истерики. До судорожной икоты и ледяных рук.

Все будет хорошо.

Наверное.

Когда-то и у кого-то, пусть все будет хорошо. А она... она выбрала свою судьбу. Только вот иногда почему-то очень больно...

Анна, Россия

– Папа, здравствуй. Как ты? Как дела?

– Янка, если ты по делу позвонила, так и говори, а не морочь мне голову.

Петр Воронов человеком был конкретным донельзя. Дела?

Жив, здоров, не съеден, не надкусан. Дозвонилась же? Вот и отлично! А попусту воздух сотрясать нечего! Социальные ритуалы не для родных и близких придуманы. Они как раз для тех, между кем нет ничего, кроме общей генетики. А так-то, может, и чужие это люди...

– Ну... если по делу... пап, я замуж выхожу, – решила Анна.

– Надеюсь, за Савойского? – даже не удивились в трубке.

– Д-да...

– Вот и отлично. Мужик правильный, вразнос тебе пойти не даст.

– Это когда я вразнос ходила? – искренне удивилась Анна. Вот, с ее точки зрения, разноса в Яниной жизни и вообще не случилось.

Сережа Цветаев?

Вот еще, аргумент...

Других-то мужчин не было. И интереса не было. И даже флирта. Работа, сын и снова – сын и работа. Все очень четко, жестко, по графику. Иначе не выжить.

– А могла бы, – наставительно заметил любящий отец. – Когда у бабы дела нет, она обязательно вразнос пойдет. Природа ваша такая...

– Пап!

– Ладно, ладно. Яна, я за тебя безумно рад, дочка. На свадьбу-то пригласишь?

И столько тепла было в голосе мужчины, столько любви, что стоили эти слова сотен тысяч признаний. А может, и побольше.

– Конечно! Я... я думала, ты будешь против.

– Против счастья своего ребенка?

– Ну... кордон?

– Он куда-то деться собирается? Ты лучше к нам приезжай сюда, в свадебное путешествие. Покажем твоему мужу и детям наши места. Ну... старшенькой.

Анна едва не прослезилась.

– Папа...

– Я что – чурка с глазами? Не вижу, что девочке мать нужна? А тебе – дочка... вот все и сложилось удачно.

– Обязательно приедем!

– Вот и давай, давай... а то взяла моду – сопли разводить. Хоть платок-то есть?

– Есть, – вовсе уж по-простецки хлюпнула носом Анна. – Пап... я тебя люблю.

– Я догадываюсь. И тоже тебя люблю, дочка. Жду приглашения, а то хозяйство надолго не оставишь...

Анна попрощалась и долго смотрела на зажатый в руке телефон.

Вот ведь как бывает. Ее отец ее любит. Даже пусть это другой мир – ей повезло.

Они поженятся с Борисом.

И обязательно съездят в свадебное путешествие.

А потом...

Слезы все-таки закапали на прозрачный экран. Анна помнила, что должна их оставить. Но как же это тяжело. Как больно.

Она справится.

А они справятся без нее.

Но правильные слова не приносили утешения. И слезы текли и текли, и почему-то не заканчивались.

Спасибо тебе, Хелла.

Меншиков, Свободные герцогства

– И вот это – ВСЕ?!

Доктор Ромарио и поверить не смел.

Сидит, понимаешь, в банке тварь страшная и бессмысленная, тарачится своими лупешками и, наверное, еще и ядовитая.

Врет купец!

Точно!!!

Но... лекарство-то помогает?!

– Вот те Творец истинный! – осенил себя знаком Федор Михайлович. – Не вру!

И выложил на стол еще и большую коробку. Ее величество рассказывала, называется это не по-человечески: «презентация».

А по-нашему, по-русински, товар надо лицом показать. Вот и стараемся.

В первом отделении была медведка – уже дохлая. Во втором она же, но обработанная и высушенная. В треть- ем – частично перетертая, в четвертом уже конкретно порошок...

Ну, тут и доктор поверил.

– Невероятно!

Федор Михайлович улыбнулся, успешно спрятав это в роскошной бороде.

– А все ж таки она работает. Али нет?

Доктор Ромарио кивнул:

– Еще как работает! У меня восемнадцать детей в клинике, так вот! Ни у одного нет ухудшений. А улучшения есть у восьмерых. Еще двое практически выздоровели. И я посоветовал их родителям сухой и теплый климат.

Федор Михайлович кивнул:

– Да, так оно, поди, и правильно.

Доктор поворачивал банку, влюбленными глазами глядя на медведку. Та смотрела на доктора с подозрением. Ходят тут всякие... с которыми гнезда не построишь!

– Федор Михайлович, миленький, я уже и заявки подал, и землю приобрел, благо нам не фабрику строить, нам пока начать, потом развернемся. И даже первоначальные здания уже есть. Но вы мне главное скажите!

– Что именно? – насторожился купец.

– Откуда вы секрет узнали? Федор Михайлович, вы поймите, я ж рискую. Мы сейчас производство запустим, а там и хозяин объявится, а глядишь... суды пойдут... Ради детей я и не на такое пойду, но знать-то надо.

Жом Меншиков погладил бороду.

И раскололся:

– Секрет сей доверила мне лично императрица Анна Петровна.

Доктор открыл рот.

Закрыл.

Задумался.

– Императрица?

– В Русине сейчас беспокойно, тяжело, тошно и грустно. Случается и так, что дорожки пересекаются, – намекнул купец. – И я оказал ее императорскому величеству определенную помощь, за что меня и отблагодарили фамильным секретом.

Дело было не совсем так. Но разве это важно?

Нет, не важно...

Доктор прикинул так.

Прикинул этак. Выходило по-любому неплохо. Императорская семья-то с ним судиться точно не будет. А доходы...

О, доходы даже сейчас превосходят любое воображение. Ладно еще – дети. Тут доктор просто физически не мог драть три шкуры... ладно. Не со всех родителей. С некоторых драл, а чего б и не, коли те не обеднеют? А вот со взрослых, да с богатых...

Будем разводить полезную зверушку.

О том, что медведка вообще-то садово-огородный вредитель, да еще какой пакостный, доктор не думал. И о том, что пахотной земли в Герцогствах и так мало – тоже. Так что...

Кровохарканье он, конечно, лечил. И славу себе снискал.

А вот экономику Герцогств подорвал, и достаточно сильно. Потому как медведка жрала все. И не задумывалась.

Но это еще в будущем. А в настоящем...

Подумал доктор, подумал, да и предложил:

– Ежели лекарство назвать в честь вашей императрицы? Или Русины?

Федор Михайлович задумался. А что? Не в честь же медведки его называть? Перебьется, тварь бессмысленная...

– Анин? Воронин? Русин?

Так, в результате долгих и мучительных раздумий на свет появился препарат «Анворин».

Русина, Звенигород

Авантюра?

Да еще какая! Но где ж Чернову было удержаться? Вот никак!

Нереально просто!

Тут Никон убегает, недобитый.

Тут огрызки его войска, ну и «кабаны» отходят в нестройном беспорядке. И тут – стоять на месте и ждать? Это – нереально!

Надо догнать и добить! Обязательно надо!

И Чернов сорвался в погоню. Да так душевно сорвался, что остановился уже у предместий Звенигорода. Шел по железной дороге, вышел к Торфяновке, да там пока и застрял.

Ополчение тоже не дремало. Пламенный укрепился в Звенигороде и вцепился в окрестности мертвой хваткой. Да и Броневой не дремал. Прикрыл отступающих, не дал додавить окончательно.

Чернов подумал, для начала перерезал железную дорогу (одна из многих, ну да ладно, хоть так!) и принялся окапываться в ответ. Оборудовать блиндажи, брустверы, пакостить, как только мог. Перехватывал снабженцев, которые шли в Звенигород с продуктами, – самому мало!

Понятно, Броневой этого стерпеть не мог. И предпринял попытку избавиться от врага, пока тот не слишком укрепился. Сорняк проще молодым дергать.

* * *

– Вот Торфяновка. Вот железная дорога. Если по ней пройдет поезд и ударит... – Жом Броневой строил планы наступления. Никон смотрел хмуро, но понимал – другого выхода нет. Драться надо.

Бронепоезда тоже были, но рисковать ими Броневой не считал нужным – пока.

А мы будем наступать под его прикрытием, вот отсюда. А еще...

Конечно, кавалерия.

Кто же еще может так хорошо испортить настроение врагу?

Налететь, порубить, поджечь, напакостить – и удрать? Только кавалерия. Броневой с удовольствием привлек Счастливого, с остатками его войска, и не прогадал.

Да, строевая у «счастливчиков» хромала на все четыре ноги. Дисциплина? Это такое матерное ругательство? Честь, совесть, какой-то кодекс – тоже нет. Но вот в налетах им равных не было.

Укусить, увернуться, удрать...

Этот девиз можно было вышить на их знамени, вместе с благородным зверем-шакалом, если б Никону вообще пришла в голову идея с девизом. Но – не пришла. Тигр им нравился больше.

Хотя, если вдуматься, зачем оно – банде? Они и с лозунгами пограбят, и без лозунгов пограбят, и отлично устроятся.

* * *

Леонид Мохов был авантюристом – им и остался. Поэтому держать его в расположении полка Чернов не считал нужным. Вон как он полезно уже выступил! Даже два раза! И призраком, и со взрывом...

Пусть делает что захочет. Главное – поближе к врагам, подальше от своих. А уж там... кто не спрятался, их проблемы.

Вот Леонид и делал.

Мотался по окрестностям, предусмотрительно переодев своих ребят во что попало, заезжал в деревни, разведывал обстановку...

Сам благоразумно не представлялся, так что его попросту принимали за одного из «счастливчиков». Вот и вышло...

– А энто ваши в Охлоповке – или не ваши остановились?

Леонид насторожился.

Охлоповка, достаточно большое село, было совсем недалеко. Километров пятнадцать – только через перелесок.

– Не знаю, дед. А ты расскажи подробнее?

Крестьянин засомневался, но блеснула тяжелая серебряная монета с профилем последнего императора, стерла последние сомнения... Такие хорошие люди врагами быть не могут! Это уж точно...

Как оказалось, в районе Охлоповки стояло порядка двух сотен «счастливчиков». Стояло вольготно, разнузданно, весело даже. Самогонку выжрали, курей порезали и поели, девок прижимали и вообще чувствовали себя хозяевами положения.

Чего стоят?

Так вроде как приказ у них... говорят, в наступление пойти должны? На врага...

Навроде как идут к Звенигороду анператорские войска, а освобожденцам то не по нраву. Не хотят ни пахать, ни сеять. На конето оно куда как проще и веселее...

Леонид подумал. А потом подозвал одного из своих людей, и дал задание...

* * *

Издеваться над инвалидами – гадко. Но до толерантности и нормального отношения к маломобильным группам населения, до Паралимпийских игр и прочего было как до другого мира.

Вот и когда в Охлоповке появился старый слепой дед, опирающийся на палку, «счастливчики» оживились.

Идет тут, понимаешь...

Позабавиться надо!

Собак бы на него спустить, да вот беда! Тех, что побойчее, сами ж и постреляли. А тех, что поумнее, тех из конуры не вытащишь. И вообще, это что за забава получится? Сначала собаку вытащить, потом доволочь, а потом еще и натравить? Да она удерет раньше, чем натравится!

Поэтому пришлось гавкать самим.

– А чего это за чучело идет? – начал для затравки Мишаня, который принял уже с пол-литра самогона, и море ему было аккурат по колено.

– А оно с огорода сбежало. Чай, ворон там распугало, тут решило...

– Не. Оно теперь мышей пугает...

«Остроумные» подначки продолжались.

Иван Веденеев, между прочим – прапорщик, стискивал зубы. Эх, взять бы вас, сопляки, да носом об забор... а нельзя. Пришлось согнуться еще ниже и заканючить самым противным тоном:

– Пожалейте калеку, сыночки! Вы вон какие, молодые, красивые, здоровые, дай вам Творец удачи, денег побольше да жен красивых...

Хочешь войти в доверие к человеку?

Похвали его. И пожелай чего хорошего.

«Счастливчики» исключением не оказались. Мишаня первый и смягчился.

– Ладно, дед. Иди уж сюда... нальем рюмашку.

– Да уж куда мне спиртное-то, добры молодцы, – застонал пуще прежнего Иван. – Вы вон какие! Красавцы, как на подбор, мóлодцы, небось враги от вас вперед своего визгу бегут! К концу войны так и генералами станете! Вернетесь домой – грудь в орденах, из карманов золото горстями... А вот ежели кусочек хлеба от щедрот своих уделите, я во всех храмах за вас молиться буду...

Получалось очень убедительно и выразительно. Мишане с дружками хватило.

Наливать Ивану не стали. А вот кусок хлеба, мясо и огурец обеспечили. И принялись рассказывать о своих боевых подвигах.

Понятно, драконов бобры-молодцы не рубили, так и драконов в Русине не водилось. А всех остальных – запросто.

Но Ивана волновало не это. Он внимательно слушал и не удержался от радостной улыбки (надежно скрытой под накладной бородой и грязью), когда узнал о дальнейших планах «счастливичиков». Следующей ночью они собирались налететь на позиции Чернова, как раз от Охлоповки. Говорят, Броневой пойдет в наступление, вот, «валежники» начнут отбиваться, а тут «счастливичики» и ударят врагу в тыл! Тут-то они и порадуются!

Тут-то и добра соберут...

Иван слушал и запоминал.

Добра, говорите?

О, добра вы огребете! На своих двоих не унесете, это уж точно!

* * *

Жом Пламенный был вездесущ как воздух. Правда, вряд ли так же необходим, но он был везде. Отчетливо понимая, что пощады не будет, он стремился по максимуму крепить оборону. Причем не сильно надеясь на соратников.

Тигр?

Были, были у Пламенного некоторые сомнения в его сторону. Громадные сомнения. И в отношении Урагана – тоже.

Вот зачем они пшеницу закупают?

Выслуживаются же! Понятно! Если Валежный придет, им будет чем откупиться. Относительно себя Пламенный таких иллюзий не питал. Ему не то что пшеница – императорское золото не поможет. Хотя и золота у него особо не было. Петер, готовясь с семьей долго и счастливо жить в Лионессе, перевел в их банки кучу денег, да и кораблей туда отправил... штук десять. Или больше?

Греб, сколько влезло.

Крыса. Правильно его к стенке поставили, жаль, поздно. Да, были и у Пламенного свои принципы. Вот, к примеру, свою семью он любил. Мать, отца, братьев, сестер. И сейчас они жили в Ламермуре, и их будущее он обеспечил.

Гулька?

Там другой вопрос, там не семья, там соратник. Сподвижник. А соратника можно со временем и убрать, чего уж там. Если будет невыгодным или ненужным.

Если бы у Пламенного были дети, он бы и их обеспечил.

А если бы у него была Русина...

О своем он заботился. И отнять у него что бы то ни было не представлялось возможным. Вцепился бы как клещами. Вообще поведение Петера в его глазах было... ладно! Пламенного-то все как раз устраивало. Но Петера он сам бы пристрелил.

Знаете, слабый правитель – это радость для сопредельных государств. А для тех, кто живет под его властью, это горе. Да еще какое...

Кому нравится жить в стране, где процветают воровство и казнокрадство, где кучка родственников правителя бодренько разворовывает все, что им попало в руки, где чиновники распоясались, а военные... да, еще и война идет.

Нравится?

Ах нет? Ну и чего жалеть гада, который до этого страну довел? Да его надо было еще при воцарении к стенке поставить!

Тут Пламенный оправдываться не собирался. И иногда ему заползала в голову крамольная мысль, что с Валежным можно бы и договориться. Или нет?

Нет... ведь неглупый же человек! Но как ему замусорили голову всякой честью, клятвами и прочим... Вот Пламенный точно знает: важна его жизнь и его личная выгода. Остальное?

Решаемо...

В том числе и наступление Валежного на Звенигород. Если столицу удастся удержать, то за ним останется хотя бы часть страны. Он сможет договариваться. Пламенный отлично понимал, что происходит. Поставив все на один смертельный рывок, Валежный, словно издыхающий зверь, рвался к его горлу.

Сомкнуть клыки – и сдохнуть. Но вместе, вместе с врагом!

Если получится отбить этот натиск, Валежный сломается. У него нет толком ничего. Ни серьезной базы, ни снабжения, ни денег в достаточном количестве... как еще столько-то выдержал?

Пламенный просто не знал, сколько Валежный выгреб из Ферейских гор. Да и Митя добавил... Террорист-альтруист – это,

конечно, звучит гордо. Но, к чести Мити, настоящим террористом он не был. Он выполнял действия, направленные на устрашение и насилие, взрывал, грабил, убивал. Но вот заложников не захватывал. До такого не опускался. Были у Ромашкина пределы, которые он старался не переступать.

Взорвать политика? Запросто! Еще и цветочки на могилку пошлем.

Тряхануть банки? Давно пора! Еще и мало вытрясли, надо б добавить!

Шантажировать кого-то жизнями детей и женщин? Он мужчина, а не гиена!

Впрочем, о Митиных моральных устоях Пламенный не подозревал тем более. Вот еще не хватало! У него были дела поважнее. К примеру, оружие, артподготовка города к штурму. Инженерная подготовка города к тому же штурму.

А мобилизация?

Хорошо призывать народ на защиту Освобождения, когда опасность – ТАМ! Далеко, на границе, а Валежный... Что ж ты, сволочь, в горах себе ноги не переломал? Не нашлось подходящего камня?

Знал бы Пламенный...

Ей-ей, наемного убийцу подослал бы! На войне это проще... но ведь не знал! И не подослал! А теперь – поздно. Безднажно поздно...

Но Пламенный не терялся. И его Воззвание выкрикивали на всех углах.

Сограждане!

Трусливые императорские прихвостни угрожают Звенигороду!

Словно бешеные волки, они пытаются искусать нас прежде, чем издохнут сами! Воспользовавшись тем, что мы отражаем нападения Борхума, они перешли в наступление.

Отдельные шайки их прорвались к Звенигороду.

Силы их ничтожны, поэтому вряд ли они сами рассчитывают на успех. Но ворваться в Звенигород и устроить кровавую расправу с ненавистными им жомами, которые посмели сбросить со своей шеи ярмо императризма, они могут!

Комитет Освобождения принимает все меры для защиты Звенигорода. Но до прихода основной помощи мы должны максимально укрепить линию фронта.

Соратники мои!

В наших руках сегодня наша жизнь, жизнь наших семей, само существование Русины!

Я на коленях прошу вас восстать для защиты Свободной Русины!

Помогите Освобождению раз и навсегда покончить с угрозой возвращения рабства! Возвращения времени, когда человека можно зарубить просто за то, что он жом! Что он не поклонился, что он не желает быть быдлом!

Помогите себе и своим детям остаться свободными!

Откликнитесь на мой призыв. Я говорю сейчас не только о винтовках, но и о любой, даже самой неприятной работе... нам ценны каждые руки!

Любой, кто осмелится помогать императорским прихвостням, будет расстрелян!

Любой, кто осмелится распространять лживые слухи, также будет расстрелян!

Смерть торам!

Да здравствует Освобождение!

Ах, эта великая сила пропаганды...

* * *

– Пропагондон, – припечатал Пламенного жом Тигр. И, видя укоризненный взгляд Урагана, поправился: – Ладно. Пропагад.

Ураган пожал плечами:

– Зато работает. Уже около сорока тысяч человек в ополчении. И не все из них дурачки. Знают, как винтовку держать...

Тигру оставалось только вздохнуть. У Валежного, увы, было в два раза меньше людей. Разведка – работала не хуже пропаганды. Шансы у Пламенного были.

– Что у тебя по соратникам?

– Примерно то же, что и у тебя.

Мужчины переглянулись. Ну да... помилование – штука хорошая. Но ведь Звенигород еще не взяли!

Если Валежный сможет прорваться к столице, если войдет в город, если подойдет к Кремлю...

Тогда их услуги уже будут стоить не так дорого. Но все же на помилование хватит. А если Валежный ничего не сможет сделать...

Тогда и им ничего делать не придется. И в сложном положении окажутся уже Тигр с Ураганом, которые поставили все на карту.

И имя этой карты – Яна.

Любовь?

Да кто ж ее знает...

Тигр поднялся, потянулся:

– Ладно. Сегодня там твои люди?

– Мои.

– Точно не продадут?

– Нет.

– Тогда пошли.

Ураган кивнул.

Недавно его Тигр попросил об одной услуге. Жом просьбу друга выполнил, благо это было не так и сложно. Тигру хотелось побеседовать с Ильей Алексеевым. Так, чтобы никто об этом не знал.

Зачем?

Ну... надо!

Жом Тигр и сам не знал. Вроде бы и разговаривал уже, и в допросе участвовал, но то с Пламенным. А хотелось-то самому! Чтобы с глазу на глаз, чтобы понять, что Яна в нем нашла, в этом Илье... ведь нашла же! Если сына от него родила...

Если... любила?

Соперник?

А кто ж его знает?

Тигр и сам себе бы не сознался, но чувство его называлось простейшей ревностью.

Камерами Алексеева не баловали. Вылечили – уже скажи спасибо, а дворцовых покоев не дождешься. Клетушка два на три, солома в углу, параша в другом углу. Все. Сиди и медитируй на кандалы.

Да, последние – обязательно. А то еще голову разобьешь о стену или удавишься как... нет уж! Ценного пленника беречь надо.

Тигр шагнул внутрь, даже не поморщившись от вони. Не из брезгливых.

– Генерал Алексеев?

Илья ответил матюгами.

Куда и непреклонность делась? Ох, как же его все злило, как раздражало, как...

А вы сами посидите в тюрьме с перспективой казни? И посмотрим, как у вас испортится характер.

Впрочем, Тигра это не смутило. Он молча прослушал матерщину до конца, подождал еще минуту для верности – и заговорил.

– Я уже беседовал с вами. Вместе с жомом Пламенным. Помните?

– Помню, – буркнул Илья.

– Отлично, сэкономим время. Что вас связывает с Анной Петровной Вороновой? С великой княжной Анной?

– А что, прошлого раза вам маловато было?

Илья спрашивал не без ехидства. Тигр пожал плечами.

– Не знаю. Есть у меня такое чувство, что я упустил нечто важное. Вот и хочу еще раз с вами переговорить. Что вы теряете, кроме пары часов разговора?

Илья скривился.

– А что я приобретаю?

– Как минимум – улучшение условий вашего содержания. Немного, но полагаю, вам тут не нравится? – вкрадчиво уточнил Тигр.

Не нравилось. Илья помолчал пару минут и принялся исповедоваться. В прошлый раз Пламенного и Тигра больше интересовало другое. Приметы, внешность, та Анна или не та. В этот раз Тигру важны были отношения. Да и про Гошку Илья промолчал в тот раз. А зачем?

Сказано – мертв, вот никого мальчишка и не заинтересовал. Ни Счастливого, ни Пламенного. Счастливый ему медальон ведь не показывал, просто сказал, что вот, Алексеев. И вопросов про сына не

было. Илья тоже не говорил. А вот сейчас захотелось. Выплеснуть все это из себя, выговориться...

– Анна... она – моя тайная жена.

– Законная? – резко уточнил Тигр.

Илья качнул головой.

– Нет, конечно. Кто бы нас обвенчал? Анна боялась... Просто мы были вместе. И у нее был сын. От меня.

– Сын?

Вот этого жом Тигр не ожидал. Скажем так, биографией Яна с ним особенно не делилась, они другим были заняты. И потом не откровенничала. Да и как такое в письме напишешь?

– Сын. Георгий...

Сказано было так...

– Что с ним?

– Что с ним?! – окрысился Илья. – То с ним! Ваши твари с ним!!! Налетели на поместье, разорили... отец, мать, сестра, сын... никого не осталось!

– Где поместье было? – деловито уточнил Тигр, начиная понимать, куда стремилась Яна.

– Алексеевка.

Жом Тигр географию знал хорошо. Особенно прикладную.

– Понятно...

Или НЕ понятно? Зачем тогда Звенигород? Яна могла бы и быстрее добраться...

– А сын сначала не в Звенигороде был?

– Сначала – был. А как это началось... все... Иришка его схватила – и к родителям. А туда ваши примчались. Ну... и все. Письмо пришло, что никого не осталось.

– Сочувствую.

Сочувствовал жом Тигр, скорее, Яне. Каково это для матери, узнать такое? Жуть жуткая. Алексеева ему жалко не было. Значит, Яна ехала к сыну. А когда не нашла его, отправилась в Алексеевку. А оттуда, надо полагать...

Вот, теперь маршрут вполне укладывался в схему. Чутьочку с отклонениями от прямого курса, но ребенок ведь! Понятное дело, ему что-то может и понадобится. Яна приехала, нашла сына и отправилась к войску.

Или... не нашла?

И тоже отправилась к войскам?

Мстить?

Тигр подумал, что это нуждается в серьезном уточнении. И поежился.

Если Яна рискнула родить. Если она...

– Она сына любит?

– Любила. До беспамятства.

Тигр на секунду замялся. Глупо как-то спрашивать соперника о ее чувствах. Но Илье самому хотелось пообщаться.

Самый страшный враг узника – скука. Когда сидишь день за днем, когда смотришь в одну точку, когда перебираешь в голове грустные мысли...

Тяжко.

А тут внимательный и учтивый собеседник, да еще обещание поблажек... вот так и рождаются стокгольмские синдромы.

И Илья принялся рассказывать.

Как они познакомились с Анной.

Какая она была в юности.

Как она улыбалась, пела, танцевала, как любила сына, как на все ради него готова была...

Илья говорил.

Тигр слушал. И с каждым словом все больше уверялся в своих предположениях.

Это – НЕ ЕГО Яна!

Вот прошлый раз хоть приметы и совпали, а женщина все равно другая! Что он, не разбирается, что ли? Яна рядом с ним комедий не ломала, под обстрелом такое плохо получается.

Скромная, тихая, нежная, милая...

Вот что угодно, о ком угодно, но не про Яну! Скромная? Жом Тигр вспомнил, как скромница спускалась к нему в кабаке, в их первую встречу... и что потом вытворяла в постели...

Нет, о скромности тут речи не шло. И о тишине тоже.

Нежная, милая... если в постели и с натяжкой – можно. А в жизни – вы видели, как милая девушка отстреливает налетчиков и трехэтажно матерится? Это от избытка нежности, точно.

А ее умения? Откуда?!

Тигр дураком не был и понимал, что никогда, никогда женщины не покажут мужчинам свое настоящее лицо. Но чтобы настолько?

Где же ты настоящая, Яна?

И... нет, вот это как раз исключено. Ты настоящая великая княжна, но какая ты на самом деле? Какая?! Что я видел, лицо или маску?

Что?!

Прощался с Ильей Тигр уже даже вполне мягко. И свое обещание насчет камеры и питания выполнил. Но от вопросов так и не избавился.

Яна...

Глава 11

И некая тяга ломила ребро

Лионесс

Уже второе письмо сгнуло в пальцах ее величества. И в этот раз скрежетала зубами не только дама, но и ее наследник. Его высочество Корхен Ларвен.

Ну что за наглость?!

Что за...

Как эта девчонка вообще смеет такое писать?! Но строчки словно прожигали глаза. А бумага – та ничего, вытерпела.

«Государыня, сестра моя Элоиза.

Надеюсь, Вы следите за происходящим в Русине. И знаете, что я еду в Звенигород.

Мне бы очень хотелось, чтобы все освобожденцы там и оставались. Я в курсе наличия Ваших кораблей в наших территориальных водах.

Не могу сказать, что я это одобряю. Но сейчас они могут оказаться мне полезны.

Я надеюсь, что ни один освобожденец не покинет землю Русины на Вашем корабле. Более того, что Ваши корабли будут перехватывать суда, идущие к ним на помощь.

Русина может стать только началом Освободенческого движения. И перекинется оно на Ваш Лионесс. Полагаю, Вам не понравилась судьба моего отца?

Так не стоит доводить до нее остальные монархии. Жом Пламенный – страшный противник, который ни перед чем не остановится. Тор Вэлрайо во многом вводил Вас в заблуждение и преуменьшал масштаб личности этого человека.

Можете мне поверить, вдвоем с Пламенным будет тесно любому монарху.

Я сделаю все, чтобы остановить его, и рассчитываю на Вашу помощь.

Вашего величества добрая сестра, императрица Анна».

Дипломатии и у Яны, и у Валежного было примерно одинаково: одна миллионная процента от общей массы тела. Не хватило бы и суп посолить.

Но до Элоизы дошло все, что до нее хотели донести.

И до Корхена – тоже.

Вэлрайо...

Посол, загадочным образом пропавший из своего особняка, и всплывший... да как ей это удалось?!

КАК?!

Стерва, гадина, это ведь точно ее рук дело! И если Вэлрайо раскололи... а это наверняка так! Будем честны, иголок под ногти и Элоиза не выдержала бы. Больно...

Так вот, если Вэлрайо все рассказал... это не просто плохо. Это очень, безумно плохо! Он многое знает. А сколько можно *доказать* с его помощью! Слова – это ж просто сотрясение воздуха. А вот доказательства...

Он знает, и где взять, и что именно. И... себе не совершь!

Рыльце у Лионесса не просто в пуху. Там уже и на задницу налипло, столько того пуха надергали... И если некоторые документы будут опубликованы...

Потерять лицо?

Да Лионессу на то плевать четыре раза! Чай, не Чилиан, чтобы потерявший честь себе живот распарывал! Или удавливался на ручке двери!

Чушь какая!

А вот то, что заплатить придется...

Да не деньгами, этого добра, как шубы у бобра. А вот землями, влиянием, колониями... или воевать. А воевать Лионессу не хотелось. Ладно еще Ламермур, с теми воевали отродясь. Просто потому что.

Но Борхум?

Русина?

Да... и Чилиан, кстати, тоже.

Все заинтересованные стороны не преминут сорвать свою выгоду.
А у Лионесса не шесть шкур...

– Мы с этим согласимся?

– Да, сын. У нас нет выбора... пока.

– Пока?

– Если Анна проиграет, это письмо не будет стоить бумаги. А корабли, кстати, освобожденцам и не понадобятся.

– А перехват?

– От неизбежных на море случайностей. Надо просто приказать не брать пленных.

– Ага. А если победит?

– Предложим ей союз. Твой кузен пока еще не женат.

– Горди?

– Да. Тор Гордон.

– Она не согласится.

– Посмотрим, сын мой. Анна – неглупая девочка. Судя по этим же письмам, она стержовна, но не глупа. И характера у нее хватает. Две дамы всегда смогут договориться, если они не делят мужчину.

Корхен качнул головой, но спорить не стал.

Действительно. Там будет видно. А пока надо отдать всей агентуре приказ: найти Вэлрайо и ликвидировать. Это будет хорошо и правильно... а главное – полезно для Лионесса.

Незаменимых у нас нет. Особенно дипломатов.

У королевы – их много...

Русина, окрестности Звенигорода

Торфяновка.

Чернов вцепился зубами в каждый сантиметр ее земли. В каждом доме – снайперы. Улицы – перекопаны в ноль. Окопы, брустверы, укрепления... так просто его отсюда будет не выбить.

Но вот железная дорога...

С одной стороны, она нужна. Чернов понимал, что Валежному так будет удобнее.

С другой... по ней тоже очень хорошо ударить.

А разрушать все равно неохота. Свое ж... вот будь дело в Борхуме, Чернов бы не то что разобрать все приказал – на себе бы уволок. Тех не жалко. А это своя земля, своя Русина...

Жалко.

Вот и сейчас... сидел Чернов над картой, в штабе, размышлял. Война – это ж не кто кого перестреляет. Это кто кого передумает...

– Тор генерал! Донесение!

Тор генерал поднял голову от планшета и кивнул.

– Заходи. Слушаю? Подожди... Моховский?

– Так точно, из отряда лейтенанта Мохова, – бодро согласился солдат, выглядевший ну классическим крестьянским дурачком. Вот пройдешь – так и подумаешь.

Уши лопухами, нос картошкой, соломенные волосы растрепаны, да так, что кажутся стогом сена, глаза голубые, так и хлопают, хлопают...

Вид совершенно дурацкий. А расскажи кому, что это один из лучших снайперов в войске?

Глядишь, и не поверят, и обидятся. Да и не важно.

– И что там Ленька нарыл? Читать – или сначала расскажешь?

– А чего тут рассказывать? – Солдат улыбнулся, показав щербину между передними зубами и приобретя еще более придурковатый вид. – Тор генерал, в Охлоповке, Красивке, Подсолнушках, Курякине, Вольпине – там никоновские уроды стоят. Не так много, но это ж мы еще не все объехали. И им сказано сегодня к вечеру быть готовыми. Броневой хочет атаковать ночью, а они навалятся с другой стороны. Должны даже пораньше навалиться, чтобы вас отвлечь. А Броневой пройдет по железке и ударит. Может, лейтенант еще чего написал, я точно не знаю...

– Сейчас почитаю. Присядь пока, хватит тянуться, не в генштабе.

– Так точно, не в генштабе.

– И не паясничай. Благодарю за службу.

– Честь и верность, – без всякого пафоса отозвался солдат, мгновенно переставший быть смешным. И как ему это так удавалось? Куда там заморской ящерице-хамелеону! Тьфу та ящерица супротив нашего, русинского солдата!

В донесении было то же самое. Генерал наклонился над картой, аккуратно пометил места, в которых стояли никоновские бандиты,

подумал...

– А вот эти деревни?

Уж больно душевно получалось – полукольцо...

– А эти деревни мы не знаем. Не добрались, – честно сознался солдат Голиков.

– Понятно... если и оттуда ударят – не удивлюсь.

– Ну... вот отсюда точно не ударят. И отсюда тоже, наверное...

– Почему?

Голиков шкодно улыбнулся.

– Лейтенант поколдовать изволили.

Чернов пристукнул ладонью по карте.

– Башибузуки! Говори – что сделали?!

– Да ничего... просто какие ж конники да без коней?

– Вы им коней перетравили, что ли?

– Ну... есть такое дело, – пожал плечами Голиков, не испытывая особенного раскаяния. Благо – лето на дворе. Хоть и начало, а болиголов, белену найти можно. Не такие уж это редкие растения.

А если ты гуляешь, забыв про своего коня, ну так и не обессудь.

Лошадок жалко?

А людей – не? Леонид как-то людей жалел больше. А потому...

Охлоповка, Красивка, Вольпино...

Оттуда не выступят. А на остальные деревни, простите, белены не хватило.

* * *

– ...!!! ...!!!

Матерщина неслась над селом. Да такая густая, что даже закат застила.

И будешь тут...

Из пятидесяти коней на ногах – трое!

ТРОЕ!!!

Как тут в атаку идти? Они с той Охлоповки даже до позиций врага добраться не успеют. Ладно... успеют. К утру.

– Как это могло случиться?!

Прокричавшись и отбесившись, податаман начал разбираться в ситуации. Как в сено могла попасть белена? Болиголов? Кто их вообще... диверсия?

Кто коней охранял?

Тарас и Силантий?

Означенные герои сладко спали в одном из денников на соломе, наплевав на хрипы подышающих рядом лошадей. Наркоз – лошадиный.

Плетьми их, плетьми...

Плетьми, конечно, действие возымело. И проснулись, и сообразили, что неладное творится: отходили ребят так, что те едва ползали. Но толком ничего так и не вспомнили. Вроде как был кто... Гришка? Или Мишаня? Кто им бутылку-то принес?

Вот они отвернулись, а вот повернулись. Ну, тут и бутылка... грех не попользоваться! Они и сделали по глоточку. Или по два...

И караулили!

Честное благородное!

Податаман им поверил еще меньше. Махнул рукой и приказал собираться. Может, и правда – так? Пока пешочком до места, пешочком... а там и видно будет. Глядишь, к тому времени, как они доберутся, и дело закончится.

Своя жизнь для «счастливчиков» была единственной и непреходящей ценностью. И класть ее за Пламенного и Освобождение они не собирались. Нашли дураков!

Леонид, конечно, этого не видел. Он был в другой деревне. И очень сокрушался, что мало травы нашли. Так бы...

Эх, и времени мало!

Но что смогли – они сделали.

Стройного фронта не будет, количество нападающих они уменьшили, а может, и еще уменьшат. Есть там такое место... Очень удачное. Там и десяток сотню сдержит.

Сами, конечно, полягут, тут все понятно. Но врагу пройти не дадут. Пока живы.

Такой вот простой выбор. Между собой и другими. И Леня сейчас выбирал других. Хоть какое время командиру дать. Ну хоть немножечко ослабить врага. А потом?

Потом – не важно. Ему уже будет не важно.

Хелла с интересом смотрела в мир людей.

Раньше у нее даже с этим были сложности, а вот сейчас – смотри сколько угодно. Хоть ночью, хоть днем. Сил хватает...

А что это мальчишки делают?

А-а...

Интересно... и ведь хватило фантазии, нашли где-то...

Чего не любят кони?

Да медвежьего запаха. У них тут же медвежья болезнь и приключается. И идти они туда никак не хотят. Вот Леонид и хотел устроить засаду. Чтобы кони, почуяв запах медведя, ненадолго остановились или хотя бы дальше не пошли. А тут их из пулемета, из пулемета...

Мечты...

Пулемета с собой не было. Ну ничего, картечи хватало. А тут главное не поубивать даже. Спешить, ошеломить... убить тоже хорошо, но вряд ли получится толком прицелиться. Ладно, хоть какой вред нанести – уже неплохо.

Хелла задумалась.

Смельчаков она любила, иногда и не в гастрономическом плане. Храбрость смертных вообще вызывает уважение даже у бессмертных. И она отчетливо понимала, что отряд обречен.

А как вы думаете?

Наступление планируется развернутым... хорошо так развернутым. Храбрецов сметут и пройдут по их трупам. А жалко. Хорошие мальчишки, особенно главный... надо бы запомнить.

И приглядеть. И пригласить.

Не сейчас, конечно. У богов много времени...

Вообще, богам запрещено напрямую вмешиваться в некоторые расклады. Но... тут другой случай.

Запрещено. Пока смертные не призовут ее на помощь. А тут идет война во имя самой Хеллы. Ладно, императрицы Анны, но тут никакой разницы нет. Фактически Яна пригласила Хеллу уже одним своим присутствием. Яна – мертва, она принадлежит Хелле, и все ее имущество тоже принадлежит богине. В частности – Русина.

Потому Хелла и окрепла.

Потому и смогла стать кем-то большим, нежели снежный призрак во дворце изо льда.

А сейчас хочется вмешаться. Не сильно, нет...

Но...

Русина, окрестности Звенигорода

Леонид четко понимал, что он обречен.

Не с его силами кого-то там останавливать. Что смогли – они сделали, коней потравили аж в трех селах, но то капля в море. А наступление планируется развернутым. И все на Чернова. Его зажмут в клещи...

Валежный?

Нет, не успеет...

Значит, судьба такая. Им – здесь лечь, Чернову – чуть дальше. А считаться смертью дело последнее. Все равно...

Не хотел бы Леонид жить в освобожденной Русине. И видеть ее тоже не хотел бы. С другой стороны, забрать с собой побольше врагов... о да! Хотелось бы пару тысяч, но он ведь не бронепоезд! Он всего лишь скромный лейтенант. И счет его личный перевалил только за пятьдесят убитых. Раненых, понятно, больше, но Леня писал себе в счет только подтвержденные трупы.

Мало!

Авось сегодня наверстаем... ну... хоть бы до сотни дотянуть!

Леонид оглядел своих ребят. Свою команду. Каждого знал, каждого сам подбирал...

Вот Иван. Веселый, неунывающий, шутник и балагур, замечательный лошадиник. Зубами сегодня скрипел, но сделал, что надо.

Вот Митька. Серьезный, с ресницами как у девушки. Травник и лекарь. Он и нашел сегодня траву, от которой лошади пали.

Вот Федот. Спокойный, сдержанный... его личный снабженец, который может найти снег посреди лета и продать его по самой выгодной цене.

Всех он знает. И сейчас ему еще от этого больно. Его люди... почти что его семья...

Леонид тихо кашлянул.

– Солдаты... Братья!

А вот второе слово легло так, словно и правильно.

– Братья, – повторил Леонид. – Я с вами прощаюсь заранее. Уж простите, коли чем обидел. Кто захочет уйти – отпущу. Кто останется – все мы тут поляжем. И хотелось бы пожить, да выбора нет. Отступить некуда. Хоть чуточку, да сдержим врага. А потом... мертвые сраму не имут.

Они смотрели.

Никто не отвернулся, не ушел, не задумался об отступлении. Леонид видел это в глазах своих людей. Они останутся.

Мужчина на миг отвернулся. В глаз что-то попало. А потом почувствовал на своем плече теплую руку.

– Чего там... братец. Командуй.

Алешка. Первый коновод на отряде. Как где шкода, как пакость – его ищи, не прогадаешь. Но врагам от него втрое доставалось. Он сегодня траву и пронес, кстати...

Леонид ухмыльнулся:

– А чего тут... идем, становимся, ждем, стреляем. Диспозиция понятна?

Чего там было непонятного? Все ясно... Никто и не сомневался.

* * *

Вечер.

Сизый, уютный, с длинными тенями, протянувшимися по траве от людей, лошадей, деревьев...

Леонид смотрел во все глаза.

И на солнечную полоску, которая пряталась за горизонтом.

И на облака.

И даже на первые выглянувшие звезды.

Завтра он их уже не увидит. Но это ведь не важно! Ни для звезд, ни для солнца, ни для облаков. Да и для него – тоже.

Они все – будут. И Русина будет. А чем придется заплатить? Нет, это как раз Леонида не интересовало. Важен был результат.

Тишина.

И опять тишина.

И наконец...

Едут?

Да, едут...

Неспешно, но ходко так...

Леонид уже поднял руку. Уже ухнул совой, предупреждая о появлении врага. Уже получил отзыв.

Уже...

И тут...

Леонид сначала даже не понял, что происходит. Просто дико похолодало. Ему показалось, что это он струсил, и мужчина даже оскорбиться успел. Это что такое?

Да он боевой офицер!

Он что – с нервов мерзнуть начал?! Вот еще бред какой!

А потом Леонид действительно испугался. Потому что раздавшийся волчий вой шел словно бы отовсюду – и ниоткуда.

Он накатывался со всех сторон, он проникал под черепную коробку, он ввинчивался в уши... и какие-то у волков были особенно жуткие голоса. Обычно это звучит красиво. Конечно, кто понимает.

А тут...

Жуть жуткая.

И мороз бежит по хребту, и сразу как-то самому бежать хочется... наперегонки с морозом.

Вой приближался, накатывал волнами, он был чудовищным по своей силе. Он ошеломял.

И, судя по всему, не только Леонида.

– Командир!!!

Сделать Алешке выговор за нарушение тишины Леня не успел. Потому что увидел сам – и остолебенел.

Он считал это сказками.

Глупостями.

Бабкина дурь, да и только! Но... но...

По небу, не зная, что они не существуют, летела Зимняя Охота Хеллы!

Леонид видел их так четко, словно они рядом летели. Видел бледные лица скелетов. Видел конские черепа с развевающимися гривами, видел призрачных волков и белых сов...

И холод, мертвенный холод пронизывал каждую клеточку его тела. До основания...

Леонид даже сдвинуться не мог бы. Хоть ты его убивай.

Он стоял, молчал и смотрел. А Охота мчалась дальше. И таял иней на траве... только вот прежней она не станет. И с утра он найдет на траве желтую, словно прижухшую полосу. А у себя в волосах – седую прядь.

Люди Никона так и не пришли в ту ночь. Наступление именно с этого направления не состоялось. И Леонид знал почему.

Если ему-то драпать хотелось?

«Счастливицков» он понимал. По-человечески. Только не знал, где они остановятся. В Звенигороде? Или для верности подальше ускачут?

Лично его занимала другая проблема. Надо было возвращаться в расположение полка, надо отчитываться Чернову, а как?!

Вот КАК такое скажешь?!

Стоим мы, ждем врага, и тут Зимняя Охота. Так мы врага и не дождались. Не пришел...

Что спросит Чернов, было понятно. А сколько вы перед этим выпили для храбрости, голубчики? И чего именно? Осторожнее надо, и закусывать, а не занюхивать.

Но и присваивать себе чужие заслуги Мохову не хотелось. А то Хелла – дама серьезная. Сколько о ней говорят, все на одном сходятся. Творец милосерден. А Хелла...

Женщина.

Которая бывает непредсказуема, обидчива и весьма капризна.

Нет, лучше к ней в должники не попадать. А наступление... да кто ж его знает? Сорвалось и сорвалось. А про Охоту – ТСС!

Забегая вперед: ребята все же проговорились. Но кто бы им поверил?

Бой под Торфяновкой

Чернов честно ждал удара с тыла. Послал разведку, развернул туда часть орудий.

И... и не дождался!

Спрошенный Голиков молчал и мялся, не зная, что ответить. Понятно, если Мохов что и утворил... Голиков не знает. Но ведь...

Вот – как?!

Как можно остановить наступление не пятидесяти, не ста, а нескольких тысяч человек? Притом что у тебя-то отряд и пятидесяти не насчитывает?

Разве что бомбами. Но взрывов с того направления не было. Ничего не было. Тишина.

Разве что вдалеке волки были, ну так чего удивительного? Работа у них такая. И вообще... воют тут и воют, всю добычу распугали. Поневоле завоюешь...

Нападения не было.

И Чернов махнул рукой, приказав внимания не ослаблять. Потому что по его позициям ударили пушки врага.

Броневой дураком не был и пользу артподготовки понимал. Снаряды гудели, прошивая с равной легкостью воздух, дерево, человеческую плоть...

Чернов тоже дураком не был. Поэтому для начала приказал окопаться и не высовываться. А уж чуточку позднее...

Так примерно и вышло.

Подавив возможное сопротивление, Броневой распорядился наступать. Поддерживаемые артиллерийским огнем, пошли в наступление освобожденцы.

Навстречу им ударил огонь Чернова. Но – меньше.

Намного меньше. Да и сил у Чернова столько не было. Разбежался, разлетелся... если бы «счастливчиков» не остановили, ему бы сейчас вовсе солоно пришлось. Но и так...

Окоп – выручит.

Древняя мудрость и сейчас не подвела, и окопы выручали. Ночной бой – страшный. Когда темнота, когда хрипы и крики, когда жужжание пуль, когда падают люди, и не поймешь отчего, и следующим можешь быть ты... и сердце захлестывает волна жути.

А стоять все равно надо.

И рука твердо ложится на приклад. Выпустить еще одну пулю. И еще. А потом кто-то перепрыгивает через насыпь, спрыгивает в траншею, и ты берешься за рукоять ножа. Не пришло еще время саперных лопаток. Выпускать их начали, но приемы боя с ними – это

немножко другое. А вот кинжалами в тесноте траншей орудовали вовсю. Им ведь размахиваться не надо...

Броневой был доволен.

«Счастливики» где-то запропали, да и пес с ними! Невелик прибыток!

Но потом он все Пламенному выскажет! Все-все!

Ишь ты... козел заносчивый.

«Вы должны отстоять дело Освобождения...»

Должен – отстою. А вот тебя и подвинуться можно попросить. Дай время...

Планы у Броневых были хорошие. А вот исполнение...

Когда в его бронепоезда начали стрелять, он даже не сразу понял, что происходит. Нет, не сразу... Не смог даже осознать. Вот секунду назад все было хорошо, и он прижимал к укреплениям остатки сил противника. А сейчас бьют тяжелые орудия. И бьют по его поездам! И один уже сошел с рельсов... а орудия-то все развернуты на врага... их еще перевернуть надо!

А вы попробуйте это сделать в горячке боя!

Да когда стреляют.

Да...

Войско Чернова воспрянуло духом. И солдаты ринулись вперед.

Подмога?!

Ну, держись, вражина! Сейчас мы тебя... ну хоть как-то! Хоть задержать, пока помощь не подоспеет!

Броневой не сдался бы. Он бы попробовал развернуть ситуацию в свою сторону. Но... не просто так вел переговоры жом Тигр. Да и жом Ураган не остался в стороне. О нет...

Не всех эта пара перетянула на свою сторону. Но Ферей с его людьми и Радикала...

Этих и уговаривать сильно не пришлось. Им их шкура была ценнее любой свободы. Так что когда Валежный начал атаку, жом Ферей со своими людьми потихоньку принялся отступать к Звенигороду. А вслед за ним и жом Радикал.

И когда Броневому потребовалось подкрепление...

В других условиях он бы отбил! Он бы бросил свои войска навстречу Валежному, а «счастливики» вцепились бы в Чернова.

Он бы приказал Радикалу добить Чернова, а сам принялся бы уничтожать Валежного. Да и Ферей лишним не оказался бы.

Но их не было. И не просто так именно этих командиров выбрали Тигр и Ураган. У них войска были опытные. Обстрелянные. И кстати – знающие, когда надо уносить ноги.

А ополчение...

В том-то и беда, что пользы с него никакой. Массой они задавить могут. Но когда сами оказываются между двух огней и когда их начинают прицельно расстреливать...

Это не для ополченцев. Тут и бывалые смутятся и отступят. А уж зелень необтрепанная и подавно. Вот и вышло...

Броневой сопротивлялся, словно тигр, с которого живьем дерут шкуру, но куда там! Валежный был упорен и методичен. Он отрезал ему пути к отступлению практически во всех направлениях... правда, убегающих не преследовал. Не до них. А потом грохнул взрыв. И железнодорожные пути таки пострадали. Броневой решил разменять свою жизнь на жизни врага, понял, что попал в ловушку, – и пошел в атаку.

В безнадежную и страшную. Когда на одних стиснутых зубах встаешь – и идешь... Те, кто остался, они не были трусами. И действительно хотели свободы. И счастья для всех.

И... с другой стороны было то же самое. И два войска, желающих счастья, встретились. Хрипя от натуги, скрипя зубами, едва друг другу в горло не вливаясь... Врешь, не уйдешь!!!

Кто знает, чем бы закончилась эта баталия, если бы от случайной пули не упал, обливаясь кровью, сам Броневой. Оставшись без командира, его люди дрогнули, растерялись, и Валежный поспешил додавить их. Пока не опомнились.

Просто повезло.

Но эта победа обошлась Валежному очень дорого.

* * *

Треть войска была попросту недееспособна.

Чернов лежал с простреленной грудью, и выживет ли? Бог весть...

Сам Валежный словил пулю в ногу. А из тех, кто еще оставался на ногах... о преследовании нечего было и думать.

Надо разворачивать лазареты. Заботиться о людях. Укрепляться. Выставлять посты.

И – да. Отправить гонца в Звенигород. К Пламенному.

Или пожалеть людей?

Однозначно пожалеть! Вон, телеграф есть! Его не жалко! По нему и передать, благо там немного.

Сдавайся – или умри.

Это Пламенный точно поймет^[23].

* * *

– ...!!!

Пламенный бесновался так, что мебель летела в разные стороны. Здесь, в отдалении от театра боевых действий, он разобрался, что именно случилось и как.

Подвела Броневого география. И торф.

Торф надо добывать. Вывозить. И для этого прокладываются такие узкоколейки... их не на всякой карте-то найдешь. А рядом со Звенигородом такое болото было. И деревня не просто так называлась Торфяновкой. Выходила узкоколейка как раз к основной ветви...

Валежный, получив весточку от Чернова (телеграф работал паршиво, но работал же!), рванул вперед со скоростью ракеты. И нашлись у него в отряде люди, которые знали окрестности.

Валежный плюнул на все, рискнул и отправился через болото. Погрузил орудия на дрезины, сколько мог, погрузил на них людей, прибавил броневики – и помчался спасать подчиненного. И ударил Броневому в тыл.

Вполне успешно и неожиданно.

Появись на поле боя «счастливчики»...

Не удери Радикал и Ферей...

Но все сложилось один к одному. И Валежный получил самый большой выигрыш в своей жизни. Русину.

Звенигород.

Оставалось договориться с Пламенным. Если это вообще возможно. Вряд ли человек капитулирует, зная, что противнику нужна его голова. Но, может, остальные задумаются? И выдадут главнюка с головой? Для начала – с головой. А там уж пусть его победители сами обезглавливают. Или еще чего придумают, поинтереснее.

Вот и телеграфировали.

Предложили сдаваться – или послезавтра Валежный войдет в город. Хотя так и так Валежный собирался атаковать уже завтра. Когда подойдут остатки сил. Кстати, вместе с Яной. Рисковать императрицей генерал не собирался. Да Яна и не напрашивалась.

Плохой из нее солдатик. Лучше она с арьергардом прогуляется. Для здоровья полезнее будет.

Пламенный посмотрел еще раз на телеграмму.

И швырнул в стену здоровущую чернильницу.

«Послезавтра буду Звенигороде. Предлагаю сдаваться. Валежный».

СВОЛОЧЬ!!!

Ну, погоди ж ты у меня!

Закончив бушевать, Пламенный отряхнулся – и отправился в лионесское посольство.

* * *

– Вы – что?!

Выдержка решительно не хотела возвращаться к Пламенному. Убивать хотелось!

Медленно, жестоко и цинично. Всех.

По два раза! А Броневого – три! Жаль, сам подход! Пламенный еще бы и труп осквернил, и ногами попинал.

Но Слейда бы тоже...

Только вот ничего это не изменит. Вот он, сидит, сам удрученный донельзя.

– Я. Хочу. Погрузиться на корабль.

– Ее величество насторого приказала. Никого на наши корабли не брать.

– Но у меня есть подданство...

– Жом Пламенный, буду честен... – Тор Дрейл смотрел грустно. Чего уж, мимо него такая прибыль уплывала! – Полагаю, вы хотите не просто уехать, а именно погрузиться?

– Ну да.

А что? Оставлять тут все, в Русине? Размечтались!

– Ее величество приказала жестко. Ни переговоров. Ни перевозок. Ни даже простого причаливания к берегу. Более того, она дала указание не сотрудничать с Освобождением.

Пламенному показалось, что он видит кошмар. Тягостный и непрекращающийся.

– Но почему?!

Слейд только руками развел.

– Я... Тор Вэлрайо знал больше. Но ему на замену пока никого не прислали, к моему сожалению.

Пламенный заскрипел зубами.

– Я могу...

– Вы не понимаете, жом Пламенный. Я могу вас погрузить на корабль. После чего его проверят. Вас утопят. Меня... моей карьере – конец. Я не знаю, что сказали ее величеству и кто, но...

– Я знаю, – почти прошипел Пламенный.

Чего уж тут не знать?

Анна, гадина такая! Вот кто мог. И не просто мог, а наверняка и сделал. Но толку-то скрежетать зубами? Лучше расспросим...

Уходил из лионесского посольства Пламенный в преомерзительном настроении.

Уплыть – не выйдет. Никак. Даже если он на своем корабле поплывет, все равно его перехватят и утопят.

Уехать?

Ага, к Логинову в ручки, которые тот уже потирает в ожидании встречи.

Или к Валежному.

Бежать? Скрываться затравленной крысой, прятаться и всю жизнь помнить? Помнить, как у твоих ног лежал Звенигород?! И ты все проиграл?!

Это не жизнь.

Я такое помнить не согласен. Это вы меня попомните.

Валежный, при всей его гениальности, забыл, что крысу нельзя загонять в угол. Она опасна. Вот Пламенный и решил укусить. И приказал вызвать к себе жома Огненного.

У него был еще один козырь в рукаве. Настало время бросить его на стол.

Ида, Свободные герцогства

– Смотрите. Домик небольшой, но уютный.

Ида вместе с жомом Меншиковым осматривала дом. Честно говоря, так себе. На шестерочку из десяти. Весьма сомнительное удовольствие.

Но стены неплохо сделаны, расположение комнат удобное...

– Да, пожалуй, можно взять, – тоном записной кокотки протянула великая княжна.

– Думаете, тора?

– Ну... только не за такую цену, конечно! Здесь же все переделывать! Стены надо обтянуть розовым шелком, панели поменять на более светлые, это ж ужас, как все мрачно!

Смотрела при этом Ида на панели из резного мореного дуба. И даже потихоньку восхищалась тонкостью резьбы, но только мысленно.

– Другая мебель, другие шторы... это влетит в хорошую сумму.

– Ваша правда, тора. Ладно, ежели цену снизите, так возьмем, – вздохнул мужчина.

Ида отлично понимала, что Федору Михайловичу нравится дом. Но что за купец, который не торгуется?

Слово за слово – и сговорились. За две трети первоначальной цены.

Ударили по рукам, подписали договор, вышли на улицу.

Ида довольно улыбнулась, потрепала за ушами Полкана.

– Федор Михайлович, давайте я вас провожу да и пойду в лечебницу?

– Конечно, тора Ида.

Жом Меншиков приехал вчера. Привез Мишку и Машку (дом уцелел, а вот часть обстановки погибла безвозвратно, два табурета и большая ваза), привез важные новости: войско Валежного движется к Звенигороду.

Императрица с ними.

Ида слушала и сжимала кулачки.

Кровь требовала крови.

Девушка отлично понимала, она сама никогда не смогла бы вот так... как Анна. Пойти вместе с войском, заявить о своем статусе, отстаивать справедливость, мстить за родных.

Она не сумеет.

Анна все это сделала, и Ида верила: сестра сядет на престол. И будет замечательной императрицей. А век ее правления назовут Золотым.

Только вот...

Уезжать из Герцогств не хотелось.

Здесь был госпиталь, здесь было хорошо и уютно...

– Что вас гнетет, тора Ида? – Федор Михайлович подал руку Иде и повел ее вниз по улице.

– Если Анна победит...

– Я уверен, что она справится. Сестра ваша, уж простите, человек крайне серьезный. Жестокий даже.

– Как мы тогда будем жить?

– Тогда... – Взгляд купца аж замаслился. Он отлично представлял себе, сколько можно заработать на государственных подрядах. Причем даже честно.

Сто процентов прибыли взять можно!

Просто некоторые идиоты хотят тысячу взять, и себе все портят, и людям дела крутить не дают. А ведь сто процентов – это даже без воровства. Даже без накрутки. Умеючи, оно многое можно сделать...

– Вы поедете в Русину, верно?

– Вам не хочется домой, тора Ида?

Ида пожала плечами.

Полкан, понимая душевное состояние своей хозяйки, подставил ей для поглаживания и почесывания лохматые уши. Собакотерапия называется.

– Хочется, не хочется... здесь я счастлива. Понимаете, Федор Михайлович, моя жизнь... она была сборником правил. Мать нас держала очень жестко. Не ходи, не стой, не думай, поклонись и улыбнись. А здесь... здесь мне сложно. Но я решаю сама и выбираю сама. Я занимаюсь тем, что мне нравится, я приношу пользу. А в Русине я опять попаду в клетку. Если б вы знали, как мне было тогда...

– Тесно?

– Тесно.

Федор Михайлович улыбался. По-доброму.

Вот ведь... девчонка. Хоть и великая княжна, а суть все та же, женская.

– Тора Ида, неужели вы такого плохого мнения о вашей сестре?

– Н-нет...

– Вот именно. Я с ней путешествовал и могу сказать, что человека, менее приверженного этикету, я не встречал. Даже не сомневаюсь, если тора Яна будет императрицей, у нас будет самый свободный двор в мире.

– Да?

– Уверен. И стреляет она замечательно. Так что справится с любыми несогласными.

Ида невольно улыбнулась. Меншиков чуточку посерьезнел.

– Тора Ида, верьте своей сестре. Она никогда не станет вас заставлять, никогда не посадит в клетку.

– Надеюсь...

– Не надо. Просто поверьте в нее.

Ида задумчиво кивнула.

– Анна... я ее плохо знала. Она то болела, то лечилась, а когда появлялась при дворе, была тихой и скромной.

Федор Михайлович едва не фыркнул. Вот уж эти слова совершенно к Яне не подходили. Тихая?

Ладно, орать она не орала. А зачем, если револьвер есть?

И скромная, да... тоже никто не сомневается. Аргументы у нее убийственные.

– Тора Ида, свое мнение ваша сестра отстоит. Даже не сомневайтесь. И потом... вы ж не постоянно при дворе будете? Замуж выйдете, уедете...

Ида пожала плечами:

– Согласится ли Яна?

– Вам замуж выходить, вам и решать.

– И все же...

– Тора Ида, война прошла. Страшная, кровавая, жуткая. После такого много чего поменяется, даже не сомневайтесь. Если за старое будем цепляться, вообще все обрушится.

– Страшно это, – поежилась Ида, вспоминая увиденное. А Яна там...

И все это видит вживую. И много еще чего. Страшно...

– Страшно, тора Ида. Но нам надо жить. Детей растить, беречь, любить, чтобы людьми стали, на ноги встали, чтобы предки на нас глядели и радовались. Поэтому не грустите раньше времени. Пусть победят, приедут, а там уж... с помощью Творца все как-то образуется.

Ида медленно кивнула:

– Ладно, Федор Михайлович. Утешили. Побегу я в лечебницу, дела не ждут.

– Всего вам доброго, тора Ида.

– И вам, Федор Михайлович.

Меншиков посмотрел вслед удаляющейся девчонке и подумал, что война – жуткая штука. Но из Иды она сделала человека. Настоящего.

Яна, Русина

– Лейтенант Мохов, объявляю вам благодарность...

Лейтенант замялся. Хотя вклад его был весом и значителен. Если бы «счастливики» ударили Чернову в тыл, того раздавили бы практически мгновенно. Уж будем честны, только б хрупнуло. Потом Броневой размазал бы остатки его отряда, как масло по хлебу, и повернулся к Валежному. И встретил бы уже его огнем.

Ничего не помогло бы.

Задумано было хорошо. Но лейтенант Мохов справился с врагами. Как?

А вот это самый интересный вопрос. Лично лейтенант утверждал, что он ничего не делал.

Ему, памятуя о предыдущих подвигах, не верили.

Зимняя Охота? Правда не ты? А вот под Володимиром – ты? А здесь? И чего ты не признаешься?

Леонид отбивался как мог, но с Валежным были шутки плохи. Равняйся! Смир-р-р-на! Пошел получать награду! И трое суток карцера за пререкания с начальством. Последнее – после победы. В Звенигороде отсидишь.

– Но это правда не я! Оно само...

Валежный только рукой махнул. Мол, иди отсюда, майор, не трать мое время. А вот Яна заинтересовалась.

– Хелла, говорите?

– Ваше императорское величество, матерью клянусь! Ничего я не делал. Оно само возникло, пролетело, и только холод... во все стороны.

Леонид невольно коснулся седой пряди.

Яна задумалась:

– Холод?

– Да, ваше...

– Тора Яна, майор.

– Холод, тора Яна. Даже трава от инея полегла.

Яна задумчиво кивнула. И поманила Мохова пальцем.

– Тор Мохов, вы об этом никому не говорите, хорошо?

– Ваше... тора Яна, а почему?

– Потому что это правда была Хелла.

Мохов рот открыл. Рот закрыл.

– Тора Яна, вы серьезно?

– Да уж куда серьезнее. Это действительно была Хелла, майор. Не знаю, вас ли она пожалела, Никон ли ее взбесил, но это была она.

Леонид потер лоб:

– И что теперь? Тора Яна?

– Да ничего, – отмахнулась императрица. – Помолитесь ей, что ли, спасибо скажите. Я правильно понимаю, если б не она, вы бы там полегли?

– Ну... да, тора Яна. Подкрепление нам бы Чернов не прислал, некого, а отступать тоже нельзя было. Мы и решили, хоть кого стрельнем...

– Помолитесь ей. Не надо в храм ходить, просто выберите место поспокойнее, чтобы вас не слышали, да и скажите спасибо. Этого ей

хватит.

– По старому ритуалу, тора Яна?

Яна пожала плечами:

– Думайте сами, Леонид. И не переживайте. Хелла – справедливая. Больше оговоренного не возьмет.

– Я не оговаривал...

– Значит, и не заплатите. Это уж так... с богами надо повежливее.

Леонид нервно рассмеялся:

– Хорошо, тора Яна. Все сделаю.

Яна задумчиво кивнула.

Хелла, опять ты играешь в свои игры? Что ж... попаду к тебе в гости – спрошу. А пока и потерпеть можно. Недолго осталось.

Русина, Звенигород

– Хелла им, б... привиделась! ...! И ...!!!

Выражался Никон очень образно и экспрессивно. Жаль – без толку. Пламенному его изречения были до одного места.

Или до второго...

– Всем сразу? Или по очереди?

– Всем сразу. Говорят, летело, выло, ажно холод прошел...

– Вроде как в Володимире что-то такое было...

– Хелла? Что-то я сомневаюсь, что богини в людские дела мешаются.

Пламенный тоже сомневался. О чем и сказал Никону, получив в ответ новую волну матюгов. Никон тоже в богов не верил.

Был бы он сам там, его б никакая Хелла не остановила! Хоть ты лично появишься! А эти...

Но Никон оставался в Звенигороде. И это было обидно.

– Ладно. Хелла там, не Хелла... твои люди сейчас мне понадобятся.

– Зачем?

Никон насторожился.

Пламенный объяснил.

Атаман подумал какое-то время.

– Как-то это... не очень порядочно получается.

– А ты мне о порядочности не пыли, – окрысился Пламенный. – Мне это решать, мне и ответ держать. Или к Валежному хочешь?

– Не хочу.

– Тогда... сделаешь?

– Сделаю, – согласился Никон. – Алексеева возьмешь?

– И Мишеля, если еще не сдох.

– Хорошо. Когда?

– Сейчас, Никон. Сейчас... как раз, пока все сделаем, и ко времени придется.

Никон согласно кивнул.

У него тоже выбора не было. Уходить верхами? К Логинову в лапы? Это не Алексеев, шаркун паркетный, это боевой генерал. Не отобьемся.

На корабли – не выйдет.

От Валежного – не оторваться и не уйти, вцепится намертво.

Остается только один вариант.

А нравится, не нравится... кому какая разница? Ему вот тоже не понравилось, когда Алексеев в Хормель пришел. Ничего... справимся.

* * *

– За победу?

Жом Тигр посмаковал глоток дубовика из небольшой рюмки. По правилам, дубовик не так пьют, но где Звенигород, а где те правила?

Ураган насмешливо фыркнул:

– Победу...

– Какая ни на есть, а все наша.

– Твоя?

– Янина.

– Правда хочешь консортом стать?

Тигр качнул головой:

– Не хочу. И не верю особо. Но и подвести я ее не могу. Просто – не могу.

Ураган кивнул.

Он тоже не мог подвести Иду. И письмо ей оставил. Случись с ним что – верные люди отправят. Чтобы она... она ведь будет ждать.

Что бы ни случилось, она будет ждать. И плакать будет, когда узнает. Урагану не хотелось, чтобы его любимой девочке было больно.

Они с Тигром все поставили на одну карту.

Бросили все на стол.

И теперь полностью зависели от других людей. Страшноватое чувство. Непривычное...

Но иного выбора у них не было.

Стукнула дверь кабинета.

Пистолеты в руках мужчин материализовались словно сами по себе. Но...

– Поговорим?

Жом Пламенный гаденько улыбался. И вооруженные люди за его спиной не добавляли оптимизма.

– Поговорим, – согласился Тигр. – Что скажешь?

Он ждал чего угодно.

Но... не такого.

Нет, не такого...

То, что прозвучало, было отвратительным даже для него. Но не для Пламенного. Вот он, стоит, улыбается и очень доволен собой.

– Ты... мразь! – сквозь стиснутые зубы выдохнул Тигр.

– Может быть. Ты согласен?

Тигр вздохнул. Сейчас бы броситься, попробовать пробиться наружу, но ведь не получится! Слишком много людей. Все одно их скрутят. Пламенный пошел ва-банк. Тигр еще искал слова, которыми можно убедить безумца, отказаться, ну... ну хоть что-то сделать... Но раньше его отозвался Ураган.

– Мы согласны.

И на руках мужчин захлестнулись веревки.

<i>Анна, Россия</i>

– Так, малявки. Вот вам... Кира, пять тысяч на расходы хватит?

– Всего?

– Ладно. Пять тысяч сто рублей.

– Папс!

Боря рассмеялся и добавил ей еще пять тысяч. Настроение у него было прекрасное.

– Вы пока побеситесь в «Маугли», а мы сходим подадим заявление, тут недалеко, и вас заберем.

– Хорошо, папс!

Кира цапнула Гошку за руку и потащила в развлекательный центр для детей.

«Маугли»!

Три этажа всяких и всяческих радостей! От контактного зоопарка до кинотеатра, от развлекательного центра до интерактивного тира... хоть ты целый день гуляй! И находится в центре города, очень удобно.

Борис взял Анну за руку.

– Прогуляемся?

Машину он оставил на стоянке у центра. А до ЗАГСа – два шага. Ну ладно. Полтора квартала, если никуда не торопиться. И погулять летним днем, с любимой женщиной, спокойно, не торопясь, съесть по мороженому, поболтать о всякой ерунде или просто уютно помолчать рядом – это здорово.

Вот они и шли.

Дошли, заполнили заявления, заплатили пошлину, благо это можно было сделать рядом, в здании Сбербанка.

И даже ничего не подозревали.

Пока...

Пока не влетела в банк девица, растрепанная от возбуждения.

– Девочки, кошмар какой!

– Что случилось?!

– Террористы!!!

Анна невольно напряглась.

– Где? – поинтересовалась одна из операционисток, не отрываясь от бумаг.

Ну, террористы. Чего тут удивительного? Их бы реально ликвидировали, может, и помогло бы. А то переговоры, уговоры... Проще надо быть. Опуститься до их уровня – и все семьи вырезать до седьмого колена. Как они, так и к ним.

Но у нас власть на это не способна. Не ее ж родных в заложники захватывают и убивают...

– В «Маугли»!

– ГДЕ?! – пошатнулась Анна.

Борис машинально подхватил ее, хотя и самому было не лучше.

Девушка оглянулась, поняла что-то и ответила без прежнего щенячье-интернетного задора:

– У нас. В «Маугли». Вроде как забаррикадировались, детей в заложники взяли...

– Кира там... – поняла, похолодев, Аня.

– И Гошка.

Борис Викторович выглядел не лучше.

– Хелла! – наплевав на все, схватилась за голову Аня. – За что караешь?!

– Аня, Анечка! – Борис Викторович схватил ее за руку. – Подожди! Может, все еще не так... и они не там...

– Да?!

– Я сейчас позвоню Кире!

Пальцы дрожали, не попадая по экрану, едва телефон наглухо не заблокировал, пока...

Тишина.

И у Гошки тоже.

Аня тем временем копалась в своем телефоне.

– У меня стоит функция определения местоположения. Кира поставила, – пояснила она. – Для Гошки.

– И?

Ответ Борис Викторович уже знал.

Развлекательный центр «Маугли», будь он неладен.

Кира с Гошкой так хотели побеситься всласть!

– Аня, Анечка!

Анна была бледной как мел, но...

– Мне надо туда! Боря, пожалуйста, любимый...

Она первый раз назвала так Бориса Викторовича, но даже не заметила оговорки. И он тоже.

– Нам надо! Бегом! Тут рядом!

Анна закивала.

Хелла, твоя воля! Она доберется до этого центра, и если Гошка там...

Что она может?

Против вооруженных людей?

Против...

Именно она и может. Только для этого ей надо оказаться рядом с негодяями. А потом...

Она и не планировала жить вечно.

Мужчина и женщина так рванули к двери, что едва не сшибли дуру-девчонку. И та отлетела в угол, больно стукнувшись о край стола.

– Вот блин! Чего это они?

Операционистки переглянулись. И одна из них, постарше и поумнее, выразила общее мнение:

– Дура ты, дура. Сиди молча!

И включили телевизор. Местный канал.

Это не желание посмотреть новости. Это – большое горе. Помочь бы, да чем тут поможешь? Как справишься? Остается только ждать и молиться. Чтобы все обошлось.

И второе большое желание.

Дойти до церкви и поставить свечку за упокой террористов.

Понятно, люди, которые так поступают, не принадлежат ни одному богу. От них и дьявол-то откажется, брезгливо плюнув сверху. Но вдруг подействует? И найдется тот, кто их упокоит?

* * *

Анна бежала вслед за Борисом. В боку покалывало, воздуха не хватало – не потому, что тело нетренированное. Просто новость такая... Боря почти тащил ее за собой. Сам пошатывался, чувствуя дурноту, но тащил.

Квартал они пролетели за три минуты. И второй... вот и центр.

Каким чудом обезумевшие родители не попали в аварию?

Каким чудом они не упали на полдороге хотя бы от ужаса?

Ни в тот день, ни потом Борис не смог бы вспомнить, как бежал к развлекательному центру. Кажется, кого-то он сбил с ног? Да и плевать! Или его кто-то чуть не сбил?

Это все было не важно, не важно, НЕ ВАЖНО!!!

Находился развлекательный центр «Маугли» в достаточно удобном месте, в центре города, стоял рядом с основной его

транспортной артерией, улицей Ленинской, а еще имел удобную большую парковку.

На которую нельзя было заехать.

И к центру подъехать – тоже.

А пройти? Сейчас уже и не пропускали. Но их машина и так была на стоянке у центра, сейчас перегороженной полицией и вдоль и поперек.

За километр все было перекрыто. Машины с мигалками, желтые ленты, люди в форме...

Анна впитывала детали, не соединяя их в единое целое.

Вот Борис останавливается неподалеку от заграждения, и она пытается отдышаться. Вот он что-то говорит... ей не до этого.

Центр – далеко.

Гошка там, она это уже знает, она чувствует, она...

Она не предаст своего сына во второй раз!

– Там моя дочь! И сын!

– Мы не можем никого пропустить. Это приказ!

– Чей?!

– Полковника Рудова...

Вот Борис достает из кармана телефон, а спустя десять минут...

– Борька, мать твою!

– Серега! Именно, что твою мать!

Полковник оказался крепким мужчиной в возрасте, те же лет сорок – сорок пять.

– Ты командуешь?

– Генерал тоже скоро будет. Тебе чего?

– Кирюха там! И Гошка.

– Гошка – это...

– Мой сын! Не важно!

– Э...

– Серега, ты мне скажи, что и как...

Полковник развел руками. Видимо, с Борисом его связывала давняя дружба.

– Там их человек десять, может, двенадцать. Пронесли оружие, пристрелили охрану, да толку-то от нее... тьфу! В общем, народ собрали в центре первого этажа, и при малейшем нашем движении угрожают взорвать бомбу...

Анна вспомнила, что была с детьми в этом проклятом «Маугли». Как он построен?

Прямоугольником. Большой холл, по которому в обе стороны идут магазины. Проходишь до конца, там лифт и эскалатор, поднимаешься на второй этаж. Там развлекательный центр. И в подвале тоже он есть. Но с первого этажа много выходов. А из подвала их нет. Там крысоловка.

Окон в центре нет, запасные выходы есть, но их достаточно легко заблокировать.

Антитеррористические мероприятия?

Да, есть такое слово, но именно, что слово. Не дело...

Единственный подходящий вход – центральный. Но врываться туда, под автоматы, под заложников... покрошат же всех, в капусту...

А если еще и бомба?

– Борь, я тебя понимаю. Но надо потерпеть. Мы ведем переговоры...

Анна вмешалась неожиданно:

– Я должна попасть туда.

Полковник посмотрел даже с сочувствием.

– Девушка, вы там ничем не поможете...

– Если я попаду туда, я просто убью террористов, – спокойно сообщила Анна. Прости, Хелла. Но беречь этот секрет сейчас? Ценой жизни своего сына?

Ответом был соболезнующий взгляд.

– Борь, у нас тут хороший медик. Может, девушке новокаинчика?

– Серега, ты меня сколько знаешь? Аня, может, тебе и правда...

– Не надо. – Анна улыбнулась одними губами. – Боря, ничего уже не надо. На два слова, ладно?

– Хорошо.

В этот момент у Анны словно компьютер в голове щелкал.

Ее не пропустят. Даже если она кого-нибудь убьет на глазах у всех, ее все равно не пустят к террористам. И ее сын погибнет. А она... она завязнет в выяснении пустых отношений, хорошо хоть ненадолго. Ни к чему.

Надо в бейдвинд, как яхта^[24].

– Медики вон там, – кивнул полковник на белую машину с красным крестом.

Аня не обратила на нее внимания.

– Боря, прости меня. За все прости. Я тебя люблю...

А потом плюнула на все церемонии, приличия, на все... сама обняла мужчину за шею и поцеловала так, как смогла. Вложив в поцелуй всю душу.

Сначала Борис стоял столбом, а потом, наверное, понял... и ответил. Да так, что полковник даже завистливо хмыкнул, глядя на две слившиеся в объятии фигуры.

И никто не обратил внимания, что в карман мужчины скользнула узкая ладошка.

Ключи от джипа Борис Викторович положил в карман. Анна сама удивилась, как она это запомнила.

Когда она оторвалась от мужчины, ключи были надежно сжаты в руке. Крохотный брелок, еще теплый от его тела...

– Аня, ты...

– Я тебя люблю, Боря. Если что – позаботься о моем сыне.

– Аня?..

– Иди. Я подойду к медикам, возьму у них успокоительное и приду к вам. Меня пропустят?

– Д-да, я попрошу...

– Хорошо.

Каких усилий Анне стоило держать лицо?

Практически никаких. Дворцовая выучка. Ложь сама слетела с губ, словно так и надо было. Милая улыбка, ровные жесты, спокойный равнодушный голос...

Купились?

ДА!!!

Отвернулись, занялись собой, а больше Анне и не надо было ничего.

– Хелла, помоги!

К чему молитвы той, кто и так тебя услышит? И что можно пообещать существу, которому ты и так принадлежишь? С потрохами и посмертием?

Анна не знала.

Шаг, второй... вот ее скрыли машины, а вот и джип. Какие, к Хелле, медики?

Главное, чтобы ее не увидели. А вот и машина... на брелоке даже нажимать ничего не надо, можно просто потянуть черную ручку, и дверь откроется.

В салоне вкусно пахнет туалетной водой Бориса, пахнет и ее духами... это не важно. Ничего уже не важно... как же тут... где кнопка?!

Кажется, вот...

Анна лихорадочно зывала к памяти Яны. Та умела водить машину, а она... она – нет! Ну почему она не попробовала раньше! Почему?!

Дура!!!

Ага, кажется, вот...

Ой...

Машина заурчала. Анна протянула руку, проверила ручной тормоз – снят. Теперь на «Д» – и вперед? Кажется, так...

Хотя память Яны уверена не была. «R» это точно назад, а вот вперед... Попробуем и так и этак...

Машина дернулась назад. Потом вперед... ох, тормоз нажимать надо!

Кажется, кого-то Анна зацепила.

Ой!

К ней начали оборачиваться. Еще несколько секунд – и...

Хорошо, что у таких машин есть только газ и тормоз. Не перепутаешь!

И Анна нажала на педаль газа.

Она не ожидала, что так взревет мотор, что так прыгнет с места мощный джип... дернула рукой, вцепилась в руль – и зацепила что-то...

И из колонок рванулся марш.

«Прощание славянки».

Анна плюнула на все и вдавила педаль до упора.

Кто не ушел с ее дороги – пусть идет к Хелле! А она идет к сыну!

Глава 12

И некая влага поила перо

Яна, Русина

– Они – что?!

Яна так смотрела на гонца, что здоровущий мужик, косая сажень в плечах, попятился.

И было отчего.

Из глаз женщины глядела сама смерть.

И то...

Услышишь такое – и убьешь. И не пожалеешь. И на исповеди не покаешься. Разве что погордиться собой можно за такое.

Пламенный прислал ультиматум.

Валежного ему в Звенигороде было не надо. Вместо этого он предлагал другое.

Сейчас он собрал в Кремле, во внутреннем дворе, больше полутора тысяч человек. Мужчины, женщины, дети...

Под Кремлем – взрывчатка.

Если он отдаст приказ, все сложится, как карточный домик. Хочет ли ее величество начинать свое правление с *такой* крови? Чтобы прославиться как ее отец? Когда тот приказал расстрелять просителей. С женщинами, с детьми... Или будем договариваться?

Яна медленно сжала кулаки. До крови, до впившихся в ладони ногтей. До глубоких лунок.

Потом выдохнула – и заставила себя разжать пальцы.

Валежный...

Генерал смотрел на Яну.

Да, он мог отдать приказ о штурме. Мог наплевать на гражданских – это не первые тысячи погибших. На Кремль – отстроим.

И...

Сразу такое решение не примешь.

Яна резко мотнула головой в сторону гонца.

– Ты! Сколько твой хозяин будет ждать ответа?

– Час! – И вдруг невольно добавил: – Ваше императорское величество.

Даже для себя неожиданно. Не ждал он такой реакции. Но это – не Петер. Это – настоящая...

– Вон из штаба. Нам тут поговорить надо. Стеречь его! Не обижать, – резко распорядилась Яна.

Штабом выбрали небольшое здание железнодорожной станции, чудом уцелевшее во всех передрягах. Стены были обильно помечены снарядами, но стояли. И крыша лежала.

А окна...

Не холодно уже без стекол. И видно неплохо.

Яна подошла к одному из них, посмотрела на Кремль.

– Тигр там, – поняла она.

– И вообще вся верхушка. Пламенный угрожает взорвать всех, как только первый солдат ступит на брусчатку Кремля.

– И пес бы с ним. – Как это далось Яне, никто не понял. Но...

Темные волосы.

Зеленые глаза.

Ласковые слова, прошептанные на ушко.

Признание в любви, переданное через Ромашкина, но от этого не ставшее менее ценным.

– Пламенный сдох бы, я б на могилке сплясала, – вздохнула Яна.

Валежный вздохнул над плечом.

– Но с ним сдохнут порядка двух тысяч гражданских. Пламенный приказал нагнать. Женщины, дети...

– Жеванные мухоморы!

Понятно, одними грибочками Яна не ограничилась. И минут пять свита восхищенно внимала матюгам императрицы. Никто не удивлялся. Даже радовались, что ли...

Не плачет, в обморок не падает, а принимает решения!

В таких делах это – счастье!

В двери штаба постучали.

– Тор генерал! Тут к вам...

– Какого ...?! – наплевав окончательно на все этикетки, выверился Валежный.

– Моего! Примете?

Митя не стал ждать доклада. Он просто явился сам, как чертик из коробочки. И как же Яна была рада его видеть!

– Иди сюда, радость моя ромашковая!

Митя даже поежился от ласковой улыбочки императрицы.

– Да, тора Яна.

– И расскажи мне, как вы это прозевали! Бараны освобожденные!

Митя даже обиделся. Потом решил, что последний эпитет не к нему относится, и пожал плечами:

– Вот так. Я знал, что Пламенный скупил взрывчатку. Но куда он ее хочет деть – не знал. Сказал Тигру... давно уже говорил!

– А тот пролопоушил?

– Видимо, так.

Яна выругалась еще раз. Не грибочками.

Но и Тигра было сложно винить. Не доросли местные до такого паскудства. Как ни погляди – не доросли...

– Ты как здесь оказался?

– Когда начали народ сгонять, я решил полюбопытствовать. Ну и... прогулялся. Посмотрел, потом выбрался из города – и к вам что есть сил. Это ж не один час делалось. Пока народ согнали, пока всех несогласных привели...

Яна задумчиво кивнула.

Это верно.

Пламенному нужна сцена.

Эффектная картинка, без которой он не сможет вывернуться.

Артист-самоучка, жеванные мухоморы!

Третий раз ругательства выходили уже без особого азарта. Сбросив напряжение, Яна перешла к конструктивному диалогу.

– Митя, показывай все на карте. Или рисуй давай!

Ромашкин кивнул и принялся чертить.

Позиция была проста.

Кремль. Центральное здание, большой зал. Там Пламенный и устроился с соратниками-заложниками.

Площадь перед Кремлем. Там стоят и сидят люди. Если взорвется хоть что-то... жертвы будут исчисляться сотнями и тысячами.

Яна вздохнула.

Выбор?

Нет у тебя никакого выбора, подруга.

– Кто держит адскую машинку?
– Сам Пламенный. Ну и рядом с ним еще два десятка отморожков, – использовал Янин сленг Митя.
– Понятно. – Яна сжала его руку. – Митя, нам потом надо будет поговорить. Пару минут, ладно? Не уходи...
И решительно вышла из штаба.

* * *

Гонец так и стоял у входа. И поди не постой, когда тебя держат под прицелом. И смотрят очень недружелюбно.

– Иди сюда, жом, – кивнула ему Яна.

Подошел.

– Да, ваше императорское величество.

– Вот что, дружок.

Несчастный едва навзничь не навернулся от такой заявки.

– Скачи-ка ты обратно. И передай Пламенному, что императрица придет на переговоры. Одна. Без сопровождения и оружия. Если он отпустит гражданских... не всех, если боится. Но женщин и детей – обязательно.

– Ваше...

Валежный ухватил Яну под руку. Яна сверкнула на него глазами так, что генерал аж пошатнулся. Но устоял.

– Молчать, – прошипела она.

– Тебя там убьют!

Видимо, у генерала все тормоза сорвало, если он так решил высказаться.

Яна пожала плечами.

– Любезнейший, вперед! Отпустить его и не стрелять. Приказываю!

Рявк вышел очень убедительный. Мужик буквально взлетел в седло – и дал коню таких шпор, что несчастный аж свечкой взвился.

Но ускакал...

Яна посмотрела ему вслед.

– Чтоб ты тоже сдох... – И повернулась к Валежному. – Что не так, тор генерал?

Что не так?! Шипел Валежный на Яну без стеснения – кобры его бы мигом за своего признали:

– С-с-с-с ума с-с-с-сошла, с-с-с-сопля?!

Яна качнула головой:

– Нет. Антон Андреевич, отпустите мой локоть и отойдем в сторонку от этой развалюхи.

К зданию она была несправедлива, да и ладно. Она тут что – высший суд? Забавно, но... да?

Валежный послушно отпустил. Заодно чуть сбросил напряжение, поглядел на Яну более спокойно.

– На что ты рассчитываешь? Тебя или пристрелят, или...

– Или – что?

– Ну...

– Антон Андреевич, я хоть раз делала что-то непродуманное?

Валежный качнул головой. Чего не было, того не было. Императрица вообще казалась удивительно разумной для своего возраста.

– На что ты рассчитываешь? – повторился он.

Яна потерла виски:

– Я просто войду туда и убью всех. Вот и все.

– Seriously?

Валежный не поверил. Яна бледно улыбнулась.

– Хотите – покажу? На любом человеке, осужденном на смерть? Вы забыли о покровительнице нашей династии, генерал? А ведь Зимняя Охота уже появлялась. И не раз с начала войны.

– Петеру она не помогла.

– Многое и от человека зависит. И от цены.

– Какой? – тут же ухватился за оговорку генерал.

– Мне будет плохо, – корректно сформулировала Яна. – Очень. Поэтому приготовьте врачей, обезболивающие...

– Даже так?

Валежный все еще не верил. Яна качнула головой:

– У нас есть кто-то... подходящий? Чтобы показать на нем?

– Что именно показать?

– Это... благословение Хеллы. Или проклятие, – подобрала слова Яна. – Поверьте, это страшно. И лучше этим не пользоваться. Но иногда выбора просто нет.

– Что будет с... подопытным? – уточнил Валежный с чисто научным интересом.

– Помрет.

– Грязно?

– Быстро и чисто. Есть у нас приговоренные к смерти?

Чтобы на войне и не было таких? Валежный долго не задумывался.

– Сюда доставить?

Яна едва пальцем у виска не покрутила. Ага, сейчас она при всех будет свое умение демонстрировать.

– Туда, где нас не увидят.

Валежный сообразил и исправился:

– Прошу подождать одну минуту, ваше... тора Яна.

И правильно. Официальными титулованиями Яну было лучше сейчас не раздражать. Могла и прибить... больно.

Долго ждать не пришлось, Валежный все организовал буквально за пару минут.

Бронеавтомобиль, человек в нем, для надежности связанный...

– Это кто? И в чем виноват?

Кляп помешал ответить самому «жертвенному агнцу», но Валежный недобро ухмыльнулся.

– Мародер. Двоих наших в расход вывел... может, и больше. Повесить хотели, да сначала о дружках расспросить.

Яна кивнула. Подошла поближе к мародеру, взгляделась в его глаза. Вот ведь...

Сидит перед ней мужик, такой могучий, плечистый, на вид совершенно нормальный – и такая гниль внутри. Почему так случается?

Нет, не понять.

Дотрагиваться до мародера она не стала. Еще одним трупом больше на ее совести.

– Умри, во имя Хеллы.

Шепот, который даже не услышал Валежный. Увидел, как шевельнулись губы Яны. И как обмяк мужчина у стенки. Жизнь на глазах ушла из него. Начисто...

– Вот б...

– Я бы попросила, – даже слегка обиделась Яна. Словно и не она материлась пятнадцать минут назад.

– Простите, ваше императорское величество.

Вот теперь Валежный проникся. И поклонился. И... испугался?

Нет. Самое забавное, что страха в нем Яна и не увидела. Валежный убивал сам. Знал, как убивают на войне. Вот – перед ним еще один способ убийства. Страшно? Нет, любопытно. Оказывается, и ТАК бывает? О как!

А еще он получил подтверждение легитимности и Яны, и династии...

Чего тут бояться? Радоваться надо!

– Довольны, Антон Андреевич?

– Еще как, тора Яна. И вы... так с любимым? Да?

– Да.

Валежный поежился. Хотел было спросить про войско, вдруг императрицу так и на врага спустить можно, но потом понял. Если от нескольких людей Яне будет плохо...

Да, у всего есть своя цена. У всего.

– Это все так могли? Вороновы?

– Не все, – честно сказала Яна. – Отец не мог. Его Хелла не одобрила.

И даже не солгала. Но Валежный проникся.

– Что я должен делать, тора Яна?

– Ничего. Отвезти меня в Звенигород. Думаю, нас пропустят. А, да... Митя!

Ромашкин так и стоял неподалеку.

– Митя? Нам надо поговорить. Недолго.

Ромашкин не был в этом уверен. Но если императрица сказала?

– Слушаю...

Яна взяла его под руку и отвела в сторону от людей. Потом приподнялась, обхватила для верности за шею и что-то зашептала на ухо.

Митя слушал молча.

Внимательно.

Валежный тоже пытался услышать, но куда там...

Ну хоть за Митиным лицом понаблюдать.

А на нем отражались поочередно испуг, непонимание, гнев, а потом...

Яна расцепила руки.

Митя медленно опустился перед ней на колени. На оба колена, как перед иконой.

И поцеловал тонкую женскую руку.

Яна качнула головой. Митя поднялся и принялся отряхивать колени. Словно и не было ничего.

Или было?

Валежный пообещал себе расспросить его. Потом... А пока...

Надо найти броневую машину. Доехать до Звенигорода.

Хотя чего его искать? Вот этот и подойдет, только труп выкинем.

<i>Анна, Россия</i>

– БОРЬКА!!!

Основания орать у полковника были. Только они сделали шаг к штабу, только...

Дикий рев музыки было слышно за три квартала. А уж когда громадный джип сорвался с места, пошел как-то боком, потом разогнался на полную, отшвырнув со своей дороги полицейские «Жигули», как кабан – собаку...

За стеклом мелькнуло бледное лицо Анны.

Но решимости в нем было...

Громадная машина смела со своей дороги все преграды, словно и не заметив. Полиция разбегалась из-под колес, словно испуганные птицы, и над всем этим гремел торжествующий победный марш.

– НЕ СТРЕЛЯТЬ!!! – переорал его Сергей.

Но никто и не собирался.

Слишком уж все растерялись.

Водить машину Анна не умела, ее занесло, развернуло, она пошла боком, потом еще раз развернулась – и со всей дури влетела квадратным рылом в двери торгового центра. И встала, закупорив их намертво.

А марш так же звенел и гремел над улицей...

Все описанное заняло даже меньше минуты.

Полковник замер.

Чего ждать?!

Он просто не знал, чего именно. Такая ситуация... внештатная. Теоретически их обучают действовать в таких случаях, практически...

Кто не сталкивался – тот не поймет.

И чего теперь ждать?!

Что сделают с этой безумной?

Только бы не начали убивать заложников...

Рядом матерился Борис Викторович, до которого дошло, за что извинялась Анна. Но поздно, слишком поздно...

А выстрелов все не было.

И марш стих.

Словно захлебнулся.

И...

– Смотрите!!!

Кто это заорал?! Так потом и не узнали, герой предпочел молчать. Но...

По облицовке торгово-развлекательного центра, по мостовой ползла... изморозь.

Летом, в плюс двадцать с хвостиком.

Словно там, внутри центра, внезапно открыли гигантскую морозилку.

Сергей, не веря себе, опустился на колени, коснулся рукой белого инея – и тут же отдернул пальцы. Их так обожгло холодом, как не всякий мороз сумеет.

– Б...!!!

Иней очертил ровный круг – и вдруг начал таять. Словно так и должно быть...

А потом изнутри донеслись жалобные крики.

– ПОМОГИТЕ!!!

Кричали явно детские голоса... Тут уж, наплевав на все, полицейские ринулись к джипу, который перегородил двери. Трос, крюк, рывок, еще один... и вот громадная машина вылетает обратно.

Люди влетают внутрь – и застывают на проходе.

Убивать некого.

Драться не с кем.

Ровным кругом на полу лежат тела террористов. Белые, словно их мелом натерли.

Заложники пытаются докричаться до спасителей и орут благим матом.

А в центре зала, на полу, лежит женщина, над которой склонились двое ребят – мальчик лет шести-семи и девочка лет пятнадцати. Мальчик пытается делать женщине искусственное дыхание, девочка надавливает на грудь и ругается последними словами.

– Два... б... четыре... твою... Гошка, вдох!!! П... через ... и в ... Вдох!!!

Анна сдержала свое слово.

* * *

Анна сама не поняла, как ей это удалось.

Чудом?

Да, наверное. Спасибо, Хелла...

Тяжеленная машина не слушалась, предчувствуя свою судьбу. Ее занесло, развернуло, но потом... потом Анна все же смогла направить ее куда надо.

Тараном.

В двери.

Зазвенело, осыпаясь, лобовое стекло...

Почему никто не стрелял?

Да просто не сообразили. Полиция растерялась – вроде как свои.

Террористы растерялись – не ожидали. По идее, с ними сейчас должны вести переговоры, добиваться... Но уж точно не вламываться вот так. Или это кто-то из своих?

Пары минут Анне хватило. Благо водительскую дверь не заблокировало, только помяло. Но она все равно открывалась.

– Я, великая княжна Воронова, приказываю вам остановиться!

В эту минуту не было никакой Анны Вороновой. Все маски слетели, спала шелуха. Окровавленная от множества порезов и растрепанная, Анна все равно выглядела величественно. Она стала вновь собой.

Ее высочеством великой княжной Анной! И посмейте встать на ее дороге.

Террористы растерянно переглянулись.

Женщина шла вперед неотвратно, словно судьба. Она знала, что ей нужно. Оказаться между заложниками и подонками. Еще шаг. И еще... она бы даже говорить с ними не стала, но...

Кира. Вот она стоит в углу, прикрывает собой Гошку... живы!

Но даже слова сказать им не получается, только взгляд бросить. Всего один взгляд, в который Анна вкладывает всю свою любовь. По лицу девочки катятся слезы...

Некогда!

Она здесь ради них – и не может подвести детей!

– Приказываю сложить оружие! – прозвенел голос Анны ледяными осколками. – Неподчинение приказу – смерть!

Звучало-то убедительно. Но...

– Баба! – крикнул кто-то из террористов.

Шаг вперед, второй, движение оружия...

Анна поняла, что это – конец. И не было времени ни на что.

Ни попрощаться с сыном, ни еще хоть раз найти взглядом Киру... простите меня, родные. Это последнее, что я могу сделать для вас.

Анна сделала еще шаг и повернулась к мерзавцам. Вот-вот, уже... сейчас они сбросят наваждение, сейчас они ее убьют... нет, не успеют.

– Именем Хеллы. Умрите.

И на долю секунды ей показалось, что вокруг взметнулся белый снежный вихрь. А больше... больше она ничего и не видела.

* * *

Кира боялась.

С самого начала боялась, жутко боялась, и за себя, и за Гошку, но ведь перед мелким надо быть сильной! Правда?

Поэтому она просто крепко взяла мальчика за руку и не отпускала.

Ни когда их под дулами автоматов сгоняли вниз, в один из магазинов, ни когда бандиты начали звонить и говорить, что всех убьют, если им что-то там не дадут, ни когда им начали отвечать...

Рядом с ней был Гошка.

Она не имеет права струсить.

Мальчик прижимался к ней и, кажется, трусил не меньше.

– Не переживай. Нас спасут, – шепнула Кира ему на ухо.

– Мама, наверное, волнуется...

Окрик заставил их прекратить шептаться. А потом...

Это было как в боевике, не иначе. Грохот, звон – и влетевшая в двери машина. И – Анна.

Растрепанная, окровавленная, гневная... Кире хватило одного взгляда, чтобы понять: ее мачеха не просто в бешенстве. В бешенстве кидаются на людей, кричат, бьются в истерике...

Анна этого делать не будет.

Княжна?!

Но...

Кира и сказать ничего не успела. Даже крикнуть.

Вокруг Анны закружился снежный вихрь. Словно в мультике про Снежную королеву. А потом террористы начали падать навзничь.

Все, сразу. Словно нечто выпило из них жизнь... Кира видела их лица. Бледные, словно в них ни кровинки не осталось...

И медленно, словно в дурном сне, осела на пол Анна.

Кира даже сообразить ничего не успела, когда кинулась к ней. Рядом сопел Гошка...

– Мама!!!

Кто из них выдохнул это слово, падая на колени рядом с Анной? На ледяной, словно бы замороженный насквозь, пол?

Не важно...

Мама, мамочка!!! Только не умирай!!!

Кира попробовала нащупать пульс... нет!

На сонной артерии? Нет?!

Сердце?

Не бьется...

– ПОМОГИТЕ!!! – заорала она так, что ее и на улице, наверное, услышали.

Этот крик словно плотину прорвал. Закричали и зашумели все остальные, но Кире было не до того. Она схватила за руку... брата? Да, уже брата...

– Гошка, искусственное дыхание делать умеешь?

– Н-нет...

– Вот так! Будешь дышать маме в рот, когда я скажу! Что есть сил, понял?!

– Да!

– Начали! Раз, два, три, четыре, пять... вдох!

И Гошка послушно вдохнул воздух в легкие Анны.

Кира понимала – там, снаружи, наверняка есть «Скорая помощь»! Надо просто ее дождаться, дать Анне время! Чтобы мозг не погиб.

Ну хоть минуту, хоть две...

Дыши же!!!

Живи!!!

Мама, ты не можешь нас бросить!!!

НЕ УМИРАЙ!!!

* * *

Когда Киру подхватили сильные руки и оторвали от Анны, она сначала попробовала укусить врага и вывернуться. Но потом увидела, что над телом женщины наклоняются двое в синих медицинских пижамах, и успокоилась. Даже посмотрела, кто...

– ПАПА?!

Борис Викторович был бледен, растрепан и выглядел – краше в гроб кладут.

– Дочка!!! Сынок...

Кира и Гошка прижались к нему с двух сторон.

– Папа!!!

Кто сказал? И снова – не важно. Это уже свершившийся факт.

– Что здесь произошло?! Что с ней?!

А это уже полковник.

Собственно, операция прошла прекрасно, жертв, похоже, нет, террористы мертвы, заложников удалось освободить... только не все живы остались.

Анна?

Медики ею занимаются...

– Ее ранили?

– Нет... – Кира качнула головой. – Там что-то странное было, она сказала, а они умерли.

– Что?! – нахмурился Борис Викторович.

– Пап, да... Они одновременно с мамой упали, и она... пап, она же выживет, правда?

Кира уткнулась в пиджак отца и разревелась наконец...

Борис посмотрел туда, где над телом Анны колдовали медики.

– Что у вас тут? – решил уточнить Сергей.

Один из докторов изобретательно послал полковника по матушке. Кажется, дело было плохо... тут уж заревел и Гошка.

Яна, Русина

Стоило бронеавтомобилю пересечь границу Звенигорода, как в городе гулко бухнула пушка. Потом зазвонил Царь-колокол.

И звенел, звенел, и ответной радостью ему откликались другие колокола.

Ее императорское величество в городе.

Она дома...

Пламенный слышал все это и бесился у себя в Кремле. Но что он сейчас мог сделать? Ничего...

Только слышать и знать. Знать, что его распоряжение выполнено. Императрица пришла.

Одна и без охраны.

И это бесило еще больше.

Гадина!!!

Он видел, как переглядывались Тигр и Ураган. Молчали, конечно. И понять, о чем они думают, он не мог. Хотя это было и несложно.

Что ты будешь делать?

Или помогу – или сдохну рядом.

Я с тобой.

Спасибо... брат.

Сторонников у них хватало. И больше всего было колеблющихся. Тех, что могут склонить чашу весов в одну или другую сторону. Но чью сторону они примут?

Сидел рядом с Пламенным на полу Илья, плохо соображающий, что он и где.

Сидел рядом Мишель. Этот вообще, кажется, помешался. Струйка слюны стекала из приоткрытого рта, придавая отпрыску князя Гаврюши вовсе уж идиотский вид. Но Пламенный не жалел отцеубийцу.

Поделом.

Оставалось только ждать.

* * *

Яна шла ко дворцу.

Светило солнышко, пели птички, по голубому небу беззаботно плыли белые облачка, по брусчатке древнего города Звенигорода цокали дамские каблучки, весело звенели колокола.

Да, Яна шла пешком. Хотела насладиться этой последней прогулкой в своей жизни.

Не боялась. Страшно что? Да неизвестность. Что бы ни пели там попы, они тоже *оттуда* не возвращались, и веры им особо нет. А Яна там уже побывала, у Хеллы погостила, чего бояться? Все свои... глядишь, еще и о косметике поболтают. Или там о нижнем белье, как девочкам и положено. Хорошие коллекции были в ее старом мире...

Сейчас она просто – получала удовольствие. Эх, еще б мороженку, но нереально. А жаль... Облизать бы вафельный стаканчик с пломбиром, прижмуриться – и цапнуть хрустящую вафельку за румяный бочок. И снова – облизнуться.

Хорошо...

Вот и Кремль.

Из его ворот выходят люди... нет, женщины. Кто-то с детьми, кто-то без, но выходят. Во дворе остаются только мужчины.

Яна улыбнулась.

Пламенный принял предложение?

Да он его проглотил так, что наживка из-под хвоста торчала!
Императрица!

Одна!

В его власти!

Как тут не согласиться?

Мирное течение Яниных мыслей было грубо нарушено. Женщины ее увидели. И...

Кинулись всей толпой, бросились в ноги, заголосили...

Яна кое-как поняла, что ее благодарят и обещают назвать всех детей в ее честь. Даже если родятся мальчики. Пришлось прекратить безобразие и попросить всех расходиться по домам.

А у кого мужики там остались? Сгоняли-то семьями...

Не страшно. Яна сейчас договорится обо всем, и всех выпустит.

Успокоенные бабы посмотрели коровьими глазами – и начали расходиться. Яна вошла внутрь.

Что ж, детка, это твоя последняя ставка. Но раз уж так все сошлось?

Пожалуй, Пламенный заслужил быструю смерть без мучений. Очень он удачно вылез со своим терроризмом. Яна сразу несколько зайцев убивала своим поступком.

Первое – ей все равно умирать, а так еще гражданских спасут. Это поднимает популярность династии. Опять же, причина смерти – уважительная.

Второе – для ее сына это будет важно. Он будет горевать, но и будет гордиться матерью.

Третья – никакого терроризма в ее империи! И точка!

Четвертое – Тигра тоже жалко.

Есть и пятое и десятое... ну очень удачно все совпало. Может, разрешить Пламенному еще и помолиться перед смертью за такую услугу? Ну, хотя бы исповедаться. Про ключ от банка, где деньги лежат?

* * *

Память Анны подсказывала повороты. Кремль – это же не один замок, это целый комплекс зданий. И память же Анны горевала.

Яна не помнила, как здесь кипела жизнь, как прятались по углам влюбленные парочки, как дефилировали придворные и неуловимыми тенями скользили лакеи, как тянулись на карауле блестящие гвардейцы и посылали воздушные поцелуи прекрасные дамы. Как пахли розы и пели птицы в саду. Как цвел жасмин и полыхали георгины...

Нет, не помнила. И больно ей не было. Так... фантом. Фантомная память, почти уже мертвая, фантомная боль...

Вот и нужный ей этаж.

Поворот, дверь, которую услужливо распахнули перед Яной, – и большой зал.

Несколько сотен человек. В дальнем конце Пламенный, Никон... кто там еще? Забавно. Еще рядом с ними «счастливики», поровну с ближайшими сподвижниками Пламенного, а еще...

Мишель?

Илья?

Яна хмыкнула. И тот и другой выглядели весьма потрепанными, но ее узнали сразу. Даже Мишель. Куда и идиотский вид делся?

– Кузина!

– Любимая!

Яна фыркнула со всем возможным пренебрежением.

– Жом Пламенный, вы убедились, что я – это я?

– Да, жама Воронова.

Ах ты паскуда!

– Предлагаю кому-то из ваших людей обыскать меня. И я подойду поближе, чтобы не орать через весь зал.

Это предложение нашло отклик у Пламенного. Он кивнул – и Яну сноровисто обшарил здоровый амбал. Хотя чего там было шарить? Оружие свое она оставила Валежному. Все.

– Чисто!

– Что ж. Подходите, жама Воронова.

– Императрицей вы меня признавать не хотите, – уточнила Яна, делая шаг вперед.

Надо подойти на достаточное расстояние. Чтобы остальных не зацепило. Яна не могла точно определить зону поражения... может, конечно, Хелла и поймет, кого не надо трогать, а вдруг – нет?

– Пусть ваш любовник вас так называет, – выплеснулось раздражение у Пламенного.

– Мой любовник?

Ряды людей раздвинулись, являя взглядам Яны жома Тигра.

Увы – связанного. Рядом с ним стоял такой же увязанный Ураган. Тигр сверкал глазами так, что, ей-ей, мог бы усилием мысли фитиль поджечь. Но – не повезло.

– Вы не возражаете, если я ему шепну словечко? – невинно уточнила Яна. – Потом некогда будет.

– Да неужели?

– У вас же все под контролем, нет?

Пламенный кивнул.

Яна сделала шаг в сторону. Романтика, жеванные мухоморы?

Дура! Но что еще делать?

– Яна...

Женщина улыбнулась любовнику:

– Все будет хорошо. Ты помни, я тебя люблю.

Тигр рванулся так, что едва выдержали веревки. Один из охранников дернул его назад.

– Яна!

Женщина улыбалась.

Она шла по проходу к Пламенному и улыбалась.

Кажется, тот заподозрил нечто неладное.

Кажется, он хотел что-то сказать.

Не успел. Он уже ничего не успел, потому что Яна обвела взглядом всех подонков. И Никона с его присными, и Пламенного. Увы, и Илью с Мишелем, которые тоже попали в этот круг, иначе никак не получилось. И тихо-тихо шепнула:

– Умрите, во имя Хеллы.

А больше она ничего и не успела. Ни увидеть, ни почувствовать. Просто взметнулись вокруг нее снежные вихри – и поднялись высокие стены ледяного дворца Хеллы. Вот и все.

И совсем это даже не больно.

* * *

– ЯНА!!!

Тигр рванулся так, что его попросту выпустили. Как был, со связанными руками.

И было отчего опешить людям. Вокруг фигурки Яны на миг взметнулся ледяной вихрь. Да такой, что вмиг выморозил всю залу. Помчалась изморозь по полу и стенам, попадали люди. Пламенный

падал медленно. Он цеплялся за трибуну, и сползал, и лицо у него было белое-белое, словно мраморное. И удивленное.

Он все осознал, но так и не смог поверить.

А в центре зала на полу лежала Яна. И лицо у нее было такое же белое. И холодное. словно в один миг в ней вся кровь замерзла.

Тигр упал рядом на колени, попытался нащупать пульс связанными руками, но куда там!

Припал ухом к груди, чтобы ощутить холод. Только холод.

Ее больше не было рядом.

Она ушла.

И мужчина, запрокинув голову, взвыл, словно дикий зверь.

Он не видел, как освобождали Урагана – почтительно и быстро. Не ощущал, как срезают с него веревки. Ему ничего не было важно.

Только тело женщины рядом.

Ты помни, я тебя люблю...

Почему я, дурак, не понимал, что я не просто тебя люблю? Я живу, дышу, существую – тобой! Ты мой свет, воздух, вода, ты моя жизнь...

Яна, не уходи...

Но ответом ему были холод и молчание. И никто не решался приблизиться.

Отдавал приказы жом Ураган, ликвидировали адскую машинку, а Тигр так и стоял на коленях над Яной. И никто не рисковал к нему приблизиться.

Безвременье

Анне не было больно.

Не было страшно.

Она просто опять оказалась в чертогах Хеллы. И...

– Яна!

– Анна?! Тебе же еще рано!

– И тебе... ты как?!

– Вот так, – прозвенел льдом тихий голос. – Вы обе отдали свои жизни, чтобы спасти других людей. Погибли в бою. И...

– Теперь они принадлежат мне.

Голос гроыхнул грозowymi раскатами. На миг лицо Хеллы искажилось, но потом она опомнилась и шагнула вперед:

– Нет!

Анна и Яна одновременно обернулись. За их спинами стоял... мужчина?

В той же мере, что и Хелла – женщина. Это явно был бог. Только в мужском облике. Громадный, жутковатый... весь словно созданный из грозowych облаков и молний, как Хелла – из снега и льда. Суровое лицо, темные глаза, копьe в руке – воин.

– Ты больше не имеешь над ними власти. Смирись!

– Они потомки моих жрецов!

– Они отдали жизни в бою. Они принадлежат мне!

– Я их не отдам! – оцетинилась Хелла, словно снежная волчица.

Вот-вот кинется.

Анна почувствовала, как пальцы Яны сжали ее руку. И...

– Господа, а нас спросить никто не хочет?!

Боги едва что рты не открыли.

Переглянулись.

А потом Громовержец, так и тянуло его назвать этим именем, вдруг улыбнулся.

– И то верно. Куда пойдете, девушки? В царство льда к этой... или на пир ко мне?

Анна первая шагнула вперед. Она не знала, что ответит Яна, но... Вороновы знамя не меняют!

– Тор! Я остаюсь. Я обязана торе Хелле жизнью моего сына. Моя душа, жизнь, смерть и посмертие принадлежат ей.

Лицо бога искажилось, но тут уж вперед шагнула и Яна.

– Лучше и не скажешь! Аня права. С меня тоже за сына причитается. Простите, но где вы были, когда нас убивали? Раньше суетиться надо было!

– ТЫ!!!

Гроыхнул грозовой раскат.

Яна даже шагу назад не сделала. Наоборот, словно бы подвинулась, защищая собой Анну.

– Я! И я отвечаю! Мы – остаемся!

Хелла рассмеялась:

– Ты проиграл, Грозовик...

– Я не играл с тобой, Ледышка...
– Но ты хотел забрать мою добычу!

Блеснула молния.

Девушки невольно зажмурились. Первой опомнилась в этот раз Яна:

– Полы не попортил? Расшвырялся тут...
Хелла запрокинула голову и расхохоталась.
– Расшвырялся! Ох...

Смех сыпался колкими льдинками, падал с потолка снежной крупой...

– И шубу хорошо бы, – буркнула Анна.
Может, она и призрак, или вообще – душа, но ведь холодно!
Хелла закатилась еще пуще.

– Грозовик, ты проиграл! Они сделали свой выбор! Они – мои!

Бог, который и так не был особенно приветливым, вовсе уж помрачнел. Правда, молниями больше не швырялся. Оно и правильно. Что Яна в своем мире, что Анна в ее мире насмотрелись...

Их таким было не удивить. После голливудских блокбастеров они еще и сами могли что-то посоветовать в плане спецэффектов.

Страх?

А чего бояться? Они уже умерли, и умерли – правильно. Отдав жизнь свою за други своя. Может ли быть во вселенной смерть почетнее?

Бог тем временем решил перейти к конструктивному диалогу. И еще сильнее сдвинул брови. Яна даже задумалась, не поменяются ли они местами.

– Хелла, ты знаешь законы. Погибшие в битве – мои.
– Девочки сделали свой выбор.
– И все же они должны быть моими.
– Нет!
– Ни фига!

Анна и Яна высказались одновременно. Бог качнул головой:

– Что ж. Посмотрим, как у вас дела?
– Это мой дом, – напомнила Хелла.
– Сделай ты, – не стал спорить Грозовик.

Хелла медленно, словно обрисовывая контур чего-то невидимого, но большого, провела в воздухе круг рукой. Поднялась снежная завеса,

спрессовалась в нечто плотное – и перед богиней возникло громадное ледяное зеркало. Побежала трещинка, поделила его на две половины, и девушки увидели – себя.

Вот Анна лежит на полу, и к ней прикладывают какие-то штуки. Кажется, дефибриллятор? Что-то она такое в фильмах видела...

Рядом с ней Борис. Он крепко прижимает к себе Киру и Гошку. И дети ревмя ревут, уткнувшись в его грудь.

Вот Яна. Тигр стоит над ней на коленях, прижимает тело женщины к себе, баюкает, словно куклу... и подойти к нему никто не решается.

– М-да...

Хелла смотрела на это недолго. Картинка так и оставалась застывшей, словно время здесь не двигалось.

Теперь пробрало и девушек.

– Вот блин! – высказалась Яна, которая была и посмелее, и вообще излишней религиозностью не страдала. – Я думала, он не будет так переживать. Ничего ж толком и не было...

Ведь и правда.

Что было-то? Несколько дней вместе. Несколько ночей. Ну и парочка писем. По меркам двадцать первого века постель даже не повод для знакомства. А тут вот как все серьезно оказалось у человека...

– Я знала, что моим будет больно. Но надеялась, что не так, – тихо поддержала Анна.

– И даже сейчас – не о себе. О других, – подвел итог Грозовик.

Хелла опустила голову. А потом подняла лицо, и глаза богини сверкнули невыносимым серо-стальным блеском.

– Грозовик, я этого сделать не могу. Но... если я дам тебе часть своих сил? Ты... ты вернешь их обратно?

Ошалели все.

И люди, и бог, который явно не ожидал такого предложения.

– Ты... ты готова даже на это?

– Готова, – решительно согласилась Хелла. – Понимаешь, я надеялась, что будет... я развлекалась. А получилось иначе. Есть вещи, которые надо делать. Даже богам.

Грозовик ненадолго задумался. Посмотрел в зеркало, где по-прежнему отражалась застывшая статичная картинка.

– Ты забереешь назад свой дар.

– Заберу.

– И у меня тоже будет условие. Если я верну девушек в их миры, я потребую с них первого сына.

– ЧТО?! – рывкнула Яна, шагая вперед.

Эт-то что еще за е-мое?

Отдай мне то, чего дома не знаешь?!

Ребенка моего захотел?! Да я тебе...

Выглядела девушка так решительно, что Грозовик покачал головой:

– Не в жертву. Но так же, как вы, ваши дочери и другие дети будете посвящены Хелле, ваши первые сыновья будут посвящены мне.

– Третьи, – надала голосом Хелла. – И трон они наследовать не должны.

Грозовик качнул головой:

– Я не собирался забирать у тебя Русину. Это уже невозможно.

– А нам сколько рожать-то придется? – возмутилась Яна. – Шестерых?

– Есть возражения? – сдвинул брови Грозовик.

Анна подергала Яну за рукав.

– Яна, двоих-троих, это же немного...

– Немного?

Яна возмутилась абсолютно искренне.

Двоих-троих – это НЕМНОГО?! Да она пока одного родила, озверела! Это ж сначала ты ребенка делаешь, стараешься, потом вынашиваешь, потом рождаешь, потом хотя бы год выкармливаешь, потом еще в себя приходишь... сколько получается?

Три года из жизни в лес!

Минимум! Так-то, может, и больше. Это мы считаем, когда роды прошли легко, когда ребенок нормальный и здоровый, когда... да нет числа тем допущениям.

А если, к примеру, муж – козел? Который то на работе, то с друзьями, то у него внезапно важные дела образовались? И ты одна с ребенком мучаешься? Тут для психической (да, психологи тут отдыхают, тут уже психиатр нужен) реабилитации и десять лет мало!

Тигр?

Э-э-э-э-э... а чем в данном вопросе тигры от козлов отличаются? Полосками?

– Можешь остаться здесь, – «щедро» предложила Хелла. – Рожать не придется. Гарантирую.

Яна вздохнула. Потом еще раз.

– Ладно... простите, пожалуйста. Если вы боги, то должны понимать. Я, когда боюсь, всегда кусаюсь. Как надо посвящать ребенка?

– Никак. Хелле в ее святилище. А мне... когда ребенку будете нарекать имя, назовите Глебом. Я пойму и приду.

Девушки переглянулись.

– Я согласна, – тихо сказала Анна. – Спасибо...

– Вы понимаете, что сейчас вы могли бы попасть в мои чертоги? А если проживете свою жизнь, умрете в своей постели, то пойдете к Хелле?

– Понимаем, – серьезно кивнула Яна. – Но мы не крысы.

Хелла протянула вперед руку.

– Девушки, отныне вы никого не сможете убить одним словом.

Себя Яна не видела. А от Ани словно облачко морозное отделилось. Влетело в ладонь богини, впиталось, как и не было.

– Подручными средствами обойдусь, – буркнула она.

Хелла внезапно улыбнулась:

– Души можете отправлять ко мне. Я не возражаю.

Яна кивнула.

Было у нее подозрение, если ее вернут в Русину, там разгребать не перегрести. И чистку рядов проводить, и остатки мародеров достреливать-довешивать, и...

Лучше сейчас даже не думать об этом. А она так радовалась, что избавится от всей этой работы... хоть что-то хорошее было в этой смерти!

Судя по взглядам, боги все поняли. Грозовик вдохновенным жестом размял пальцы, словно пианист-виртуоз.

– Ну, лишь бы не перепутать кого куда... готовы, девушки?

Последнее, что подумала о нем Яна: «Ах ты, мстительная зараза!»

Жом Тигр даже не почувствовал, как его пытались тряхнуть за плечо.

– Тигр! Да твою ж... Серега!!!

Бесполезно...

Среагировал он, только когда тело Яны потянули из его рук.

– Не тронь!

– Она... ее надо хоть уложить поудобнее.

В этом резон был.

Тигр попробовал перехватить тело поудобнее... тело?!
Невозможно даже думать об этом...

И вот уж чего никто не ожидал...

– Ай! Тьфу, блин!!! Отрежу эти лохмы на фиг, больно же!

Труп-то все равно. А вот если у живого человека волосы в пуговицах мундира запутаются, да потом еще за них потянуть со всей дури...

Яна и высказалась. И только потом открыла глаза.

Увидела Урагана, который медленно оседал в обморок (исторический момент!), шарахающихся по всем углам освобожденных, ошалевшего Тигра, который так и держал ее на руках, и не удержалась:

– БУ!!!

Полюбовалась еще на два обморока и вполне себе семейным жестом потрепала Тигра за нос (когда еще удастся):

– Ты меня поставить или отцепить не хочешь? Э-э-э-э-э...

А больше она ничего и сказать не успела.

Даже взвизгнуть. Потому что очнувшийся Тигр перехватил ее почти в воздухе (судя по ощущениям – минус половина косы) и прижал к себе так крепко, что Яна даже завизжать не смогла. Воздух из груди вырвался со странным звуком.

– ЖИВАЯ!!!

Анна, Россия

Борис внимательно смотрел туда, где медики разорвали на Анне платье и приложили какие-то штуки к ее груди.

– Разряд! Давай еще один! НУ!!!

Тело женщины выгнулось – и опало бессильно.

И еще раз.

И еще...

Медики переглянулись – и принялись отцеплять свои приборы.

Борис молчал.

Кира, понимая, что реанимационные мероприятия закончены, взвыла белугой:

– Не смейте! МАМА!!!

И рванулась так, что в стороны полетели и врачи и полиция... упала рядом, вцепилась...

– МАМОЧКА!!!! НЕ УМИРАЙ!!!

– Ага, как же, – буркнул более молодой из врачей, не утративший еще щенячий цинизм.

И вдруг...

Анна закашлялась.

Открыла глаза, огляделась вокруг и вполне спокойным точном уточнила:

– Киреньш, ты чего кричишь? Все в порядке?

Оказывается, врачи «Скорой помощи» тоже в обморок падают. Особенно те, которые еще молодые. И поумнеть не успели.

– МАМА?!

Анна обнаружила, что платье у нее на груди порвано вовсе уж неприлично. Подумала с полсекунды, плюнула на все и обняла Киру.

– Детка, со мной уже все в порядке. Давай вытирай нос. Где твой носовой платок?

– МАМА!!!

Носовых платков потребовалось уже два... а нет, не потребовалось. Потому что на шею к Анне кинулся еще и Гошка. А сопли отлично получилось вытереть о порванное платье. Ну и ладно, все равно оно уже годилось только на тряпки.

А потом сзади Анну обняли теплые руки. И Боря зарылся лицом в ее волосы.

– Анечка, родная, я уже испугался, что тебя потерял...

Полковник Рудов покосился на эту картину и незаметно отрядил одного из ребят, чтобы семью не беспокоили.

Будет еще время поговорить.

Будет время разобраться, и что произошло, и как, и зачем...

А пока этим людям надо просто побыть рядом. И убедиться, что они живы.

Опять же, у него-то все в порядке! Сейчас отчетик накатаем в лучшем виде: в результате антитеррористических мероприятий террористы были уничтожены, штурм проведен, заложники не пострадали...

И чего еще надо?

Звездочку на погоны... полковник — это хорошо, но генералом быть охота.

Яна, Русина

Романтический момент Яне об... короче — испортили удовольствие. Хотя целовался Тигр здорово.

Увы, жом Ураган не собирался разгребать бардак в одиночку. Вот ни разу, ни два раза. Есть тут верховная власть?

Пусть она и командует.

Нечего тут личной жизнью заниматься! Особенно когда подчиненные вообще уже с жизнью попрощались.

С утра, еще когда Пламенный явился. Отлично понимал Ураган, что их не выпустят, но и поступить иначе не мог.

Вот такой выверт сознания.

Кинуть бомбу в императора? Да запросто! Заслужил, сволочь!

Допустить массовое жестокое убийство пары тысяч гражданских? В том числе женщин, детей, стариков... А вот никак!

Если такое допускаешь, то перестаешь быть человеком.

И Освобождению тоже никогда не отмыться. Гадко становится... и во рту привкус дерьма и мыла. Есть вещи недопустимые. И точка.

Ураган понимал, что Пламенный их не отпустит. Но и выхода другого на тот момент не видел.

Пробиться на свободу не вышло бы. Умереть с достоинством? И что изменится от твоей смерти? Пока ты жив, все можно изменить. А вот потом...

А потом — все. Ты ушел, и разгребать за тобой будет кто-то другой. Честно ли оставлять свою грязь другому человеку?

Пламенный о таком не задумывался. Ураган напротив.

И ждал... нет, не конца, но своего шанса. Тем более что его обыскали, но тонкое лезвие, приклеенное пластырем к внутренней стороне руки, так и не заметили. Оно ведь не выделялось.

Можно будет перерезать веревки.

Можно будет все поменять...

Когда в зал вошла императрица, Ураган его и достал. И занялся веревками.

Но на Яну поглядывал.

Что мог найти в ней Тигр? Ну... любопытно же, даже рыцарям! Они хоть и в железе, но не железные же полностью!

Женщина спокойно и свободно шла по проходу. И не боялась. Ни капельки.

Улыбка, спокойные выверенные жесты, гордо вскинутая голова... нет, она не боялась. Почему?

Она не могла не понимать: прежде чем ей поможет Валежный, ее убьют три раза! И не самой легкой смертью. Но она не боялась.

Она просто шла. И улыбалась.

А потом подошла почти вплотную и что-то сказала.

И все – умерли.

Ураган помнил ледяной холод, пробежавший по позвоночнику. Помнил присутствие... чего?

Нет ответа.

Потом оно ушло. Это ощущалось так же уверенно, как и присутствие. Словно все твои внутренности держали в кулаке, а потом отпустили.

А страх остался. Колкий, едкий, вымораживающий все нутро...

Ураган отчетливо понимал, что никто, никто из оставшихся в живых в этом зале, никогда не скажет императрице даже слова против. Физически не сможет.

Вспомнит об этой секунде – и замолчит.

Это не легитимность власти. Это – жуть жуткая.

Пламенный говорил, что династия как-то связана с Хеллой... вот ведь действительно... подтверждение. Куда еще-то?

Пара слов... и ледяной вихрь.

И изморозь... Как, как при таком раскладе могли сместить Петера?!

Или он просто был... неудачным вариантом? А две бабы договорились между собой? Ураган положил себе потом расспросить Тигра. (Императрицу?! Знаете... идите вы со своими вопросами!) И все же решил вмешаться.

– Ваше императорское величество. Тигр! Эм-м-м... ждем приказаний.

Тигр рыкнул не хуже полосатого тезки. Но Яну хоть целовать перестал.

Императрица тоже рыкнула. Но вокруг все же огляделась.

– Так... что мы имеем? Где адская машинка?

– Э-э-э-э... какая?

– Где взрывчатка? – коротко перефразировала Яна.

– В той комнате, – указал Ураган. – А вот взрыватель.

Ящик, рычаг, провода...

Яна покосилась на это без особого пиетета.

– Средние века, жеванные мухоморы! Значит, так... гражданских распустить по домам. Кремль очистить, пока не разминируют. Все присутствующие – составить список, кто есть кто и кто есть что, там посмотрим, к какому делу вас приспособить. Если с Пламенным не полегли, я так понимаю, он вас в дело и не звал?

Народ закивал вразнобой, подтверждая, что нет, не звал...

Яна зловредно ухмыльнулась:

– Тогда, торы и жомы, не рассчитывайте, что вас тут расстреляют. Так дешево вы у меня не отделаетесь. Если вы сумели в такое время пролезть наверх, значит, люди вы неглупые, с характером и к делу привычные. Хоть к какому. Отрабатывать будете. Пахать и вкалывать, где поставлю. В стране недостаток кадров, а у меня священный принцип. Отбросов нет, кадры есть!

Народ перевел дух.

Яна оглядела присутствующих ехидными глазами. Расслабились?

Рано!

– Войскам приказать разоружиться. Валежный должен занять город. Кстати, пошлите к нему гонца, пусть начинает вводить сюда части, а заодно и саперов пришлет. Нечего мне дворец взрывчаткой портить. Потом сам выдаст оружие, не сомневаюсь, люди, которые знают, с какой стороны винтовку брать, в хозяйстве пригодятся.

Составить отчет. Что и как в Звенигороде, положение дел, финансы, люди... Да, отчет на стол жому Тигру. Пусть привыкает...

Теперь удивленные глаза были и у Тигра.

— А ты что подумал? — удивилась Яна. — Что я тебе соврала? Ну нет... женишься как миленький. Была династия Вороновых — будет династия Михеевых-Вороновых. И попробуй только скажи хоть слово против!

Тигр открывал и закрывал рот.

Молча. Словно он вовсе даже Карп. Или Окунь.

Конечно, он получил письмо от Яны. И Митя говорил. И...

Решение он принял вовсе не поэтому. Просто так было правильно. Но чтобы...

— Пышной свадьбы и коронации не будет, все сделаем камерно, епископ у меня на примете есть. Дальше... трупы убрать. Да не просто так. А чтобы все видели. Пламенного и Никона выставить на всеобщее обозрение на три дня, чтобы у меня потом по стране неучтенные самозванцы не болтались. Потом похоронить. Не закопать, как собаку, а все как положено. Все ж люди были неплохие... только сволочи.

— А меня никто спросить не хочет? — возмутился наконец Тигр.

— О чем? — посмотрела невинными глазами Яна. — Ты хочешь все-таки взорвать Кремль?

— Н-нет...

— Тебе нужендохлый Пламенный? — вовсю веселилась императрица, видя, что и на лицах освобожденных начинают мелькать характерные такие усмешечки. — Могу приказать, пусть чучело сделают, в кабинете посадишь. Или поставишь... вместо медведя с подносом для визиток.

Ураган откровенно хрюкнул.

Тигр окончательно вышел из себя.

— Я не об этом!!!

— Та-ак... — Яна подбоченилась ^[25].

— Значит, как девушку соблазнять — так он первый! Как ей золотые горы обещать — он тут как тут! Как в любви признаваться — тоже! А жениться кто-то другой будет?!

— Я не обещал...

— Но остальное-то все было?

Ураган вовсе уж давился смехом, благо Тигру его видно не было. А вот тем, кто стоял к нему лицом, оказалось сложнее. И не заржешь ведь, пристрелит. Или сейчас, или потом...

– Яна...

– Ты. На мне. Женишься?

Шутки кончились. Яна всерьез разозлилась. Это что такое, понимаете?! Я тебя люблю, но замуж не пойду? Тут до этой похабени еще не доросли, и слава Хелле!^[26]

– Д-да, – согласился Тигр. – Но я не хочу... императором.

– А выбора нет, – развела руками Яна. – Я – девушка с приданым.

– Я не хочу... приданого! – почти стоном вырвалось у Тигра. И его все отлично поняли. Ворочали все вместе, а разгребать ему...

Яна ласково взяла в ладони его лицо.

– Я понимаю. Но у меня нет выбора. Императрица не может жить в грехе, а муж императрицы должен быть императором.

– А консортом?

– Я не хочу тебя так унижать, – просто сказала Яна. – Ты для меня не игрушка, а важный и нужный человек. Любимый...

Последнее слово она произнесла совсем тихо. Но Тигр услышал – и прижал ее покрепче к себе.

А и правда, чего ему бояться? Страшно было, когда она пришла. За нее страшно...

Страшно было, когда она умерла. Без нее...

А сейчас – что? Русина?

Да и фиг с ней! У любой женщины есть свои недостатки!

Тигр храбро улыбнулся:

– Когда свадьбу назначим?

– Да хоть и завтра, – махнула рукой Яна. – Два войска в качестве гостей... шикарно! Как ты думаешь, спиртного в Звенигороде хватит?

– Э-э-э-э-э... наверное, да.

А потом Тигр махнул окончательно на все рукой и поцеловал Яну еще раз. Хелла с ними, со всеми коронами и тронами. Главное – живы! И Яна не сопротивляется. Через минуту он займется делами. Но потом, потом... а пока – Яна.

За спиной влюбленных потихоньку распоряжался Ураган.

Трупы складывали в одно место, правда, Мишеля и Илью отложили в сторонку, все ж эти точно не виноваты, просто под раздачу

попались. Пламенный их поближе к себе держал, прикрыться, если что.

Не помогло...

Народ шустрил.

Как-то все очень после случившегося императрицу зауважали. И стремились выслужиться. А правда...

Не казнят?

И даже не сошлют, не отправят на каторгу?

Так это ж отлично! Будем доказывать свою полезность новой власти!

Глава 13

Перо и бумага, любовь и отвага

Анна, Россия

– Так... а теперь давайте поговорим, что именно произошло?

Сергей Дементьевич Рудов смотрел на сидящую перед ним женщину.

Анна отвечала самым невинным взглядом. Грудь у нее болела после дефибриллятора, но взгляд все равно был чистым и наивным. Подумаешь – боль! Зато живая! И рядом с любимыми!

Борис за ее спиной показал другу кулак, а Кира и Гошка так и так маму оставлять не собирались.

Вот еще!

Допрос?

Размечтался! Только при них! И ближайшую пару лет – от Анны никто и на шаг не отойдет. Разве только в туалет.

Кира знала: не скоро еще она забудет этот ужас. И... ни в какой другой город она учиться не поедет! Ну его в болото! Бросать на пять лет свою семью? Да ради чего!

Корочки могут быть любые, и не факт, что ты по этой специальности даже работать будешь. А родные и близкие – величина непостоянная. И потом тебе эти секунды, которые ты могла с ними провести, никто и никогда не вернет.

Никогда...

– Не знаю, – честно посмотрела на полковника Анна. – Я приехала, а они почему-то упали. И умерли.

Кира помнила про княжну Воронову. Но решила помолчать.

Ну его на фиг!

Может, это такое специальное заклинание? Вроде Авады Кедавы? Ляпнешь так...

А остальные заложники и вовсе ничего не запомнили. Там у кого невроз, у кого психоз, у кого вовсе истерика. Врачи их не скоро из лапок выпустят. Анну тоже хотели в больницу, но тут уж сама

пострадавшая отказалась напрочь. Ну полковник и воспользовался случаем.

– Вот просто так упали? И умерли?

– Наверное, – невинно предположила Анна, – они просто меня испугались. Я так неожиданно появилась...

Полковник посмотрел с чисто научным интересом.

– А если вас еще кому-то показать?

– Серега, – рыкнул Борис. – Ты чего добиться хочешь?

– Да мне бы знать, что в протокол вписать! – сорвался Сергей Дементьевич. – Вот представь! Были террористы и померли!

– И чем плохо?

– И мне так написать?

– Ну... а какие причины смерти?

– ОТ ХОЛОДА!!!

– Чего? – удивился Савойский.

– Да, вот представь себе! Патанатом еще их осмотрит, но пока он сказал именно это! У них даже льдинки в носу намерзли! На ресницах иней, одежда кое-где примерзла... то есть на первый взгляд – обморожение. Всех террористов разом.

– Они, наверное, под кондером постояли, – фыркнула Кира. – Папа мне постоянно говорит, что вредно!

Полковник удостоил ее злобного взгляда.

– Вы, Кира Борисовна, в другом месте остроумничайте.

– Простите, но я не понимаю, что вы от меня хотите услышать, – развела руками Анна. – Я просто не могла оставаться на месте. Я бы предложила себя вместо детей, но не успела. Террористы просто упали и умерли. А уж чего они там наглотались или накурились... я не знаю. Но словами у нас вроде бы пока не убивают?

– Слов у меня нет... Боря! Ну хоть ты им скажи!

– А что сказать? – Борис Савойский тем более не собирался сдавать свою семью. – Анна, конечно, поступила неправильно. Но, думаю, ее оправдают все. Анечка, ты же больше так не поступишь?

– Никогда! – уверенно пообещала Анна. – Если моих детей опять не захватят в заложники. Любая мать на моем месте поступит именно так. Прорвется хоть куда и будет умолять убить ее, а не детей. Разве нет?

– Разве да, – проворчал полковник.

Крыть было нечем.

Он не просто подозревал, он нюхом чуял, что Анна причастна. Но...

Доказательств не было. Никаких. Камеры и те подошли, разом и по всему центру. Кстати – их тоже словно поморозило. Запись не сохранилась нигде. И как так жить?

Надавить!

Не дадут. Вон в коридоре Яков Александрович ждет. И долго он там ждать не будет. Сейчас такую телегу накатает, что о звездочках только мечтать останется.

– Между прочим, – все же попробовал он еще раз, – репортеры ждут сенсаций...

Анна не испугалась. Этих зверушек она с Русины отлично и знала и дрессировала.

– Тогда мы можем идти? Если люди нас ждут?

Полковник бросил ручку на чистый бланк протокола:

– Идите. И подумайте как следует.

– Выйдите, пожалуйста. – Борис коснулся плеча Анны. – Я на секунду задержусь.

Анна послушно взяла за руки детей и вышла. Савойский повернулся к другу.

– Серега, я тебя предупреждаю. Если еще раз. Ты или кто-то другой. Полезете к моей семье... пеняй на себя.

Выглядел он так, что его стоило бы испугаться. Как опасной змеи. Полковник и испугался, но виду не показал.

– Боря, надо мной тоже начальство есть.

– Знаю. Но ты можешь сильно замять это дело. Скажем, моя жена по глупости ворвалась в здание, а вы – вслед за ней. И дело решилось штурмом.

– Не поверят...

– А ты напиши покрасивее. Не мне тебя учить. Террористы мертвы, своей цели ты добился... не путай сюда Анну. Не то...

Борис не договорил.

Повернулся и вышел. Умному – достаточно. А Сергей Рудов дураком не был никогда.

– Что вы скажете о случившемся в развлекательном центре?!

– Правда ли, что там были ваши дети?!

– Сколько там было террористов?!

– Вы пережили клиническую смерть?!

Вспышки били в глаза, словно солнце.

Анна на секунду остановилась, но потом мило улыбнулась.

С прессой надо общаться. Только говорить ровно столько, сколько надо тебе. Не им. Иначе... они все равно скажут. Только придумают, переврут...

Женщина подняла вверх руку, останавливая вопросы.

– То... – чуть не сказала – торы. – Товарищи, прошу вас, секундочку внимания. Сначала я расскажу вам, что именно произошло, а потом, если захотите, вы зададите свои вопросы.

Товарищи прониклись и заткнулись.

Анна улыбнулась еще очаровательнее, не обращая внимания ни на растрепанные волосы, ни на порванное платье. Не важно!

Здесь купальники бывают более откровенными.

– Сегодня я узнала, что наши дети попали в заложники. По страшному стечению обстоятельств мы с мужем ненадолго оставили их в развлекательном центре. Мне понадобилось в аптеку за таблетками от головной боли, и пришлось выйти. Муж пошел со мной, чтобы я не упала в обморок. И мы узнали... казалось бы – пять минут. И так все поменялось! Мы бросились обратно, но нас, конечно, не пропустили к детям. Даже к центру. Муж решил поговорить с полицейскими, а я... я не выдержала. Я взяла ключи – и на джипе влетела прямо в развлекательный центр.

Репортеры закивали.

Знают.

Искалеченный джип, кстати, как раз вытягивали из дверей. И похоже было, что это – не страховой случай. Хорошо еще, если хозяева центра не попросят возмещения за искореженный вход.

– Надеюсь, вы меня поймете, я была... в отчаянии.

И снова кивки. Если найдется хоть один «непонимающий», его коллеги сами фотоаппаратами забьют.

– Я влетела в центр, а там были дети. И террористы. Я хотела попросить, чтобы они отпустили моих детей, чтобы лучше убили меня

вместо них, сделала пару шагов – и упала. Врач сказал, гипертонический криз. Наверное, сосуды не выдержали.

– А потом? – не выдержал заодно и кто-то из репортеров.

– А потом я очнулась – и террористы мертвые, – распахнула глаза Анна. – Наверное, наша полиция воспользовалась случаем и просто перестреляла их.

– А говорят, они все замерзшие были? – влез кто-то из репортеров.

– Я не могу сказать ничего определенного, – развела руками Анна. – Если бы я не упала, было бы проще. А я пропустила все самое интересное. Увы...

– Но заморозка?

– Может, их жидким азотом облили? – Борис вывернулся из двери и подхватил Анну под руку. – У вас по химии что было, молодой человек?

Судя по круглым глазам репортера – тройка. Из жалости.

– Я не знаю, что придумали наши спецслужбы, но не сомневаюсь в их эффективности, – отрезал Борис. – А теперь – с дороги!

Пресса послушно расступилась.

Остановился перед крыльцом «Мерседес». Второй, тот, что не джип, а легковой автомобиль, седан. Роман распахнул двери и помог семье Савойских погрузиться. А потом стартовал домой с провизгом шин. Кажется, штрафы ему придут. Но... наплевать!

И всем остальным – тоже.

На заднем сиденье четверо человек крепко прижались друг к другу, не разбираясь, кто и где. И спать они сегодня будут так же. И еще долго Анна будет вздрагивать и бояться оставлять детей одних. А Борис потихоньку приставит к своим родным охрану.

Страшно терять любимых.

* * *

Дома...

В дом они войти и не успели.

Вылетела во двор Роза Ильинична, вылетели во двор горничные, да и Роман не выдержал. Тоже обнял малышню. В результате весь клубок рук-ног-голов оказался на газоне.

Кот по имени Сталин вспрыгнул на скамеечку и полюбовался сверху.

Хороши!

Да, сложно быть человеком, очень сложно. Вот коты точно знают, что все закончится хорошо. А люди... люди не знают.

А Смайлик мог сразу сказать, что уверен в своей хозяйке. И что она тех крыс передавит...

Он же кот!

Он знает, кого коснулось дыхание богини.

Просто коты умные. И они лишний раз промолчат.

А сколько слез-то! Сколько слез... пописать, что ли, еще сверху? Кот подумал над этой идеей, но потом решил не тратить ценную жидкость на людей и пошел метить столбик у ворот. Это же его люди и его территория. И пусть все об этом знают.

А люди все пытались расцепиться. Хотя и не слишком охотно. Как-то... спокойнее им, может, было? Вместе...

Они живы, они рядом, все обошлось, никто не умер...

Борис выпутался первым. И громко объявил:

– Сегодня празднуем! Гуляй, народ! Ромка, тащи бутылки, сегодня ты с нами примешь! Хочешь – жену сюда вызови, пусть приезжает! Тетя Роза, девочки, не стесняйтесь! Танцуют – все!

Никто и не стеснялся. Анна и Кира помогали на кухне, что нарезаю, что раскладывая, Гошка таскал тарелки на стол, и в какой-то момент Кира взяла Анну за руку.

– Мама... так можно?

И получила в ответ крепкий поцелуй в нос.

– Конечно, дочка. Всегда можно.

Всхлипнула и уткнулась Анне в плечо.

– Я так... так испугалась.

– Я тоже.

– Мамочка...

* * *

Поздно вечером, когда все разошлись по комнатам, и кто спал, кто уже собирался, когда Гошку, сопящего в обнимку со Смайликом,

перенесли в кровать, Кира атаковала родителей.

– Мама, а все-таки? Кто такие Вороновы?

– Это моя фамилия, – спокойно ответила Анна.

– А почему великая княжна?

– Кто?

Тут уж и Борис удивился.

Анна на секунду прикрыла глаза. А потом решилась.

– Я понимаю, это звучит фантастически. Но... Боря, если мы и правда женимся, ты должен об этом знать. Дело в том, что мой прадед... он был – Романов. Не просто. Та самая семья Романовых.

– Серьезно? – не удивился Боря. – Царская семья?

А чего удивляться? Чувствовал же он в Анне нечто такое... порода проснулась. Или кровь заговорила, кто ж ее знает? Вот и объяснение.

– Один из моих предков был бастардом великой княжны. Из последних Романовых.

– Вот черт!

– Да, Боря. Но это было давно, и следы бумаг уже истлели. Мы – Вороновы. Но... в нашем роду есть одна способность. Далеко не у каждого она проявляется. И по наследству может не передаваться. Гошке точно ничего не досталось. А мне – вот...

– Какая? – Глаза Киры горели откровенным любопытством.

– Я действительно убила террористов. И готова была заплатить за это жизнью.

– Мама!

– Иначе никак, Киреныш. Отнимая чужую жизнь – платишь своей. Я изначально знала, что не выйду живой из центра. Что убью их и сама лягу рядом. Но готова была заплатить эту цену за ваши жизни.

Кира хлопнула носом.

– Мама...

Борис задумался:

– А сейчас? Если еще раз?

– Один раз в жизни. И не у всех. И только оплатив чужие жизни – своей.

Сказано было вполне доходчиво.

– А почему ты выжила? – Кире было просто интересно.

Анна качнула головой:

– Поверь, я и за это свою цену заплачу. Иногда боги... милосердны.

– Они – есть?

Анна кивнула:

– Есть. И больше не спрашивай, Киреныш. Не надо. Чудо не стоит разглядывать, чтобы его обратно не забрали.

Савойский подумал еще секунду, а потом плюнул да и сгреб любимую в охапку. Экстрасенсорика там или еще что... да какая разница? Она здесь, она рядом с ним, она есть...

И вот это качество...

Она ведь и за Киру своей жизнью заплатила.

– Поэтому ты и просила прощения?

– Да. Я знала, что не вернусь. Но что еще оставалось делать?

– Ничего, – признал Боря. – Только давайте никому об этом не говорить. Поняла, мелкая?

– Папс! Ты чё?!

– Через плечо. Не хочешь лишиться матери – сиди тихо. А то запрут и будут размножать. Пока подходящего потомка не получат! Это ж какие перспективы! Один раз зашел в администрацию, один вышел.

– Не вышел, – нахмурилась Анна. – Два раза меня не помилуют.

– Придумают, как культивировать. Или будут размножать дальше, – отмахнулся Боря. – Так что молчим и молчим. Все поняли?

Женщины согласно кивнули. Кот, который обожравшись, лежал на спинке дивана, тоже кивнул.

Зачем болтать? Лучше колбаску кушать... правда, сейчас уже не влезает, но он минут через десять попробует. Проведет эксперимент. Котики – они безразмерные, когда дело касается покушать.

– Поняли. Папс, а вы когда потомком озаботитесь?

– В любой момент. Как Аня согласится.

– А она согласна, – даже не стала сомневаться Кира.

Анна кивнула:

– Согласна. Даже на двоих или троих.

– Счастье мое! – Борис сгреб ее в охапку. И подумал, что начинать надо уже сегодня. А то вдруг сразу не получится? А хочется...

Как же ему повезло!

Спасибо тебе, Господи!

На миг, только на миг Борису словно бы смешок послышался. И холодом повеяло. Но он оглянулся и подумал, что ему показалось.

И сова за окном пролетела. Кажется...

А, какая разница! Пусть и сове тоже повезет!

Яна, Русина

Нет, ну так мы не договаривались!

Яна почувствовала себя откровенно несчастной. Вот так, оказывается, тоже бывает.

Выходишь ты, как приличный человек, из ворот Кремля, а к тебе кидается толпа. И все с какими-то нехорошими намерениями... то ли обнять, то ли поцеловать, то ли еще чего... а вдруг укусят?

– Матушка!!!

– Анператрица наша!!!

– Родненькая! Спасительница!!!

Яна усилием воли задавила желание запрыгнуть на руки к Тигру и сделать вид, что ее тут не стояло. Пусть унесет! И подальше, подальше...

Народ захлестывал, и казалось – сейчас ее растопчут...

Спасение пришло неожиданно. Громко и отчетливо зазвонил колокол. Люди на миг остановились, и жом Тигр этим воспользовался.

– Все – по домам! Живы, здоровы – не задерживайтесь! Обещаю, императрица никуда не денется!

– Да, посмотрите еще, еще и надоем, – поддержала Яна, которая начала себя чувствовать более уверенно. – Не переживайте! Взрыва не будет, все живы, официальная власть возвращается. Пока еще на улицах будут патрули, но я верю – все образуется! И обещаю вас никогда не предавать.

Люди слушали.

И... и верили.

Это Петер, как чуть что, отрекся от престола, собирался в другую страну удрать... ну и поделом ему! А императрица у них, кажись, настоящая. Пошла одна, к Пламенному, только чтоб тот ничего не взорвал! А ведь сколько б людей-то полегло!

Уйма!

А ведь могла и отказаться. Приказала бы штурмовать, да и все. Ее отец так бы сделал. Ее дядя. Даже ее дед.

А она пришла. И жизнью рисковала, не говоря уж обо всем остальном.

Люди оценили. И когда Яна закончила свою речь, расходились более-менее спокойно. Действительно, чего они напали на ее величество? Пусть хоть отдохнет, бедолажная. Небось тоже перенервничала.

Из дворца выносили трупы и складывали под стеной Кремля. Яна бросила взгляд, подошла поближе, кивнула на тело Ильи Алексеева.

– Отделить. Похоронить как положено. Камень поставить, имя написать.

Честно говоря, ей было наплевать на Алексеева. Но Гошка!

Это – его отец. Хороший, или плохой, умный, или глупый... это был его отец. И Яна его убила.

Не хотела. Но точечное наведение в подарке Хеллы было не предусмотрено.

– А его высочество?

Яна посмотрела на тело Мишеля. И тоже не засомневалась.

– Закопать за оградой кладбища. Отцеубийца лучшего не заслуживает.

– Ваше величество!!!

На площадь верхом на гнедом (непорядок, отклонение от канона) коне ворвался Валежный. Спрыгнул с коня, подлетел к Яне, схватил за плечи, вгляделся в бледное личико.

– В порядке?!

Тигр даже не рассердился. Понятно же, человек беспокоился. Он бы тоже... Да и Яна не сердилась. Она улыбалась, а потом поднялась на цыпочки и поцеловала Валежного в щеку.

При всех!

Нет, это уже перебор! Хватило б ему и ордена!

– Все в порядке, тор генерал. Честное слово.

– Со мной врач...

– Я пока обойдусь. Могло быть хуже, но жом Тигр сделал все возможное, чтобы оказать мне помощь. Даже на корону согласился, – хитро улыбнулась Яна.

Валежный хмуро посмотрел на Тигра.

– Вы не передумали? Тора Яна?

Яна кивнула.

– Во имя Русины! Во имя правого дела! Ну... и просто я его люблю.

Тигр расслабился и даже попробовал улыбнуться.

Валежный невольно фыркнул.

– Удачный выбор, тора Яна. Когда гулять будем?

– Дня через три, – подумав, прикинула Яна. – А то мало ли...

Валежный поднял брови, и императрица преспокойно объяснила:

– Мы собираемся работать над престолонаследником. Активно. Поэтому с браком тянуть нельзя.

Мужчины переглянулись. И глаза у них были одинаково большими и круглыми.

Вот ведь... женщины!

– Однако! Поздравляю!

Митя подкрался незаметно. И сгреб Яну в охапку. Тоже на виду у всех.

– Поставь на место, изверг в ромашках! – взвизгнула Яна.

– И не подумаю! Я так рад, что все обошлось! И мне не придется беседовать с некоторыми полосатыми!

– О чем беседовать? – насторожился Тигр.

– Ну как... передавать, что ее величество вас очень любит, но другого выхода у нее, натурально, нет. Поэтому она с того света будет за вас молиться.

– Ах ты гад! – расвирепела Яна. Но от пинка Митя увернулся, а потом и вовсе передал возмущенную женщину едва ли не на руки жому Тигру.

– Приличные императрицы не пинаются! Нет такого в законах империи!

И удрал, хохоча во всю глотку.

Вот ведь... террорист!

* * *

Поздно вечером жом Тигр валялся на кровати, как тигриная шкура. Выжатый до предела.

Но дово-ольный...

Яна сопела у него на плече. Ладно, ладно, тихонько посапывала.

Ничего у них не было, окститесь, любители романтики! Какая тут любовь? Хоть пару поцелуев урвали...

А когда бы?

Пока одно, пока другое, пока Кремль разминировали, Пламенный, сволочь, туда столько взрывчатки запихал, полстолицы бы накрыло...

Потом искали общий язык с Валежным, потом было кратенькое выступление императрицы на центральной площади... Вот объясните кто-нибудь?

Чем Яне не угодил постамент из-под памятника?

Почему она попросила броневик?

Но ладно! Императрица же. А военной техники в городе хватало.

Подогнали броневик, Яна влезла на него и громким голосом разъяснила основные тезисы.

Что орать и бегать не надо.

Что законная власть вернулась и нашла общий язык с освобожденцами. Поэтому спокойствие, только спокойствие.

Пока еще будет комендантский час и продукты по карточкам. Потом разберемся, приведем все в соответствие.

А тех, кто решит побунтовать или помародерить, – будем вешать. Можно за ноги, можно за шею, но точно на фонарях.

Война закончилась.

Ведите себя соответственно.

Яне, конечно, было далеко до харизмы Пламенного, но то, что она говорила, людей радовало. А это главное.

Потом еще разбирались с патрулированием, снабжением, с отрядами того же Никона и Пламенного, Факела и Броневого... да много чего было.

Сейчас у Тигра даже сил раздеться не осталось. Вообще.

Никаких.

Он аккуратно переложил голову Яны на подушку, но, видимо, недостаточно бережно действовал. Она тут же проснулась и посмотрела на него серьезными глазами.

– Сережа?

В романе Тигр сейчас обязательно бы поцеловал ее, и они занялись бы любовью. Но то в романах.

А в жизни...

– Хочешь чая? Горячего и с сахаром?

И на губах императрицы появилась совершенно мечтательная улыбка.

– А ложечку дубовика в него можно?

– Если пообещаешь не захмелеть и не начать храпеть.

– Нахал!

Тигр ухмыльнулся и направился к маленькому чайнику. Был у него в комнатах такой. И запас чая. И даже бутылка дубовика.

Спустя полчаса мужчина и женщина сидели друг напротив друга. Пили чай, смотрели, молчали...

Первым молчание нарушил Тигр:

– Яна...

Она усмехнулась:

– Сережа, если ты скажешь, что нам нужно серьезно поговорить...

– Но ведь и правда нужно? – поднял брови Тигр, ощущая себя персонажем тех самых романов.

– Да... до свадьбы стоило бы. Ты точно не хочешь сбежать?

Вот теперь Яна посерьезнела. Вопрос был нешуточным. Если мужчина тебя не хочет...

Понятно, ты можешь принести в приданое страну. Но ты-то сама – как?!

Тигр качнул головой:

– Не хочу. Яна, ты правда меня любишь?

Яна медленно кивнула головой:

– Да. Я не хотела, оно так получилось. Я не имела права тебя любить, но очень хотела остаться. Тогда, в Звенигороде. В поезде...

– Ты шла к сыну?

– Да. Откуда... ах да! Илья?

– Илья. Мне жаль...

– Илью? – удивилась Яна. – Не стоит. Я его не любила. Понимаешь... – Она помолчала, честно вспоминая Анины переживания. Пока еще можно. – Он был красивый, блестящий, умел танцевать и говорить комплименты... а мне хотелось свободы. Всегда хотелось свободы. Это был бунт против матери, отца, света... моя

тайная жизнь. Но я так и не знала Илью по-настоящему. А он не знал меня. Если бы мы поженились, или он бы меня убил, или я его.

Тигр перевел дух.

Вот теперь все объяснялось правильно.

Конечно, Илья просто не знал настоящую Анну.

Его Яну.

Княжне хотелось свободы, княжне хотелось жить... и – да! Возможно, у Яны как раз все силы уходили на то, чтобы скрыть и интригу, и беременность, и сына пристроить... вот тогда понятно, почему Илья ее не знал как следует.

– Илью... я рад, что он умер, – честно высказался Тигр. – Но твоего сына мне жалко.

Яна шкодно ухмыльнулась:

– Вот уж не стоит. Мой сын жив и здоров. Сейчас он в Герцогствах с доверенными людьми.

Тигр поднял брови:

– Ты всерьез?

– Вполне. Я выехала из Звенигорода, добралась до Алексеевки, там оказалось, что моего сына спас местный лесник... это долгая история. Я его искала, нашла, вывезла...

Мужчина перевел дух:

– Яна. Я рад.

– Я тоже рада, – честно сказала Яна. – Я только ради Гошки и ввязалась во все. Так бы я удрала из Русины, но случайно попала в Валежному. Ну и... у нас была сделка. Сын уезжает, я остаюсь. Думаю, какое-то время он поживет в Герцогствах, а чуть позднее я верну его домой.

Несколько секунд Тигр молчал. Потом вежливо уточнил:

– Ты хочешь, чтобы он правил Русиной?

Яна замотала головой.

– Нет, Сережа. Не хочу. Это страшная ноша. А еще... понимаешь, династия действительно должна поменяться. И править будут Михеевы-Вороновы. А Гошка... он будет верной опорой трона. Я знаю.

Тигр перевел дух.

Все же Яна молодец и умница. Отлично понимает, что и как должно быть. И с ней легко.

Боевая подруга. Вот уж, воистину...

– Ты хочешь от меня детей?

– Да. А ты попробуешь полюбить Гошку?

Тигр помолчал секунду. Прислушался к себе.

– Я постараюсь, Яна. Я знаю, легко нам не будет. Но я попробую. Я усыновлю его с радостью, если он захочет, и буду воспитывать, и учить, и беречь. Но смогу ли я полюбить? Не знаю... я никогда не имел дела с детьми.

– А меня ты любишь? – в свою очередь задала вопрос Яна.

Она видела.

Она знала.

Но ведь и услышать иногда хочется!

– Да. Я не думал, что это... что вот так. Но я люблю. – Тигра и самого удивляло это признание. – Я думал, что сдохну там... у твоего тела.

– Тело оказалось вполне живо. И оклемалось, – хохотнула Яна. И поймала серьезный взгляд зеленых глаз.

– Яна, что ЭТО было? Что ты сделала?

– С Пламенным?

– Да.

– Благословение богини. Хеллы. Мы ведь ее династия.

Тигр слегка поежился, вспоминая ощущение inferнальной жути.

Смерть тогда коснулась всех присутствующих.

– Это...

– Это бывает. Это проходит.

– Ты так могла, и когда мы встретились? – У мужчины невольно пробежал по спине холодок.

– Могла. Но... ты сам видел. Я умирала.

Признаваться в том, что полезное свойство утеряно, Яна не собиралась. Перебьется пока будущий супруг без исповеди.

– Ты умерла, – поправил Тигр. – И вернулась. Я понял...

– Вот. А что будет в следующий раз – и кто вернется вместо меня? – Яна пожала плечами. – Не знаю. Богини непредсказуемы.

Тигра передернуло.

– Не хотелось бы с ней столкнуться.

– Это будет после смерти. И советую не бояться. Хелла хорошая. Только немножко богиня. Тогда... в Зараеве, нас убивали, ты

правильно все понял. И нас убили. А Хелла помогла мне. Она меня вернула, она предложила с ней расплатиться... и я свой счет оплатила. Надеюсь. Что она потребует в следующий раз и кого заберет, я не знаю. И выяснять не хотелось бы.

Тигру тоже не хотелось.

– Я могу как-то сказать ей спасибо?

– Я скажу, – кивнула Яна. – За двоих. Пойдем спать?

Тигр приподнял бровь, но женщина качнула головой.

– Сегодня – спать. Вот завтра, если захочешь, можем проснуться пораньше. А сейчас я устала и ни на что не годна.

– Ладно, – фыркнул Тигр, поднимаясь из кресла и протягивая руку невесте. – Не буду тебе доказывать обратное. Пойдем спать, солнышко мое императорское. А о наследниках мы с тобой подумаем. Но не сегодня. Завтра-послезавтра.

– Согласна, – махнула рукой Яна. – И подумаем, и поделаем...

Вложила свою ладонь в пальцы жениха и отправилась спать.

Действительно, надо бы завтра попробовать проснуться пораньше. А сегодня – отдыхать! Ее не каждый день убивают.

Безвременье

Хелла смотрела на несколько душ, стоящих перед ней.

Улыбалась.

Да так, что каннибалы, увидев эту улыбку, заплакали бы горькими слезами и отправились перекрещиваться в миссионеры-вегетарианцы.

Души недержанием не страдали, так что полы в ледяных чертогах оставались чистыми. Пока...

Хелла поманила к себе жома Пламенного.

– Властолюбие в чистом виде. Мстительность, жестокость, расчетливость... хм. Будь ты женщиной, цены бы тебе не было.

Пламенного затрясло.

Хелла ухмыльнулась еще кровожаднее.

– Вот этим и займемся. Пары перерождений тебе хватит. В первом постоишь деревом, наберешься мудрости. Во втором зайчиком побегаешь, почувствуешь свою беспомощность и уязвимость. А там,

глядишь, и в женское тело можно. И память я тебе оставлю. И в первом и во втором перерождении. Все помнить будешь.

Душа попыталась что-то сказать, взмолиться, но было безнадежно поздно. Хелла занялась остальными.

Никон с визгом и треском улетел в крестьянскую водовозную клячу.

Свобода, говоришь?

Анархия?

Вот так: свобода одного начинается там, где заканчивается свобода другого.

С остальными павшими Хелла разобралась столь же безжалостно. Хороший, конечно, материал. Жаль, Яна больше не пришлет... ну да ничего! Скоро у нее сын появится, вырастет, а там и по Русине храмы Хеллы поставят, в этом богиня не сомневалась.

Она приглядит за девушками, на всякий случай.

Ее жриц обижать никому не позволено. Подарок она им больше сделать не сможет, а вот свое благословение пошлет.

С теми, кто пожелает зла Анне или Яне, будут происходить разные... случаи. Не слишком счастливые.

Пожелал умереть – сам в землю ляжешь. Пожелал сломать ногу – так сам переломаешь, все свои четыре ноги. Это Хелла могла. И сделает.

И посмотрит, что будет дальше. Сейчас у нее хватит на это сил. И на многое другое хватит, только куда спешить?

Она – богиня. Впереди у нее вечность...

<i>Анна, Россия</i>

– Согласны ли вы...

– Согласна.

– Согласны ли вы...

– Согласен.

– Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать...

Окончание фразы Борис даже не дослушал. Он был как в тумане. Розовом, счастливом...

С Анной они решили пожениться на следующий день. Пошли в ЗАГС со специальным разрешением (американский президент в конверте называется), и мгновенно нашлось для них время. И силы нашлись, и место, и вообще, весь ЗАГС был в восторге, что к ним такие люди заглянули!

Анна светилась от счастья.

Кира рядом.

Гошка рядом.

Отец приехать не успел, но она ему честно позвонила с утра и объяснила ситуацию. Получила обещание приехать в ближайшее же время и едва не расплакалась. А вот у Розы Ильиничны глаза точно были на мокром месте.

– Как бы Риточка была счастлива! Как она была бы довольна... Анечка, вы еще деток заведите, пожалуйста! А если девочка родится...

– То мы назовем ее в честь мамы Бориса, – согласилась Анна. На этот счет никаких уговоров с Хеллой не было.

И вот они все стояли в ЗАГСе. И получали на руки свидетельство о браке.

И все было просто замечательно...

Анна понимала: она сделала правильный выбор. Когда согласилась на предложение Хеллы, когда решилась ответить любовью на любовь, когда отказалась от предложения Грозовика...

Она назовет второго... ладно, получится уже третьего сына – Глебом. И отдаст свои долги. Но как же она счастлива! Здесь и сейчас счастлива...

Что нужно еще сделать?

Нужно...

Обязательно надо съездить в монастырь. Но это потом, потом...

– А это мой вам подарок на свадьбу!

– Яков Александрович! – от души обрадовалась Анна.

– Вот, деточка, посмотрите. Сначала эту папочку, а потом и вторую...

Анна послушно открыла верхнюю.

Когда они это успели?

Как?!

Анна не знала, но у нее на руках были документы о признании ее наследницей первой очереди. То есть наследник – Гошка, а она

числилась опекуном. В наследство, которое исчислялось семизначной цифрой и не в рублях, они вступят через несколько месяцев.

А вторая?

А вторая была еще интереснее.

Бумаги на усыновление.

Был Георгий Петрович? Станет Георгий Борисович. Савойский, понятно! Осталось только Анины подписи поставить – и можно оформлять.

Яков Александрович подмигнул девушке.

– Анечка, чего тут плакать? Радоваться надо!

– Я радуюсь, – всхлипнула Аня.

И кинулась на шею мужу. Да, уже мужу.

– Боря, спасибо тебе!!! Я обещаю, ты никогда о своем решении не пожалеешь!

– Анечка, родная... разве можно жалеть о счастье?

Нельзя. Даже если оно пройдет – не стоит о нем жалеть. Ведь оно было в твоей жизни – и это главное. И Анна крепко поцеловала своего мужа, словно ставя подпись на документе.

Все у них будет хорошо!

Яна, Русина

– Стоять, козел!!!

Бах!

Бах!

БАБАХ!!!

– Вернись, я тебя еще не убила!!!

Разъяренную хуже всякого хищника Яну перехватил жом Тигр.

– Солнышко, успокойся! Что случилось?!

Яна так сверкнула глазами, что он на всякий случай не полез целоваться. Укусит еще... больно.

– Что случилось?! А ты знаешь, на ком этот гад собирается жениться?!

«Гад» выглядывал из-за угла.

Насмотревшись на Яну, он ожидал примерно такой реакции и был рад, что вовремя удрал. В гроб Урагану пока не хотелось.

А вот к Иде, в Герцогства, хотелось.

Но...

По правилам, руки Иды надо попросить у ее старшей сестры. Вот он и пошел просить. Честно сознаваться во всем случившемся. Так и так, люблю, женюсь.

И...

И едва не poleg. Когда Яна в ответ на его признание, молча вытащила из кобуры револьвер. Хорошо еще, патроны в нем кончились.

Яна тем временем прочитала ответ в глазах Тигра – и крепко наступила тому на ногу.

– А ну, пусти! Ты тоже все знал, да?!

– Знал, – не стал отказываться император. – Ураган мне сказал. И я его решение одобрил.

– Серьезно?!

– Да. Они друг друга любят, и Костя сможет уберечь твою сестру от любых проблем. Ты сама понимаешь, она более мягкая и спокойная. Ей муж нужен не абы какой...

Пальцы у него болели, и сильно. Но сапог спас ногу от перелома.

Яна задумалась.

Вот с этим сложно было спорить. Действительно, она-то от кого угодно отобьется. И кому угодно что угодно отобьет.

А Ида?

Мягкая, даже излишне мягкая, не привыкшая к свободе, не... она даже стрелять толком не умеет! Надо будет заняться образованием сестрички...

Ураган выглянул из-за угла.

Понял, что гроза более-менее миновала, и решился подойти поближе. Но далеко от угла не отходил. Так оно спокойнее на душе.

– Я не знал, кто такая тора Ида. Не знал, ни когда знакомился, ни когда полюбил... это уже потом. Здесь, в Русине, мне показали ваш портрет.

Яна чуточку смягчилась, но не сильно.

– Ей даже двадцати нет! У вас разница в возрасте – в два раза!

– И что? Я обещаю любить ее и беречь. А молодняку еще поумнеть надо!

Яна невольно фыркнула.

Ну да. Тот же Алексеев умом не больно-то отличался. Зато какая статья, какая прыть... ах, как приятно ближнего любить!^[27]

– Ладно, – кивнула Яна. – Тогда сделаем так. Отправляйтесь в Герцогства. Находите там мою сестренку и моего сына, привозите всех сюда. Здесь и свадьбу сыграем.

– А...

Свадьбу играть в Русине Урагану не хотелось. Куда как приятнее было бы явиться уже женатым. И спокойнее.

Яна погрозила ему пальцем.

– Все понимаю. Но свадьба – здесь. Страна нуждается в праздниках.

Сама она обвенчалась сегодня с утра.

Епископ светился аки красное солнышко. И не собирался напоминать императрице об их споре. Не придется ее отпевать, и слава Творцу! Свадьбы играть куда как приятнее...

А еще звенели колокола. Особенно один.

Тот самый, который так хотел снести Пламенный.

Царь-колокол.

Яна приказала отреставрировать колокольную. Но к колоколу не лезть без надобности. Пусть его...

И колокол звенел.

Без звонаря, просто раскачиваясь в воздухе. И вторили ему другие колокола Звенигорода, и радовались люди. Все приходило в норму.

Вернулась императрица, и больше не будет страха за себя и свою семью. Не будет погромов, не будет шаек бандитов на улицах, не будет голода...

В Русину возвращались мир и порядок.

Яна понимала, что от нее ожидают очень многого. Но... во-первых, выбора все равно нет. А во-вторых, если не делать, то и не сделается. А вот если делать...

Тут как с экзаменом. Если учить все в последнюю ночь – озвереешь. А если по одной странице в день, то и неплохо получается. И к сессии готовишься заранее.

– Обещаю, – понурился Ураган.

– А мне с ним можно?

Митя был легок на помине, что та нечисть. Вышел из-за угла, руки в брюки, даже насвистывает...

Яна подумала – и кивнула.

– А и катись, Ромашкин! Но – возвращайся!

– Обещаю... Ваше величество, а еще одной сестрички у вас нет?

– Были, – помрачнела Яна.

– Вот... не повезло! – И Митя смылся, понимая, что зацепил больную тему.

– Женю, – мрачно пообещала ему вслед Яна.

– Меня нельзя, я в это место раненный, – донеслось из-за угла. – Ай! Тор генерал, нельзя меня бить! Даже если очень хочется! Я за правое дело раненный!

Валежный, который отвесил Мите отеческий подзатыльник (чисто символический), с предложением Яны согласился. И даже дал Урагану сопровождение.

Пусть еще и с купцом поговорят.

Что там с зерном, что с закупками... Кстати, тут к вам, ваше величество, послы.

Пускать?

Яна переглянулась с Тигром. И супруги в один голос велели:

– По одному! И начните с Лионесса.

Валежный ухмыльнулся и отправился распоряжаться. Да... это не Петер! Интересно, а у него, генерала, нет сейчас дела поблизости от кабинета императора?

Очень хочется посмотреть, какими оттуда послы вылетят!

* * *

Тор Дрейл был бледен.

Так-то и не поймешь сразу, что волнуется. Весь приглаженный, прилизанный, лощеный и холеный. Но – бледный. И на Яну смотрит как черт на ладан.

– Ваше императорское величество...

Яна сразу подняла руку.

– Тор Дрейл, мой супруг пока не коронован, но по всем вопросам начинайте обращаться к нему. Венчание состоялось, коронацию проведем в ближайшее время.

Жом Тигр мило улыбнулся. Яна залюбовалась.

Вот как у него это получается?

Милый, спокойный, уютный... расслабленный даже вид! И такой людоедский оскал!

Дано, дано человеку! Талант свыше!

Тор Дрейл побледнел еще больше.

– Ваше импера... Ваше величество! Я счастлив поздравить вас и вашу очаровательную супругу...

Судя по тому, как он сбился, счастья там не было. А вот нервишки шалили.

Тигр выслушал все до конца, милостиво покивал и уточнил:

– Так какой у вас вопрос?

– Э-э-э-э... хотелось бы узнать у ее императорского величества по поводу кораблей...

– Я напишу тетушке Элоизе, – отрезала Яна.

– Буду счастлив помочь вашему императорскому величеству, если необходимо отправить письмо...

Яна тоже покивала.

– Замечательно. Кстати, тор Дрейл, некто жом Алоиз Зарайский вам приветы передает. Утверждает – вот нахал! – что вы его наняли для фальсификации...

– Врет!!! Ваше императорское величество, я даже не знаю, кто это такой...

Яна усмехалась.

– Врет, конечно. Как же ему не врать? Работа у негодая такая... Тор Дрейл, вы не переживайте так. Отношения у нас с Лионессом не испортятся, мы ж не звери, все понимаем. Политика...

Тор Дрейл не выглядел утешенным.

– Я должен вас заверить, ваше императорское величество, что Лионесс всегда питал и продолжает питать самые дружеские чувства по отношению к Русине!

Яна кивнула.

Подумала и кивнула еще раз.

– Даже не сомневаюсь. И жду возможности доказать ваши слова.

Это посла тоже не обрадовало.

Когда бледный лионессец вышел, тщетно пытаясь усмирить подергивающееся веко, жом Тигр даже головой покачал.

– Яна, радость моя, дипломат из тебя...

– Как из пулемета – мочалка. Я понимаю.

– Поэтому, если ты не возражаешь... сегодня – ладно. Сегодня они все съедят. А так с послами в основном буду общаться я.

– И правильно, – кивнула женщина. – У меня будут другие задачи.

– Какие?

– Что значит – какие? Буду получать экономическое образование.

– Зачем?!

– Так раскрадут же все, чихнуть не успеем! – уверенно высказалась Яна. – Бывают чиновники, которые не воруют?

– Никогда, – так же уверенно согласился Тигр. – Хорошо, я буду только рад. Ненавижу всю эту финансовую документацию, хоть и приходилось.

– Вот... На тебе политика, на мне экономика, лучше Валежного с войском никто не справится...

– Валежный мне еще ответит за эту холеру, которую во дворец запустил, – проворчал Тигр без особой злобы.

– Ты про Митю?

– Про него.

– Ничего, – махнула рукой Яна. – Мы его еще приспособим к делу. Тигр в этом явно сомневался, но спорить не стал. Дело?

К которому можно приспособить диверсанта?

Хотя... а не послать ли нам... посла?

Кстати, кто там следующий? Борхумец?

Пусть заходит!

* * *

К вечеру Яна чувствовала себя выжатым лимоном.

И это еще хорошо, что в стране военное положение. Валежный посоветовал объявить. А то светская жизнь – такая холера! Сейчас начнется... дамы, господа, балы, красотки...

Яна решила, что военное положение продлится подольше.

Двор возвращать?

Да в стране такой голяк, что скоро ворье на бедность подавать будет. Влезет так вор в казну, заплачет с горя и горку мелочи в углу оставит.

Платья, балы, побрякушки?!

Да вы об угол треснулись, торы и жомы?!

Этот вопрос Яна и задала во всеуслышание первому же журналисту, который к ней полез (вот ведь... порода! И не выведешь!). С ума вы, что ли, спрыгнули?

Отстраивать разрушенное, восстанавливать сожженное, закупать зерно, строить больницы, школы, детские сады, детские дома, да... сколько детей осталось сейчас без родителей? Страшно подумать!

А вы мне про балы?

Да я из мундира не вылезу, пока страна в порядок не придет!

Репортеры оценили.

Народ тоже. А работы все равно был непочатый край. И расстрельные приговоры подписывать приходилось. И Яна, когда никто не видел, тихо шептала: «Тебе, Хелла». А вдруг дойдет?

Коронацию тоже провели очень камерно.

Собственно, что включает в себя коронация?

Собор. Это есть. В Кремле и устроим. Туда не все поместятся, конечно, кто захочет, но – какая разница? И так сойдет!

Что входит в церемонию?

Пройти по проходу, выслушать наставления, ответить на ритуальные вопросы. Получить масло на лоб, корону на голову, прослушать богослужение. Потом проход по городу и гулянка.

А основная часть коронации начинается ночью.

Одна ночь, проведенная в храме Хеллы. Яна подозревала, что она не нужна, Хелла и так преотлично в курсе, но – почему нет?

Празднества решили не устраивать, торжеств не проводить – к чему? И на какие, простите, шиши?

Все ограничится церемонией в храме и ночью.

Тигр был согласен. Ему вся эта помпезность тоже поперек горла стояла. И работы – не продохнешь! Ни к чему! Хотя было и немного страшновато.

Боги, богини – это все чушь и бабкины сказки. Это понятно. Но не когда на глазах у тебя от пары слов помирают несколько десятков совершенно здоровых мужчин. Вот и становится как-то... жутковато.

Так не понравилась богине – и конец.

И концов-то не найдут!

Он лично попросил вскрыть нескольких мертвецов, причина смерти – замерзли! Кому расскажи!

Летом, в Звенигороде, среди бела дня...

Слухи, конечно, пошли. Но точно никто ничего не знал, Яна помалкивала, да и присутствовавшие тогда в зале... нет, никого на рассказы не тянуло. Может, лет через двадцать, когда чуточку изгладится память о мертвящем холоде? Или мемуары написать...

А пока можно и попользоваться.

К примеру, аккуратно распускать слухи. Пусть его супругу побаиваются, меньше проблем будет.

Его супругу.

Императрицу.

И жом Тигр довольно улыбнулся. Оказывается, в народных сказках есть какая-то истина? Это когда Иван крестьянский сын на царство садится?

Есть...

И пометить себе. Наладить книгопечатание. Чтобы побольше, побольше, и грамотность...

Судьба, видимо, такая крестьянская. Пахать! А в поле или на троне – это уже детали.

Пахать! И сеять разумное, доброе, вечное...

А там посмотрим, что прорастет.

Ида, Свободные герцогства

Скандал с тором Рессалем вышел жуткий.

А вот последствия не просчитали brave молодцы. Не до конца.

Оно и понятно, откуда ж им такое о высшем свете знать?

А принцип прост.

Можно – все. Но втайне. Втихорца. А если уж попался, срочно подтверждай, что ты законопослушный, благополучный и правильной ориентации. И семья у тебя есть. Даже две.

Вот это и с Армандо потребовали.

Подумал тор Рессаль и решил просто.

Если Ида виновата... вот пусть она за него замуж и выходит! И убьет он сразу с десятков зайцев! И понравившуюся девушку получит, и

вообще, она во всем виновата, пусть она и исправляет, и все же тора, и из Русины, то есть заступиться за нее некому...

Да и кто б за него замуж вышел после такого скандала? Никто и никогда! В ближайшие года три точно, да и потом, скандал хоть и подзабудется, но кому надо – те и найдут и напомним.

Женюсь!

Вот и шел тор Рессаль с большим букетом, к дому прекрасной дамы.

Согласится ли Ида? Конечно, согласится! Куда она денется?

Лучше добровольно, но если что, у Армандо и аргумент есть. Серьезный... и собака не поможет!

Дверь открыла все та же толстая тетка.

– Добрый день, тор.

– Добрый. Тора Ида дома?

Ида действительно была сегодня дома. Даже княжнам выходные полагаются.

– Прощу вас подождать минутку, я доложу.

Армандо послушно подождал. Потом толстуха вернулась, и он прошел в гостиную.

В гостиной было полно народа.

Сидела сама Ида.

Сидел какой-то здоровущий мужик, явно из крестьян.

Возились на полу трое детей. Четвертый что-то сосредоточенно собирал из дерева.

– Тора Ида, мое почтение.

– Тор Рессаль, – без особого восторга пробормотала Ида.

Армандо подошел и приложился к нежной ручке. Почувствовал запах карболки и внутренне поморщился.

Развлечение для торы! Как же!

Заберет он ее из госпиталя! И близко подходить не разрешит! Его жена таким заниматься точно не будет!

– Тора Ида, я прошу вас уделить мне несколько минут вашего времени. Нам очень надо поговорить.

– Слушаю вас, тор.

– Наедине.

Ида поморщилась.

– От моих родных у меня нет секретов.

Армандо окинул «родных» презрительным взглядом, но пока высказываться не стал.

– Тора Ида, от ваших *родных* есть секреты у меня.

Ида вздохнула:

– Ладно. Тор Рессаль, мы можем поговорить в кабинете. Прошу вас.

Кабинете?

Что ж, так тоже неплохо, никто не помешает.

Армандо направился вслед за Идой и Полканом, и не услышал, как звякнул колокольчик.

Ида услышала, но решила, что с посетителями без нее разберутся. А ей сейчас главное вот этого выставить. Мало ему, что ли?! За добавкой пришел?

* * *

Кабинет у Иды оказался чем-то средним между процедурным кабинетом и библиотекой. Стопками лежали книги, валялись медицинские журналы, кое-где проблескивали инструменты, на столе – тетрадка. Ида упорно учила анатомию...

Рисунки?

Тоже были. Внутренних органов.

Армандо замутило от отвращения.

Ида уселась за стол и вопросительно посмотрела на него.

– Слушаю вас, тор Рессаль?

– Ида... Я люблю вас. И прошу стать моей женой.

Блеснуло извлеченное из кармана кольцо. Золото, бриллиант...

Ида подняла брови:

– Тор Рессаль, вы заговариваетесь?

Армандо понял, что легко и приятно не будет, и разозлился.

На Иду, конечно. Вот что должны сделать приличные торы, получив предложение?

Упасть в обморок и очнуться на руках у почти мужа, заплакать от счастья, кинуться на шею... эта тоже выглядит так, словно сейчас кинется.

Чем-то тяжелым.

– Ида, поймите меня правильно. Я полюбил вас почти что с первой встречи! И готов пойти против всех – ради вас!

Женщины любят такие красивые слова. Надо только побольше их набросать...

Ида молча слушала. И про глаза словно звезды, и про улыбку ярче солнца, и про отчаяние влюбленного. А потом коротко и четко подвела итог:

– Кольцо в руки и вон отсюда.

– ИДА!!!

– Полкан?

– Р-ры, – вежливо отозвался пес.

– ИДА!!! – вовсе уж отчаянно возопил Армандо. – НО ПОЧЕМУ?!

– Потому что я люблю другого, – просто ответила девушка. – Он сейчас в Русине, но...

– Уже приехал, – слышалось от входа.

В дверях стоял жом Ураган. И улыбался не менее дружелюбно, чем Тигр.

И было, было отчего!

Он тут приехал! Все препятствия преодолел! Даже с императрицей договорился.

И у него отбивают невесту?!

И кто?!

Какой-то петух ламермурский!

Да Костя его сейчас на вертел! И не ощипывая!

– КОСТЯ!!!

Ида взвизгнула так, что Полкан едва ухо лапой не закрыл. И вылетела из-за стола. Кинулась Урагану на шею, прижалась.

– Костенька, живой, приехал!!!

И как тут было не поцеловать любимую девушку? Даже два раза, для верности!

* * *

Тут бы эта история и завершилась. Потому как у Армандо был с собой пистолет.

Да, так он и решил. Если что... шавку пристрелит, а Ида... Все равно она его будет!

А вот сейчас...

Когда он увидел, как светится счастьем лицо девушки!

Как она повисает на шее у какого-то престарелого урода (с точки зрения Армандо – именно так)!

Как они целуются...

Да кто ж из мужчин такое стерпит?! Горячая кровь вскипела, Армандо потянул из кармана пистолет... и заорал благим матом.

Кто сказал, что у собаки нет чувства юмора?

Вот если б Полкан Армандо прихватил за руку или за ногу, были бы проблемы. Опять же, так и отбиться можно, и выстрелить при случае...

Поэтому Полкан прихватил умника ровнехонько за центр тяжести. Да-да, именно там. И легонько так сжал зубки.

С намеком.

Армандо взвыл.

Константин оторвался от Иды, оглядел ламермурца, подошел и вытащил у него из кармана оружие. Охлопал, извлек еще и нож.

– Это что еще за фрукт?

– Ходит тут, надоедает порядочным девушкам, жить спокойно не дает, – радостно наябедничала Ида. Да Ураган и сам уже видел кольцо, лежащее на столе.

Нахмурился.

Взял его со стола и кивнул Армандо:

– Пошли поговорим.

Армандо расправил плечи.

Поговорим?

Ну, ты сам напросился, старик! Я бокс изучал, я на ринге могу шесть раундов простоять, я... я тебя сейчас под орех разделаю!

– Костя! – испугалась Ида.

Ураган подмигнул ей, и девушка успокоилась. Разница между Армандо и Ураганом была, как между декоративной собакой и Полканом. Тут не за Костю бояться надо.

Когда спустя десять минут Ураган вернулся в гостиную, костяшки пальцев на одной руке у него были самую чуточку сбиты. Не смог отказать себе в маленьком удовольствии...

Зато Армандо кольцо будет доставать еще дня два, если естественным путем. Костя таки запихнул предложение паршивца ему же в глотку.

Ида повисла у него на шее прямо с порога.

Княжна?

Не подобает?

Наплевать!!!

Здесь и сейчас она была до безумия счастлива. А вот жом Меншиков ее чувства не разделял. Он-то отлично знал, на ком виснет сейчас ее высочество.

– Жом Ураган?

Костя на секунду отвлекся от Иды.

– Жом Меншиков, какая приятная встреча. У меня для вас письмо.

– От кого?

– От ее императорского величества. Анны Первой. Или Яны Михеевой-Вороновой.

Купец аж рот открыл.

– Михеевой-Вороновой?

Ураган-то уехал еще до коронации. И не все новости пока дошли в Герцогства.

– А то ж! Император у нас тоже есть. Давайте я расскажу все по порядку...

Федор Михайлович распечатал письмо, пробежал несколько строчек, явно написанных Яной, и задумчиво кивнул.

– Расскажите, пожалуйста, жом.

Ураган поудобнее устроился на диване, притянул к себе поближе Иду, с другой стороны подкатился Гошка – и мужчина начал рассказ.

Слуги не подслушивают.

Слуги осведомляются. А потому жама Эльза раз шесть приносила и чайник, и перекусить, и дверь гостиной была как-то подозрительно приоткрыта... ну и пусть.

Костя рассказывал про Звенигород, про штурм, про то, как Яна убила Пламенного, про свадьбу...

Ида слушала, словно сказку. И она же подвела итог:

– Какая у меня сестра чудесная!

– Согласен, – кивнул Ураган. – А еще я у нее получил разрешение на наш брак.

Про шесть выстрелов он умолчал. А вот колечко из кармана тоже достал. Свое.

Белое золото, сапфиры, тоненький стебелек и цветок незабудки. Красиво.

– Ида, любимая, ты за меня замуж выйдешь?

– Да. И с Яной я договарюсь, – уверенно пообещала Ида, хотя внутренне и робела. Так, чуточку.

– Не надо, – рассмеялся Ураган. – Мы с ней уже договорились... Ты как относишься к должности инспектора?

– То есть?

– На мне будут детские дома. На тебе – больницы.

– И что мы с ними будем делать?

– Строить, комплектовать персоналом, проверять, контролировать... я тебя уверяю, дел будет много.

– А при дворе мы жить не будем? – уточнила Ида.

– Нет. Только если ты захочешь.

– Нет! – решительно сказала Ида. – То есть при дворе нет, а кольцо дай сюда! Я согласна! Когда мы поженимся?

Решительно надела цветок себе на палец и сама, первая, поцеловала Урагана.

– Гав, – сказал Полкан.

Его тоже все устраивало. Хозяин в доме быть должен! А то сколько можно?

Все Полкан да Полкан...

Пусть теперь этот человек отдувается. А Полкану и самому бы семью завести. Вы знаете, какая милая овчарочка живет на соседней улице?

* * *

Ровно через два дня вся компания выехала обратно в Русину.

Яна ждала сына домой.

Глава 14

На чашах качаются зло и добро

Маленькое, но необходимое отступление Свободные герцогства

Чего Станислав не ждал, так это что его остановит в коридоре жом Рукоцкий. Да с таким видом, словно ему на голову метеорит свалился, и напрямиком в темечко.

– Жом? – поинтересовался осторожно врач, раздумывая. – Лечить или пока послушать.

Рукоцкий посмотрел большими глазами – и развел руками, показывая, что есть вещи...

Вот есть такие вещи...

Вот есть...

– Ваша дама... уехала?

– Ида? Вчера заходила попрощаться, – кивнул Стас.

Да, заходила.

Под ручку с Константином. Пришла, поцеловала в щеку, словно брата, улыбнулась, поблагодарила. И за науку, и за помощь, и за все остальное.

Стас отпускал ее с грустью.

Чудесная девушка все же. Просто он-то для семьи не создан, вот и все дела. И правильно он сделал в свое время... симпатичных медсестричек на его век хватит.

– Понятно... жаль, ко мне не зашла.

– А что случилось-то?

– Да почти ничего. – Жом Рукоцкий развел руками – и протянул Станиславу письмо.

Почерк Иды.

«Дорогой мой друг!

Когда жом Рукоцкий передаст вам это письмо, меня уже не будет в Герцогствах.

Так и лучше.

Я считаю, что вы заслуживаете более серьезной благодарности, чем простое «спасибо».

Жом Рукоцкий – прекрасный администратор, а вы замечательный врач. Советую и впредь не разбивать этот тандем.

Всего вам самого лучшего, Станислав.

Будьте счастливы.

Ида».

– Не понял?

– А ты вот это просмотри! – Рукоцкий впихнул Стасу в руки несколько бумаг и отошел в сторонку.

Стас послушно принялся проглядывать.

Купчая.

Бумаги на банковский счет.

Еще кое-что...

Владельцем вот этой конкретной клиники теперь числились он – и жом Рукоцкий. Вдвоем.

А на счете в банке была более чем приличная сумма. Даже если они будут принимать больных исключительно бесплатно, этого на сто лет вперед хватит.

– Не понял? – повторно помотал головой Станислав.

– А чего тут непонятного? Клиника – наша. Мы совладельцы.

– Но... но как?! Кто?!

Тадеуш покачал головой. А потом разъяснил Стасу, словно маленькому:

– Ты бумаги-то читал, доктор?

– Да. А...

– А на подпись внимание обратил?

– Ну... Зинаида Петровна Воронова.

– Понятно. Не сообразил, – подвел итог Рукоцкий. – Чудушко безмозглое, медицинское, на троне Русины с недавних пор сидит Анна. Петровна. Воронова.

– А...

– А вот – портрет. И Анны, и ее семьи, никого не узнаешь?

Конечно, газеты – это так. Это гадость жуткая. Но узнать Иду все равно было можно. Только там она совсем молоденькая и со светлыми волосами...

– Это... это... – заело Станислава.

– Это Зинаида Петровна Воронова. Великая княжна Русины, – кивнул жом Рукоцкий. – И она у тебя чуть не год под началом работала.

Стас как стоял, так и сел посреди коридора. И сидел, пока его поднимали, тащили, ругались, дубовиком отпаивали...

Великая.

Княжна.

Вот... вот как такое бывает-то?! Как в это поверить?

Молча. Как оказалось – в жизни бывает и не такое.

А жом Рукоцкий тащил его и думал, что дома две дочери подрастают, а ведь когда клиника в одних руках, оно куда как лучше, и мужчина доктор неплохой, такой в семье пригодится, а что симпатичных девушек любит – кто их не любит?

Сыграть в свой карман он не решится, не так уж и далеко Русина, чтобы Станислав правды не нашел, а вот прибрать его в свою семью – это можно.

Это нужно.

И надо же, как бывает во времена перемен?

Забегая вперед: Иду он больше никогда не видел. Нечего ей было делать в Герцогствах. А вот деньги иногда на счет клиники приходили.

Станислав тоже Иду больше никогда не видел. И в Русину не ездил.

Женился, завел детей. Вроде бы даже был счастлив. А что уж там у человека в душе?

Душа – по другому ведомству. И с бухгалтерией не согласуется.

Лионесс

– Она выиграла.

Глаза у ее величества Элоизы были пустые и тоскливые. И у ее сына – тоже.

– Она выиграла, – тихо повторил Корхен.

– Короновалась, села на трон, вышла замуж, – перечислила ее величество. И не удержалась, сорвалась: – СУКА!!!

– Матушка, – Корхен был образцом почтительного сына, чему весьма способствовали переломы, – может, не стоит так-то...

Дама сверкнула глазами:

– Стоит, не стоит... ты не понимаешь?!

Корхен понимал.

Интрига была построена великолепно.

Если бы все удалось, если бы Русина действительно попала в руки освобожденных, они бы на долгие года получили свободу рук на континенте. Развлекайся – не хочу!

Опять же, от Русины можно было оторвать вкусные кусочки...

Освобожденцам много времени потребовалось бы, чтобы освоиться, чтобы набрать авторитет... а сейчас что?

Анна села на трон. И бразды правления она из рук не выпустит. Не стоит даже сомневаться – все сделает. Чего не умеет, тому научится. А еще в глазах всего мира ее династия... Михеевы-Вороновы? Да и плевать, она могла любую фамилию взять, главное, что династия не прерывается. Как была – так и осталась.

А что там было внутри Русины?

Кому какая разница? В доме у аристократа может происходить все, что желается аристократу. И никто не вправе туда заглядывать. Так-то.

Деньги придется вернуть.

Русину придется поддерживать.

Натравить на нее Борхум? Или Чилиан?

Лучше пока об этом не думать. И вообще дышать через раз. Потому как Дрейл прислал паническое письмо...

Все Анна знает.

И Вэлрайо у нее под надежной охраной.

А о дружбе с Лионессом, которую так практиковал Петер, доверяя приятелям все, вплоть до самой жизни, теперь и мечтать не стоит. Не убьют – уже спасибо.

Вот как тут не яриться? Как тут не рвать на клочья батистовый платочек? Когда девчонка, сопля, дрянь мелкая, изодрала на клочья все планы! Любимые, выстраданные, годами выношенные...

– Что мы можем сделать?

Элоиза качнула головой:

– Пока – ничего.

– Пока? – уловил его высочество.

– Да. Пока – да.

– Матушка, а потом?

Элоиза сверкнула глазами:

– А потом, дорогой сынок, будет потом. Через год-два, не спеша, попробуем поиграть. Многие откровения прокисают со временем, иные дорожки закрываются, да и люди смертны...

– Матушка, стоит ли?

– Стоит, сынок. Стоит.

– А благословение Хеллы?

– Не повод спускать все с рук мелкой дряни! – отрезала Элоиза.

Корхен качнул головой, но вслух ничего не сказал. Понятно же – матушка закусила удила. Теперь ее не остановить. А вот он бы пока не стал ни во что ввязываться. Понаблюдал бы, может, аккуратно урвал свое от Борхума, может, еще чего...

Переломы болели.

И кашель все еще мучил.

И... доходчиво у Хеллы получилось. До него дошло.

– Да – год-два, – повторила ее величество. И уставилась в окно.

Она еще не знала, что не проживет этих двух лет. Что сгорит от неведомой болезни.

Что Корхен, глядя на агонию маменьки, положит под сукно все ее планы и заречется злоумышлять против Анны Первой.

И будет прав.

Хелла отняла у Анны и Яны возможность убивать словом, но оставила свое благословение. А оно именно так и работало, заворачивая все зло, направленное на девушек.

Элоиза ненавидела – и погибла.

Корхен был умнее – и остался жив.

Но с Русиной впредь не связывался. И детям закажет. А те – внукам. Может, пройдет сто лет. Может, сто пятьдесят...

Лионесс еще себя покажет, ведь людскую алчность не переломить ничем. Но – не в этом поколении. Определенно, не в следующие полвека.

Яна не будет знать об этих причинах. Но результат ее вполне устроит.

– Жеванные мухоморы!!! Нет, ну жеванные мухоморы!!!

Тигр, которому донесли секретари, влетел в кабинет к супруге – и остановился на пороге.

Яна хохотала.

Буквально корчилась на столе, не обращая внимания ни на разлетевшиеся документы, ни на упавшую чернильницу, ни на...

Даже на свою беременность, которая стала уже заметна.

– Яна?!

Жена подняла на него совершенно шальные глаза, потом подхватила со стола какой-то лист бумаги и протянула мужу. И принялась хохотать дальше.

– Ох, не могу!!!

Тигр, которому, наверное, и до старости не избыть этого прозвища, перехватил лист, вчитался – и тоже принялся хохотать.

Вытащил из-за стола жену, перетянул к себе на колени, и смеялись они долго. Сидя на полу. Чтобы с комфортом.

Секретарь заглянул, понял, что это не психоз, это новости – и исчез.

Мало ли что могло рассмешить императорскую чету? Да что угодно, если так посмотреть...

А если посмотреть на лист бумаги...

Доктор Ромарио, а точнее, активно сотрудничающий с ним жом Меншиков, извещал ее величество о новом пациенте.

Пациентке.

Клиника, в которой применялись препараты на основе медведки, активно работала. И процент излечений у нее был высок. Яна, кстати говоря, нашла время, передала медикам все известные сведения по антибиотикам, а заодно по стрептоциду, который всяко было легче получить, чем пенициллин^[28].

Работы велись, велись и испытания, а людям с кровохарканьем, в общем-то, частенько было и все равно, чем их кормят. Лишь бы помогло.

И помогало.

Вот в эту клинику и обратилась жама Голубица. С просьбой принять ее на излечение.

Жом Тигр был счастлив. В свое время дама сбежала от его людей, да так ловко, что найти не было никаких шансов. А найти хотелось.

Зачем?

Да уж не о старых добрых временах побеседовать! Вы знаете, сколько денег Пламенный выгреб на заграничные счета? Вы не знаете...

А хватило бы там Русине на три года! Еще бы и на какой-нибудь Лионесс осталось.

Так что супруги отсмеялись – и переглянулись.

– Что делать будем? – поинтересовалась Яна.

– Лечить, – утвердил жом Тигр. – Лечить. А заодно допрашивать. Деньги Русины должны принадлежать Русине. Опять же, мы еще не избавились от угрозы голода...

Яна задумчиво кивнула.

Да, сильно помогли закупки, устроенные и Тигром и Меншиковым, но кто его знает, что там в следующем году будет? Русина сейчас – словно выздоравливающий от тяжелой болезни человек, и ей требуется усиленное питание и покой. А это – деньги, деньги и еще раз деньги. Только в масштабе страны.

– А если вылечим?

– Ну и что? Пусть живет. Я ей даже пенсию назначу, – махнул рукой Тигр. – К делам мужа она не причастна, карать не за что. Саму чуть не убили...

– Жаль, к делу ее не приставить.

– Почему же? Есть у меня одна идея...

Идею Яна выслушала со всем вниманием.

А спустя несколько недель жама Голубица, которую усиленно лечил доктор Ромарио, и, кстати, добивался определенных успехов, увидела на пороге своих комнат жома Урагана.

С душевной улыбкой.

И предложением.

Нет, не руки и сердца.

Жаме оставят жизнь. Оставят часть денег. И даже разрешат въезд в Русину. Но взамен – полная откровенность. А именно, пишите, дама, мемуары. О жизни жома Пламенного. И о своей тоже.

Когда-нибудь их издадут.

Вот такие, настоящие, без купюр... а до той поры все равно читать будут. Только ограниченный круг людей.

Нельзя строить будущее, не зная прошлого. И только так...

Стоит ли говорить, что жама согласилась? А в Русине Яна перевела дух. Можно еще пару лет поддерживать щадящий налоговый режим.

Можно закупить еще продовольствие.

Можно помочь тем, кого война лишила и крова и близких.

Можно...

Жить и работать. А остальное – приложится. А в плане личной мести Яна попросила предъявить жаме медведку. И объяснить, чем именно ее лечат. Но – недооценила Голубицу.

Чтобы вылечиться от кровохарканья, она бы медведку и живьем слопала! По кусочку. Кремень-женщина. Жаль, служить не будет. Но и не померла без пользы, а это приятно.

Жизнь продолжалась.

Эпилог

Пять лет спустя

Анна, Россия

– Поздравляю с близняшками!

Борис светился собственным светом, что та лампочка.

Кира, которая как раз была на практике в роддоме, – тоже.

Свою мечту девочка исполнила и училась в медицинском. Кардиохирургия была уже не за горами...

Анна тоже счастливо улыбалась.

Это для нее были уже не первые роды. Но детей хотелось.

Через год после свадьбы родился маленький Витя Савойский. Теперь вот...

– Маргоша и Глеб, – тихо произнесла она.

– Отличные имена, – согласился Боря. – Кира, брата приведешь?

Кира шкодно улыбалась. Ну да... Гошку сразу не пустили. Но протащить брата в роддом она смогла и тайно. Через хозблок.

Маленький Витя был с Розой Ильиничной, которая решительно переквалифицировалась из домоправительниц – в няни. И предвкушала возню с еще двумя малышами.

Анна тоже была довольна.

Вряд ли она решится родить еще... или через пару лет попробовать? Да, у них пятеро детей, ну так что же?

Кира скоро внуков принесет, красотка выросла – мужики в штабеля укладываются. И разведка доносит об одном симпатичном докторе, с которым она крутит роман.

Правда, Боря пока не знает. Но пусть девочка решает сама.

Гошка тоже подрастает, ему уже одиннадцать, через пять лет – взрослый мужчина. И профессию себе уже выбрал, и с удовольствием занимается математикой. Хочет быть компьютерщиком. Айтишником, как это сейчас называется. Нравится ему сам процесс. Писать программы, запускать, редактировать...

Витя пока никаких способностей не проявляет, но животные ему нравятся. И это замечательно.

– Мама!

Вытянувшийся и изрядно окрепший Гошка обнял Анну за шею.

– Радость моя! – Анна поцеловала сына.

– А домой скоро?

– Через два дня, наверное...

– Точно через два дня, – отмахнулась Кира, придерживая дверь платной палаты. А то еще войдет кто не ко времени...

Савойский считал, что его жена должна везде получать максимум комфорта. А уж палату ей оплатить...

Ерунда!

Анна и сама могла бы, но Борис настаивал. Наследство Ольги Цветаевой пришлось кстати: Боря основал для жены небольшой фонд. И Анна регулярно помогала кому-то из больных детей.

Документы, операции, финансирование...

Она справлялась.

Не афишировала деятельность фонда, но два десятка спасенных малышей на ее счету были. Много это или мало?

Да кто ж знает...

– Глеб, – тихо произнес Борис, касаясь пальцем ручки новорожденного. – Ох!

Хватка у малыша была железная.

А Анне вдруг послышался тихий, на грани слышимости, смех.

Тот самый...

За эти годы Хелла так и не давала о себе знать. Но Анна знала, богиня ее не оставит. И частенько благодарила ее.

За все.

А может, и правда?

Родить еще одного ребенка? Девочку?

И назвать – Еленой.

Елена, Хелен, Хелена...

Хелла поймет. А остальным – и знать не надо. И равновесие будет. Три мальчика и три девочки – в самый раз?

Точно!

И Анна улыбнулась своей семье.

Здесь и сейчас она была счастлива.

Яна, Русина

- Слышали, колокол звонит?
- А то ж!
- Анператрица, говорят, родила!
- Второго?
- Ага! Великого князя Глебом, говорят, назвали. Старшего – Михаил, младшего – Глеб...
- А ишо у анператрицы третий есть. Добрачный!
- Тот Георгий. Тоже мальчишка неплохой, все с анператором, да с анператором...
- И сестрица ейная, говорят, в тягости!
- Тора Ида! Милостивица наша... второго ждет!
- Ну, дай бог им здоровеньких деток, да побольше, побольше...

* * *

Яна этот разговор не слышала. Она сейчас лежала в своих покаях и кормила ребенка. Маленький Глеб пыхтел, сопел и пускал пузыри.

Тигр смотрел на это с откровенным умилением.

Здесь и сейчас все было чудесно. Вот лучше бы пожелать, а и некуда! Потому что все и так великолепно!

Конечно, проблем было море.

Конечно, работы было то же самое море.

Страна после гражданской войны напоминала то ли одеяло, сшитое гнилыми нитками, то ли тяжелобольного человека. Тигр просто не знал, за что сначала хвататься.

Хорошо еще, удалось договориться с тем же Лионессом.

Элоиза (помершая три года назад) хоть зубами и скрипела, но все вывезенное Петером вернула. И даже помогла закупить самое необходимое. По вполне адекватным ценам.

Его величество Корхен сейчас усиленно держал нейтралитет. Жить человеку хотелось. А что такое благословение Хеллы, он уже понял.

Борхум, опять же...

Чтобы восстановить плотину и вернуть Булгарь в нужный уровень, борхумцы тоже заплатили. Был заключен мир, были проведены границы, были торговые договора и поставки...

Яна усиленно изучала экономику, и это давало свои результаты.

Работать с бумагами отлично можно даже в кровати. Даже после родов. И казнокрадам от ее величества доставалось изрядно.

Почти четыре года назад у них родился маленький Миша.

Его императорское величество Сергей, которого по старой памяти все называли Тигром, был счастлив.

Гошку он любил.

И Яну.

Но и свой сын...

Вот в эту секунду он и понял, что за свою семью любого... Убьет? Да какое там! Зубами загрызет и отплевываться не будет!

Любовь?

Вот это она – и есть!

И семья. Большая...

Сам Тигр, Яна, Гошка, Потап, которого хоть и не усыновили, но даровали дворянство и титул. И мальчишка по уши увлекся морем...

Сейчас он служил на корабле и уверенно шел к своей мечте. Стать адмиралом!

Гошка мечтал стать финансистом и усиленно помогал маме в изучении экономики. Заодно тренировался на Алексеевке и брал уроки у тора Изюмского.

После войны Яна узнала, что у Ильи Алексеева остались жена и ребенок. И попросила жома Урагана разузнать, что и как. Может, помощь требуется? Все же свою вину она чувствовала. Она убила Илью Алексеева. Именно она.

По результатам расследования оказалось, что ребенок у Маргариты Алексеевой от кого угодно, но не от Ильи.

Яна пожала плечами, но решила не связываться. Вместо этого своей волей отторгла Алексеевку в казну, а потом пожаловала старшему сыну. Маргарите же даровала другое поместье. Может, и не стоило бы так, но...

Баба Надя, о которой Яне рассказал Гошка. Дед Ваня, который принял свой последний бой. И даже лесник...

Если бы Маргарита родила от Ильи, Яна не стала бы вмешиваться. Но если нет... пусть Алексеевка будет в руках Алексеева. А Маргарите назначили пенсию и даровали другое поместье. Довольны были все.

Ураган и Ида. Тоже ведь семья... Их ребенок... и второй, будущий.

Маленькие Мишка и Глеб...

И даже Валежный с его семейством. И Изюмский, который медленно, но уверенно становился картофельным магнатом, продвигая полезный овощ (повышающий потенцию) в массы.

И Ромашкин...

Вот последний пока еще семьей не обзавелся. Но кто его знает?

Яна действительно смогла приспособить диверсанта к делу. Знаешь, как убивать? Вот и охранять сумеешь!

Митя подергался, но вырваться не сумел и согласился. И вот уже пять лет служил отечеству верой и правдой. А ведь столица...

Двор...

Серьезно разгуляться торам Яна не дала, но кое-какие придворные все равно появлялись. И даже придворные дамы у нее были. Штук пять или шесть...

Были у Тигра подозрения, что поймают-таки Ромашкина. Куда он денется?

— Ида не звонила?

— Обещали скоро быть, — улыбнулся жене Тигр.

Константин и Ида за это время объездили всю Русину. Костя занимался детскими домами. Ида — больницами. И пара эта была популярна не меньше, чем императорская. Молились за них не меньше, это уж точно.

Тигр в претензии не был.

Ураган не давал казнокрадам сильно разгуляться на местах, да и вообще...

Семья.

А семья — это когда не только деньги общие, но и обязанности. И часть их он с удовольствием перевалил на чужие плечи. Проверял время от времени, но и радовался. И тому, что его доверие не обманывают, и тому, что хлопот меньше...

Тигр никому и никогда бы не признался, но пять лет назад ему было жутко страшно.

Когда коронация – это ерунда. Это пустяк.

А вот ночь в храме...

Яна с ним эту ночь провести не смогла. Развела руками и отправилась к себе. А Тигр остался.

Сидел в храме, думал...

О Яне. О том, что ему повезло с женой.

О том, что он счастлив.

Что будет тянуть Русину... сколько сил хватит, столько и будет.

Что благодарен Хелле. Если б не богиня, кто знает, чем бы все закончилось?

Сидел, думал, так и не заметил, как утро наступило. Проснулся носом на полу... и сам себе не поверил.

Уснул?

А потом поверил.

Когда посмотрел на свою правую руку.

Яна по-прежнему носила перстень отца.

Но и у Тигра был свой. Безумно похожий, с таким же черным камнем. И символ династии был такой же... та же печать.

Откуда он взялся?

Хелла.

Просто Хелла.

Династия Михеевых-Вороновых получила свое благословение. И прирастала потомками. Тигр посмотрел на жену, на малыша...

– Яна, а если мы через пару лет еще на малыша замахнемся?

– Года через три, – отозвалась жена.

К чему-то она сейчас серьезно прислушивалась. Словно бы... смеялся кто-то вдали? И рассыпался этот смех морозной зимней порошей...

– Да?

– И назовем ее Хеленой.

Что было на это ответить Тигру?

Только одно. Самое правильное.

– Как же я вас всех люблю!

Хелла смотрела в зеркала и улыбалась.

Умные девочки.

Благодарные.

Это приятно.

Хорошо, когда боги помогают людям. Но когда и люди помогают богам, это тоже правильно. Она спасла девочек, а те подарили ей силы жить. Силы расти, развиваться, и поток душ к ней идет. Хоть и не большой, но непрерывный.

А теперь еще и две ее жрицы родятся. И для одной из них душа уже есть.

Боги живут, пока их помнят. И Хелла знала: она будет жить.

И присмотрит за девочками. Обязательно.

Благословляю вас!

Правда, никто этого благословения не услышал. Но это и не требовалось.

Не все надо говорить вслух. Пусть оно просто – будет. Пусть они просто будут.

Будьте счастливы...

---

notes

Notes

Все названия глав взяты из стихотворения Юнны Мориц «Лето».
(Прим. авт.)

Взять на караул – отдать честь воинским ружейным приемом.
(Прим. авт.)

Данное средство автору описали очень давно. Четко сказали, что применялось оно ДО появления антибиотиков – раз. А сейчас его лучше применять ВМЕСТЕ с антибиотиками – это два. И да, ничего, кроме туберкулеза, медведка не лечит. Ни гангрену, ни рак, ни язву.
(Прим. авт.)

Фиби Энн Моузи – знаменитая женщина-стрелок. Феминистка и умница. *(Прим. авт.)*

Половина знакомых автора как раз к «понаехавшим туда» относится. Так что – на основании их историй. *(Прим. авт.)*

Англо-бурская война, доктор Гильотен родом из Франции и Первая мировая война. Крепость Осовец, Болимов и прочее. Хотя, справедливости ради, немцы тут слизали идею у французов, историк немного соврал Кире. Зато над ядерным оружием они начали работать первыми. *(Прим. авт.)*

Децимация – убийство каждого десятого. (*Прим. авт.*)

Прототип пана-атамана, Никифора Григорьева, приговорил лично
батька Махно. *(Прим. авт.)*

Луи Буссенар. Ледяной ад. (*Прим. авт.*)

17.07.1898 г. в ход была пущена 1-я очередь московской канализации. К системе подсоединили аж 219 домовладений. И пустили в ход главную насосную станцию. *(Прим. авт.)*

В Париже был случай. Вывозили. Перестали, когда горы нечистот достигли высоты стен и начали переваливаться обратно. Пришлось везти подальше. *(Прим. авт.)*

Имен не называю, а история из жизни. *(Прим. авт.)*

Когда Колиньи поздно вечером ехал из Лувра, из окна в адмирала выстрелил наемный убийца Франсуа де Лувье де Морвель. Пуля только ранила Колиньи в руку, и его отвезли домой, а убийца успел скрыться. *(Прим. авт.)*

Бранденбуры – двойные петли из шнура или позумента, позаимствованные из гусарской формы. *(Прим. авт.)*

Данное изречение придумано автором, аналогов в христианской тематике нет. *(Прим. авт.)*

Сказал сию фразу Фердинанд I, император (1558–1564) Священной Римской империи. Насчет идиотизма – кто ж его знает? Мог и по голове получить. ДО формулировки. (*Прим. авт.*)

В России до 1918 года. Победоносцев старался. Апостольские правила: «Блудницу, или рабыню, или позорищную не может быть епископ, или пресвитер, ни диакон, ниже вообще в списке священного чина». Позорищная – как раз актриса, увы. *(Прим. авт.)*

Лично видела. (*Прим. авт.*)

Кто не верит, посмотрите про Куцевскую битву. Там на танках от казачьей лавы удирали. *(Прим. авт.)*

Знакомый автора рассказывал, как в советские времена они такую дрезину мастерили из всего, что найдется на свалке. Силами детей, кое-как. Получилась жуть жуткая, но оно честно про-

«Давным-давно была война». Музыка А. Зацепина, слова

Песни военных лет. И сложенные теми, кто прошел войну.
Настоящие. *(Прим. авт.)*

В реальной истории без божественного вмешательства точно победили бы освободенцы. *(Прим. авт.)*

Бейдвинд – острый курс, когда яхта идет практически против ветра. (*Прим. авт.*)

Автор с ужасом узнала, что у этой позы есть красивое название «акимбо». А могла бы так и жизнь прожить и не сподобиться... (*Прим. авт.*)

Текст песни «Фабрика». *(Прим. авт.)*

Песня кармелиток из к/ф «Три мушкетера». Автор текста

Белый стрептоцид Сульфаниламид синтезировал впервые еще в 1908 г. П. Гельмо. (*Прим. авт.*)